ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

3

СЕНТЯБРЬ

1953

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

Содержание

ЧЖАО ШУ-ЛИ — В деревне Саньливань (*Роман*) 3

КРИШАН ЧАНДАР — Древо воды (*Рассказ*) 45

Три болгарские народные песни 54

СИЛЬВИЯ-МАДЖИ БОНФАНТИ — Сперанца (*Роман. Продолжение*) 56

ВЕРОНИКА ПОРУМБАКУ — Мой дар (*Стихи*) 94

ЭРНЕСТ ХЕМИНГУЭЙ — Старик и море (*Повесть*) . . . 95

РОЖЕ ВАЙЯН — Пьеретта Амабль (*Роман. Продолжение*) 137

УОЛТЕР ЛОУЭНФЕЛС — Сонеты любви и свободы (*Стихи*) 165

АЛЬФРЕД КОППАРД — „Во всем виноват Толстой" (*Рассказ*) 167

ЁКО ОТА — До каких пор? (*Рассказ*) 185

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

НИКОЛАУС ЛЕНАУ — Стихи 197

КРИТИКА

А. ЕЛИСТРАТОВА — Новаторство Г. Фаста 202

ЕКАТЕРИНА ЦОЙ — Творчество Ли Ги Ена 211

РЕЦЕНЗИИ

Л. НИКУЛИН — Новая встреча с Тагором 216

С. ШМЕРАЛЬ — „Битва" Вацлава Ржезача 217

З. ПОТАПОВА — „Метелло" — роман Васко Пратолини . . 220

С. РОЗАНОВА — Новое издание Келлермана 223

В. ЛИМАНОВСКАЯ — „Молодая кровь" 226

А. ЧИЧЕРИН — Популяризация творчества иностранных писателей 229

3

1955

СЕНТЯБРЬ

ВЛАДИМИР ПОЛЯНОВ — В Родопах *(Очерк)* 232

ПИСЬМА ИЗ-ЗА РУБЕЖА

ДЖ. БЕРНАЛ — Новые перспективы науки 242
АЛЕКСАНДР АБУШ — За единство немецкой культуры 245

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕМИЙ МИРА

Э. АРАБ-ОГЛЫ — Жозуэ де Кастро 250

ОБЗОРЫ И ДОКУМЕНТЫ

И. САМОЙЛОВ — По страницам журнала „Прит-Лари" . . 253

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМ

ГОВАРД ФАСТ — Графика Эдварда Бибермана 258

СРЕДИ КНИГ 262

Т. АЛЕКСАНДРОВ. Повести писателя-революционера. — В. ДРУЖИНИН „Воды Оравы". — В. ЗЛЫДНЕВ. Новое издание Л. Каравелова. — Ю. ГАВРИЛОВ. Собрание сочинений Иржи Волькера. — В. ФЕДОРОВ. Книга о „Юманите". — М. ВАКСМАХЕР. Письма Ромена Роллана к матери. — Н. МИЛОВИДОВА. 250-я тысяча. — В. ДЕВЕКИН. Найденный путь. — В. ЛЕГЕНТОВ. Роман о турецкой деревне.

ИЗ МЕСЯЦА В МЕСЯЦ (ХРОНИКА) . . . 268

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ 288

Чжао Шу-ли

В деревне Саньливань

РОМАН

Перевод с китайского В. Смирнова и А. Тишкова

О ДОМЕ С ФЛАГШТОКАМИ

В юго-восточном конце деревни Саньливань стоит дом с двумя двориками — один позади другого. Его называют «дом с флагштоками».

«Флагштоков» теперь осталось немного, и вполне возможно, что некоторым молодым людям не случалось их видеть. Штука эта, коль зашла о ней речь, очень простая: четыре каменные тумбы, по две с каждой стороны главного входа, между тумбами воткнуты высокие шесты, они и называются «флагштоками», хотя на самом деле на них никакие флаги не вывешивались, они нужны были при феодальном режиме, чтобы придать больше важности помещикам. Однако и в те времена не каждая помещичья семья могла по своему желанию водрузить флагшток, он мог возвышаться только у домов людей знатных, сдавших в столице экзамен на третью ученую степень.

Одним из таких знатных людей в деревне Саньливань был предок семьи Лю, но когда он сдавал экзамены — никто не помнит. Кое-кто слышал, как предатель Лю Лао-у говорил, будто из родословной семьи Лю видно, что этого высокого звания был удостоен одиннадцатый его предок; однако, кроме самого Лю Лао-у, никто из его домочадцев не видывал этой родословной. Потом Лю Лао-у, ставший при японцах начальником «комитета по охране порядка», был арестован народным правительством, судим и расстрелян; об этом предателе люди вспоминают без особой охоты. Старик Ван Син, которому уже идет седьмой десяток, говорит, что от своего деда слышал, будто половина улицы, на которой стоит дом с флагштоками, и самый дом принадлежали одной семье, что все люди в этой семье были очень важные; теперь же, кроме обычной надписи над входом — «Дом ученого мужа», на которую имели право выдержавшие экзамен на третью ученую степень, да каменных тумб, между которыми укреплены флагштоки, нет ничего, что могло бы подтвердить былое величие семьи Лю.

Дом с флагштоками — лучший дом в деревне Саньливань. До войны с японцами в деревне было несколько почти таких же хороших домов, но все они, к сожалению, сгорели во время карательных набегов японских войск; и только дом с флагштоками уцелел — японцы не сожгли его, потому что во время набегов сами жили в нем. В 1942 году, после того как Лю Лао-у был расстрелян, уездное правительство разрешило конфисковать этот дом, и с тех пор он служит для общих нужд деревни; в его двух дворах расположились военный комитет, начальная школа, вечерняя школа для крестьян, читальня, клуб, кооператив, и лишь в двухэтажном строении заднего двора живет одна семья. И муж и жена —

старые коммунисты — работают в другом районе и годами не возвращаются домой, а здесь живет только старушка-мать, которой далеко за шестьдесят. Из-за ее преклонного возраста, да еще потому, что она живет на заднем дворе, молодежь называет ее «бабкой с заднего двора».

Саньливань — деревня образцовая: основные преобразования проведены давно, активистов много — люди все энергичные и многоопытные. Уездное начальство, получив какое-нибудь новое важное задание, прежде всего осуществляло его в виде опыта в деревне Саньливань; борьба с предателями, снижение арендной платы и ссудного процента, земельная реформа, бригады взаимопомощи, а в 1951 году первые опыты с сельскохозяйственными кооперативами — все это сначала проводилось в Саньливани. И многие ответственные товарищи, прежде чем браться за какую-либо новую работу, приезжали в образцовую деревню поучиться, перенять опыт; поэтому здесь постоянно находилось несколько приезжих. И так как у бабки с заднего двора было не только свободное помещение, но и добрый нрав, то местные работники направляли всех приезжих прямо к ней, как в гостиницу.

За последние несколько лет в использовании дома с флагштоками произошли некоторые перемены: после освобождения всей страны сборы ополченцев стали реже, и помещение в первом дворе, занимаемое военным комитетом, постоянно пустовало, а в 1951 году в деревне был организован сельскохозяйственный кооператив, и в этом помещении стали созывать собрания, производить расчеты — словом, оно превратилось как бы в контору кооператива. Однако когда наступала пора уборки летнего или осеннего урожая, то приходилось собирать по очереди часть ополченцев — охранять поля и зерно на токах; именно в эти дни в кооперативе была самая горячка с распределением доходов, и из-за помещения частенько вспыхивали споры; к счастью, в вечерней школе летом и осенью во время уборки урожая бывают каникулы, и ополченцев временно отправляли жить напротив — в помещение школы. В 1952 году повсеместно развернулась борьба за ликвидацию неграмотности; уездный отдел народного образования спешил закончить эту работу и, перестаравшись, запретил прерывать занятия в школе во время уборки урожая. Снова всплыл вопрос о помещении, однако, посовещавшись, порешили на том, что занятия — только один урок — будут проводиться после ужина, а потом помещение поступает в распоряжение ополченцев.

1. КАНИКУЛЫ

Первого сентября Ван Юй-мэй, сестра секретаря местного партийного комитета Ван Цзинь-шэна, только-только поужинав, пришла на занятия в помещение, которое находилось в западной части двора. Юй-мэй — примерный член союза молодежи и активистка. Она пришла рано, никого еще нет, даже лампа не горит, темно. Но девушка каждый день приходит раньше всех, и комната ей хорошо знакома — она знает, что ополченцы сдвинули столы к правой стене: они спят на них. Она знает, что деревянные скамейки стоят у противоположной стены, оставляя свободным проход от двери к окну. Знает, что керосиновая лампа и спички — на подоконнике. По памяти, не натолкнувшись ни на скамейку, ни на стол, она благополучно добирается до окна, кладет учебники, зажигает лампу и начинает расставлять столы и скамейки. Она сильная, движения у нее быстрые; легко подняв один стол, она переносит его, ставит на место и бежит за другим. Вдруг за открытой дверью раздается голос:

— Гимнастика — дело полезное!

Ей не надо оглядываться, чтобы узнать, чей это голос.

— Ты бы лучше помог, чем напускать на себя важность и разговаривать тоном учителя, — отвечает она.

В дверях стоит юноша с коротко остриженными волосами, одетый в синюю куртку; это — Ма Ю-и, четвертый сын Ма До-шоу, прозванного в деревне «Бестолочью»; он преподаватель второй группы в школе ликвидации неграмотности. В деревне два учителя, обучающих неграмотных: Ма Ю-и и девушка по имени Фань Лин-чжи, дочь деревенского старосты Фань Дэн-гао; они учились вместе, но девушка уже закончила среднюю школу, а Ма Ю-и еще нет. Поэтому Ма Ю-и ведет занятия в младшей группе, Фань Лин-чжи — в старшей. Ма Ю-и охотно встречается с Лин-чжи, охотно встречается и с Юй-мэй, и так как из его группы еще никого нет, он воспользовался случаем и заглянул в комнату первой группы. Юй-мэй просит, чтобы он помог ей расставить столы и лавки, он входит в комнату и помогает. Он замечает, что Юй-мэй, подняв стол или скамейку, движется очень осторожно, боится расшибить ему голову.

— Чего ты здесь торчишь,— говорит Юй-мэй,— ведь я не Лин-чжи!

Столы и скамейки расставлены, и Юй-мэй начинает вытирать доску. Ю-и делать нечего, он прохаживается взад и вперед около окна. На обложке учебника Юй-мэй, освещенного лампой, он видит ее имя, написанное вкривь и вкось.

— Юй-мэй, — говорит он, — ты во сне, что ли, писала иероглиф «мэй»?

— Вот уж не думала, что этот иероглиф окажется таким трудным!— говорит Юй-мэй. — В полном виде его напиши или сокращенном — все равно противно смотреть.

На чисто вытертой доске она начинает выводить иероглиф «мэй».

— Посмотри, вот он в полном написании. — Появляется иероглиф в его полном написании.

— А вот он в сокращенном виде. — Тот же иероглиф появляется в сокращенном написании.

— Неверно, — говорит Ю-и. — Давай я тебя научу!

Он подбегает к Юй-мэй и начинает водить ее рукой по доске; конечно, иероглиф получается лучше.

— И почему у тебя такое трудное для написания имя?—говорит Ю-и.

— Мое? — удивляется Юй-мэй. — Иероглиф «и» в твоем имени куда труднее написать, чем мой «мэй».

— Напиши-ка его, я посмотрю!

Юй-мэй долго водит мелом, и появляется иероглиф «и», он в два раза выше только что написанного иероглифа «мэй». Ю-и смеется, потом говорит:

— Почему же он получился у тебя таким высоким?

— А ты разве не высокий?

— Высокий-то высокий, да у тебя получилась какая-то медведка! Дай-ка я тебя еще поучу.

Он опять берет Юй-мэй за руку, вдруг за их спиной раздается женский голос:

— Вот оно что! А я-то удивляюсь, почему это Юй-мэй так быстро выучилась писать!

Узнав голос Лин-чжи, Ю-и выпускает руку Юй-мэй; Юй-мэй хватает щетку и торопливо стирает с доски похожий на медведку иероглиф. Но Лин-чжи успела заметить, что иероглифы «мэй» и «и» стоят рядом; рассмеявшись, она говорит:

— Зачем же ты стерла? Два имени рядом, это интересно!

— Что ж тут такого?— говорит Юй-мэй,— просто два иероглифа

рядом. А по-моему, куда интереснее то, что вы вместе учились в школе, вместе стали учителями, работаете в одной бригаде.

Лин-чжи хочет что-то ответить, но за дверью слышен топот ног, входят несколько учащихся, и разговор обрывается.

Страдная пора — всегда страдная пора: из первой группы, и то с большим опозданием, явились только пять человек, а из второй — четыре. Когда наскучило ждать в комнате, все вышли к каменным тумбам у главного входа. Немного погодя пришел еще один ученик. Это двоюродный брат Юй-мэй, еще не женатый, имя его Ван Мань-си, а прозвище «Ветер», потому что нрав у него подобен ветру — не так-то легко угадать, куда он повернет.

— Я пришел отпроситься, — говорит Мань-си.

— А что? Еще не ужинал? — спрашивает Ю-и.

— Дело не в еде, а в беде, и такая беда, что и еда на ум нейдет.

— А что случилось?

— Я сегодня дежурный по деревне. Из области приехал начальник отдела товарищ Хэ; поужинать я его устроил, а жилья ему еще не нашел.

— А у бабки с заднего двора? — спрашивает Юй-мэй.

— Уже полно, — говорит Мань-си: — партия ирригаторов, товарищ Лю из уездного комитета, заместитель начальника района Чжан, художник Лян, члены комиссии по определению урожайности, еще какие-то инспекторы из отдела здравоохранения, из страхового общества — все у нее! Где же его поселить? Обежал несколько раз всю деревню, со всеми, у кого было свободное место, говорил, но теперь, во время уборки, все свободные помещения чем-нибудь завалены.

— Плохо искал, — говорит Юй-мэй. — Я знаю, у кого пустует комната.

— У кого?

— Как у кого? Да в доме Ю-и! Ты ходил туда?

— К Ю-и? — говорит Мань-си. — Пусть Ю-и не обижается, но идти к его матери — значит нарваться на неприятность!

— Ю-и, — говорит Юй-мэй, — ты бы помог! Сходи домой, поговори.

— Это ни к чему, — говорит Ю-и. — Разве ты не знаешь, какой характерец у моей матери?

— И это говорит член союза молодежи! — замечает Лин-чжи.

— Пошлите его, пошлите! — говорит один из юношей. — Мать не даст ему и трех слов вымолвить, да еще и обругает.

Юй-мэй, подумав, говорит:

— Есть выход! Мань-си, сходи к родителям моей невестки, у них восточная комната...

— Нечего и ходить, — говорит Мань-си. — Восточная комната у них завалена сухими бобовыми стручками, баклажанами, листьями табака, просом, горохом — ступить некуда!

— Подожди, не спеши, — говорит Юй-мэй. — Разговор о комнате — только предлог, нужно, чтобы жена Тянь-чэна пошла вместо тебя к матери Ю-и! Со стариком Тянь-чэном ты не говори, а его жену вызови на минутку и с унылым видом скажи: мол, приехал товарищ из областного суда по какому-то делу, жить ему негде, вот ты и думал, не пустит ли она его к себе. Если она не будет соглашаться, то ты попроси ее сходить к матери Ю-и узнать, не пустит ли она постояльца; ручаюсь — она с готовностью пойдет вместо тебя. Потому что...

Мань-си, не дожидаясь, что она скажет дальше, перебивает:

— Понял! Это подходяще! Если только Ю-и не предупредит свою мать.

— Я-то не скажу, но она все равно потом узнает, — говорит Ю-и.

— Лишь бы устроить, а там пусть ругается, брань на вороту не виснет! — говорит Мань-си уходя.

Страдная пора — всегда страдная пора... Собравшиеся ждали долго, но девять человек — это всего только девять человек. Мань-си хоть пришел отпроситься, а другие даже не отпрашивались — просто не пришли.

—В уезде кое-чего не учли — только учителям запрещается прерывать занятия, а о том не подумали, что ученики могут сами устроить каникулы преподавателям, — говорит один из юношей. В это время послышались шаги.

— Идут, идут! — говорит Юй-мэй.

Из-за угла выходят несколько человек и останавливаются у ворот. Впереди — секретарь местной партийной организации, он же заместитель председателя сельскохозяйственного кооператива Ван Цзинь-шэн, за ним — заместитель старосты Чжан Юн-цин, член правления кооператива Вэй Чжань-куй, председатель кооператива Чжан Юэ-и, его заместительница Цинь Сяо-фын — все местное и кооперативное начальство — и ни одного ученика.

— Ждать больше нечего, занятий, видно, не будет. Пошли по домам! — говорит Лин-чжи.

Все расходятся; среди учащихся — двое ополченцев, они возвращаются в помещение и опять сдвигают недавно расставленные столы.

— Нельзя ли на несколько дней прервать занятия? — спрашивает Лин-чжи, обращаясь к заместителю старосты Чжан Юн-цину.

— Если никто не приходит, разве это не все равно, что каникулы?— говорит Чжан Юн-цин.

2. ВАН БАО-ЦЮАНЬ — МАСТЕР НА ВСЕ РУКИ

Юй-мэй покидает дом с флагштоками и отправляется домой; пройдя улицу и поднявшись в гору, она добирается до ворот своего дома. Дом состоит из четырех отдельных помещений, вырытых в западном склоне горы; ворота выходят на восток, двор прямоугольной формы, вытянутый с севера на юг. Из четырех помещений крайнее с юга называется «южным», в нем живут Юй-шэн и его жена Юань Сяо-цзюнь; во втором «среднем» живет Цзинь-шэн с женой и тремя детьми; в третьем, «северном», живут их родители; в четвертом — Юй-мэй.

Подойдя к воротам и услышав звон железа, Юй-мэй подумала, что отец с братом что-то куют; она миновала ворота, увидела, что в кухонном окне мерцает огонек: ну, конечно, куют, надо зайти поглядеть, в чем дело. В кухне пятеро; с отцом работает вовсе не брат, а дядя Ван Шэнь, остальные трое — детишки ее старшего брата: девочка семи лет Цин-мяо, пятилетний Ли-мин и трехлетний Да-шэн.

Оба старика — способнейшие люди в деревне Саньливань. Ван Бао-цюаня, отца Юй-мэй, прозвали «Мастером на все руки»; в молодые годы он работал у Лю Лао-у и тогда научился погонять ослов, садовничать. У него не было своего ремесла, но столярную, слесарную работу, работу каменщика и многое другое он выполнял достаточно умело. Ван Шэнь — человек смекалистый, почти такой же, как Ван Бао-цюань; семья его всегда была середняцкая — пятнадцать му земли обрабатывались двумя поколениями, ничего не прикупали, но и не продавали, и по сей день эти пятнадцать му принадлежат его семье. Ван Шэнь привык работать в одиночку и работал хорошо, в компании же он работать не любил; когда приходилось туговато, он на некоторое время нанимался в батраки. Исправляя работу других, он всегда приговаривал «негоже, негоже», почему его и прозвали «Негоже». Как работника он уважал в деревне Саньливань одного лишь Ван Бао-цюаня, и тот, в свою очередь, ценил Ван

Шэня. Поэтому, когда какая-нибудь работа требовала особого искусства, они делали ее вместе.

Оба любили хороший инструмент. Ван Бао-цюань — «Мастер на все руки» часто говорил: «Худой инструмент только на то и годится, чтобы его выкинуть». Ван Шэнь, когда ему приходилось работать чужим инструментом, тоже приговаривал: «негоже, негоже». Принимаясь за какую-нибудь работу, они не всегда имели под рукой необходимый инструмент, но в таких случаях они что-нибудь придумывали и находили выход из положения. В этот раз у «Мастера на все руки» роль кузнечных орудий выполняли четыре предмета: кухонные мехи были приспособлены под кузнечные; старый железный котел, замазанный кое-где глиной, превратился в горн; наковальней служила большая плоская гиря, врезанная в пень; вместо молота пришлось обойтись обухом топора. Эти, казалось бы, неподходящие предметы неплохо выполняли свое назначение.

Увидев, что они возятся с зубилами, Юй-мэй спрашивает, что они собираются ими делать.

— Будем подтесывать каток *,— отвечает отец.

— А зачем каток надо подтесывать?— спрашивает Юй-мэй.

— Потому что маловат,— насмешливо говорит старик Ван Шэнь.

— Значит, чем больше его подтесывать, тем больше он становится?

— А ты спроси у своего отца!

— Папа, значит, чем больше его подтесывать, тем больше он становится? — спрашивает Юй-мэй.

— Как бы не так,— говорит отец,— дядя тебе не все сказал. Маловат круг, по которому ходит мул. Теперь у нас кооператив, маленький ток сделали большим, а каток затесан, как и прежде, и ходить он может только по малому кругу; а на большом кругу гостромка натирает правую заднюю ногу мула, поэтому-то и надо подтесать.

— Как же, подтесывая каток, можно увеличить круг?— снова спрашивает Юй-мэй.

— Глупая,— говорит старик Бао-цюань,— если внешний конец подтесать, круг увеличится.

— Вот в чем дело,— улыбается Юй-мэй.

— Кто только научил вас устроить кооператив?— посмеиваясь говорит старик Ван Шэнь,— не было бы его, разве пришлось с этим возиться?

— Кооператив устроен для того, чтобы получать больше зерна! — говорит Юй-мэй.— А почему ты, дядюшка, не вступил в кооператив? Разве ты не хочешь получать зерна побольше?

— Твой дядюшка каждый год обмеряет свое поле. Он все боится, что кто-нибудь по ошибке засеет клочок его земли,— говорит старик Бао-цюань.

— Верно говоришь, брат, — поддакнул старик Ван Шэнь. — Нам с тобой, ну и еще с твоим сыном Юй-шэном, работать вместе можно; а с другими я и в самом деле не хочу связываться.

— А почему же ты разрешил своему сыну вступить в бригаду взаимопомощи?— спрашивает Юй-мэй.

— Я выделил ему пять му, что на берегу, и пусть делает что хочет; остальные же десять му, которые повыше, я ему не отдам,— говорит старик Ван Шэнь.

— Значит, ты произвел в семье раздел?— спрашивает Юй-мэй.

— Они разделили только землю, а зерно общее,— говорит старик Бао-цюань.— Твоему дяде кажется, что его сын плохо работает, но когда он привозит зерно, все сомнения рассеиваются!

---

* Речь идет о каменном катке, употребляемом для молотьбы. — *Прим. автора.*

— Разве зерно нужно мне одному?— возражает старик Ван Шэнь.— Разве он ест в другом месте?..

Видя, что препирательствам стариков не будет конца, Юй-мэй спрашивает у отца:

— А куда ушел брат? Почему он вам не помогает?

— Твой отец стал кузнецом, а брат у себя плотничает,— отвечает старик Ван Шэнь.

— А что он там мастерит?— спрашивает Юй-мэй.

— Каток, — говорит старик Ван Шэнь.

— Как же плотник может делать каток?

— Деревянный каток! В вашем кооперативе есть такие чудеса!

— Папа, это правда?— спрашивает Юй-мэй.

Отец смеется.

— Он опять за свое, твой дядюшка! Ведь опять тебе не досказал! Он делает...

— Пока мы тут зря болтаем, он расплавится!— старик Ван Шэнь показывает на стержень в горне.

Старик Бао-цюань прерывает рассказ о деревянном катке, останавливает мехи, берет топор и клещами, которые он держал в левой руке, достает раскаленное зубило. Юй-мэй видит, что разговор не возобновится, и говорит:

— Пойду к нему сама посмотрю!

Она поворачивается, чтобы уйти, но тут старик Бао-цюань вытаскивает зубило, на котором вспыхивают белые огоньки, кладет его на наковальню и начинает выравнивать легкими ударами обуха. Хоть ударяет он и не сильно, но от раскаленного металла дождем сыплются искры. Одна искра попадает на ногу трехлетнему Да-шэну, тот начинает плакать. Оба старика бросают работу, чтобы успокоить ребенка, и Юй-мэй тоже помогает искать обожженное место.

— Дурачок! Кто же пустил тебя голышом в кузницу?— говорит старик Ван Шэнь, поднимая мальчика.

Старик Бао-цюань, обнаружив на ножке мальчика только маленькое красное пятнышко — сущий пустяк,— говорит Юй-мэй:

— Отнеси его к матери!

Юй-мэй берет Да-шэна на руки и собирается уходить, но тут вбегает жена Цзинь-шэна. Она забирает ребенка у Юй-мэй и спрашивает:

— Где ожог?

— Не беспокойся, на ножке, чуть-чуть! Сейчас залепим пластырем,— говорит Юй-мэй.

Они уходят в среднюю комнату, чтобы залепить обожженное место пластырем.

3. НЕПОНЯТНЫЕ ЗАПИСИ

В средней комнате два окна; под тем, что выходит на север,— большой кан. Жена Цзинь-шэна кладет плачущего ребенка на кан и уходит за пластырем. Юй-мэй, размахивая учебником, старается развлечь Да-шэна. Да-шэн очень подвижный человечек; он перестает плакать и начинает бегать по кану. Приходит жена Цзинь-шэна с пластырем, но малыш стоит, прижавшись к стене, и не хочет двигаться с места.

— Смотри, какой забавный голыш,— говорит Юй-мэй.

— Будь на нем рубашка, не обжегся бы,— говорит жена Цзинь-шэна.— Ведь приготовила ему рубашку, а он не надел! Как закапризничает — не дает себя одевать!

— Какую красивую рубашку на него ни надень, а голенькая попка все же лучше! Иди скорей сюда, залепим тебе ожог пластырем.

Да-шэн не идет. Юй-мэй берет с подоконника тетрадку в красной обложке и говорит:

— Смотри, какая у меня красная книжка!

Да-шэн, увидев новую вещь, подбегает.

— Это не игрушка,— говорит жена Цзинь-шэна Юй-мэй.— Твой брат рассердится.

Но тетрадка уже в проворных руках Да-шэна. Юй-мэй, взобравшись на кан, ловит его.

— Не надо играть этим,— говорит она.— Тетя даст тебе хорошую игрушку!

Она достает из кармана наперсток, надевает на карандаш и, потряхивая, протягивает малышу, он бросает тетрадку. Из нее вылетает листок. Жена Цзинь-шэна ловит сына и залепляет ожог пластырем, Юй-мэй поднимает выпавший лист, чтобы вложить его обратно в тетрадь, но, взглянув на него, замечает странные иероглифы и невольно присматривается к ним.

Большая часть иероглифов на листе обведена кружками, и только десять иероглифов нижней строчки не обведены. Юй-мэй читает их один за другим вслух:

— Льгота, большая, хорошая, экспл., разбив., обществ., скот. Недост. покрыт., совм.

— Твой брат иногда занимается непонятными вещами!— говорит жена Цзинь-шэна.— Почему самцы плохо покрывают самок? Ни одной головы приплода. Давай-ка посчитаем, сколько у нас в кооперативе самцов и самок: Серый — самец, Серебряное Копыто — тоже самец...— говорит Юй-мэй.

— Ты сдурела?— смеется жена Цзинь-шэна,— чего же ты считаешь мулов?

— И правда, сдурела!— смеется Юй-мэй.— Мулов спаривай, не спаривай — толку мало, давай считать ослов! Председательская Черная — ослица, Птичий Клюв Сяо-саня...— Занятая подсчетом ослов, Юй-мэй не слышит шагов за дверью и замечает приход брата, только когда он появляется в комнате.

— Собрание кончилось?— спрашивает жена Цзинь-шэна.

— Еще не начиналось!

Видя в руках Юй-мэй свою записную книжку, он показывает на нее и говорит:

— Вот за этим-то я и вернулся.

Юй-мэй протягивает Цзинь-шэну выпавший листок и спрашивает:

— Брат, что ты здесь написал? Я ничего не понимаю.

— Это все наши деревенские и кооперативные дела, я записываю их сокращенно, и, кроме меня, тут никто ничего не поймет,— говорит Цзинь-шэн.

— А почему кое-что обведено кружком?— спрашивает Юй-мэй.

— Если с делом покончено, я обвожу кружком,— говорит Цзинь-шэн.

— Значит, в нижней строке еще не разрешенные дела?— говорит Юй-мэй.— А что значит «льгота, большая, хорошая, экспл., разбив.»?

— Это все сразу не объяснишь. Давай скорей! Спешу на собрание,— говорит брат.

— А ты и не объясняй подробно, а скажи в двух словах, что это значит,— говорит Юй-мэй.

— Тебе это незачем,— отвечает Цзинь-шэн.

Цзинь-шэн отказался объяснять не потому, что ему было лень, а потому, что действительно не легко растолковать смысл этих нескольких иероглифов. С самого начала в сельскохозяйственном кооперативе деревни Саньливань дела шли неважно — едоков было много, земли мало,

и земля была плохая. Цзинь-шэн, обсуждая с несколькими ответственными товарищами причины этого, написал пять иероглифов — «льгота, большая, хорошая, экспл., разбив.». Первые четыре иероглифа означали четыре категории дворов. «Льгота» — семьи, получившие во время земельной реформы льготы. «Большая» — семьи с большим количеством едоков. «Хорошая» — семьи, владевшие особенно хорошей землей. «Экспл.» — дворы, где еще пользовались наемным трудом. Первая категория дворов зажила новой жизнью; во второй, третьей и четвертой категориях есть и такие, что тоже начали жить по-новому, но остались и середняки старого закала; для всех этих трех категорий характерно одно — полное равнодушие к сельскохозяйственному кооперативу: многие еще не вступили в него, а те, что вступили, активности не проявляли. Поскольку семьи с большим количеством земли или с хорошей землей в кооперативе редкость, то и получилось, что людей в нем оказалось много, а земли мало, да и та плохая. Правда, семьи, не желающие вступать в кооператив, все же состоят в постоянных бригадах взаимопомощи, а некоторые члены этих семейств даже работают бригадирами. Кое-кто из них, боясь прослыть отсталыми из-за того, что они не вступают в кооператив, уговаривают крестьян в своих бригадах тоже не вступать. Как покончить с таким положением? Среди коммунистов мнения разделились: одна точка зрения — стараться вовлечь в кооператив передовых членов бригад взаимопомощи, чтобы ослабить влияние более состоятельных семей, и тогда и этим семьям самим придется призадуматься; если же у многосемейных из-за вступления в кооператив начнутся нелады, то лучше всего уговорить их разделиться, не допускать, чтобы передовые шли на поводу у отсталых. Вторая точка зрения — крепко руководить бригадами взаимопомощи, и когда какая-нибудь бригада добьется определенных успехов и захочет вступить в кооператив, пусть вступает коллективно; кто не захочет вступать в кооператив и выйдет из бригады, тех объединят в новые бригады или пусть работают в одиночку; если же всех активистов сосредоточить в кооперативе, то производством вне кооператива некому будет руководить; что же касается «больших» дворов, где вступление в кооператив может привести к расколу семьи, лучше всего в таких случаях уговаривать людей не делиться, не давать повода говорить, что кооператив разбивает семьи. Эти две точки зрения прямо противоположны: проведение в жизнь первой из них разобьет бригады, разобьет семьи, проведение же второй не вызовет таких последствий. Цзинь-шэн сначала было почти согласился с первым мнением, но, выслушав второе, понял, что и в нем есть здравый смысл; сразу трудно сообразить, что лучше — разбивать или не разбивать, поэтому только и записано «разбив.», чтобы потом снова вернуться к этому вопросу. Вот таким образом очутились рядом эти пять иероглифов — «льгота, большая, хорошая, экспл., разбив.», и это, конечно, в двух-трех словах не растолкуешь. К тому же и говорить об этом с Юй-мэй не к чему. Потому Цзинь-шэн и не захотел объяснять.

Юй-мэй видит, что брат не склонен разговаривать, и, не желая приставать к нему с вопросами, отдает ему тетрадку и листок. Цзинь-шэн поворачивается к двери, но жена, смеясь, говорит ему:

— Юй-мэй сказала, что там еще написано что-то про «обществ. скот, недост., покрыт. совм.». Что это значит? Разве самки плохо покрываются?

— Нет,— говорит Цзинь-шэн,— кто написал «обществ. скот., недост., покрыт. совм.»?

— Посмотри-ка на свой листок,— говорит Юй-мэй,— разве там не написано?

Цзинь-шэн вынимает из тетрадки только что положенный туда листок, смотрит и смеется.

— Нельзя же эти иероглифы читать подряд, как одну фразу,— говорит он;— «обществ.» — это вопрос об общественном накоплении, «скот.» — о поступлении в кооператив скотины от новых членов, «недост.» и «покрыт.» означает недостаточную выплату — «покрытие» долгов кооперативом, «совм.» — имеется в виду совместное участие членов кооператива и тех, кто еще не вступил в кооператив, в строительстве канала. Выдумала тоже — «самцы» и «самки»!

Все трое хохочут. Даже трехлетний Да-шэн, ничего не понимая, смеется. Отец уходит со своей тетрадкой.

После ухода брата Юй-мэй спрашивает:

— Дядя сказал, что брат делает деревянный каток. Это правда?

— Деревянные колеса,— говорит жена Цзинь-шэна;— не знаю, зачем они им нужны.

— А я знаю!— говорит Да-шэн.— Круглые, большие!— он показывает ручонками, какие они круглые и большие.— Крутятся — ту-ту-ту...

— Как крутятся?— говорит Юй-мэй.— Я пойду посмотрю.

Она уже хочет идти, но Да-шэн кричит:

— И я! И я!— Он подползает к краю кана и, выставив голую попку, слезает на пол. Мать берет его на руки.

— Тебе пора спать! Что ты — колеса не видел?— говорит она.

Да-шэн хнычет, Юй-мэй говорит ему:

— Ложись спать! Я никуда не пойду!

Она садится на край кана.

— Засыпай скорей,— говорит жена Цзинь-шэна,— мама сошьет тебе туфли! А то через эти воробушек может пролезть (из туфель высовываются пальцы).

— Да-шэн! Сколько дней ты их носил?— со смехом спрашивает Юй-мэй.

— Знаешь, Юй-мэй,— говорит жена Цзинь-шэна,— чем возиться с туфлями, возьму и отдам его кому-нибудь, у кого нет детей.

— Если ты хочешь его отдать, то я найду кому,— говорит Юй-мэй.— Всем старым теткам хочется детей. Пойдешь к другой тете? — дразнит она Да-шэна.— Там ты каждый день будешь надевать новые туфли!

— Нет! Ма!.. Не пойду!— хнычет Да-шэн.

— Не плачь, тетя шутит,— говорит жена Цзинь-шэна и продолжает, обращаясь к Юй-мэй:— Уж одни эти мелочи могут загнать в гроб! У всех троих ребятишек туфли износились, твой отец и брат тоже в своих долго не проходят! Вот уж сколько дней собираюсь пришить новые подошвы к их обуви, да руки не доходят! Завтра-послезавтра мне идти на ток, и если после уборки весь скот кооператива переведут на пахоту, то в каток придется самим впрягаться. А наступят холода — и старым и малым нужна теплая одежда. Днем возишься со стряпней, сучишь со свекровью коноплю, лущишь бобы, перебираешь хлопок, сушишь овощи... а вечером этих пострелят рано не уложишь, жди, пока они уснут, и потом еще ночь сиди.

— По вечерам я могу тебе помогать,— говорит Юй-мэй.— Давай я сошью туфли малышу.

— Днем ты в поле, вечером — на учебе, когда же ты будешь шить?

— Как началась уборка, на занятия собирается народу день ото дня все меньше и меньше, сегодня почти никто не пришел. Мне кажется, сейчас с занятиями ничего не получится, лучше всего подождать, пока кончится уборка, а потом снова за учебу. Ты не стесняйся! Вот ты какую меня выходила, разве я не могу тебе помочь? С тех пор как у нас в доме появилась вторая невестка, жизнь в семье...

— И не говори!— восклицает жена Цзинь-шэна.— Слышать о ней не могу. Уже год, как она здесь, а хоть палец о палец ударила для

семьи? Ни разу не была в поле! А как надо идти на ток, так она прячется у матери. Веника в руки не возьмет. Когда ее очередь обед готовить, она еще ругается. «Кто,— говорит,— обязан прислуживать всей вашей орде?» Когда я пришла сюда, твоему второму брату только минуло десять лет, так уж если говорить о «прислуживании», то я целых десять лет обшивала его, а в прошлом году своими руками сшила ему свадебное платье и туфли! Ждали — братец приведет жену. И дождались — привел. Только и умеет, что ругаться. Через три дня ей уже показалось, что она прислуживает мне. И давай шуметь о разделе с нами! По моему разумению, чем скорее она уберется отсюда, тем меньше будет скандалов. Мой муж все колебался, то хотел раздела, то боялся нареканий на нашу семью, надеялся, что Юй-шэн сумеет ее перевоспитать; колебался-колебался, ее перевоспитывали-перевоспитывали, а все равно разделились! Боялись-боялись нареканий, а все равно нас теперь осуждают. Лучше уж молчать.

— Всем известно, что она за человек, так нечего и говорить о ней! А то услышит — опять расшумится.

— Поест и, даже не помыв после себя миску, закатится, а куда — кто ее знает! Никогда-то дома не посидит. И в глаза ей это скажу. Скандал так скандал! Пусть все знают, из-за чего мы ссоримся! А то говорят, что я, как старшая невестка, придираюсь к ней, житья ей не даю.

Ничто так не может вывести из себя жену Цзинь-шэна, как упоминание о жене Юй-шэна. Юй-мэй уже раскаивается, что заговорила о ней. Едва дождавшись, пока невестка умолкла, чтобы перевести дух, Юй-мэй хочет переменить разговор, как вдруг доносится голос:

— Хочешь поссориться?

Обе узнают голос жены Юй-шэна и чувствуют, что еще минута — и начнется скандал. Жена Цзинь-шэна отталкивает Да-шэна и вскакивает с кана.

— Не ходи, пусть она сама начинает!— удерживая ее, говорит Юй-мэй.— А если ты первая выйдешь, она будет говорить, что ты искала с ней ссоры!

Жена Цзинь-шэна останавливается. Слышится голос Юй-шэна:

— Ты сама купила вещь и теперь требуешь с меня деньги. Разве я просил тебя это делать?

— Слышишь?— говорит Юй-мэй жене Цзинь-шэна.— Это она не нам. Купила что-то и теперь требует с мужа деньги.

Юй-шэн и до раздела часто ссорился с женой. Жена Цзинь-шэна и Юй-мэй, не обращая внимания на ссору супругов, достают корзинку с иголками и нитками, садятся поближе к лампе и принимаются за работу; однако крики становятся все громче и громче. У жены Цзинь-шэна доброе сердце: хоть она и злится, когда говорит о жене Юй-шэна, но, слыша, что в этот раз супруги уж больно расходились, она вместе с Юй-мэй бежит их разнимать.

4. „ТАК ЖИТЬ БОЛЬШЕ НЕВОЗМОЖНО"

Для того чтобы понять, почему Юй-шэн ссорится со своей женой, прежде всего нужно уразуметь, что собой представляют эти два человека.

Юй-шэн с малых лет был способным ребенком, характером походил на отца; в десять лет он уже умел плести из прутьев корзинки для цветов, в двенадцать — из медной монеты сделать кольцо, а когда еще немного подрос, выполнял такие замысловатые работы, с которыми не каждый мог справиться; его и прозвали «Маленький мастер на все руки». Он был очень любознателен — увлекшись чем-нибудь, он забывал даже о еде. К западу от деревни есть Песчаная канава, каждый год во время

разлива ее воды заносили близлежащие поля песком. В 1949 году Юй-шэн придумал способ задерживать песок ивовыми плетнями, и два участка земли в его бригаде взаимопомощи удалось уберечь от заносов; на другой год все переняли эту выдумку и тем самым предохранили от заносов другие участки. На уездном собрании передовиков труда Юй-шэна наградили почетной грамотой.

Его жена Юань Сяо-цзюнь, дочь Юань Тянь-чэна из этой же деревни, в детстве была пухленькой девочкой, потом выросла в довольно красивую девушку, бойкую на язык. Ее свадьба с Юй-шэном была сыграна ни на старый, ни на новый лад. Она годом моложе Юй-шэна, и они еще детьми постоянно играли вместе. Потом Юй-шэн стал в деревне «талантом», да и собой он был пригож; и хотя он был молод годами, взрослые волей-неволей смотрели на него с большим уважением. Когда он проходил по улице, то люди, глядя ему вслед, говорили: «Паренек способный! Он и своего отца перещеголяет!» В то время чуть ли не все девушки деревни хотели заполучить в мужья такого парня, как Юй-шэн; среди них была и Юань Сяо-цзюнь. Ее мать считала, что Юй-шэн подходящий жених, и говорила мужу:

— Отдадим за Юй-шэна нашу Сяо-цзюнь, а?

Юань Тянь-чэн, известный в деревне Саньливань тем, что боялся своей жены, разумеется, не перечил ей, и она пошла к Фань Дэн-гао просить его быть сватом. В деревне существовал старый обычай — если первый шаг делают родные девушки, то другая сторона бывает более или менее сговорчива, к тому же Сяо-цзюнь была недурна собой и на людях держалась вполне прилично; Юй-шэн хотя и был любознателен, но еще не удосужился изучить молодых девушек, ему только казалось, что Сяо-цзюнь девушка неплохая, без явных изъянов, и поэтому он согласился. Однако жена старшего брата все же беспокоилась за Юй-шэна. Сказать про Сяо-цзюнь что-либо дурное у жены Цзинь-шэна не было никаких оснований, она лишь чувствовала, что жена Юань Тянь-чэна не бог весть что, и потому выпестованная этой старухой дочка не внушала ей доверия. Однажды она высказала свои сомнения мужу.

— Воспитание, полученное дома,— вещь важная, но все-таки человек — живое существо; может, мать и плохо ее воспитала, но разве Юй-шэн не сумеет ее перевоспитать?— ответил Цзинь-шэн.

Жене Цзинь-шэна ответ показался справедливым, и потому она больше не настаивала.

Первое время после женитьбы Сяо-цзюнь и Юй-шэн не ссорились, и теперешние нелады между ними — на совести тещи. Жена Тянь-чэна, по прозвищу «Проныра», и жена «Бестолочи» — родные сестры из семьи владельца комиссионной конторы в Линьхэчжэне, доставшейся ему от предков. «Проныра» вошла в дом Тянь-чэна — обедневшую середняцкую семью — и презирала всех его родственников, вечно ссорилась с ними. В деревне о ней говорили так: «Загонит в гроб свекра и свекровь, а муж бросится в реку». На первых порах замужества Сяо-цзюнь она, обобщив свой супружеский опыт в стройную теорию, поучала дочь:

— В семье мужа никому спуску не давай, с посторонними же будь обходительна; в семье мужа никак нельзя быть разиней, пусть и большие и малые чувствуют, что палец в рот тебе не клади; а с посторонними надо быть помягче, пусть люди думают, что у тебя доброе сердце.

И еще:

— А мужа надо сразу же испытать слезами и улыбками, узнать, что на него больше действует, и тогда он будет тебя слушаться.

Хитрые уловки, охотно практиковавшиеся женщинами в старину,— «слезы, голодовка, петля» — она не вполне одобряла. Она говорила дочери:

— Ни в коем случае не прибегай к петле — петля иногда может и затянуться; настоящими слезами плакать тоже не следует — лучше всего притворяться плачущей по ночам, после того как погашена лампа; если в праздники припрячешь печенья, пряников или чего другого, то можно притвориться рассерженной и несколько дней отказываться от пищи.

Ко всему этому она в свое время прибегала сама и не без успеха, иначе старик Тянь-чэн не был бы таким послушным.

Все вышесказанное — лишь общие принципы, со временем они приобретали более конкретное содержание; ее беспокоило, что Сяо-цзюнь не будет хозяйкой в доме мужа, так как семья Юй-шэна очень многочисленна, и она поучала дочь:

— Не стоит прислуживать всей ораве. Нужно, чтобы вы с Юй-шэном отделились; но ты не должна сама заговаривать об этом, надо, чтобы они сами захотели отделиться от вас; а уж потом вы будете жить спокойно, и еще можно будет рассказывать, что эти невозможные люди сами не захотели жить с вами.

Следуя наставлениям матери, Сяо-цзюнь несколько раз повздорила с женой Цзинь-шэна, та, естественно, заговорила о разделе, но Цзинь-шэн не согласился.

— Да уступи ты ей,— уговаривал Цзинь-шэн свою жену.— Ведь люди будут укорять нас, будто мы хотим выжить жену младшего брата.

Жена Цзинь-шэна послушалась мужа и не поддавалась на попытки жены Юй-шэна затеять ссору; не находя повода для скандала, Сяо-цзюнь вынуждена была придумывать вместе с матерью другое средство. И мать придумала: надо, мол, настроить мужа, чтобы он поставил перед братом вопрос о разделе; и Сяо-цзюнь начала приставать к Юй-шэну:

— Не хочу прислуживать вашей ораве! Поговори со своим старшим братом насчет раздела.

— Все в нашей семье, кроме малых детей, трудятся. И нечего говорить, что кто-то кому-то прислуживает,— отвечал Юй-шэн.

— От этого труда я ничего не получаю, а мне приходится готовить на всех — большущий котел!

— От нашего труда ты ничего не получаешь? А что ты ешь, надеваешь — разве все это падает с неба?

— Ну и не нужно мне их милостыни!

— Ты хочешь отделиться, я тебя одну и выделю, а сам отделяться не хочу.

— Неужели ты, мужчина, хочешь отделить свою собственную жену? Тогда давай уж разделимся совсем — разведемся!

— Что ты за человек! Ведь ты же сама хочешь отделиться, разве я этого хочу?

— Если я хочу отделиться — значит, меня нужно отделять одну?

— Конечно, кто хочет отделиться, того и надо отделить. А мне это не нужно. По-моему, нам и так хорошо.

— Мы не ладим с женой твоего брата.

— А по-моему, она хороший человек, и все дрязги происходят из-за тебя.

— Раз она тебе так нравится, то почему ты женился на мне?

— Заткнись!

— Почему ты ругаешься? Каково мне это слушать?

— А ты что говоришь?

— Говорить нам больше не о чем! Или отделимся, или развод!

— Развод так развод! Отделяться я не буду!

Узнав, почему брат хочет разводиться, Цзинь-шэн сказал:

— Разводиться незачем. Раздел так раздел. Что ж в этом плохого?

Бояться людских толков нечего, ведь если дело дойдет до развода, разве толков будет меньше?

И Юй-шэн с женой отделились. Это произошло несколько дней тому назад.

Теперь, когда «Проныра» добилась своего, она еще больше пичкала дочку нравоучениями и советами, как надо держаться с мужем. Она говорила:

— Живя самостоятельно, супруги должны с самого начала установить порядок: к тому, что должен делать в доме муж, ты не должна притрагиваться. Сделаешь за него что-нибудь два-три раза — и это на весь век станет твоей заботой. Хочешь быть хозяйкой — ни о чем не спрашивай мужа; спросишь два-три раза, глядь — и ты уже не хозяйка!

И Сяо-цзюнь придерживалась наставлений своей матушки. Два дня назад, проснувшись, когда в кооперативе уже звонили в колокол, Юй-шэн взял серп и собрался идти в поле; Сяо-цзюнь сказала:

— В чане воды нет. Принеси воды, а потом можешь идти.

— Уже звонили,— сказал Юй-шэн.— Принеси сама.

— Не принесу!

— Сестра может носить воду, а ты нет?

— К сожалению, ты взял в жены не Юй-мэй!

— Добилась раздела, а теперь ничего не хочешь делать? Сама принесешь воды! А мне пора в поле — уже звонили!

Юй-шэн так и ушел, не принеся воды. Сяо-цзинь побежала к матери. Рассказав ей все, дочь спросила:

— Если я не принесу воды, то как же я приготовлю ужин?

— Не надо допускать, чтобы он устанавливал свои порядки,— сказала мать.— Нет воды, ужина тоже не будет! А ты поешь у меня.

В тот вечер Сяо-цзюнь ничего не приготовила. Она поела у матери, Юй-шэн — у старшего брата. После раздела Цзинь-шэн советовал Юй-шэну, чтобы тот как следует занялся Сяо-цзюнь, но мать помогала дочери утверждать свои порядки — разве могла Сяо-цзюнь слушать то, что говорит муж?

Нужно знать все это, чтобы понять истинную причину ссор этой супружеской пары.

В тот вечер старик Бао-цюань условился с Ван Шэнем делать зубила. Не успел старик Ван Шэнь прийти, как сразу же рассказал, что вернулись мулы Фань Дэн-гао и привезли для продажи много новых товаров. Сяо-цзюнь, услышав эту новость, отставила миску с недоеденным ужином и отправилась к Фань Дэн-гао. Там она увидела разложенные на столе и на кровати новые вещи — карманные фонарики, галоши, игральные карты, конфеты, шерстяные фуфайки и рейтузы, полушерстяные одеяла, детские и женские шапочки, заколки для волос и еще несколько нераспакованных бумажных свертков. Все, кто умел пронюхать новости, уже набились в комнату, была тут и мать Сяо-цзюнь. Увидев шерстяные вещи, Сяо-цзюнь спросила у матери:

— Сколько может стоить один комплект?

— Я спрашивала, девяносто тысяч юаней.

— Мне хотелось бы купить, только я не знаю, даст ли Юй-шэн денег.

— Покупай, а он заплатит. Только на первый раз лучше взять что-нибудь подешевле, а то, если у него действительно не окажется денег, заставит вернуть вещь обратно. Ты сначала купи фуфайку за сорок пять тысяч или рейтузы — цена одна!

Сяо-цзюнь взяла фуфайку, Фань Дэн-гао завернул покупку в бумагу и протянул руку за деньгами.

— У меня нет с собой денег,— сказала Сяо-цзюнь.— Я их сейчас же вам принесу.

— Ладно,— согласился Фань Дэн-гао.— Но только принеси как можно скорее. Ведь я не один, у меня компаньоны.

Передав ей сверток, он записал сумму долга. Как раз в это время вошли Лин-чжи и Ю-и.

— Отец, ты еще не ушел на собрание?— спросила Лин-чжи.— Все остальное начальство уже в сборе!

— Сейчас иду,— сказал Фань Дэн-гао. И, обращаясь к покупателям:— Мне надо идти. Приходите завтра.

Наказав возчику Вану с утра пораньше накормить мулов, он ушел. Покупатели стали расходиться.

Сяо-цзюнь с покупкой в руках бегом возвращается домой. Когда она входит во двор, жена Цзинь-шэна и Юй-мэй как раз говорят о ней, но она спешит взять у Юй-шэна деньги и, не обращая внимания на их разговор, убегает в свою комнату.

Поужинав у родителей, Юй-шэн пришел поработать над макетом катка. Макет в натуральную величину Юй-шэн начал мастерить на току сразу же после обеда, сняв сначала размеры с каменного катка, но скоро стемнело, и он приволок его домой.

Вбежавшая Сяо-цзюнь видит разбросанные по полу стружки, опилки, щепки и сразу начинает злиться.

— Не мог заняться этим во дворе?— говорит она.— Кто будет за тобой убирать?

— Не беспокойся, закончу — уберу сам. На дворе ветер, лампа гаснет.

— А какой прок от этого барахла?— спрашивает Сяо-цзюнь.

— Это очень нужные вещи,— отвечает Юй-шэн.

Разговаривая с женой, он сосредоточенно смотрит на деревянную доску и не замечает, что у жены в руках сверток. Сяо-цзюнь разворачивает покупку, встряхивает фуфайку.

— Посмотри,— говорит она мужу,— хороша?

Юй-шэн, сделав измерение, ставит на доске точку, искоса бросает взгляд на красную фуфайку и рассеянно говорит:— Хороша, хороша.

Сяо-цзюнь щупает шерсть и говорит:

— Посмотри, какая толстая!

Юй-шэн попрежнему не обращает на жену внимания и, думая, что ее слова относятся к доске, отвечает:

— Нет, не толстая. Уже заменили тонкой.

Сяо-цзюнь, разумеется, тоже не понимает, о чем говорит муж, и, полагая, что тот думает, будто товар, привезенный Фань Дэн-гао, кто-то уже успел подменить, заявляет:

— Никто не менял, ее только что привезли.

— Да я же сам менял ее!— восклицает Юй-шэн.

— Что ты менял?

— Доску!

— Ты о чем?

Эти слова, произнесенные очень громко, заставляют Юй-шэна поднять голову.

— О чем ты говоришь?— повторяет свой вопрос Сяо-цзюнь.

— А ты о чем?— в свою очередь спрашивает Юй-шэн.

— Я говорю о фуфайке!

— О чьей фуфайке?

— О моей! Я ее купила! Хорошая?

Юй-шэн, думая, что теперь все ясно, бормочет — «хорошая» и наклоняется над своей работой.

— Я еще не отдала деньги,— говорит Сяо-цзюнь.

— Как не отдала?

— У меня денег нет!

— А-а...

Юй-шэн, решив, что это дело ни с какой стороны его не касается, вполне удовлетворился полученным разъяснением и счел разговор оконченным. Но Сяо-цзюнь, понятно, другого мнения.

— Дай мне денег,— говорит она.

Юй-шэн отвечает не сразу: только теперь он понимает, о чем толкует Сяо-цзюнь.

— Сколько?— помедлив, спрашивает он.

— Сорок пять тысяч.

— Позавчера их продавали за сорок.

— Это не из кооператива.

— Такая же фуфайка, как в кооперативе.

— А если такая же, то почему ты мне раньше не купил?

— Ведь это цена пяти доу * риса! За такие деньги можно сшить пальто на вате.

— То пальто, а то — фуфайка!

— К сожалению, денег у меня нет. Сейчас еще не холодно, успеешь купить,— заявляет Юй-шэн и опять погружается в свою работу.

— Тебе легко говорить! Я ведь уже взяла фуфайку, как же я теперь ее верну?

— Раз она не из кооператива, значит от Фань Дэн-гао, что же тут такого? Денег нет, ты возвращаешь ему вещь, ведь ты ее не надевала.

— Нет, нет, нет! Я не пойду относить! Дай мне денег!

— Я же тебе сказал, что денег нет.

— Нет денег, так придумай что-нибудь!

— Меня это не касается.

— Одевать, кормить жену — это тебя не касается, а делать для чужих всякую чепуху — касается?

— Какую чепуху?

— А разве это не чепуха?— Сяо-цзюнь показывает пальцем на доску, которую муж держит в руках.

Юй-шэн, услышав, что его работу, в которую он вкладывает все свои силы, жена считает чепухой, глубоко уязвлен, но ничего не говорит, только тяжело вздыхает, бранит себя за то, что ошибся в ней, бранит и старшего брата за то, что тот отсоветовал разводиться. Он молча опять склоняется над работой, решив про себя, что Сяо-цзюнь для него больше не существует. Но реальность есть реальность, Сяо-цзюнь попрежнему стоит перед ним. Видя, что муж не отвечает и даже не сердится, она вырывает у него из рук наугольник.

— Не касается? Должно касаться!— кричит она.

Юй-шэн терпеть не может, когда трогают его инструмент, особенно этот наугольник. Сделанный его собственными руками, этот наугольник точнее, чем у всех других столяров, в нем есть определенной величины отверстия, так что он годится и для разметки кругов; но из-за этих отверстий наугольник легко может сломаться, поэтому с ним надо обращаться крайне осторожно. Когда Сяо-цзюнь выхватила из рук Юй-шэна эту драгоценность, он очень разозлился, но, боясь сломать инструмент, говорит примирительно:

— Ладно, пусть будет по-твоему, только отдай мне сначала угольник.

— Сначала давай деньги! Сорок пять тысяч!

— Покупай фуфайку за сколько хочешь. Жаль только, что у меня сейчас нет денег.

---

* Доу—китайская мера сыпучих тел, равная 10,35 литра.

— Нет денег — не будет тебе и наугольника!

И Сяо-цзюнь идет к кану, кладет наугольник и садится на него.

— Чем я тебя обидел, что ты хочешь со мной ссориться?— спрашивает Юй-шэн.

— Я с тобой разговариваю серьезно, а ты притворяешься, будто ничего не понимаешь. Хочешь поссориться?— кричит Сяо-цзюнь.

— Ты, не посоветовавшись со мной, купила вещь, потом приходишь и требуешь с меня деньги и еще говоришь, что я ищу ссоры?

Он подходит к жене, чтобы взять наугольник.

Сяо-цзюнь знает, что ей не справиться с Юй-шэном, и, раньше, чем он успевает подойти, она достает инструмент и бросает его в угол.

— Нашел тоже драгоценность!

Юй-шэн не собирался драться с женой, но, увидев летящий наугольник, он закатывает Сяо-цзюнь увесистую оплеуху. Сяо-цзюнь начинает голосить и расшвыривать ногами инструмент и доски, лежащие на полу. Тогда Юй-шэн принимается колотить ее всерьез. Но тут вбегают жена Цзинь-шэна и Юй-мэй и разнимают супругов.

— Так жить больше невозможно!— говорит Юй-шэн и выходит из комнаты.

— Так жить больше невозможно!— говорит и Сяо-цзюнь и тоже выходит.

Юй-шэн идет к дому с флагштоками, Сяо-цзюнь — к дому родителей.

5. РАЗБИВАТЬ ИЛИ НЕ РАЗБИВАТЬ?

Войдя в первый дворик дома с флагштоками, Юй-шэн увидел в окнах трех помещений свет: в школе собиралась очередная смена ополченцев; те, кто был свободен от дежурства, спали; в другом помещении счетовод кооператива Ли Ши-цзе готовил ведомость на распределение доходов; в конторе проходило собрание кооперативного и сельского начальства. Услышав голос своего брата Цзинь-шэна, Юй-шэн входит в комнату и, не обращая внимания на то, кто выступает и что говорит, сразу выкладывает:

— Решайте мой вопрос! Я больше не буду жить с Сяо-цзюнь. Я уже просил развести нас, но парторганизация, ячейка союза молодежи, сельское начальство, женский союз — все вместе отговорили меня, сказали, чтобы я занялся ее перевоспитанием. Но, видно, мои воспитательские таланты недостаточны — в результате она весь дом перевернула вверх дном! Заявляю в последний раз, если вы сочтете, что я прав, то пусть заместитель начальника района напишет мне свидетельство, я хоть ночью пойду в район оформлять развод; а если скажете, что мне надо и дальше перевоспитывать ее, то мне придется признать свое бессилие и ночью же убежать из деревни!

— Разве члену союза молодежи можно так говорить?— спрашивает секретарь.

— Я и сам знаю, что нельзя, но что мне остается делать?— отвечает Юй-шэн.

— Когда ты убежишь, тебе, верно, понадобится характеристика от нашей организации?

Юй-шэн молчит. Цзинь-шэн, глядя на брата, вдруг вспоминает о катках и спрашивает:

— О разводе поговорим потом, а сначала расскажи, как у тебя дела с макетом катка?

— Я потому и прибежал, что она все поломала!— отвечает Юй-шэн.

Председатель кооператива Чжан Юэ-и, услышав, что работа с макетом приостановилась, забеспокоился:

— Не будет готов новый каток, так завтра придется все пятьсот двадцать снопов молотить на малом кругу! Если днем не обмолотим и не провеем, то вечером не сможем отправить зерно, придется это делать послезавтра, и весь график будет сорван!

— Скажи, что, по-твоему, важнее — это дело или развод?— спрашивает Цзинь-шэн у брата.

Юй-шэн, выслушав слова председателя, понимает, что сейчас им не до его развода, и отвечает на вопрос брата:

— Конечно, это важнее, но она не дает мне работать. Что я могу поделать?

И, не дожидаясь, пока кто-нибудь заговорит, Юй-шэн продолжает:

— А что если я притащу все сюда и буду работать здесь?

— Работай где хочешь,— говорит брат.— Самое главное — чтобы к утру все было в порядке.

Юй-шэн молча уходит за своим макетом.

— Очень любопытный парень,— говорит приехавший из округа товарищ Хэ,— ради кооператива он и про личное дело забывает!

— Юй-шэн не часто сердится,— говорит его брат,— боюсь, что на этот раз дело зашло слишком далеко!

И, обращаясь к Цинь Сяо-фын, председателю союза женщин, он говорит:

— Завтра ты выбери свободное время и помири их. А то еще натворят что-нибудь.

И ко всем остальным:

— Так продолжим наше собрание!

Уже закончилось обсуждение мероприятий по проведению уборочной кампании, еще предстоит обсудить вопросы о подготовке к расширению кооператива, о прорытии канала.

— Два последних вопроса меня почти не касаются,— говорит староста Фань Дэн-гао.— Завтра мне отправлять моих мулов, я, пожалуй, уйду пораньше.

— Эти дела — дела всей деревни, как же можно говорить, что они не касаются руководства?— говорит Цзинь-шэн.

— Я считаю,— возражает староста,— что расширение кооператива — дело чисто кооперативное и посторонние выступать не будут; что касается канала, то хоть тут и говорили, что это дело всей деревни, но канал должен пройти через поле нечлена кооператива, а покуда этого с ним не согласовали — не о чем говорить.

— Расширение кооператива — наша прямая обязанность,— говорит и заместитель старосты Чжан Юн-цин,— к тому же это призыв партии; прорытие канала тоже дело общее, оно касается и членов кооператива и нечленов, так что нельзя говорить, будто эти вопросы не касаются руководства. Ты слишком хлопочешь о своей торговле, а от прямых своих обязанностей отмахиваешься...

Стоит только коснуться торговли, как Фань Дэн-гао пугается: на партийном собрании его уже критиковали за то, что он занимается торговлей, но он с критикой не согласился. В уездном комитете его тоже критиковали, и предполагалось зимой, когда будут проводить мероприятия по укреплению партийных организаций, вернуться к его делу. В своих объяснениях он ссылался на то, что торговля — его личное дело, тем более, что она не мешает ему в работе. Сейчас здесь присутствуют товарищи из уезда, он боится, что они будут его расспрашивать, и поэтому нервничает. Не дожидаясь, когда Чжан Юн-цин опять заговорит о его торговле, он перебивает:

— Ведь сейчас речь не об этом! Мы говорим о канале, причем тут моя торговля? Я староста, и ничего за это не получаю, это мое партий-

ное поручение, а своими-то делами я должен заниматься! Если два мула простоят весь день в стойле — пользы от них никакой, да еще убыток — зря съедят доу зерна. Не гонять их в город, так и корм не оправдаешь.

— Дэн-гао,— говорит товарищ Лю, заместитель секретаря уездного комитета,— ты не только не исправляешь свои ошибки, но чем дальше, тем больше заблуждаешься. Ты староста, коммунист—и так цепляешься за свою торговлю! А почему другие коммунисты, рядовые члены кооператива, должны работать больше тебя?

Фань Дэн-гао видит, что дело оборачивается против него, и поспешно соглашается.

— Хорошо, хорошо! Я останусь до конца.

Собрание продолжается. Речь заходит о расширении кооператива, и опять встает все тот же вопрос — разбивать бригады взаимопомощи или не разбивать? Все уже знают, что раз Фань Дэн-гао здесь, то разговоры будут тянуться до бесконечности. Он берет слово и начинает говорить о том, что Цзинь-шэн печется лишь об интересах кооператива, а после вовлечения в кооператив всех активных крестьян в бригадах останутся одни отсталые элементы, и тогда ему, старосте, очень трудно будет руководить бригадами. А на уме у него другое — как бы не разбили бригады взаимопомощи, потому что тогда ему самому придется вступать в кооператив! Его доводы внешне выглядят убедительными, и даже товарищ Лю не может к ним придраться и опровергнуть их; когда же Фань Дэн-гао возражают по существу, он нарочно притворяется непонимающим, чтобы выиграть время.

Наконец, Цзинь-шэн, видя, что так они не придут ни к какому решению, обращается ко всем:

— Если так пойдет дальше, то у нас ничего не получится. Я вот как думаю. Когда начнется укрупнение кооператива и, скажем, в какой-нибудь бригаде многие захотят вступить в кооператив — очень хорошо. А если кто-нибудь не захочет — пусть не вступает. В другой бригаде, скажем, будет только один желающий вступить в кооператив — тоже хорошо; когда запись желающих закончится, надо будет присмотреться, и если действительно из оставшихся вне кооператива крестьян нельзя будет выбрать бригадира, то партийная организация, учитывая создавшуюся обстановку, обяжет нескольких коммунистов временно остаться вне кооператива, чтобы руководить бригадами взаимопомощи.

Все одобряют это предложение, и Фань Дэн-гао вынужден скрепя сердце помалкивать.

Затем обсуждается вопрос о прорытии канала; товарищ Хэ, уразумев, что разговор идет о крестьянине, который не хочет, чтобы канал проходил по его земле, — тут же вносит предложение:

— Вы должны его уговаривать, агитировать, но если уж ничего не поможет, обратитесь в правительство за разрешением купить эту землю.

Дэн-гао и тут чувствует себя побитым.

Оба предложения приняты. Обсуждаются меры по претворению их в жизнь.

6. СЕМЬЯ МА

Сяо-цзюнь прибежала в родительский дом и, не найдя там матери, спрашивает у Тянь-чэна:

— Отец, а где мама?

— Кто знает, куда она убежала,— со вздохом говорит старик Тянь-чэн.— Поела и, даже не вымыв миску, ушла, и до сих пор ее нет.

И у матери и у дочери уже вошло в привычку уходить из дому, не помыв после себя посуду. Сяо-цзюнь на минуту задумывается и, не расспрашивая больше отца, бежит к старосте Фань Дэн-гао.

В доме старосты вещи, лежавшие на столе и на кровати, уже убраны в шкаф. Ма Ю-и о чем-то болтает с женой и дочерью Фань Дэн-гао; Сяо-цзюнь, оглядев комнату, спрашивает:

— Моей матери здесь нет?

— Она ушла вслед за тобой,— говорит жена Фань Дэн-гао.— Неужели она еще не вернулась?

— Нет,— отвечает Сяо-цзюнь.

— Она, наверно, зашла к нам,— говорит Ма Ю-и.

— Почему ты так думаешь?— спрашивает Лин-чжи, дочь старосты.

— А ты забыла, о чем в школе говорили Юй-мэй с Мань-си?— напоминает Ма Ю-и.

— Да, да, она, наверно, там, — улыбается Лин-чжи.

Сяо-цзюнь, конечно, не догадывается, о чем они говорят, но узнав, что ее мать, наверно, у своей сестры, ни о чем больше не спрашивает и отправляется туда.

Добравшись до дома тетки, Сяо-цзюнь видит, что ворота заперты; она стучит два раза, в ответ раздается собачий лай. Порядки в доме Ма другие, нежели в других домах. Деревня Саньливань расположена в одном из давно освобожденных районов, и с того времени, как прошла земельная реформа, воров не стало. Во многих дворах в деревне нет ворот, а где они есть, то их запирают только на ночь, от волков. Но в доме Ма До-шоу весьма зорко следят за воротами: лишь начнет смеркаться — и, независимо от того, все ли вернулись домой, их всегда наглухо запирают; каждому члену семьи приходится открывать ворота, а после того как возвращается последний, открывший ему обязан запереть их на два засова — верхний и нижний, а потом на большой средний засов, после чего они еще подпираются особой подпоркой. Обитатели этого дома почти ни к кому не ходят, к ним же самим заходят только некоторые члены их бригады взаимопомощи или родственники хозяйки, а чужие годами не заглядывают; в доме держат огромную рыжую собаку, необычайно лютую, бросающуюся на всех и каждого, кроме привычных посетителей.

На лай собаки выходит жена Ма Ю-си, по имени Чэнь Цзюй-ин, и открывает ворота; собака, признав знакомого человека, перестает лаять.

— Мама у вас?— спрашивает Сяо-цзюнь.

— Здесь, заходи,— говорит Чэнь Цзюй-ин.

Сяо-Цзюнь входит. Чэнь Цзюй-ин запирает ворота. Из комнаты доносится голос матери Сяо-цзюнь, и они направляются туда.

Что же привело «Проныру» в этот дом?

От Фань Дэн-гао она отправилась домой и вдруг столкнулась с Ван Мань-си.

— Тетя! Вас-то я и ищу, есть дело,— говорит Мань-си.

«Проныра» известна в деревне своим неутомимым языком. Стоит с ней заговорить — и она уже не даст рта открыть. Только Мань-си умеет ладить с этой женщиной. Не успел он сказать, в чем дело, как она его перебивает:

— Говори, дитя мое! Если тетя может что-нибудь сделать, не было такого случая, чтобы тетя не согласилась!

— Приехало важное начальство из округа, не могу найти чистой комнаты. Вот я и подумал, не пустите ли вы к себе,— говорит Мань-си.

— Дитя мое! Да разве тетя когда-нибудь отказывала! Если бы дело было весной, так комнату можно бы очистить в два счета — и живи; вот жаль только, что сейчас осень и началась уборка, и вся она завалена овощами, а перенести их некуда. Не веришь — пойдем посмотрим.

— Если бы это был рядовой товарищ, я бы и не беспокоил вас, тетя; в доме с флагштоками столько комнат — не нашлось бы разве места для одного человека? Но этот человек приехал с особым заданием...

— А зачем он приехал?

Мань-си думает: «Если сделать по совету Юй-мэй и сказать определенно... Но раз она уже узнала, что это начальник сельскохозяйственного отдела, так ни за что не поверит; а если сейчас она ничего не знает и потом разнюхает — тоже хорошего мало, лучше сказать неопределенно». Он подходит ближе и шепчет ей на ухо:

— Говорят, что это начальник сельскохозяйственного отдела, а кое-кто говорит, что он послан народным судом округа расследовать какое-то дело. Только, тетя, это секрет, никому об этом не говорите!

— Дитя мое, будь спокоен! Не бойся, я не проговорюсь. На тетю можно положиться.

Мань-си принимает равнодушный вид и говорит:

— Если вашу комнату нельзя освободить, то я пойду поищу у Бао-цюаня.

Но не успевает он сделать и пяти шагов, как она его окликает:

— Постой, Мань-си!

«Есть!» — думает он. Она подходит к нему и говорит:

— Ты был у моей сестры?

— Нет, не был,— говорит Мань-си,— уж больно у нее тяжелый характер, еще осрамишься перед гостем!

— Моя сестра сердитая, это верно, но характер у нее вовсе не тяжелый! Хочешь, я пойду поговорю с ней?

— Если вы мне поможете, то и я не останусь в долгу.

— Дитя мое! Кто меня не знает, те говорят, что я глупа, а ведь на самом деле я неглупая женщина. Кой в чем я могу и помочь.

— Кто это говорит, что тетя глупа?— притворно удивляется Мань-си.— Разве стал бы я в таком случае обращаться к тете за помощью? Пойдемте вместе к вашей сестре, я подожду у ворот.

Только «Проныра» умеет в своих целях подладиться к кому-нибудь; и только Мань-си — «Ветер» — умеет так ловко обвести ее вокруг пальца. Они подходят к дому Ма. Мань-си останавливается поодаль. «Проныра», постучав, кричит, чтобы открыли ворота.

Ма До-шоу со своей женой, сыном и невесткой сидят во дворе. У каждого из этих четверых есть прозвище: Ма До-шоу зовут «Бестолочь», о чем раньше уже говорилось, его жену — «Всегда права», сына Ма Ю-юя — «Железная лапа», а его жену — «Опасно тронуть». Некоторые произносят все эти четыре прозвища подряд и получается, как в книге «Саньцзыцзин» *: «бестолочь всегда права, железную лапу опасно тронуть». Кроме них, здесь еще четверо: другая невестка Ма До-шоу — Чэнь Цзюй-ин, которая шьет туфли для своей дочки Лин-лин, Лин-лин — четырехлетняя девочка — и восьмилетний Ши-чэн, сын «Железной лапы», ловят светлячков, другого ребенка «Железной лапы» мать кормит грудью.

«Проныра» входит, все взрослые с нею здороваются.

— Тетя, посидим здесь или пойдем в дом? — спрашивает племянник.

— Лучше в дом, надо кое о чем потолковать с вами,— говорит гостья и, не дожидаясь ответа, входит первая.

В семье Ма заведен такой порядок: если кто-нибудь приходит к «Бестолочи» говорить о деле, то сыновья участвуют в разговоре, а их женам это запрещено; поэтому вслед за гостьей идут сын и старики, а невестка со своим двухлетним ребенком уходит к себе.

Хозяйка зажигает лампу, все садятся, и гостья выкладывает тайну, сообщенную ей Ван Мань-си.

---

* Книга, по которой в старину дети учились грамоте; состоит из поучений, написанных простыми, из трех иероглифов, фразами. Составлена в Сунскую эпоху (960—1279) Ван Ин-линем.

— Кажется,— говорит она,— из нашей деревни никто жалоб в уездный суд не подавал. Только вот сестра два месяца назад пожаловалась на заместителя старосты. А в уезд никого не вызывали, только сказали, чтобы все решали в деревне без суда, мирно; но, наверно, из уезда кто-нибудь сообщил об этом в округ, и оттуда прислали человека разобраться на месте.

— Очень может быть,— говорит «Железная лапа».— Позавчера я ездил в город и слышал, что в разных учреждениях борются против какого-то «бюрократизма»; наверно, начальство послало расследовать дела, которые накопились в суде.

— Мань-си, узнав, что у меня помещение занято, хотел идти к старику Бао-цюаню...

— Сестра! Что же ты не согласилась?!— говорит «Бестолочь».— Если он поселится у кого-нибудь из коммунистов, то они наговорят на нас такого... Ты же знаешь, что твоя земля прилегает к моей. И если канал, паче чаяния, пройдет по моей земле, то на твоей тоже будут копать.

— Не будь у меня этой земли, я все равно рассказала бы вам об этом. Ведь твоя жена — сестра мне. Только у меня — честное слово!— некуда его девать. У вас, кажется, одна комната пустует — может, возьмете его к себе?

— Можно!— говорит «Бестолочь».— Пускай живет — это нам на руку, только захочет ли он поселиться у нас?

— Почему не захочет, раз ему негде жить?— говорит гостья.— Я сказала Мань-си, что поговорю с тобой. Он ждет на улице.

— Ладно,— говорит «Бестолочь» и добавляет:— Ты ступай позови Мань-си, пусть он приберет помещение и тащит его вещи.

— Позови и возвращайся,— говорит жена хозяина,— потолкуем, как держаться с приезжим.

Дело сделано, и «Проныра» идет звать Мань-си.

После ее ухода «Бестолочь» набрасывается на жену:

— Как разговаривать с человеком из суда — наше дело, чего нам с ней советоваться!

— Моя сестра не чужая нам,— говорит жена.

— Язык у нее работает быстрее телеграфа! Нечего с ней об этом разговаривать! Поболтайте о чем-нибудь другом!

За «Бестолочью» укрепилась слава, будто он боится своей жены, но это не так: только в тех случаях, когда ему самому неохота что-нибудь решать, он сваливает все на жену, говоря, что его это не касается; на самом же деле она во всем слушается своего мужа. Поскольку он запретил жене советоваться с сестрой, то она придумывает, о чем бы ей завести разговор.

«Проныра» выходит за ворота и с видом человека, сделавшего доброе дело, вводит Мань-си во двор, запирает ворота и вместе с ним идет в дом.

Мань-си просит у хозяйки ключ и лампу, чтобы прибрать в отведенной гостю комнате. «Бестолочь», его жена и сын явно обеспокоены — как бы что не пропало. Хозяйка зовет жену старшего сына:

— Старшая! Иди-ка помоги Мань-си прибрать комнату.

— Ребенок еще не заснул,— отвечает та.

— Третья!— зовет хозяйка жену третьего сына.— У старшей еще ребенок не заснул, иди ты!

Чэнь Цзюй-ин откладывает туфли Лин-лин. По обычаю здешних мест, когда сыновей в семье много, то их часто называют «старший», «второй», «третий» — поэтому и жен их зовут «старшая», «вторая», «третья»... Мань-си на правах соседа зовет их «сестрицами», работают

они в одной бригаде, привыкли друг к другу, и он любит с ними позубоскалить. Чэнь Цзюй-ин выходит из своей комнаты.

— Давай веник,— обращается к ней Мань-си.

Цзюй-ин ищет веник, Мань-си зажигает лампу, и они вместе идут убирать помещение. Дети бегут за ними.

«Проныра» снова усаживается; хозяйка, помня наказ мужа не разговаривать о будущем постояльце, заводит речь о племяннице — Сяо-цзюнь. Хозяйка спрашивает, как живется Сяо-цзюнь после раздела, гостья рассказывает и вдруг слышит стук в ворота; рассказ она не прерывает, но слышит, как Цзюй-ин кричит сыну, чтобы он открыл; тот не слушается, и ей приходится идти самой. «Проныра» после небольшой паузы продолжает:

— В общем после раздела тоже неважно, муж не обращает на нее внимания, а попрежнему слушается своих родственников...

Но тут вбегает ее дочь. Она тяжело дышит.

— Мама! Я больше не могу!— говорит она.

— Что случилось? Он не дает денег?— спрашивает мать.

— Не только денег не дает, еще и прибил меня!

— Что? Он смеет еще драться?

— Поколотил меня! Уйду я от него!

— Вот как! Отделился, чтобы драться! Надо заявить об этом начальству — пусть рассудят!

— Он уже первый пошел!

— Ничего, что он первый пошел. Не тот прав, кто первый жалуется. Этим нас не запугаешь!

Только она произнесла эти веские слова, как вдруг вспоминает о щекотливом деле и спрашивает у дочери:

— Ты вернула фуфайку Фань Дэн-гао?

— Нет!— говорит дочь.— Она осталась дома.

— Дура! Ты ведь своими руками взяла вещь, и с тебя потребуют за нее деньги. Ее нужно скорее вернуть, а с Юй-шэном я еще потолкую!

Сяо-цзюнь в растерянности слушает мать и говорит:

— Тогда я сейчас пойду, возьму фуфайку и отнесу ее.

Она выходит, но во дворе останавливается и кричит:

— Мама! Ты поскорей возвращайся! Я отнесу фуфайку и сразу же пойду домой.

И, не дожидаясь ответа матери, Сяо-цзюнь открывает ворота и убегает. Хозяйка, разумеется, кричит третьей невестке, чтобы та заперла ворота.

Теперь «Проныра» уже не помышляет о том, чтобы присоветовать что-нибудь сестре, наоборот, она сама хочет просить, чтобы та помогла Сяо-цзюнь выпутаться из неприятного положения. Начинает она издалека:

— Сестра, зря я советовала дочери выходить замуж за Юй-шэна. Вся их семья — люди бесчувственные! Цзинь-шэн, этот остолоп, вечно сует свой нос во все деревенские дела: кооператив ли организовывают или канал роют — он тут как тут. Юй-шэн — того хуже: для своей семьи ничего не хочет делать, а для других готов в лепешку расшибиться, каждый день он что-нибудь испытывает или изобретает, а стал командиром отделения ополченцев — так во время уборки и все праздники живет в общежитии; нет, он не семьянин. А старик Бао-цюань, совсем из ума выжил, вместо того чтобы наставлять сыновей, как надо жить, он, наоборот, вместе с ними занимается разной чепухой. Разве можно этот сброд назвать семьей? Я не утерпела и сказала дочери, чтобы она отделилась от них. Я думала так: Юй-шэн юнец, который привык жить на готовеньком, и потому до семьи ему дела нет, не понимает, что должен о жене

заботиться; ну, а после раздела, думаю, станет сам хозяином — поймет. Сяо-цзюнь воевала с ним целый год, наконец добилась своего — разделились. Кто бы мог подумать, что душа его останется там? Вся их семейка — он, отец, брат — о кооперативных и всяких общественных делах печется больше, чем о семье. Сяо-цзюнь говорит с ним по-хорошему — он и внимания не обращает, а стоит сказать что-нибудь не так — сразу разводом грозит. Вот, сестра, как мне не повезло! И зачем я отдала дочь в эту проклятую семью? Лучше уж развестись — и черт с ним!

Хозяин, пока его жена не вступила в разговор, обращается к гостье:

— Сестра! Не заговори ты первая, я бы молчал. А теперь и я скажу — да, лучше ей развестись. Меня все зовут старым феодалом, но на этот раз даже я не стал бы считаться с обычаями. Ты права, вся эта семья — нестоящие люди, и с ними Сяо-цзюнь не будет счастлива.

— Правильно!— поддакивает ему жена.— Вся эта семья нестоящие люди. Наш Ю-и часто шатается с ихней Юй-мэй. Ругаю его, ругаю, а он и в ус не дует. А Юй-мэй разве не пошла вся в отца да братьев! Если они самовольно поженятся, то в нашем доме для нее не будет места. Все наши недовольны, что Ю-и не слушается. А вот если бы он женился на твоей дочери, как нам с тобой хотелось,— вот было бы хорошо!

— Сестра!— говорит мать Сяо-цзюнь.— Я хочу, чтобы дочь развелась с Юй-шэном, и она сама этого хочет еще больше, а для вашего Ю-и есть более подходящая жена, образованная. А мы с тобой люди старомодные, разве с нами молодежь будет считаться?

— Ты это о Лин-чжи? — догадывается хозяйка.— Эта девка еще похлеще той. Такая птица не для нашей клетки! Ему только дай волю — потом будешь хлопать глазами; пусть только попробует привести в дом одну из них — самого его выгоню! Дочь твоя пусть разводится. А потом посоветуй ей выйти замуж за моего сына.

Хозяин находит речи жены чересчур откровенными и, боясь, как бы они не обидели свояченицу, притворяется рассерженным и говорит:

— Тебе уже шестой десяток идет, а несешь черт-те что!

— Хватит тебе вздор молоть. Сяо-цзюнь, наверно, заждалась матери.

Услышав имя дочери, «Проныра» только сейчас спохватывается, что у нее еще есть неотложные дела.

— Ой, совсем забыла! Ведь дочь моя ждет. Я ухожу!

Хозяева провожают ее только до порога, хозяйка кричит:

— Цзюй-ин, проводи тетю!

Едва «Проныра» выходит за ворота, как «Бестолочь» со злостью обращается к жене:

— До чего же любит болтать! Насилу выпроводили! Давайте-ка займемся своими делами.

Все трое снова усаживаются и начинают судить и рядить, как им держаться с «товарищем из окружного суда».

7. „ОПАСНО ТРОНУТЬ" — НО НЕ „ВЕТРУ"!

Чэнь Цзюй-ин проводила гостью, заперла ворота, как было заведено в этом доме, и вернулась в помещение, которое она вместе с Мань-си прибирала для приезжего. Во время ее отсутствия Мань-си, передвигавший тяжелую мебель, прогнал ребятишек в соседнюю комнату, чтобы как-нибудь не зашибить их. Здесь на полу лежит старый шкаф без дверцы, а на нем стоит круглая деревянная коробка. Мальчик стаскивает ее на пол, снимает крышку и, вынув какой-то предмет, говорит:

— Смотри! Вот так лепешка!

Лин-лин заглядывает в коробку, там много других сломанных вещиц, она нагибается и роется в коробке. В это время возвращается Цзюй-ин.

Увидев, что детишки вынимают из коробки вещи, она останавливает их:

— Эту коробку нельзя трогать! Дедушка узнает — влетит вам тогда!

Она отбирает у Ши-чэна парадную чиновничью шапку с красной кистью. Мань-си слышит возню, поворачивает голову и только теперь видит то, что Ши-чэн назвал «лепешкой»,— шапку, какие носили чиновники во времена Цинской династии.

— У вас в доме еще хранится такое старье?— спрашивает Мань-си.

— Здесь много всякого старого барахла!— шепотом говорит Цзюй-ин, показывая на коробку. — Все никуда не годное, зачем только старики это берегут?

Мань-си, которому «Бестолочь» уже не раз служил мишенью для насмешек, подходит и начинает рыться в коробке. В ней действительно много всякой всячины — сломанные заушины от очков, обломок нефритового браслета, три пластинки от веера, две пряжки, какие-то письма, брачные документы предков, не известно от кого оставшиеся мешочки, которые носили в «Праздник начала лета»... — все никому не нужные вещи. Ребятишки видят вышитые мешочки, тянутся к ним; Цзюй-ин смеется:

— Не трогайте дедушкины сокровища!

— Я тут хозяин! — говорит Мань-си. — Получайте по мешочку и носите!

Он дает им по мешочку и говорит Цзюй-ин, указывая на вещи, лежащие в коробке:

— На что они годятся? Сжечь? Они и гореть не будут; на удобрение они тоже не годятся; старьевщик тоже едва ли их купит! Мне кажется, их лучше...

Он хочет сказать: «Вывалить на пол и вымести с мусором», но он не говорит этого, а берет коробку и делает вид, будто выплескивает воду из ведра.

— Я бы так и сделала,— говорит Цзюй-ин,— да не хочется сердить стариков.

Мань-си хотел подразнить Цзюй-ин, но, увидев ее равнодушие к семейным реликвиям, успокоился. Цзюй-ин закрывает коробку и вместе с Мань-си продолжает убирать комнату.

Мешочки не одинаковые — один похож на бутылку, другой — на корзинку для цветов. Ши-чэн сначала меняет бутылку на корзинку, которая досталась Лин-лин. Немного погодя он снова выменивает бутылку. Через некоторое время он опять хочет меняться с Лин-лин, но, когда корзинка переходит в его руки, он предпочитает не отдавать бутылку и забирает себе оба мешочка. Лин-лин пытается вернуть свое, но четырехлетняя девочка не может справиться с восьмилетним мальчиком, и ей остается только признать свое поражение и заплакать.

— Ши-чэн,— говорит Мань-си.— Дай что-нибудь Лин-лин.

— Нет, не дам!— отвечает мальчик.

Цзюй-ин видит, что Ши-чэн неправ, но, вспомнив характер старшей невестки, матери Ши-чэна, не решается проучить мальчика и лишь говорит дочери:

— Лин-лин, зачем нам это? Завтра мама сделает тебе игрушку получше.

Но девочка не унимается, она плачет еще громче.

— Ши-чэн! — уговаривает озорника Мань-си.—Каждому полагается по мешочку. Отдай, не то я оба отберу.

Он отбирает у Ши-чэна корзинку и отдает ее Лин-лин. Мальчишка начинает буянить, ведет себя точь-в-точь, как его мать,— ревет, бранится, катается по полу, мешает Мань-си подметать.

Из комнаты напротив — через дворик — мать Ши-чэна, по прозвищу «Опасно тронуть», вступает в спор. Она громко кричит:

— Ши-чэн! Баловник! Раз тебя обидели, так иди домой! Нечего храбриться, разве ты не знаешь, с кем имеешь дело? У девочки есть мать! Есть и второй отец! А у тебя?

Мань-си шепотом говорит Цзюй-ин:

— Слышишь, что она кричит? Пойду-ка поговорю с ней.

— Да ладно уж,— махнув рукой, тоже шепотом отвечает Цзюй-ин.— Пусть себе ругается, нечего с ней связываться.

Ши-чэн все еще валяется на полу, ревет; его мать выходит во двор и громко говорит:

— Почему ты не ушел от них, негодник? Хочешь, чтобы тебя убили? Женщина вместе с чужим мужчиной занимаются черт знает чем, и ты не лезь к ним!

Мань-си, не обращая внимания на то, опасно ее трогать или неопасно, и не слушая уговоров Цзюй-ин, тоже выходит во двор и говорит матери Ши-чэна:

— Ты поясней выражайся! Что — мужчина и женщина?

— Я выражаюсь неясно? Зато вы сами выражаетесь яснее!

Мань-си хватает ее за руку:

— Пойдем потолкуем в другое место! Я хочу, чтобы ты говорила яснее!

Женщина, как только Мань-си, по прозвищу «Ветер», хватает ее за руку, падает на землю и кричит:

— Убили! Спасите!

Такие фокусы, может быть, и действуют на других людей, но на «Ветра» это не производит ни малейшего впечатления.

— Если ты и правда умерла, то придется за твою смерть расплачиваться собственной жизнью,— говорит Мань-си,— а если не умерла, то пойдем со мной!

Он с силой сжимает ее руку.

— Вставай!

«Опасно тронуть» пронзительно кричит «мама», но, повинуясь сильной руке «Ветра», покорно поднимается с земли; она не успевает встать на ноги, как «Ветер» уже тащит ее к воротам: спотыкаясь, она следует за ним. Услышав голос Мань-си, ее муж поспешно выходит, но «Ветер» уже уволок его жену. «Железная лапа» знает, что Мань-си не такой человек, который даст себя в обиду, и торопливо идет к воротам, чтобы как-нибудь остановить его.

— Дружище!— говорит ему Мань-си.— Надо выражаться осторожней. Цзюй-ин — жена воина Народно-освободительной армии, и я не хочу сносить речи твоей жены. Мы пойдем в суд. Если она права — пусть меня посадят в тюрьму; если же она окажется не права, то суд, во всяком случае, наведет порядок.

Тут во двор выходит «Бестолочь» со своей женой, прибегает плачущий Ши-чэн, за ним Цзюй-ин с дочкой. «Бестолочь», его жена и их сын «Железная лапа» знают, что Мань-си в денежных расчетах человек не мелочный, но несправедливости он не потерпит, даже такой, которую другие сочли бы пустяком. Ради доказательства своей правоты он забудет и урожай убрать и Новый год встретить. Все трое очень хорошо знают эту особенность Мань-си и спешат извиниться перед ним: жена «Железной лапы» думала, что сумеет одержать верх над Мань-си, но, видя, что все ее выходки ни к чему не привели, она помалкивает, а Мань-си все еще держит ее за руку.

В самом неудобном положении оказалась Цзюй-ин. Она — член

союза молодежи, и местная организация поставила перед ней задачу — наладить отношения в семье и бороться за перевоспитание своих отсталых родственников. Но «Бестолочь», его жена и старшая невестка смотрят на нее, как на своего врага, потому что, когда ее муж Ма Ю-си, вступивший прямо из школы в армию, пришел в дом ее родителей проститься с нею, Цзюй-ин, по мнению «Бестолочи» и его жены, могла удержать его, но не сделала этого,— вот они вместе со старшей невесткой и обижают ее. И вот теперь Мань-си, повздорив со старшей невесткой, впутал ее в это неприятное дело; ввязаться в сору — скажут, что член союза молодежи поругался из-за пустяков со сварливой бабой,— как-то неудобно; не ввязаться, дать этой ведьме осрамить себя — тоже не хочется; но она помнит о том, что должна перевоспитать своих родственников, что это ее долг,— значит, придется сдержаться и терпеть. Видя, что Мань-си все еще не отпускает руки старшей невестки, Цзюй-ин, не считаясь с тем, что ее оскорбили, а желая только помочь свекру, свекрови и их старшему сыну, уговаривает Мань-си:

— Мань-си! Зачем тебе это? Мне бояться нечего. Пусть болтает, что хочет. Ведь никто ей не поверит.

«Железная лапа», взяв Мань-си за руку, говорит:

— Да ладно, брат! Разве ты не знаешь, что это за баба?

Мань-си поднял шум не столько из-за личной обиды, сколько из-за клеветы на Цзюй-ин; видя, что Цзюй-ин не придает этому вздору никакого значения, он успокаивается и отпускает старшую невестку. Та, потерпев поражение, не осмеливается раскрыть рот и уходит, уводя с собой сынишку.

«Железная лапа» снова обращается к Мань-си:

— Брат, шел бы ты домой отдыхать. А я вместо тебя приберу комнату.

— Спасибо, я уж сам приберу,— говорит Мань-си и уходит продолжать уборку.

— Я пойду помогу ему,— говорит «Железная лапа» Цзюй-ин,— а ты иди — ребенку спать пора.

Цзюй-ин вместе с дочерью уходит.

Почему «Железная лапа» вдруг стал такой покладистый? Все это очень просто: рассердишь Цзюй-ин — она, чего доброго, потребует раздела; рассердишь Мань-си — тот возьмет и уйдет из бригады взаимопомощи; и тот и другой вариант, по его расчетам, не выгодны.

Итак, маленький инцидент исчерпан, и Мань-си с «Железной лапой» продолжают уборку комнаты.

Свободные помещения в деревенских домах всегда немного смахивают на склад. Взять, например, это помещение в доме Ма: там не так уж тесно от сваленных вещей, но по разнообразию и количеству их не так уж и мало — борона, мотыга, цеп, веники, шкаф с отломанными дверцами, металлический лом; самые тяжелые из этих вещей — две половинки гроба, заготовленного для себя «Бестолочью». Оба окна заложены кирпичами. Наш брат интеллигент провозился бы здесь бог знает сколько, для рабочего же или крестьянина это не представлялось столь трудным делом. Ван Мань-си и Ма Ю-юй действуют в полном молчании и притом довольно ловко; что надо ломать — ломают, что нужно собрать в кучу — сваливают в кучу, что надо вынести — выносят, что надо передвинуть — передвигают; привести в порядок окна, подмести пол, вытереть пыль — все это отнимает не больше часа; стол становится столом, стул — стулом, кровать — кроватью, и помещение принимает жилой вид.

Только после того как наведен полный порядок, Мань-си отправляется в дом с флагштоками за пожитками товарища Хэ.

8. СОРЕВНОВАНИЕ ПО ИСЦЕЛЕНИЮ ОТЦОВ

Сяо-цзюнь, вняв совету матери, бежит домой за фуфайкой, а затем в дом старосты Фань Дэн-гао. Там его дочь Лин-чжи, жена и юноша Ю-и, сын «Бестолочи», о чем-то говорят и смеются. Фуфайка в руках Сяо-цзюнь вызывает тревогу у жены Фань Дэн-гао — уж нет ли изъяна в фуфайке? Она перестает смеяться и обращается к пришедшей:

— В чем дело? Не подходит? В шкафу есть другие — обменяем!

Сяо-цзюнь не хочет признаться, что муж не дает ей денег, и она говорит, будто пришла обменять фуфайку на синюю,— она помнила, что синих не было. Хозяйка говорит:

— Синих нет.

— А эту мне не нужно. Подожду, когда привезут синие.

Она отдает красную фуфайку жене Фань Дэн-гао, бормочет что-то и убегает. Как только она исчезает, Ю-и высказывает предположение:

— Наверно, Юй-шэн не дал ей денег!

Разговор переходит на отношения Юй-шэна и Сяо-цзюнь, потом на прозвища родителей Сяо-цзюнь, а от них — на прозвища домашних Ю-и... Воистину: чем дальше в лес — тем больше дров.

Уже в течение трех лет Ю-и, встречаясь с Лин-чжи, болтает с ней о всякой всячине, а осенью нынешнего года их встречи участились.

Раньше, когда они учились в средней школе (мальчики отдельно от девочек), случаев поболтать выдавалось немного, и только во время зимних и летних каникул, когда они жили дома, они виделись довольно часто.

Встречались они обычно в доме родителей Лин-чжи, потому что ворота дома Ма всегда крепко заперты, там есть огромный рыжий пес, войти туда посторонним не так-то просто; к тому же у жены Фань Дэн-гао нет сыновей, и она любит, когда заходит молодежь. Поэтому дом старосты Фань Дэн-гао стал местом, где вели беседы во время каникул Ю-и и Лин-чжи; хозяйка сама принимала участие в их разговорах и, словно председатель собрания, улаживала ссоры, иногда вспыхивавшие между юношей и девушкой. В этом году отец отозвал Ю-и из школы до окончания занятий, Лин-чжи по окончании школы никуда учиться не поехала, они стали преподавателями школы по ликвидации неграмотности у себя в деревне и встречались теперь гораздо чаще. В этом году темы разговоров были иные, чем прежде; Ю-и и Лин-чжи стали уже взрослыми людьми и проявляли живейший интерес ко всему, что касалось брака. Это отметила и жена Фань Дэн-гао. Она исподволь выспрашивает дочь. Лин-чжи говорит, что твердо она еще ничего не решила, потому что Ю-и кое-чем ей не нравится — уж слишком он боится «Бестолочи», своего отца, но она надеется, что он, как член союза молодежи, в дальнейшем станет более передовым, поэтому она поддерживает с ним дружбу; к несчастью, в последние месяцы в поведении Ю-и не видно какого-либо поворота, и это ее огорчает. Работая вместе в поле и к тому же в одной бригаде взаимопомощи, они иногда ведут серьезные разговоры о труде, об учебе, но бывают и такие дни, когда Ю-и приходит в дом Фань Дэн-гао и начинается пустая болтовня, или является еще кто-нибудь и все садятся играть в карты — так же, как в воскресные дни, когда они еще учились в школе и приезжали домой на каникулы.

В тот вечер, о котором идет речь, жена Фань Дэн-гао, ее дочь и Ю-и заучивали скороговорку «на дворе — трава, на траве — дрова...» Каждый старался произнести ее быстрей другого. Но у жены Фань Дэн-гао ничего не получалось, и, пока она твердила «на дрове — двора», появилась Сяо-цзюнь с красной фуфайкой. После ее ухода разговор вертится уже вокруг нее и к дворам и дровам больше не возвращается. От Сяо-цзюнь разговор

переходит к прозвищам. Лин-чжи и Ю-и перечисляют прозвища своих родственников. Говорят они одновременно.

Лин-чжи:

— Твоего отца зовут «Бестолочь», мать — «Всегда права», а старшего брата...

Ю-и:

— Твоего отца зовут «Ловкач», мать...

Он смотрит на хозяйку, улыбается, но Лин-чжи не умолкает.

— Хватит, хватит!— говорит мать.— Кому же не известны прозвища ваших родителей?

Прозвище у жены Фань Дэн-гао не обидное — «Чистенькая», потому что после рождения Лин-чжи у нее больше не было детей и одежда на ней всегда чистая-чистая и в полном порядке.

Посостязавшись в прозвищах, Лин-чжи спрашивает у матери:

— Мама! Некоторых прозвищ я не понимаю. Вот, например, отец Ю-и,— он же очень хитрый, а почему его прозвали «Бестолочью»?

— Его прозвали так, когда он был еще подростком. Молодежь нашей деревни во время полевых работ пела обычно арии из опер, а он петь не умел, потом неизвестно у кого выучил одну арию и однажды ее запел. А там есть такие слова: «Бестолочь явилась в ваш дом».

— Так вот почему его прозвали «Бестолочью»!— перебивает Лин-чжи.

— Нет, это еще не все,— говорит мать.— Однажды он пахал свое поле; сначала он успевал спеть арию дважды, пока проходил борозду; но чем дальше он пахал, борозды становились короче и короче — его поле с одной стороны широкое, а с другой узкое; наконец борозды стали совсем короткими, гораздо короче арии, и ему приходилось прерывать пение, чтобы погонять скотину; только и было слышно: «Бестолочь явилась... Назад!», «Бестолочь явилась... Назад!» С тех пор и стали звать его «Бестолочью».

— Мой отец как будто рассказывал об этом,— говорит Ю-и,— только я тогда не все понимал.

— Можно сказать, что прозвище твоего отца укреплялось и развивалось,— замечает Лин-чжи.— Все это не так-то просто; сначала был этап формирования прозвища, потом этап его укрепления и дальнейшего развития.

— А прозвище твоего отца,— отзывается Ю-и,— произошло гораздо проще; не растерялся человек после освобождения — его и прозвали «Ловкач».

— На самом-то деле он и не ловчил, — говорит жена Фань Дэн-гао,— просто при переделе земли он получил несколько му земли получше, а люди, не разобравшись, и наградили его прозвищем.

— Будто больше ничего!— замечает Ю-и.

— Больше ничего. А двух старых мулов отец Лин-чжи купил потом,— говорит жена Фань Дэн-гао.— Не помнишь? В то время наша бригада взаимопомощи была больше нынешнего кооператива, купили двух мулов, работать на них нашлись охотники, а кормить никто не хотел. Потом, когда большую бригаду разбили на меньшие, мулы оказались никому не нужны, и их по сходной цене уступили нам.

— Это я помню, — говорит Ю-и. — Не то что мулы не были никому нужны, а в то время ни у кого не нашлось денег. А у дядюшки Дэн-гао почему они нашлись? Разве не потому, что за несколько лет хорошая земля дала ему возможность кое-что накопить?

После того как жена Фань Дэн-гао сказала о том, что прежде бригада взаимопомощи была больше нынешнего кооператива, разговор заходит уже о кооперативе.

— Если бы тогда придумали кооперативы, то не пришлось бы разбивать большую бригаду,— говорит Лин-чжи.

— Нет!— возражает ее мать.— В то время люди только еще начали организовываться, еще не было никакой системы, лоботрясничали. Разве можно сравнивать то, что было, с тем, что есть теперь?

— Если вы считаете, что в кооперативе так хорошо, значит, вы вступите в него нынешней осенью? — спрашивает Ю-и.

Лин-чжи и ее мать соглашаются в один голос, но соглашаются по-разному:

— Непременно вступим,— говорит Лин-чжи.

— Как отец посмотрит,— говорит ее мать.

— А мне кажется, что не вступите. У вас в семье трое, жена слушается мужа, а по принципам демократии меньшинство подчиняется большинству. Твой отец не захочет — и ничего, конечно, не выйдет!

— Откуда ты знаешь, что отец не захочет вступать в кооператив?— спрашивает Лин-чжи.

— Он говорил с моим отцом,— отвечает Ю-и.

— Когда?

— Когда убирали пшеницу.

— О чем говорил?

— Мой отец спросил, вступит ли он в кооператив после уборки, а он спрашивает моего отца: «А ты сам?» Отец сказал: «Я не вступлю». Тогда он говорит: «Раз ты не вступишь, и я не стану. Подожду, когда ты надумаешь, и тогда вступим вместе».

— Судя по этому разговору, еще нельзя сказать, что мой отец не хочет вступать в кооператив. Скорее всего, он пытался вовлечь и твоего отца.

— Что-то я об этом не слышал.

— Возможно, я и ошибаюсь,— говорит, подумав немного, Лин-чжи.— Ведь не зря партийная организация считает, что у него еще сохранились буржуазные взгляды. Разве мы можем мириться с этим?

— Взгляды — не такая вещь, чтобы их можно было заменить,— говорит жена Фань Дэн-гао.

— Заменить, конечно, не заменишь, но надо бороться за то, чтобы наши отцы стали сознательнее,— говорит Лин-чжи.— Мы должны бороться с буржуазной идеологией!

— Перед отцом ты и заикнуться об этом не посмеешь,— говорит мать.

— Не побоюсь, иначе какая же это борьба?— говорит дочь.

— Значит, член союза молодежи будет бороться против коммуниста?— говорит Ю-и.

— Если у коммуниста есть недостатки, то об этом может говорить каждый, а тем более об этом должен говорить член союза молодежи!— отвечает Лин-чжи.

— Отец тебя выучил на свою голову,— говорит жена Фань Дэн-гао.— Вот ты теперь и придираешься к нему.

— Мама! Это не значит придираться,— говорит Лин-чжи.— Это значит лечить болезнь. Мой отец дал мне возможность кое-чему научиться, и теперь я могу помочь ему — разве это плохо?— И обращаясь к Ю-и:— Твой отец тоже посылал тебя два с половиной года в школу, ты тоже должен лечить его!

— Сколько я его ни лечу, а улучшения не заметно,— говорит Ю-и.— И неизвестно, кто виноват — не то болезнь тяжелая, не то врач плохой!

— Не падай духом,— говорит Лин-чжи.— Мы заключим договор — каждый будет лечить своего отца, и я ручаюсь — мы их вылечим!

— Ладно,— отвечает Ю-и.— Значит, мы вызываем друг друга на соревнование! А что мы будем с тобой делать потом, когда их вылечим?

Он взглядывает на Лин-чжи.

— Вылечим — и все, чего же еще?— говорит девушка.— Разве что — ждать, что они снова заболеют?

— Я не это имел в виду,— смеется Ю-и.

— Я сразу поняла, что ты не это имел в виду,— очень серьезно говорит Лин-чжи.— Обязанность каждого члена союза демократической молодежи — бороться за прогресс в своей семье. Какое же еще можно поставить условие? Если и можно включить в наше соревнование какое-либо условие, то только такое: «кто скорее вылечит». А у тебя получается, «если потом ничего не будет, то я буду лечить!» Разве можно так ставить вопрос?

Ю-и чувствует, что сказал что-то не то, и спешит поправиться:

— Я пошутил. Разве я не буду выполнять наш договор и безо всяких условий?

— Хорошо!— говорит Лин-чжи.— Значит, будем считать, что ты пошутил. А теперь давай поговорим серьезно. Мой отец говорил твоему, что они, возможно, вместе вступят в кооператив. Если мы хотим, чтобы эти слова стали действительностью, то я должна нажимать на своего отца, а ты на своего,— пусть к зиме вступают в кооператив.

— Условия неравные!— говорит Ю-и.— Твой отец — коммунист, на него может воздействовать партийная организация; а мой отец ни в какой организации не состоит, никому до него нет дела, как же я один осилю его?

— А Цзюй-ин? Два члена союза молодежи в одной семье! Разве этого мало?

— Да что ты! Ты же знаешь моего отца?— возражает Ю-и.— Стоит нам сунуться к нему с кооперативом, так он и слушать не станет, закроет глаза и скажет: «Пошли вон! Занимайтесь своим делом!»

— Примерно так оно и будет,— говорит жена Фань Дэн-гао.— А попадете под горячую руку — еще и обругает.

Лин-чжи на минуту задумывается и потом говорит Ю-и:

— Очень может быть, что так и будет, но если подчиняться ему во всем, то ты сам станешь маленькой «Бестолочью». Если вы и вдвоем не сумеете подтолкнуть его вперед, то хоть не давайте тащить себя назад! Я вот что предлагаю: как бы он ни отнесся к этому, вы все равно будете его уговаривать и, возможно, добьетесь, чтобы он сдвинулся с места; если же в конце концов из этих разговоров ничего не выйдет, то, чтобы не идти у него на поводу, лучше всего разделиться с ним!

— Если Ю-и последует твоему совету, отец придет в бешенство,— говорит мать.— Старик боится, что крылья у Ю-и окрепнут, поэтому он и из школы его взял, не дал доучиться. Он часто говорил: «Из четверых детей двое улетели, не хочу, чтобы улетел и этот!» А твое предложение о разделе разве не означает, что Ю-и улетит из семьи?

— И стоит улететь!— говорит Лин-чжи.— А не улетит и будет ползать с ними еще несколько лет, то и превратится в ползуна, только и умеющего, что ползать!

— А если твой отец тебя не послушает,— спрашивает мать у дочери,— ты тоже захочешь улететь?

— Как же можно меня сравнивать с ним?— говорит Лин-чжи.— Послушается меня отец или нет, я все равно улечу рано или поздно.

Она громко смеется и прижимается лицом к груди матери.

— Полетим вместе, хорошо?— говорит Ю-и.

Лин-чжи поднимает голову.

— Вот ты всегда так. Раньше чем на что-нибудь решиться, ты ста-

вишь условия. А если я не полечу с тобой, то ты будешь ползти по-прежнему?

— Этого я не говорил. Я только хотел сказать...— пытается возразить Ю-и.

— Ладно, ладно! Теперь я по-настоящему узнала тебя,— говорит девушка.— Ты только передо мной разыгрываешь передового парня.

— Ты не имеешь права так пренебрежительно говорить о других! Будущее покажет, что ты говоришь глупости!

— Но ведь прошлое-то этого вовсе не показывает!— говорит Лин-чжи.— Уже больше полугода, как ты вернулся домой, а что успел сделать?

— Ты тоже почти три месяца как вернулась, а что ты успела сделать?

— Я уже писала об этом в нашу ячейку! А ты?

Ю-и не сразу находит, что ответить. Жена Фань Дэн-гао говорит:

— Как будто вы и взрослые, а иногда похожи на щенят: сначала вместе играете, а потом начинаете кусаться. Поговорим о чем-нибудь другом, ладно? Довольно уж придумывать, с какой бы стороны лучше зацепить своих отцов.

Лин-чжи спохватывается, что не к чему раскрывать свои планы воздействия на отца, и она быстро соглашается:

— Хорошо, уважим маму.

Потом, обращаясь к Ю-и:

— Удивительно! Болтали-болтали, и почему-то разговор вдруг перешел на это! Проведем сегодняшний вечер, как воскресный, поговорим о чем-нибудь менее серьезном!

У Ю-и точно гора свалилась с плеч. Припертый к стене, он ничего не мог ответить девушке. Они опять болтают, как вначале, перескакивая с предмета на предмет, пока жена Фань Дэн-гао не начинает зевать,— вечер разговоров кончается.

Лин-чжи, проводив юношу за ворота, уже собралась было возвращаться, как вдруг увидела, что у дома с флагштоками мигают лучи карманных фонариков; послышался собачий лай.

— Там, наверно, расходятся с собрания,— говорит Ю-и.

Лучи фонариков расползаются по деревне, кроме двух, которые удаляются в сторону большого кооперативного тока.

— Кому это понадобилось идти туда?— говорит Лин-чжи.— Наверно, это ополченцы,— отвечает Ю-и.

Луч карманного фонарика бьет им в лицо — подходит Фань Дэн-гао, отец девушки. Молодые люди здороваются с ним, и потом Лин-чжи, указывая на удаляющиеся от деревни огоньки, спрашивает у отца:

— Папа, кто там пошел?

— Это Юй-шэн пошел на ток испытывать какую-то штуку,— отвечает Фань Дэн-гао.

Вся деревня знает, что Юй-шэн — мастер на выдумки; уж если он что придумал — значит, интересно. Надо посмотреть. Фань Дэн-гао передает дочери фонарик и говорит:

— Пораньше возвращайся!

Лин-чжи обещает, и вместе с Ю-и они бегут на большой ток.

Там уже собралось пять человек: Юй-шэн — «Маленький мастер на все руки», его брат Цзинь-шэн — секретарь парторганизации, Чжан Юэ-и — председатель кооператива и двое дежурных ополченцев.

В свете карманных фонарей можно разглядеть кучи снопов, наваленные полукругом, как бы стеной охватывающие южную и восточную часть тока; в другой его части грудой лежат стебли уже обмолоченного проса и фасоли. Юй-шэн катит свою модель, подталкивая ее палкой, как это

делают с обручем ребятишки; первый круг пройден удачно, председатель кооператива и Цзинь-шэн в один голос говорят:

— Отлично.

Но второй круг каток проходит менее удачно.

— В чем дело? — спрашивает Чжан Юэ-и.

— Колеса деревянные, слишком легкие,— отвечает Юй-шэн.— Толкнешь чуть сильнее — и направление меняется.

— Ничего!— говорит Цзинь-шэн.— Лишь бы не было большой разницы; когда пойдет настоящий каменный каток, надо будет только постромки ослабить, и все будет в порядке.

Лин-чжи расспрашивает Юй-шэна, что это он делает и, узнав, что он хочет катки, ходившие на малом току, так подтесать, чтобы они стали пригодны для большого тока, говорит, обращаясь ко всем:

— Все это можно высчитать и без макета.

— Верно,— говорит Цзинь-шэн.— Счетовод Ли Ши-цзе тоже говорил, что может высчитать. Он сказал, что видел, как другие высчитывали, но, к сожалению, не запомнил, как они это делали. А ты сможешь все высчитать?

— Думаю, что смогу,— отвечает Лин-чжи.

Она присаживается на краю тока на корточки и вместе с Ю-и что-то рисует веточкой на земле, что-то говорит ему и потом обращается к Цзинь-шэну:

— Высчитать можно, только нужно сначала узнать размеры тока, длину каменного катка и толщину обоих его концов!

— Все эти размеры есть,— говорит Юй-шэн.— Сколько надо времени, чтобы все рассчитать?

— Немного, — отвечает Лин-чжи, — только нужно бы лампу, а при свете фонарика, второпях — трудно.

— Что верно, то верно! Если ты действительно сумеешь сделать полный расчет, то пойдем в контору. Там есть все, что нужно, — бумага, карандаши, счеты, — говорит Юй-шэн.

— Все вам подсчитаю. Пошли! — отвечает девушка.

Лин-чжи — девушка серьезная, все знают, что она зря болтать не будет, и они идут вместе с нею к дому с флагштоками, в контору.

Председатель говорит девушке, что расчеты сделаны только для одного катка, нужно их произвести и для двух других; Юй-шэн добавляет, что его подсчеты, возможно, не совсем точны и надо их проверить. Лин-чжи прежде всего спрашивает у Юй-шэна необходимые ей цифры и, написав формулу, говорит Ю-и:

— Ты высчитай для одного катка, а я — для двух.

Они считают раздельно. Лин-чжи, проверив подсчеты Юй-шэна, считает сама и называет результат, Чжан Юэ-и спрашивает у Юй-шэна, верно ли она подсчитала. Юй-шэн отвечает:

— Кроме самой малости, совершенно точно. Точнее сейчас подсчитать невозможно, да и не нужно.

— Вот что значит учиться в школе! — говорит Цзинь-шэн.

— Да, — замечает Юй-шэн. — Если бы нас раньше учили, то не пришлось бы столько времени возиться с макетом.

Через некоторое время сделаны расчеты и для двух других катков, и, таким образом, вопрос с катками разрешается благополучно.

9. ОБМЕН

На другой день, едва только забрезжил рассвет, старик Бао-цюань поднялся, привел в порядок инструмент, разбудил Юй-шэна и вместе с ним отправился на ток подтесывать катки. Жена Цзинь-шэна, пока ее малыш не проснулся, будит свою дочь Цин-мяо, чтобы та помогла ей под-

мести двор. Юй-мэй тоже встает и идет за водой. Не будят лишь Цзинь-шэна, который накануне лег очень поздно.

Юй-мэй возвращается с водой и говорит жене Цзинь-шэна:

— «Проныра» уже ругается возле своего дома.

— Мы разозлили ее, разве теперь ее остановишь? — говорит жена Цзинь-шэна.

— Она не нас ругает, а Мань-си, — говорит Юй-мэй. — Сейчас только вылью воду, все тебе расскажу.

Она идет в кухню, выливает воду в чан, выходит с пустыми ведрами во двор и говорит жене Цзинь-шэна:

—Увидела Мань-си и напустилась на него: «Обманул ты меня! Чтоб не найти тебе подходящей пары!» А Мань-си и внимания не обращает.

— Как же Мань-си удалось обмануть ее? — восклицает жена Цзинь-шэна.

— Сейчас я тебе расскажу, как он провел ее...

И Юй-мэй рассказывает, как вчера вечером искали помещение, куда бы поселить начальника отдела Хэ, как она подала мысль Мань-си поселить приезжего у «Бестолочи» и как все это было осуществлено.

— Раз вы оба ее обманули, — говорит жена Цзинь-шэна, — то ругань ее относится и к тебе; значит, и тебе не найти подходящей пары!

— И ты, наша старшая невестка, небось, помогла бы «Проныре» ругаться! — возмущается Юй-мэй и делает вид, будто хочет бросить в нее пустым ведром.

— Не шуми, не шуми, — говорит жена Цзинь-шэна. — Разбудишь брата.

— Я уже давно проснулся! — доносится из комнаты голос Цзинь-шэна.

Юй-мэй показывает язык, и они вместе с женой Цзинь-шэна заливаются смехом.

Юй-мэй вешает ведра на коромысло и собирается снова идти за водой, но останавливается, так как опять доносится голос брата:

— Давно бы вам пора за ум взяться! Конечно, обидеть человека легче, чем вовлечь его в кооператив. Вы там у себя приняли решение вовлечь старика До-шоу в кооператив, а вчерашней выходкой свели на нет работу нескольких месяцев.

— Обижай его или не обижай — все равно, — говорит Юй-мэй. — Какой толк, что у него в доме живут два члена союза молодежи и стараются вовлечь его в кооператив? «Бестолочь» и есть «Бестолочь»! Хоть всю жизнь его агитируй — ничего не получится.

— Значит, когда наступит социализм, такие, как он, останутся за бортом? Агитация — дело трудоемкое! Речь идет не об уничтожении таких людей, а о привлечении их на нашу сторону.

Цзинь-шэн уже оделся и выходил во двор.

— Разве ты не говорил, что, агитируя, нужно и воевать? — смеется сестра.

— Воевать тоже надо честно, один раз обманем — кто нам в следующий раз поверит? Не смейтесь больше над ним!

Юй-мэй считает разговор оконченным, уходит за водой, но не успевает она сделать и двух шагов, как слышит, что брат зовет ее снова.

Голос у брата уже не такой строгий, как минуту назад:

— Юй-мэй, поставь-ка ведра, я хочу поговорить с тобой о другом.

Девушка понимает, что разговор будет не об обмане «Проныры» и «Бестолочи», с облегчением вздыхает и, поставив ведра, спрашивает у брата, в чем дело.

— Наш кооператив приступает к распределению зерна. В прошлом

году у нас было только двадцать хозяйств и, когда пришло время распределять зерно, счетовод едва управлялся с работой; а теперь в кооперативе пятьдесят дворов, а счетовод один, как и в прошлом году, — боюсь, что он не управится. Я думаю мобилизовать ему в помощь Лин-чжи. Как, по-твоему, годится она?

— Конечно, годится, — отвечает сестра. — Но ведь она не член кооператива.

— Я думаю, что ей все равно, где работать. А в бригаду, где она работает, мы пошлем кого-нибудь другого, они, наверно, тоже согласятся. Лин-чжи — член союза молодежи, в кооперативе никто не будет ее обижать; думаю, что никаких причин для отказа нет.

— А кого же вы вместо нее пошлете в бригаду?

— Вот об этом-то я и хотел поговорить с тобой. Я думаю в их бригаду послать тебя. Согласна?

Юй-мэй сразу не находится, что ответить. Она клянет свою необразованность; да, она малограмотна, и это приходится признать. Только одно непонятно — почему ее, такую необразованную, считают самой подходящей для замены такого образованного человека, как Лин-чжи. Она, в свою очередь, спрашивает брата:

— В кооперативе людей много, почему нужно посылать обязательно меня?

— Есть к тому причины, — говорит брат. — У всех кооперативных бригад своя норма, и мужчин оттуда забирать нельзя. А если посылать работницу, то нужно сильную — нельзя давать повода для разговоров, что мы заботимся только о себе. У нас в кооперативе есть несколько хороших работниц, но все они, кроме тебя да Сяо-фын, беспартийные, их не уговоришь. К тому же и уговаривать их некогда. Сегодня, сразу после молотьбы, надо распределять просо, поэтому я и думал послать тебя. Сяо-фын — заместитель председателя кооператива, ее нельзя послать. Я считаю, что для кооператива так будет лучше, а тебя тоже не убудет. Ты подумай-ка над этим.

— Для кооператива, конечно, это будет неплохо, — говорит Юй-мэй, — ты, наверно, все это уже обмозговал, но я хочу подумать сама. Вот сейчас принесу воды и отвечу, ладно?

— Ладно, иди! — говорит брат.

Юй-мэй берет ведра, коромысло и уходит. Ее мать из своей комнаты кричит:

— На кого вы хотите там обменять мою дочь?

Жена Цзинь-шэна любит иногда пошутить со свекровью, она говорит:

— Кооператив даст тебе за нее штуку ситца.

— Не плохо, коли так! — смеется свекровь.

Юй-мэй выходит за ворота, и первая ее мысль — опять о своей малограмотности. Она и Лин-чжи одногодки. Им исполнилось по четырнадцать лет как раз в тот год, когда войска Народно-освободительной армии под командованием Лю Бо-чэна и Дэн Сяо-пина двинулась на юг (1947). В это время территория революционной базы Тайханшань была уже очищена от гоминдановских войск и школы в уезде официально восстановлены, однако учащихся еще не было, и уездный отдел народного образования разослал людей по деревням набирать учеников. Из деревни Саньливань сначала предполагали послать двух девочек — ее и Лин-чжи, но потом мать Юй-мэй начала говорить о том, что, дескать, четырнадцатилетняя глупая девчонка одна не проживет, да и ей самой не хотелось уезжать в город от матери, и в конце концов поехала одна Лин-чжи. Сейчас Лин-чжи окончила среднюю школу, а она забыла половину из того, что проходила в начальной школе, и должна теперь учиться в вечерней. И каждый раз, когда она вспоминает об этом, настроение у нее

лортится. Она чувствует, что способностей у нее не меньше, чем у Лин-чжи и только по своей глупости она отстала от нее. В детстве она слышала сказку, как одна девочка ходила к хозяйке священной горы и та ее чему-то учила, а в конце учения подарила девочке волшебную бутыль из тыквы, которая могла исполнять любое желание... Вот Лин-чжи владеет этой чудесной бутылью из тыквы — она получила образование. Юй-мэй тоже могла бы ее добыть, но опоздала, — эта мысль не давала ей покоя.

Погруженная в невеселые думы, она подходит к колодцу. Перед нею дожидаются своей очереди еще трое. Она ставит свои ведра рядом с их ведрами, снова задумывается о чудесной бутыли, но одергивает себя: «Что толку думать об этом? Для брата это ведь не может быть ответом!» И мысль ее уже работает в другом направлении. Первое, что приходит в голову,— в бригаде «Бестолочи» работать не трудно — из молодых женщин в ней только Чэнь Цзюй-ин, его третья невестка, а из пожилых женщин некоторые вообще не выходят в поле, а те, что выходят, не бог весть как работают, так что ей бояться их нечего. Вторая мысль уже о том, что в бригаде мало парней и там будет не очень весело, зато возможность работать рядом с Ю-и возмещает этот недостаток. Она подружилась с Ю-и с тех пор, как начались занятия в вечерней школе. И хотя волшебная бутыль из тыквы одарила Ю-и не таким множеством богатств, как Лин-чжи, его знаний все-таки достаточно, чтобы он мог стать ее учителем. Третья мысль — о системе оплаты в бригаде: там ведь оплата по тарифу, не то что в кооперативе, где просто распределяют доходы, — как бы не прогадать на этом! Четвертая — Мань-си говорил, что если харчи дает тот, на чьем поле работают, то они должны соответствовать трем цзиням * риса. «Бестолочь» любит, когда работники столуются у него, но кормят у него не сытно... Стоявшие впереди нее уже набрали воды, и те, что пришли после, торопят ее. Она опять вспоминает, что еще не приняла никакого решения, и со злостью сама себе говорит: «Почему это я только о себе думаю? А что сказать брату?» Она набирает воду, подхватывает коромыслом ведра и идет домой. Теперь ее мысли куда проще: «Чего тут думать! Разве это не заслуга, если благодаря мне в кооперативе прибавится хороший счетовод?»

Она входит с ведрами во двор, и брат спрашивает у нее:

— Ну как, обдумала? Пойдешь?

— Пойду! — отвечает Юй-мэй. — Прямо сейчас идти?

— Подожди, сначала я условлюсь обо всем. Сейчас я пойду на ток и повидаю председателя, — говорит брат и уходит.

— Подожди! — кричит ему вслед жена. — Захватил бы мешок пшеницы на мельницу. Юй-мэй! Перельешь воду, принеси мне плетенку и совок, ладно? Я пойду сначала в кооперативную конюшню за скотиной. — И, наконец, она обращается к свекрови: — Мать, присмотри, пожалуйста, за малышом. Если твой внук проснется, принеси его ко мне на ток, я покормлю его.

Цзинь-шэн взваливает на плечи мешок с пшеницей и уходит, его жена с дочкой отправляется следом за ним. Юй-мэй выливает воду, берет совок, плетенку, станок для просеивания муки, сито и тоже уходит.

Цзинь-шэн отнес пшеницу и ищет председателя кооператива, его жена ведет к жерновам мула, Юй-мэй, положив плетенку и совок, идет на ток. На полдороге она встречает мать с пятилетним племянником Ли-мином, вторым сыном брата, они идут к мельнице. Увидев дочь, старуха обращается к внуку:

---

* Цзинь — китайская мера веса около 0,6 *кг*.

— Иди с тетей на ток — там поиграешь. А на мельницу не пойдем, чтобы не мешать маме.

10. „ЕСЛИ БЫ И ТЕБЯ ОБМЕНЯЛИ...“

Каких только красок не увидишь на току в те дни, когда уборка вот-вот должна закончиться! Куда менее пестрым он выглядит сейчас, перед уборкой урожая. Снопы проса только начинают перевозить и складывать в скирды; за скирдами не разглядишь небольших холмиков гороха и клейкого проса — это ведь не основные продукты питания, и потому их сеют меньше. Сразу видно: вот кооперативный ток, вот ток бригады взаимопомощи, а это — ток единоличника. Самый заметный — большой ток кооператива, он в семь-восемь раз больше соседних; скирды стоят стеной. На току работает более тридцати женщин, они подхватывают снопы, которые председатель кооператива Чжан Юэ-и, стоя на скирде, скидывает вниз, и по его указанию несут их туда, где отделяют колосья от стеблей. После этого он с вилами в руках ходит от кучи к куче отрубленных колосьев и выравнивает их. Ребятишки, снующие на току и вокруг него, увеличивают суматоху. Старик Бао-цюань вместе с Юй-шэном оттащили два каменных катка в сторонку и обтесывают их. Председатель покрикивает — «сюда», «туда», «подальше», «поближе», женщины шумят, ребятишки кувыркаются в соломе и тоже галдят, и, словно отбивая для всех такт, доносятся удары молотков по зубилам: «Цзинь-цзинь, цзинь-цзинь»,— это сын с отцом обтесывают катки. Неподалеку, на одном из маленьких токов, художник Лян пишет картину. На токах бригад взаимопомощи работают тоже сообща, но, говоря уже о величине токов, высоте скирд, количестве людей, работа эта ни в какое сравнение не может идти с работой на кооперативном току. На токах единоличников возятся со снопами один-два человека, даже ребятишек не видно и не слышно. Им организационно-экономическое деление не помешало присоединиться к ребятишкам из кооператива.

В этом шуме и гаме Цзинь-шэн ищет председателя кооператива Чжан Юэ-и. Выслушав предложение Цзинь-шэна взять в кооператив счетоводом Лин-чжи, а вместо нее в бригаду взаимопомощи послать Юй-мэй, председатель говорит:

— Вчера я видел, как она ловко управилась с расчетами, и тоже думал, как бы нам ее перетащить в кооператив, а до этого не додумался.

Он очень доволен, что его намерения совпали с намерениями Цзинь-шэна, и поэтому говорит громче обычного. Вдруг он спохватывается: рядом с кооперативным током — ток бригады Ма До-шоу, где работает Лин-чжи, и она, наверно, все слышала; поглядев туда, председатель замечает, что Лин-чжи остановилась со снопом в руках и, показывая в их сторону, что-то говорит Ма Ю-и. «Наверняка слышала», — думает председатель и, кивая в ее сторону, говорит Цзинь-шэну:

— Она все слышала!

Цзинь-шэн смотрит на Лин-чжи, а она и Ю-и смотрят на Цзинь-шэна и председателя. Все четверо начинают смеяться.

Цзинь-шэн подходит к девушке и тихонько говорит:

— Раз слышала, так давай потолкуем без посторонних. Хочешь к нам счетоводом?

— Очень хочу! Ведь это хороший случай еще подучиться. Ты не мог бы поговорить с моим отцом?

— Конечно, поговорю! А ты покуда помалкивай, подожди, пока все утрясем, тогда и объявим. «Железная лапа» — ваш заместитель брига-

дира, наверно, подслушал. Ю-юй! — зовет Цзинь-шэн. — А ты как считаешь?

«Железная лапа» заметил, что Цзинь-шэн и Лин-чжи о чем-то шепчутся, и, полагая, что речь идет о несознательности его семьи, навострил уши. Но самого начала он не разобрал и забеспокоился — не о нем ли говорят. Вопрос Цзинь-шэна застал его врасплох; сделав вид, будто он ничего не слышал, Ю-юй спрашивает:

— В чем дело? Вы меня зовете?

Цзинь-шэн излагает Ю-юю суть дела, тот быстро соглашается:

— Это можно! Зачем же препятствовать способному человеку? В нашей бригаде ей не развернуться.

На самом же деле «Железная лапа» уже сообразил, что ему даст этот обмен. Юй-мэй физически гораздо сильнее Лин-чжи.

— Как хорошо было бы, если б и тебя обменяли, — тихо говорит Лин-чжи, обращаясь к Ю-и.

— Разве ты не знаешь, в какой семье я живу? — так же тихо с унынием отзывается юноша.

Пока дело идет хорошо, и Цзинь-шэн говорит председателю:

— Все в порядке, я пошел к старосте. Он все-таки отец, и с ним надо потолковать.

— Подожди! Еще надо это согласовать с Вэй Чжань-куем, — отвечает председатель, потом, подумав немного, добавляет: — А впрочем, иди! Я сам с ним поговорю, как только он вернется.

Цзинь-шэн уходит.

Через некоторое время со снопами возвращается звено, состоящее из десятка крепких ребят.

— Все перетаскали? — спрашивает председатель.

— Еще немного осталось, — отвечает звеньевой Вэй Чжань-куй. Они переносят снопы, которые не успели перетаскать накануне, поэтому их не скирдуют, а прямо сваливают перед женщинами, отрубающими колосья. Свалив ношу, молодежь опять уходит.

— Чжань-куй, ты не уходи, — останавливает председатель звеньевого. — Мне надо с тобой потолковать.

Звеньевой подходит, и председатель говорит ему о Лин-чжи и Юй-мэй.

— Ну что ж! — говорит звеньевой. — Только тогда вместо нее дайте нам другого человека.

— Как тебе не стыдно! Ведь в твоем звене две трети молодых ребят всего нашего кооператива. Неужели вы не управитесь без одной девушки?

— В этом году мы просчитались с нормами,— отвечает звеньевой.— Взять хотя бы вот тот участок в четыре му, с которого мы таскаем снопы, — когда устанавливали норму, то считали, что будет сто двадцать охапок, а мы перетаскали уже сто сорок, да еще охапок шестнадцать осталось...

— Подумаешь, разница — всего тридцать шесть охапок! Ну, пробежитесь на два раза больше — все и перетащите.

— Если б только перетаскивать! А ведь мы и жнем, и в снопы связываем, и переносим — разве мало работы?

— Да это не только в вашем звене, у всех так же, — мы при подсчете малость занизили урожайность.

— Дело не в том, что нам придется больше поработать. Я боюсь, что мы не управимся во-время. Позавчера, тридцать первого августа, мы подсчитали у себя в звене, что до конца года нам по нормам надо выработать только четыреста два трудодня, но мы можем к концу сентября выработать пятьсот десять, а если исходить из действительного положения вещей, то, учитывая все, что осталось в поле, — выйдет более

шестисот. К тому же Юй-мэй такая хорошая работница, что она любого парня за пояс заткнет...

— Ты распредели получше работу, — перебивает его председатель, — пусть каждый из твоих ребят поменьше толчется на току — сколько на этом можно сэкономить, посчитай-ка! А помнишь, сколько в прошлом году, в конце, было возни с расчетами?

— Это я все понимаю, — отвечает звеньевой. — Обмен тоже одобряю, боюсь только, что мы не справимся. Скажи, председатель, как быть? Забрал бы ты у нас временно несколько му земли!

— А разве это не все равно — забрать у вас часть земли или дать лишнего человека? Подожди, я подумаю...

Старик что-то подсчитывает, потом говорит:

— В общем что-нибудь можно придумать — огурцы и тыкву уже продали, из поздних овощей осталось немного сельдерея да баклажанов, редьку и капусту будем продавать только через месяц с лишним, а похолодает — отпадет и поливка; в общем одного человека вам, наверно, выделим. Значит, решено! Даю тебе одного человека, а Юй-мэй ты отпусти поскорей.

— Когда?

— Сейчас же, а вместо нее я пришлю тебе кого-нибудь самое позднее — завтра, — говорит председатель.

«Ничего не поделаешь», — думает звеньевой и соглашается.

11. ТАЙНА СТАРОСТЫ ФАНЬ ДЭН-ГАО

Цзинь-шэн, подойдя к воротам дома Фань Дэн-гао и услышав, что тот ругается со своим погонщиком Ваном, делает шаг назад. Он не собирается подслушивать — да и пожелай он это сделать, он все равно ничего не понял бы, так как из всей ругани можно только разобрать «расчет так расчет», «нельзя сразу поспевать в два места» и т. д.; боясь своим внезапным появлением поставить спорящих в неловкое положение, он решает подождать, когда они кончат ругаться, и только потом войти. Он ждет несколько минут, но они и не думают останавливаться — судя по всему, у них и нет такого намерения, и они, по всей видимости, могут так переругиваться до вечера. Цзинь-шэн — человек занятый, ему нельзя долго ждать; громко постучав в ворота, он зовет хозяина. Ругань сразу затихает, и голос хозяина спрашивает:

— Кто там?

Только после этого Цзинь-шэн входит.

Увидев Цзинь-шэна, Фань Дэн-гао пугается — не слышал ли тот ругани? Он суетливо приглашает гостя сесть и спрашивает:

— Что это привело тебя в такую рань?

Староста пытается отвлечь внимание Цзинь-шэна от ссоры, но как его отвлечешь, если погонщик все еще торчит здесь! Мало того, этот погонщик, не дожидаясь, пока Цзинь-шэн ответит, обращается к Фань Дэн-гао:

— Сначала со мной покончи! Мне надо молотить! Отпусти на полтора дня...

Теперь у Фань Дэн-гао только одно желание — лишь бы погонщик не сболтнул лишнего, поэтому он на все согласен и говорит торопливо:

— Ступай, ступай! Мулов погонишь послезавтра!

Погонщик уходит, а Цзинь-шэн, прежде чем заговорить о своем деле, как бы между прочим спрашивает:

— Из-за чего это хозяин повздорил с работником?

Фань Дэн-гао знает, что коммунист не имеет права держать работ-

ника, и сразу теряется, когда о нем и о погонщике говорят «хозяин», «работник». Поэтому он поспешно отвечает:

— Я же говорил в парторганизации, что мы на равных началах занимаемся подсобным промыслом. Скотина — моя, капитал — его, как же можно говорить «хозяин», «работник»?

— Ну, знаешь, этим не обманешь и младенца, — говорит Цзиньшэн. — Ведь всем известно, что он только по возвращении в деревню, в 1950 году, получил три му земли. Откуда же у него капитал?

Этот погонщик по имени Ван Сяо-цзюй — сирота из деревни Хоушаньцунь, которая находится в десяти ли к западу от деревни Саньливань. Двенадцати лет он лишился родителей и нанялся в работники к одному торговцу скотом в уездном городе Линьхэчжэне. Со временем он стал разбираться в скотине, сделался посредником по продаже скота и здесь же, в Линьхэчжэне, женился. В 1947 году, при разделе земли, из его родной деревни прислали человека спросить, будет он заниматься землей или нет; работать он не любил и поэтому сказал, что в деревню не вернется. Раньше почти все посредники занимались спекуляцией. В 1950 году за махинацию с продажей партии скота он был осужден органами народной власти на полгода исправительно-трудовых работ; по отбытии срока он обязан был вернуться в деревню и заняться честным трудом. К этому времени всю землю уже поделили, за исключением той части, которую оставили для демобилизованных из армии. Комиссия, ведавшая распределением этой земли, незамедлительно выделила Вану три му. Вообще-то ему можно было бы дать и больше, но он сказал, что много земли ему не надо, так как боится, что не выполнит поставок, поэтому и попросил только три му.

Даже два хороших работника на поле в три му в лучшем случае могут лишь свести концы с концами, а эти молодожены никогда на земле не работали; естественно, им приходилось трудновато; правда, вскоре они вступили в бригаду взаимопомощи и за несколько лет, при желании, могли бы привыкнуть к земледелию, и вполне возможно, что их приняли бы в сельскохозяйственный кооператив и жизнь супругов пошла бы еще лучше. Но Ван, хотя и вступил в бригаду взаимопомощи, трудовую дисциплину не соблюдал, время от времени уезжал в город и попрежнему продолжал втихомолку заниматься темными делишками вместе с другими спекулянтами.

Однажды, осенью 1951 года, после уборки урожая Фань Дэн-гао отправился со своими мулами в город за товаром и на полдороге встретился с Ваном.

— Староста! — сказал Ван. — Хочешь, я буду гонять твоих мулов?

Фань Дэн-гао давно уже подумывал о том, чтобы нанять работника, но он, во-первых, был членом партии, а коммунистам наем работников не разрешается — это могло повлечь за собой исключение из партии, и, во-вторых, после земельной реформы мало кто хотел идти в работники; по этим причинам он никого и не нанимал. На вопрос Вана он шутливо ответил:

— Что ж, можно! — а про себя подумал: «Нет, такого работника мне не надо».

Дальше они пошли вместе. Фань Дэн-гао тем временем соображал про себя: «Сейчас мало кто хочет наниматься в работники, а таких, что сами напрашиваются, — еще меньше. Недостатки же есть у всякого человека». И он прикинул в уме достоинства Вана — служил у торговца скотом; сам торговал скотиной — значит, за мулами будет ходить хорошо; часто бывает в городе — такого не обманут, если послать его за товаром. Фань Дэн-гао решил, что дело стоящее. Тут же и было достигнуто соглашение, состоявшее из четырех пунктов: первый — жалованье двести тысяч

юаней в месяц; второй — пять процентов с выручки; третий — полевыми работами не заниматься и четвертый — говорить посторонним, что они совместно занимаются подсобным промыслом, а не то что один из них хозяин, другой — работник.

Сегодняшняя ссора разгорелась оттого, что Дэн-гао упрекал Вана в нарушении договора, а Ван утверждал, что их соглашение тут совсем ни при чем. Фактически же дело обстояло вот как: мулы постоянно перевозили чужие товары, иногда Дэн-гао посылал Вана за товарами для себя, в этом случае ассортимент утверждался Дэн-гао, но Ван имел право маневрировать: если представлялась возможность купить что-нибудь более выгодное, то он мог вносить поправки в планы Дэн-гао. На этот раз закупка вязаных шерстяных изделий была утверждена Дэн-гао, но, когда Ван закупал товар, он столкнулся со знакомым ему представителем снабженческо-сбытового кооператива, закупавшего товар на том же государственном складе, и благодаря его содействию приобрел товар по оптовой цене, установленной для организаций. Приобретая товар по льготным ценам, Ван думал обрадовать хозяина, но когда по возвращении он рассказал об этом, то Дэн-гао, хотя и не выразил вслух своего неудовольствия, про себя выругал Вана за несообразительность: мало того, что он закупил такой же товар, что и кооператив, он вдобавок что-то кому-то перевозил и вернулся только через два дня, когда в лавку кооператива уже прибыла партия такого же товара. В лавке розничные цены немного выше закупочных, ибо сюда включаются транспортные и другие накладные расходы. Для частника выгодно закупить товар по льготным ценам, но продавать его по такой же цене, как и в лавке потребсоюза, невыгодно. Фань Дэн-гао думает: «Судя по всему, эта партия товара не только не принесет барыша, но и с рук ее не сбудешь, остается только спрятать в шкаф и уменьшить тем самым оборотный капитал». Именно об этом он сокрушался до поздней ночи, а утром не успел он подняться, как Ван стал отпрашиваться домой убирать урожай, а это шло вразрез с корыстными расчетами Фань Дэн-гао. У погонщиков есть поговорка: «Хочешь нажиться — в горячую пору не надо лениться». Чем горячее пора, тем меньше свободной скотины, тем выше стоимость перевозок. Дэн-гао прикидывает: «Если в эти дни мулы простоят без дела, то не только ничего не наживешь, но зря придется скармливать им доу бобов в день. Себе дороже». Нехорошо со стороны Вана так безразлично относиться к его расчетам. Изложив работнику все эти соображения, он лишает его отпуска.

— Скоро год, как я у тебя работаю, — говорит Ван, — ты должен и со мной считаться. У меня всего три му земли, жена прислала записку, что завтра надо молотить, неужели ты не отпустишь меня?

— Молотьбой вместо тебя займется ваша бригада взаимопомощи! Сколько у тебя есть — столько и обмолотят. Боишься, что тебя обжулят? Ты говоришь, я должен считаться с тобой. Разве я не считаюсь — двести тысяч в месяц, да еще надбавка — это, по-твоему, пустяки? А вот ты-то не очень считаешься со мною — отлыниваешь от дела в такое время, когда можно поднажиться.

— Жалованье и надбавку я получаю за свой труд, а не потому, что ты шибко заботишься обо мне.

— Так нечего об этом и говорить! Раз ты получаешь деньги, то должен как-то считаться и с моей выгодой. Разве я взял тебя только для того, чтобы платить деньги?

— А разве я только беру твои деньги и не гоняю твоих мулов?

— Хочешь заниматься своим хозяйством — сиди дома. Если же хочешь работать у меня, то в такую горячую пору не проси, чтобы я тебя отпустил. Нельзя поспевать сразу в два места!

— Я тоже не могу все бросить ради твоей торговли. Сегодня мне надо быть дома — и все! Если тебе это не нравится, давай расчет.

— Расчет так расчет! Давай считать, кто кому должен.

— То, что я взял вперед, я верну тебе. Скоро верну. За твои двести-триста тысяч меня не купишь.

Чем больше они ругались, тем больше возникало поводов для этого, ни один из них не давал другому спуску. Дэн-гао, узнав, что Ван не может сейчас вернуть долг, был непреклонен; Ван со своей стороны знал, что Дэн-гао скрывает от всех их истинные отношения и не посмеет заговорить об этом на людях, и потому не отступал ни на шаг. И если бы не пришел Цзинь-шэн, то неизвестно, чем кончилась бы ссора.

Дэн-гао видит, что Цзинь-шэн догадался о его истинных отношениях с Ваном, и говорит со вздохом:

— Эх! Говорю я тебе правду, а ты не веришь, что тут поделаешь?

— Не только я тебе не верю, никто тебе не верит. Ладно, об этом поговорим потом, на партийном собрании. Сейчас я хочу потолковать с тобой по другому делу.

И он рассказывает старосте о своем плане назначить его дочь счетоводом в кооператив, а вместо нее в бригаду послать свою сестру Юй-мэй. Нежелание секретаря партийной организации сейчас же расследовать дело с работником староста воспринимает как амнистию; а узнав, что способности его дочери получили высокую оценку у такого важного начальства — секретаря партийной организации и председателя кооператива, чувствует себя польщенным и охотно соглашается:

— Чего уж лучше, если только она справится с работой!

Но тут вбегает Цин-мяо, дочка Цзинь-шэна, и кричит:

— Папа! Тебя ищут товарищи, приехавшие из района!

— Ну, я пошел, — говорит Цзинь-шэн старосте. — Значит, договорились?

— Идет! — отвечает староста.

Цзинь-шэн со своей дочкой уходят.

(Продолжение следует)

Кришан Чандар

ДРЕВО ВОДЫ

Перевод с хинди И. Кудрявцевой и И. Рабиновича

Наша деревня лежит в долине между грядами каменистых гор. Восточная гряда — голая. Ни деревца, ни кустика, ни травинки. В глубине ее залегли соляные копи. Западная гряда поросла кустарником и акациями. Кое-где эту зелень разделяют мрачные нагромождения скал. С гряды текут два драгоценных источника — два ключа пресной воды. Около них-то и приютилась наша деревня.

Нам не хватает воды. С детства запомнились мне раскаленное небо, потрескавшаяся, тяжело дышащая земля, темные руки крестьян, бурый блеск их лиц — блеск, говорящий о вековой жажде. Лица женщин светлее, они золотисты, но ведь женщины носят воду из ключа. На всем остальном лежит тот же бурый цвет — на одежде крестьян, на домах, на земле. Баджра * чуть темнее, черноватая.

Все воспоминания моего детства связаны с водой — жажда воды, убыль воды, поиски воды. Сердце каждого жителя нашей деревни хранит память о воде и об ужасе разлуки с нею.

Помню, как я еще малышом ходил с бабушкой Амман стирать белье на речку Кхель. Бабушка полоскала, а я колотил белье на сверкающем песке. Воды в речке было мало. В сущности, это был тоненький ручеек, спокойный и ласковый, как Бало, дочка нашего соседа Сардара Сада Хана. Я любил играть с речкой не меньше, чем с Бало. Обе они, и речка и Бало, улыбались мне светлой улыбкой. Только тот, кто вроде меня работает в соляных копях, может оценить радость, которую дарили мне эти улыбки.

Но речка наша жила не больше шести месяцев в году. В жаркую пору она пересыхала. Тогда на обнажившемся дне можно было видеть маленькие синие камушки, а ноги ступали по мягкому илу, как по шелковому ковру. Проходило несколько дней, ил высыхал, и дно речки покрывалось густой сетью морщин. Затем оно трескалось, как губы крестьян.

Помню, когда я первый раз увидел пересохшую речку, то так испугался, что вечером долго не мог заснуть. Укачивая меня на коленях, бабушка рассказывала удивительные истории, а я вспоминал Кхель и свои игры с нею. Спокойно журча, она вдруг резвым потоком огибала груду камней и, словно Бало, рассердясь, убегала от меня в укромный закоулок. Однажды мы с Бало устроили возле двух камней мельничное колесо из колосков баджры и в игре воображали, что мелем набухшее зерно. Как быстро вертелась наша мельница, несмотря на тихое течение! И вот — пересохла теперь наша Кхель...

* Баджра—вид проса.

— Бабушка Амман, а куда ушла наша речка? — спросил я, следуя собственным мыслям.

— Спряталась в землю.

— Почему?

— Боится солнышка.

— Ух! Да чего же она боится? Солнышко доброе, хорошее.

— Солнышко не одно, внучек, их два. То, что светит зимой, — хорошее, ласковое. А летнее солнышко — сердитое, жаркое. Они к нам в деревню приходят по очереди. Пока гостит зимнее солнышко — речке радость. А как подкрадется летний разбойник, так пойдет стаскивать с речки ее платье. Каждый день уносит этот злодей какую-нибудь одежду, и к концу лета у речки остается только тоненькая рубашонка. Тогда наша речка прячется от стыда в землю, поджидает зимнее солнышко. Придет оно и даст ей новую одежду.

— Летнее солнышко дурное!— сказал я, протирая глаза.

— Верно, дурное. А теперь спи, внучек, спи.

Но сон не шел ко мне, и я снова спрашивал:

— Бабушка Амман, почему вода с нашей соляной горы горькая?..

Много вопросов о воде задавали дети нашей деревни. Их мечты всегда были связаны с водой. В других деревнях, где воды было много, ребята, наверно, открывали золотые острова или искали дорогу в страну пари *. В нашей деревне ребята с раннего возраста открывали воду. Где бы ни шла игра, в лощине или в горах, вода была обязательной участницей детских игр.

И я, будучи еще малышом, нашел воду — в соляной горе я открыл несколько ключей. До сих пор помню радость, пережитую мной, когда я увидел первый ключ. Весь дрожа, манил я к себе пальцами струйку, бившую из расселины скалы. Я набрал целую пригоршню. Вода трепетала в моих ладонях, как только что пойманная птичка. Какой же судорогой отвращения сменилась моя радость при первом глотке! Вода ужалила мой язык, словно скорпион, своей соленой горечью. Отплевываясь, я принялся искать другой источник. Но и до сих пор не удалось мне найти на соляной горе ни одного пресного ключа.

* * *

Речка пересохла, и мечты о пресной воде неотступно томили меня.

— Бабушка Амман,— приставал я,— почему же вода с соляной горы горькая?

— Об этом говорится в сказке.

— Так расскажи.

— Как-нибудь потом... Сейчас спи!

— Сей-час рас-ска-жи, ба-буш-ка!..

— Ну ладно, расскажу, только не перебивай.

— Не буду, не буду!..

— Ну, так слушай. Когда-то это была не соляная гора, а женщина. Она была женой дэва ** — горы, откуда сейчас течет пресный источник...

— Ну, бабушка, ну, рассказывай!..

— А дальше было вот как. Дэвы пошли войной друг на друга, и наш дэв, оставив свою жену, тоже пошел воевать. А перед уходом он строго-настрого наказал жене: «Никуда не ходи, ни с кем не говори, жди, пока я вернусь...»

— Ну, бабушка, ну!..

---

* Пари — волшебница, фея.

** Дэв — волшебник-великан.

— Вот ждет жена своего мужа, поджидает, а его все нет как нет. Но тут однажды пришел к ней — только не муж... а...

— Кто?!

— Пришел белый дэв и сказал: я тебя люблю.

— Бабушка, как это — люблю?

Чуть помолчав, бабушка Амман сказала:

— У нас с тобой был уговор не перебивать!

Я испугался. Если бабушка Амман рассердится, то не станет рассказывать, а ведь дальше-то самое интересное! Надо слушать молча. Успею еще спросить, что такое любовь.

И я принялся упрашивать:

— Дальше, бабушка, дальше, я не буду перебивать!

— Жена западной горы нарушила клятву,— сухо продолжала бабушка.— Обманул ее белый дэв. Он сказал ей: «Твой муж убит на войне дэвов». И тогда она вышла замуж за белого дэва.

Бабушка казалась недовольной, как если бы сказка все меньше нравилась ей.

— Почему же дэвы начали воевать?— сорвалось у меня с языка.

— Опять перебиваешь,— сказала бабушка Амман нахмурясь.— Не стану я тебе больше рассказывать. Спи!

— Нет, нет, не буду, не буду!.. Бабушка, хорошая моя, дорогая, не буду же я больше... Ну, бабушка!..

— Ладно, слушай дальше... Через много, много лет вернулся в нашу долину старый дэв. Это был первый муж неверной женщины. Увидел он свою жену с белым дэвом, рассердился, схватил топор и зарубил обоих, белого дэва и женщину. Тогда большой пир * заколдовал дэвов, превратив их в каменные горы. Вода западной горы сладкая, потому что дэв любил свою жену. А вода восточной горы всегда будет горькой, соленой — это неверная жена горюет, плачет о своей измене. Слезы ее засыхают крупинками соли. Эту-то соль твой отец и вырубает каждый день в копях...

Бабушка Амман вздохнула и задумалась.

— Все?— робко спросил я.

— Все, внучек, кончилась сказка.

Я сладко вздохнул и едва лишь закрыл глаза, как погрузился в сон. Мне приснилась соляная копь, где работал отец, где должен был со временем работать и я.

Первый раз я попал в эту копь, когда вместе с бабушкой принес однажды отцу обед. Ах, эти копи! Кругом — горы соли. В соляные стены словно вставлены соляные зеркала. В одном месте вода, просачиваясь через кровлю, образовала соляной пруд. Я понял, что это тоже слезы женщины, превращенной заклятием большого пира в соляную гору.

Отец взглянул на пруд.

— Сколько воды!..— сказал он.— Только не для человека. Как проработаешь здесь денек-другой, все тело покроется соляной коркой. Если почесать ее, она ломается. И такая дурь находит, так хочется найти настоящий пруд и нырнуть...

* * *

Вода, вода!..

Наша деревня получала ее из пересыхавшей на полгода речки Кхель, но пришло время, когда и этого не стало. Только синие камни ее дна, сухой песок да унылые шаги женщин вдоль прежнего берега отмечали былой ее путь. Но это уже не дни моего детства, это повесть моей юности.

* Большой пир — глава волшебников.

Где-то далеко-далеко от нашей деревни раджа Акбар Али Хан, владелец поместья в сотни миль, вопреки воле моих односельчан, изменил течение речки. Он направил ее в свое поместье, а нашу долину и соседние земли превратил в сухую, бесплодную пустыню. И тогда все, кто жил по берегам речушки, застонали, словно дети, осиротевшие после смерти матери.

Я помню, как мои односельчане вместе с крестьянами других деревень подали жалобу властям. Они протестовали против самоуправства раджи и просили вернуть им отведенную речку. Ведь река, рассуждали они, — это хозяйка дома. Река дарит нам воду, она работает в поле, моет белье, смывает грязь с наших тел. Наши деревни без воды — как дом без хозяйки. Крестьянам казалось даже, что отвод воды — это все равно как кража, как будто кто-то выкрал из дома их родную дочь. В этом случае они бы так же горевали, так же хмурились... Крестьяне говорили о смерти.

Но раджа Акбар Али Хан был самым богатым землевладельцем Чаквальской илаки *. Чиновники были с ним заодно. Да и подряд на разработку соляных копей принадлежал также ему. Крестьяне не получили обратно своей реки. К тому же многих крестьян, работавших на соляных копях, выбросили с работы. Они были виновны в том, что осмелились требовать возвращения украденной воды.

Помню, в тот день отец прибежал домой сам не свой. Схватившись за голову, он все повторял:

— Прости, боже! Прости, боже! Какая ошибка! Если бы не милость аллаха, раджа сахиб и меня бы вышвырнул. Да уведи теперь раджа джи ** не то что воду — дочь мою родную, я и тогда не стану жаловаться!

И правда, вода в нашей деревне ценилась так же высоко, как честь девушки. Вода, приносящая жизнь, вода, текущая кровью в наших жилах, вода, которой не хватало, чтобы вымыть лицо, выстирать рубаху, вода, от недостатка которой мы обовшивели, тела наши покрылись густым липким потом, а душа — коркой соли, такая вода дороже золота и красивее девушки.

Да что тут говорить — спросите-ка лучше о цене воды у наших крестьян, вся жизнь которых проходила в ссорах из-за нее. Однажды, например, поссорились Сайдан, жена Сардара Хана, и Айшан, жена Аюба Хана. А ведь они были подругами — дома их стояли рядом, целый день они были неразлучны, вместе и по воду ходили. Ключ далеко, тропинка одна — набрав по очереди воды и подняв друг дружке кувшины на голову, возвращались они потихоньку домой, судача о деревенских делах. Кто знает, что случилось в тот злополучный день — торопились ли они обе или что другое было причиной вспыхнувшей ссоры, только одна из них сказала:

— Сначала я наберу воды!

Другая ответила:

— Нет, я!

Вероятно, это случилось потому, что, когда пересохла речка, остался только один ключ с пресной водой, и приходилось ходить очень далеко — за три коса ***. Женщины затемно выходили с кувшинами. Их ожидала длинная очередь у ключа. Тоненькая струйка воды не могла наполнить кувшин и за полчаса...

Так или иначе, поссорились женщины из-за воды. Они расцарапали друг другу лица, разбили кувшины, разорвали платья. Уже стемнело,

---

* Илака — область.

** Джи — почтенный, уважаемый.

*** Кос — около четырех километров.

когда они вернулись домой. Сайдан пожаловалась Сардару Хану, Айшан натравила Аюба Хана. Не помня себя от гнева, выбежали мужья с топорами в руках и, прежде чем люди успели вмешаться, зарубили друг друга. Так похоронили мы в один день двух соседей сразу. И много еще других могил на нашем кладбище породила нехватка воды.

Это двойное убийство, связанное с водой единственного ключа западной горы, произошло в дни моей юности. Позже там появился новый источник. Удивительная его история стоит того, чтобы о ней вспомнить.

В Патхухаре был страшный голод — все реки, каналы и колодцы нашей илаки иссякли от жары и засухи. Только в ключах горных расселин, куда не добирался палящий солнечный зной, оставалось немного воды. Наши женщины отправлялись за водой в два часа ночи. У ключа выстраивался длинный ряд пустых кувшинов, а дома плакали дети, изнывая от жажды.

Большие, богатые люди потеряли тогда всякий стыд, забыли бога. Сущим шайтаном показал себя зайлдар * Малик Хан, он задумал дьявольский план. Сговорившись с начальником полиции Афзалом Али, он выставил стражу у ключа. Затем вместе с начальником района Гуламом Али они скупили всю землю вокруг источника. Потом днем и ночью возводилась ограда по краям купленного участка. Наконец, вода была заперта на замок. Теперь никто не смел брать ее без разрешения — источник принадлежал зайлдару. А зайлдар обложил налогом каждый кувшин. Один кувшин — одна ана **, два кувшина — две аны.

Вопль пронесся по деревне. Но полиция и власти были на стороне зайлдара Малика Хана, закон был также на его стороне, и вода, таким образом, также принадлежала ему. Тогда вся деревня — парни, старики и дети — пришли к моему отцу.

— Дядя Худабахш, спаси нас, беда пришла!

— Что же я могу тут сделать?— спросил отец, разведя руками.

Седобородый старик Хаким Хан сказал:

— Помнится, это ты, Худабахш, отыскал пресный ключ, который отобрал у нас зайлдар Малик Хан. Окажи милость, найди другой ключ! Ведь должна же быть, в конце концов, хоть где-нибудь на этой горе пресная вода, живая вода. Худабахш! Ты самый мудрый среди нас, подумай же получше, выручи народ! Мы с тобой, что бы ни случилось... Может, и помереть придется... Ну, а вот деревня, вся деревня... Воды, воды!..

Мой отец на секунду присел на скамеечку, помянул аллаха и отправился в путь. Вся деревня потянулась за ним. Взобрались на гору, начали искать воду. А ведь найти ее труднее, чем Фархаду гору своротить,— это я понял в тот же день.

Словно блуждающий огонек, скитается вода в складках наших гор. Сегодня она здесь, завтра она там. Вода — бродяга, вода — чужеземка, вода — мимолетное, непостоянное существо. Верить ее любви нельзя. Она улетучивается, как слабый аромат в палящий зной. В нашей илаке Патхухар женщины верны и стыдливы, а вода — изменница, вода — бесстыдница, непоседа. Никогда не принадлежит она одному, никогда не держится одного ключа. Она кочует из края в край, и ей при этом не нужен паспорт. Ловить эту вертихвостку надо не лопатой, а волшебным стеклом — оно прочтет в сердце горы. Этим стеклом должен был стать мой отец.

Весь день глотали мы пыль высокой горы. Где только мы ни искали беглянку — в густой тени кустов, в глубоких расселинах скал, в мрачных пещерах, в темных норах диких зверей. Мы перерыли все старые

---

* Зайлдар — районный чиновник по сбору налогов.
** Ана — мелкая монета, около пяти копеек.

ключи. Но мы добились такого же успеха, как если бы в поисках жизни стали раскапывать могилы. Воды не было нигде. Петляя, как вор, она оставляла то здесь, то там следы притворных слез и ускользала от погони. Казалось, в глубоких расселинах, под могучей грудью горы она смеется над своими преследователями.

Но мы не теряли надежды. Целый день тянулись мы за отцом — все искали. Наконец настал вечер. Отец поднялся на одну из вершинок, отер пот с лица и бросил взгляд на заходящее солнце. И вдруг он заметил в глубокой расселине, озаренной косым солнечным лучом, зелень доба. А ведь каждый знает: там, где растет доб, обязательно есть вода. Доб — знамя воды, которое она несет повсюду с собою.

Отец вскрикнул и бросился бежать вниз, к расселине. Все кинулись за ним. С лихорадочной торопливостью разрывал он ногтями землю. Твердая сверху, она становилась все мягче, влажнее, наконец из глубины ее с силой ударила струя воды.

— Вода! Вода!— радостно закричали люди.

Дрожащими руками отец зачерпнул полную пригоршню. Люди во все глаза смотрели на него. Все сердца бились одним желанием, одной мольбой: аллах, даруй нам пресную воду, даруй нам пресную воду!..

Отец попробовал.

— Пресная!— торжествующе крикнул он.

— Пресная вода! Вода пресная!— загремело кругом.

— Вода нашлась! Пресная вода!— отозвалось в долине.

И сразу все ожило. В деревне забили барабаны, женщины запели песни, молодежь пустилась в пляс, ребятишки подняли веселую возню.

Раскопав как следует ключ, крестьяне столпились вокруг, как бы окружив его живой изгородью. Не отходя ни на шаг, они с невыразимой любовью смотрели на воду — такой любовью светятся глаза матери при виде новорожденного.

* * *

Никогда не забыть мне этой ночи. В эту ночь ни одна живая душа не осталась в деревне — все пришли на радостный праздник к своему ключу. В эту ночь матери разожгли костры и в тени уснувших под звездами деревьев укачивали своих детей. Благоухающие девушки пели песни — песни, чистые и прекрасные, как вода, задумчивые, как лесные ключи, звонкие, как водопады.

В эту ночь все женщины были прекрасны, земля — плодоносна, корни растений — свежи и сочны. Звучно лопались набухшие, нетерпеливые от ожидания семена.

Такая ночь пришла к нам в деревню, потому что отец мой Худабахш нашел воду — она была плодом его труда, любовью его сердца! И тогда пришла ночь, как свадебный поезд с невестой, восседающей на паланкине!

Тихо, стыдливо журчал новый ключ — так молодая невеста идет, потупясь, по еще не знакомому ей двору.

Этой ночью в одной моей руке была вода, в другой — рука Бало, а над нами сверкали звезды...

* * *

Да, с этим ключом связаны мои лучшие воспоминания юности, воспоминания о любви Бало.

Красота ее была недоступна, неуловима, как вода. Глубоко таит в своих недрах земля рождение чистых ключей — бережно хранит сердце дорогие воспоминания. Много душистых цветов приносит лето, много золотых листьев — осень, сверкающих белых снегов — зима...

Любовь Бало была спокойной, безмятежной, как текущие под землей воды. Затемно приходила она к ключу. Мы оставались с нею одни. Словно луч рассвета, освещала ее лицо нежная улыбка. Бало подставляла кувшин под струйку воды, и она начинала журчать и шептаться с кувшином, как я с Бало. Наполнялся кувшин, переполнялись радостью наши сердца, и незаметно уже подкрадывалась заря. Утренний ветерок, словно нежными пальцами апельсинного цвета, щекотал наши лица... Вздрогнув, мы поднимались и с удивлением смотрели на мир, рождавшийся вокруг нас. Я ставил кувшин на украшенную алой лентой голову любимой девушки, и Бало, с улыбкой посматривая на меня, спускалась со склона горы. Я не отрывал от нее глаз и не замечал ничьих других улыбок — улыбок женщин, уже поднимавшихся по тропинке из деревни к ключу.

В те мгновения я вспоминал вопрос, который когда-то задавал бабушке Амман: «Бабушка, что это такое — любовь?» Позже я вспоминал эти ночи у ключа.

...Я работал уже в соляных копях. Возвращаясь домой пьяным от усталости, я замертво валился спать.

Несколько дней подряд не встречались мы с Бало у ключа, хотя нам, соседям, легко было условиться о встрече. Причина была в том, что у родных Бало гостил ее двоюродный брат, у меня же не было ни минуты свободной, чтобы перебросится с ней словечком. Новичку трудно в копях, а я учился новому делу с увлечением. К тому же, как говорится, коли попадешь в соляные копи, сам изойдешь солью.

Однажды вечером Бало сказала мне:

— Давай встретимся у ключа ночью, часа в два.

Я ответил, что очень устал.

— Приходи,— настаивала Бало,— мне очень нужно тебя видеть. Мне нужно сказать тебе очень важную новость.

Я пришел, как просила Бало, в два часа. Никого, кроме нас, у ключа не было.

— В чем дело?— спросил я Бало.— Я слушаю тебя.

Бало молчала.

— Сестрица, что случилось?!

— Я уезжаю из деревни,— тихо проговорила она.

Сердце мое замерло. Мне показалось, что и ключ внезапно замолк.

— Зачем?— спросил я подавленно.

— Назначена моя свадьба.

— С кем?!..

— С двоюродным братом, сыном моего дяди. Он вернулся с войны, и теперь он полицейский чиновник в Чаквале.

— И ты пойдешь за него?!— с горьким упреком вырвалось у меня.

— Да.

«Сейчас ли убить его или в первую ночь после свадьбы?» — мелькнула в моей голове отчаянная мысль.

— Говорят, в Чаквале много воды,— продолжала Бало.— Там водопровод. Стоит только повернуть кран, и когда хочешь...

Голос ее дрожал от радости. Видимо, она хотела еще что-то сказать, но, угадав мою немую просьбу, умолкла. Подойдя к ней, я взял ее за плечи и пристально посмотрел в глаза. Мгновение она смотрела на меня, потом отвела взгляд. Нет, он не отвергал моей любви — он светился жаждой воды.

Медленно опустил я руки и отошел. Я понял — для любви мало искренности, благородства, глубины чувств. Любовь требует еще немножечко воды. Она мечтала о любви, которая дышала ароматом чистых тел, выстиранного белья и одежды... Сраженный этой мыслью, я опустился на землю.

Два часа ночи.
Бало и я.
Мы молчим.

Стоит такая тишина, словно весь мир опустел. Или словно высохли все людские слезы.

Бало тихонько набирала воду в кувшин. Вода нашептывала свои лепечущие речи, я тоже что-то говорил Бало. Лепет воды — самое лучшее воспоминание человека.

Бало пошла. Я вспомнил детскую сказку о том, как горько плакала любовь и как слезы ее застывали крупинками соли. Мои глаза были сухи, но глыбы соли застыли на сердце. Там у меня возникли соляная копь, соляные столбы и пещеры, соляное озеро. Мой рассудок, мои чувства покрылись коркой соли. Казалось, стоит мне лишь потереть глаза — и закапают соленые слезы.

Я молча сидел, ни о чем не думая, не шевелясь, как камень. Я сидел, когда Бало поднялась, и продолжал сидеть, пока она, оглядываясь на меня, спускалась по склону.

У меня не было воды, а Бало уезжала — к воде!

* * *

В ночь свадьбы Бало мне приснился странный сон: будто бы река-беглянка вернулась к нам, а на соляной горе бурлят пресные ключи. И будто бы посреди нашей деревни выросло громадное дерево, и все оно из воды. Корни, ствол, ветви, листья, цветы — все вода. И с каждой ветки, с каждого листочка текут струйки воды. И это древо воды принесло жизнь нашей бесплодной земле: мужчины плачут от радости, женщины стирают белье, рабочие соляных копей моются, а дети, надев венки, ведут веселый хоровод вокруг чудесного дерева. И будто Бало в белом платье стоит рядом со мной и говорит:

— В нашей деревне выросло древо воды! Никуда, никуда я от тебя теперь не уеду!

Удивительный был сон. Но когда я рассказал о нем отцу, он вздрогнул, словно от испуга, и строго спросил:

— Ты никому, кроме меня, не рассказывал об этом сне?

— Нет, отец,— ответил я.— Но ты как будто чего-то боишься, а это ведь только сон.

— Сон-то сон,— заметил отец.— Но ведь это к р а с н ы й сон.

Я рассмеялся.

— Это же было не красное дерево, отец. Оно было совершенно прозрачным. Древо воды! Ствол, ветки, листья — все из воды! А знаешь ли, какие на нем росли плоды? Маленькие граненые стаканчики. Влага играла в них, словно улыбка ребенка, и брызгала фонтанчиками вокруг.

— Как бы то ни было,— заключил отец,— это опасный сон. Если ты проболтаешься, а полиция пронюхает, тебя вышвырнут из копей. Помнишь, как прогнали с работы тех, кто хотел вернуть нашу реку? Поэтому, сынок, никому об этом не говори. Забудь свой сон, будто ты его и не видел никогда. Рассказами о нем делу не поможешь — пересохшая река останется пересохшей, жаждущий останется жаждущим!..

До сих пор помню я безнадежность и отчаяние в голосе отца. Сначала я на самом деле никому не говорил о своем сне, но спустя несколько дней рассказал своим товарищам по работе в копях. К моему большому удивлению, они не только не испугались, но очень весело рассмеялись.

— Что же смешного в том, что я вам рассказал?— спросил я.

— Нечего бояться этого сна,— ответили мне товарищи,— это очень хороший сон. Каждый из нас его видел.

— Не может быть! Такое же древо воды?

— Ну да! Древо воды у нас в деревне, и пресные ключи в наших копях. Не бойся, дружок, обязательно сбудется наш сон!

Все же тогда, с первого слова, я этому не поверил.

Но я не зря работаю с товарищами. Теперь и я знаю — сбудется наш сон! Настанет день — и вырастет в нашем селе древо воды, и пустые ныне кувшины наполнятся до краев, и грязные одежды засверкают белизной, и расцветут исстрадавшиеся сердца.

А земля и любовь, пустоши и пустыни станут цветущим садом.

Три болгарские народные песни

Перевод Петра Семынина

КАЛИНА-ТРАКТОРИСТКА

А что это там за песня
на ровном поле Загорском?
Иль то кавалы играют,
иль соловьи распевают?
То не кавалы играют,
не соловьи распевают,
то вышла в поле Калина,
красавица-трактористка,
Калина, стройная станом,
Калина — деревце сада.
Ты трактор ведешь могучий,
звенит твой голос певучий:
— Эй, други, верные други,
давайте скорей засеем
весеннюю нашу землю,
пока не минуло время,
как девья краса и радость,
как парня буйная младость!
Калина, стройная станом,
Калина — деревце сада.

КРАСАВИЦА МОЛОДАЯ

— Красавица молодая,
скажи мне, милая, прямо,
ответь от чистого сердца:
из-под земли ты явилась
иль с ясного неба упала?
Нет тебе девушки равной,
такой белолицей, румяной,
румяной и черноокой.
— Добрый юнак, ты шутишь,
я не упала с неба,
из-под земли не явилась —

у матери родилась я,
как ты у своей родился.
Мать меня грудью вскормила
и виноградом черным,
вином молодым вспоила,
от молока так бела я,
от ягод с лозы — черноока,
а от вина так румяна.

ЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА

Любили друг друга два буйных сердца,
любились в деревне девушка с парнем,
но девушки мать — старуха презлая
узнала об этом и всем рассказала,
дочку свою разлучила с любимым.
Руки они на себя наложили,
и в один день схоронили их люди.
Выросли там два дерева стройных,
переплелись молодыми ветвями.
Вышла старуха, злая-презлая,
и топором их под корень срубила,
рядом костры разложила большие —
пламя их буйное соединилось.
Пуще тогда обозлилась старуха
и растоптала огни, погасила,—
дымы их в небе слились воедино.

Сильвия-Маджи Бонфанти

СПЕРАНЦА

РОМАН

(Продолжение)

Перевод с итальянского К. Наумова

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Сперанца, проснувшись, огляделась вокруг.

В тусклом свете, сочившемся из маленького окошка у нее над головой, были видны трухлявые косые балки, связка чеснoку на стене и паутина во всех углах. Сперанца с недоумением смотрела на все это, потом вспомнила, где она, и вскочила на ноги.

Она быстро натянула штаны, накинула шерстяную кофточку и босиком вышла из чулана.

В кухне никого не было. Очаг был холодный, а дверь распахнута настежь. За порогом все тонуло в море тумана. Нельзя было даже понять, который час.

Сперанца вышла, покружила по гумну, но никого не увидела. Вокруг стояла мертвая тишина.

Девочка нашла ведро, достала из колодца воды и умылась. Потом вошла в дом и вздула огонь. В кухне — на стенах, на потолке, на полу — было черным-черно от мух, которых загнал туда холод. Все было покрыто корою грязи. Сперанца посмотрела, посмотрела и поняла, что тут и метла не поможет.

Она опять взяла ведро и начала носить воду.

Часа три кряду она скребла и мыла полы, скамейки, стекла. Потом взялась за посуду и наконец решила подняться наверх, чтобы привести в порядок кровати и сменить белье. Только когда она подошла к сундуку, стоявшему в комнате бабушки, у нее пробудилось живое воспоминание. Она даже вздрогнула.

Розин сундук! Так они его называли когда-то. Дрожащими руками девочка приподняла крышку и сразу приметила в стыках досок затвердевшие от времени сгустки смолы.

Сундук был сосновый, и на мгновение Сперанца, как наяву, увидела тени сосен, пригнувшихся от морского ветра, над которыми под вечер кружились вороны, и почувствовала острый запах просоленной смолы.

В сундуке она нашла вещи, о которых мечтала несколько лет назад и которые хорошо помнила: брошку матери, ее серебряную цепочку, коралловое ожерелье. Она надела на шею нитку красных кораллов и поискала зеркало, чтобы посмотреться, но нашла лишь оконное стекло, прислоненное к стене. Потом она отыскала чистые простыни и наволочки и перестелила постели.

Она спустилась на нижний этаж с большим узлом белья, которое собрала для стирки, и сняла с огня котел с водой.

После долгих поисков она разыскала кусок мыла и вышла во двор постирать.

Сперанца долго терла и колотила белье, и, когда она кончила, у нее кружилась голова. Ее слегка тошнило. Она села на порог дома, прислонилась к косяку и закрыла глаза.

Вдалеке звонил колокол. Звук был низкий, совсем непохожий на тот веселый серебристый звон, который на море бывало доносился с берега, возвещая полдень. И попрежнему вокруг ни души...

Когда накануне вечером они с Таго пришли в долину, в доме было темно и старики уже спали. Цван спустился открыть им и неуклюже попытался отпраздновать их возвращение. Он стал потчевать их вином, которое потом сам же и выпил, и все извинялся, что не разбудил Мингу. Старуха давно уже маялась бессонницей... Раз уж она заснула, ему не хотелось поднимать ее с постели.

— Знаете, с тех пор как случилось несчастье, она на себя непохожа...

Старик и сам сдал. Когда он говорил, у него дрожали руки.

Таго стал сбивать для Сперанцы топчан в каморке под лестницей.

Старик запротестовал, но Таго, подморгнув Сперанце, шепнул ей:

— Лучше здесь одной, чем наверху с ними... Каморка не бог весть какая, но ты в ней сможешь устроиться. А вон и окошечко, точь-в-точь как в каютах на пароходе. Когда входишь, нагибайся. Помни, что ты вроде как в люк спускаешься.

Он перенес туда вещи Сперанцы и зажег ей огарок свечи.

Сперанца в изнеможении упала на постель. Таго неожиданно нагнулся и снял с нее башмаки. Выходя, он пошутил:

— Смотри, Спере, чтобы тебе ночью мыши нос не отгрызли!

И ушел.

Таким образом, Сперанца еще не видела бабушку.

Она приуныла, и теперь, прислонившись к косяку, едва сдерживала слезы.

Вот тут-то и появилась Минга.

Маленькая, сгорбленная, она подходила к дому, опираясь на палку, и при виде ее девочка содрогнулась.

Старуха шла, что-то бормоча себе под нос, ни на что не глядя.

Только на мгновение она остановилась перед бельем, развешанным на плетне, и опять, все так же бормоча, двинулась к двери. Сперанца не произнесла ни слова. Похолодев от ужаса, она лишь посторонилась, чтобы пропустить ее в дом.

Минга на секунду подняла голову, но молча прошла мимо.

Тогда Сперанце неудержимо захотелось куда-нибудь скрыться. Она с плачем кинулась бежать, сама не зная куда, не разбирая дороги в тумане, и наконец бросилась на землю на откосе дамбы.

Как непохоже было ее возвращение на то, каким она себе его представляла!

Лежа на земле, Сперанца плакала, как плачут дети, громко всхлипывая, не сдерживая слез.

Наконец она немного успокоилась, встала и медленно направилась к дому. Она вдруг поняла, что проголодалась. Сколько времени она не ела? Эта мысль напомнила ей о Таго, который голодал, когда был маленьким, и которого били за то, что он, как барсуки, таскал с поля початки кукурузы. Она должна была ко всему притерпеться: она обещала ему.

Сперанца вспомнила и о том, что перед тем, как уйти, Таго сказал ей, что вернется на следующий день, чтобы посмотреть, как она устроилась. Это ее подбодрило.

Она несмело открыла дверь и вошла. Минга сидела возле очага и ела хлеб с луком. Сперанца подошла к ней, и старуха подняла голову.

— Здравствуй!

— Здравствуйте, бабушка.

Минга что-то пробормотала, потом опять посмотрела на девочку.

— Ты чья будешь?

Сперанца инстинктивно почувствовала, как надо ответить.

— Я дочка вашего Берто, бабушка. Меня зовут Сперанца. Я вернулась.

Минга замерла с открытым ртом, непроизвольно шевеля отвисшей нижней губой. Потом у нее задрожал подбородок, и эта дрожь, казалось, передалась всему ее телу. Судорожно ловя воздух руками, она попыталась встать.

— Сидите, бабушка. Вам что-нибудь дать?

Старуха схватила руку Сперанцы и крепко, словно когтями, сжала ее своими грязными костлявыми пальцами...

Сперанца почувствовала, что вот-вот не выдержит. От тела старухи исходил острый звериный запах, доводивший ее до тошноты.

Потом решительным жестом Минга вдруг отстранила девочку и повернулась в другую сторону. Сперанца в отчаянии ломала себе руки. Что она могла сделать?

Сорвавшись с места, она побежала в свою каморку и закрыла за собой дверь. Она принялась собирать свои вещи и в каком-то исступлении запихивать их в сумку, решив немедленно уехать. У нее бешено колотилось сердце.

Но скоро она поняла всю нелепость этого решения и, бросившись на постель, разрыдалась. Потом она встала и, все еще плача, начала снова раскладывать свои вещи на стуле и в ящике из-под фруктов.

«Мне бы сюда комод,— думала она между тем.— Рано или поздно его придется купить...»

Она не знала, что много лет назад то же самое думала ее мать и что это желание стоило ей жизни.

Она сняла с балок то, что висело на них, и выбросила все за окно. Вместо занавески она повесила лоскут, оставшийся от покрывала, которое ей купила Марта для конфирмации, а на подоконник поставила стеклянный ларчик с младенцем Иисусом. Наконец в руках у нее оказался нож Микеле.

«Пусть у тебя, Спере, всегда будет кусок хлеба»,— вспомнила она.

Но сегодня Спере была усталой, голодной, в душевном смятении, и не было рядом ни одного человека, который мог бы понять ее и помочь ей.

Она легла в постель и свернулась калачиком, чтобы не чувствовать, как сосет в желудке.

Ей представилась мачеха Таго, у которой были большие глаза и бледное лицо и которая весь день пропадала где-то, чтобы накормить детей. Кто ее знает, куда она ходила и что она делала... Таго об этом не говорил. Она у него спросит... Ей тоже надо прокормить себя и стариков...

Так она и заснула, думая об этом, и не слышала, как вошел Таго и окликнул ее.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Сперанца стала хозяйкою в доме.

Ей удалось убедить Мингу в том, что она действительно Сперанца, но, конечно, не удалось улучшить ее состояние. Лишь привычка, усвоенная за долгие годы, по инерции еще руководила старухой.

Она бродила весь день, собирая травы, и приносила домой хворост и щепки, чтобы разводить огонь.

Для нее пришлось освободить кладовку под навесом, чтобы она сносила туда все, что подбирала, и не мусорила в доме.

Сперанца сумела изменить облик дома и даже дедушки. У Цвана теперь штаны всегда были зачинены и выстираны, и он знал наверное, что, вернувшись домой с работы, найдет все в порядке и получит тарелку горячего супа.

Старик заважничал и уже начал перед всеми восхвалять достоинства внучки.

— Да, да, дорогие мои, другая в ее возрасте сопля-соплей — и все тут, а на ней весь дом... И я уж не говорю о счетах... Вот уж три вечера она над ними ломает себе голову.

— Какие это счета, Цван, приходится сводить вашей внучке? — спросила женщина, шедшая рядом с ним и погонявшая упряжку волов.

— Мои, мои... Но она говорит, что они очень путаные и никак не сходятся.

— Да вам-то какие счета сводить? Сколько я вас знаю, а мы уж не первый год знакомы, у вас денег не было и в помине...

— Вот, вот. Она и забрала себе в голову, что мне не платят, что положено, и теперь сводит счета... Представляете!.. Когда я у хозяев, можно сказать, свой человек в доме, и управляющий мне доверяет, и родился-то я в имении... Ладно. Она считает, сколько я получаю: рису столько-то кило — значит, столько-то денег; пшеницы столько-то кило — столько-то денег. Представьте себе, она даже считает, сколько с меня причитается за наем дома... Вы понимаете, Велия? За наем дома! Ведь мне его всегда даром давали... Ведь по сути дела он мой... Тут сам черт ногу сломит в этих счетах, но она говорит, что должна во всем разобраться... Говорит, если бы мне платили деньгами, я бы против нынешнего получал втрое больше.

Женщина остановилась и сурово посмотрела на старика.

— Может, я что и не так скажу, Цван, только здесь бывает ваш племянник... Вам бы надо лучше присматривать за девочкой...

— Зачем ему здесь бывать?

— Зачем? Я не знаю, я ничего не видела, и ко мне никто не приходил... Но люди говорят... Ваши там, — она указала на противоположную сторону болота, — все никак не утихомирятся... — И, отвернувшись, крикнула: — Ну, Серый!..

Волы тронулись, и женщина пошла за ними.

Цван с минуту помешкал, обдумывая ее слова. Неужели Таго сказал что-нибудь девочке? Ему это казалось невозможным, но для верности он решил позондировать почву.

Вернувшись домой, старик сразу спросил нарочито веселым тоном:

— Ну как? Какой итог? Сошлось у тебя?

— Кто покладистый, для того все сходится. Вы довольны? Ну и хорошо...

— Скажи же мне, Сперанца, что ты забрала себе в голову? Хотел бы я понять, да никак в толк не возьму.

Они сели за стол друг против друга, в то время как Минга рассматривала свои руки и, казалось, ничего другого не замечала.

— Когда человек работает на других, ему платят, правда, дедушка?

— Как не платить! Конечно, платят...

— Но вы вот никогда не видели денег?

— Нет, но мне дают...

— Хватит! Вам дают продукты, я знаю. Но сколько вам их дают?

Есть тут какая-нибудь норма? Нет! Один год вам дают побольше, другой — поменьше... Так или нет?

— Конечно, так, милая ты моя девочка... Но ведь в иной год налетит буря, а в иной — нет... Бывают тяжелые годы, когда земля не родит, чего с нее тогда и спрашивать?

— Но ведь бывают и хорошие урожаи, даже очень хорошие. Что же, вам тогда дают двойную долю?

— Эк куда хватила! Как будто это мое добро! Урожай-то хозяйский...

— Но ведь они-то, хозяева — дождь, град или вёдро, — без прибылей не остаются...

— Обожди... Надо быть справедливым: они зато, знаешь, платят еще налоги правительству... Правда же, платят...

С Цваном было трудно спорить, и Сперанца теряла терпение.

— В общем, так ли, этак ли, на одной работе или на другой, вы заняты весь год и не зарабатываете даже на тарелку супа в день. Понимаете вы это или нет? И это, по-вашему, правильно? А вы думаете, хозяин беспокоится, хватит ли у вас муки до нового урожая или сала на весь год?

— Не всем же быть господами, дочка. Одни родятся богатыми, другие — бедными, — объяснял Цван, — одни — хитрыми, другие — дураками...

— Ай да дедушка! Хорошо сказано! А вы каким родились, как вы думаете?

— Я? Да уж таким, как видишь...

— Значит, не больно умным. Запомните это хорошенько.

И Сперанца, встав из-за стола, повернулась к нему спиной.

Цван досадливо махнул рукой. Всегда у него так получалось. Когда он хотел допрашивать, дело всякий раз кончалось тем, что допрашивали его самого. Но он должен был добраться до истины.

— Сперанца!

— Что, дедушка?

— Что там затевает Таго?

Девочка с удивлением обернулась.

— Таго? А что такое? Я уж давно его не видела... Все собиралась сама к нему сходить. Я ему обещала... Почему вы спрашиваете, дедушка? Что-нибудь случилось?

— Я ничего не знаю, дочка, но ходят нехорошие слухи. Ты и сама, верно, знаешь, что твой двоюродный братец — горячая голова..

— Что вы хотите сказать?

— Когда еще тебя здесь не было, он, как только вернулся с фронта, поднял какую-то заваруху, и многие за ним сразу пошли... Потом, правда, поняли, что лучше все это бросить. Ты ничего не знаешь? Говорят, он будоражит людей, требует повышения заработной платы.. Просто срам!..

Сперанца внимательно слушала.

— Завтра пойду поговорю с ним.

— Думаешь, он тебя послушает?

— Меня послушает? Да ведь не в этом дело! Если верно то, что вы говорите, я сама его послушаюсь.

Она с видом превосходства бойко прошла мимо Цвана, высоко подняв голову, легкая и гибкая, как тростинка.

— Сопля паршивая... — пробормотал старик. — Другой такой не сыщешь! Посмотрите только на нее: от горшка два вершка, а уже воображает о себе невесть что!.. Походка-то, походка! Подумаешь, англо-

прусская королева... Ремня бы ей, вот что! Святое дело — ремень! Но теперь, видно, все на свете пошло по-новому. Не поймешь, что творится...

Он со вздохом прислонился к косяку и, стоя в дверях, не переставал следить за ней.

Сперанца бегала по гумну, развешивая выстиранное белье и что-то напевая.

«Подрастает, — сказал про себя Цван. — Вот только малость худа, а так повзрослела. Впредь надо будет за ней присмотреть: она уже не девочка».

Старик почесал голову и повернулся было, чтобы войти в дом, но прежде еще раз посмотрел на Сперанцу.

«И надо будет заставить ее снять эти штаны, — пробормотал он напоследок. — Кой черт! Где это видано, чтобы женщина ходила в штанах?»

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

На рассвете Сперанца отправилась к Таго. Цван долго окликал ее, чтобы дать ей последние указания.

— Сперва забирай вправо, а как подойдешь к ивняку, сворачивай на восток...

Сперанца уже не слушала и, не оборачиваясь, быстро шагала по дамбе.

Цван вернулся, покачивая головой.

Втемяшится же такая блажь! Впрочем, Сперанца пошла в отца: когда Берто бывало заберет себе что-нибудь в голову, с ним ничего не поделаешь.

Сперанца легко и спокойно шла и шла извивами дамбы, с любопытством озираясь по сторонам.

У нее из-под ног с пронзительным криком взлетали диковинные птицы, и в такт ее шагам тихонько колыхался камыш. Ей начинали нравиться эти места, будившие столько далеких воспоминаний.

Дойдя до болота, она нашла плоскодонку там, где ей сказал дед, прыгнула в нее и отчалила, упираясь шестом в дно. Лодка медленно и бесшумно заскользила по зеркальной глади, искрившейся золотом в лучах восходящего солнца. Сперанцу вдруг охватило радостное и умиротворенное чувство.

Стоя в лодке, она все дальше и дальше отталкивалась шестом и пела. Лодка поравнялась с островком, заросшим кустарником, и оттуда до Сперанцы донеслись голоса. На берегу лежали два парня; у обоих в руках были ружья.

«Охотники», — сказала себе Сперанца и поздоровалась:

— Добрый день.

— Эй, душка... — крикнул один.

Сперанца не обернулась, но про себя рассмеялась. В первый раз к ней обращались не как к ребенку; она не раз слышала, как парни окликали так девушек.

С берега кричали ей вслед, и Сперанца явственно расслышала похабную фразу. Она быстро нагнулась, схватила пук водорослей и, обернувшись, бросила его туда, где лежали парни, обдав их брызгами воды и грязи.

Она посмеялась над их проклятиями и поплыла дальше.

Скоро она нашла протоки, о которых говорил ей Цван, и ее охватило какое-то волнение при мысли о том, что в этих местах родился и жил Таго.

Когда она добралась до противоположного берега болота, солнце

уже стояло высоко. Она привязала лодку к стволу ивы и спрыгнула на землю. Хибарки не было видно, но из-за деревьев поднимался дымок.

Сперанца нашла торную тропку, пошла по ней и вышла на полянку перед дощатой лачугой. Возле дома старик обстругивал заостренные колышки, а у его ног спал пес.

Сперанца столько слышала о Джузеппе, что ей казалось, будто она всегда его знала.

Однако она в нерешимости остановилась, не зная, как привлечь его внимание.

— Таго! — крикнула она наконец.

Она понимала, что его, должно быть, нет дома, но не могла обратиться прямо к старику.

Джузеппе с живостью поднял голову, потом поднес руки ко лбу, чтобы солнце не било в глаза.

Пес тоже поднял голову и смотрел то на Сперанцу, то на хозяина, словно спрашивая у него, как поступить.

Молчаливый осмотр явно затягивался, и Сперанца решила положить ему конец.

— Таго дома?

— А кто его спрашивает?

— Я спрашиваю...

— А кто ты будешь?

— Я Сперанца. Внучка Цвана.

— Подойди-ка поближе, покажись...

Сперанца подошла. Джузеппе продолжал ее разглядывать. Старику, повидимому, спешить было некуда, и она уже начинала смущаться.

— Сроду не видел подобного фрукта... — изрек наконец старик и засмеялся беззвучным смехом.

У Сперанцы захватило дух.

— Ну-ка повернись, я тебя получше рассмотрю...

Девочка повернулась, немного отступив, но при этом сказала:

— Вы же не портниха... Вам ведь не надо снимать с меня мерку.

— А ты знаешь, кто я?

— Конечно, знаю: вы — Джузеппе, тот самый... — Она во-время остановилась.

Старик на мгновение, казалось, поник головой, но сразу оправился.

— Боишься?

— Нет.

— Что тебе сказали про меня?

— То, что все знают.

— А ты не боишься...

— Нет. Я даже, представьте себе, один раз исповедовалась за вас...

Она тут же пожалела, что у нее вырвались эти слова, но старик, повидимому, не придал им значения.

— Что ты хочешь от Таго? — спросил он неожиданно ласково.

Сперанца улыбнулась.

— Дядя, вы всегда так принимаете родственников?

Старик с проворством мальчишки вскочил на ноги и, обняв Сперанцу за плечи, со смехом втолкнул ее в дом.

В хибарке все было так, как описывал Цван.

На гвоздях висели ружья и охотничьи ножи, а возле лавки стоял топор. Сперанца из деликатности поскорее отвела от него глаза.

Но дедушка ничего не говорил о книгах; их либо не было раньше, либо он не обратил на них внимания. Книг было много; они грудой лежали в углу и высокой стопкой на столике у стены.

— Ну, садись, только сразу скажи одну вещь, уж очень мне интересно: ты всегда так одеваешься?

Сперанца сухо ответила:

— Я одеваюсь, как мне нравится и как мне удобнее. Пусть люди говорят и думают что хотят... Я не могу жить чужим умом.

— Правильно! — одобрил Джузеппе. — Правильно! Вот это называется рассуждать.

Он протянул ей чашку с вином, и Сперанца из вежливости выпила.

— А теперь скажи мне: что тебе надо от Таго?

— По правде говоря, я и сама толком не знаю... Прежде всего, я хотела его видеть, а потом, раз уж я здесь, послушать его мнение насчет некоторых вещей...

Сперанца не сказала, о чем именно она хочет поговорить с Таго; впрочем, старик ее и не расспрашивал.

— Ты мне нравишься, право слово, нравишься, — неожиданно заключил Джузеппе. Потом без всякой видимой связи спросил:

— А стрелять ты умеешь?

— Нет, — призналась Сперанца. — Никто мне не показывал. А то бы, может, я и смогла научиться...

Через несколько минут оба они уже стояли перед домом, приложившись к двустволкам.

Таго еще издали услышал, как они кричат, и узнал голоса.

Потом у него над головой просвистел заряд дроби, и тогда он осторожности ради крикнул, чтобы дать знать о себе:

— Вы что, рехнулись?

Выстрелы прекратились, и послышался звонкий голос Сперанцы:

— Таго, я научилась стрелять...

Только подойдя к ним, Таго увидел, как досталось высокой плакучей иве, что росла перед домом. Вокруг нее земля была усыпана ветками и листьями. Джузеппе перезаряжал ружье.

— Куда вы стреляли?

— Да так, куда попало, чтобы научить ее целиться...

— А если бы кто-нибудь проходил мимо?

— Кому сюда прийти? Тут никогда никого не бывает.

— Ну, а все-таки, если бы проходил человек?

— Тем хуже для него... — отрезал старик.

Таго покачал головой и посмотрел на возбужденную и довольную Сперанцу.

— Скажи-ка, а ты почему здесь?

Сперанца, казалось, вспомнила о деле и стала серьезной.

— Таго, вчера вечером дедушка завел со мной странный разговор. Он сказал мне, что ты что-то затеваешь, чтобы батракам повысили плату, и что об этом люди толкуют...

Джузеппе поднял голову и засмеялся, глядя на внука.

— Что я тебе говорил?

— Но это же не тайна, дедушка, и не должно быть тайной... Как раз наоборот. Ну, а что именно, Спере, тебе сказал дядя Цван?

— Ты ведь знаешь, какой он... Сказал, что у тебя горячая голова и что ты будоражишь людей. Он не может понять... Таго, я потратила все деньги, которые заработала на море, когда рыбачила... В доме ничего не было, и мне пришлось купить кучу вещей... Теперь у меня уходит вся пенсия, которую я получаю за папу. И не хватает, Таго, все равно не хватает, а он не может этого понять... Он говорит, что никогда еще не видел, чтобы кто-нибудь умер с голоду.

— Ты сказала ему, что пойдешь сюда?

— Конечно. Он и научил меня, как к вам добраться...

— Ну, а зачем же ты все-таки сегодня пришла?

— Я хотела поговорить с тобой и узнать правду и рассказать тебе, какое у нас положение, чтобы ты сказал, что мне делать... А пока что мне хотелось бы тоже работать и еще хотелось бы заставить дедушку потребовать свое от хозяев.

— Вот это да! — сказал старик, искренно рассмеявшись. — Ну, Таго! Иди на штурм. Тебе нечего бояться. Если ты соберешь войско таких бойцов... — он указал на худенькую фигурку Сперанцы, — от твоей забастовки задрожит вся долина.

— Я и в самом деле начинаю так думать, дедушка. Если даже дети понимают, что дальше так продолжаться не может, три-четыре выживших из ума старика не помешают нам действовать.

Сперанца молча слушала. Она понимала далеко не все, но чувствовала, что Таго доволен ею, и была этим горда.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

В последующие дни среди батраков долины началось все усиливающееся брожение.

Они еще работали, но спустя рукава и с частыми перерывами.

Люди собирались кучками, между ними разгорались споры, а иной раз дело доходило и до драки.

Атмосфера была напряженная, насыщенная электричеством, несмотря на видимость спокойствия. Все походило на затишье перед грозой.

Как раз в эти дни Сперанца нанялась ходить за скотиной. Она оставалась возле дома и помогала деду управляться с волами, которых на время пахоты присылали в долину из хозяйских хлевов.

О плате еще не было разговора. Ей сказали: «Там будет видно, посмотрим, что ты сумеешь делать».

Сперанца согласилась, потому что нуждалась в заработке, но обещала себе либо добиться мало-мальски подходящей платы, либо найти другую работу. В обязанности Цвана и Сперанцы входило не только управляться с волами; в долине были и коровы, которых использовали как подсобное тягло и которых нужно было доить два раза в день.

Сперанце пришлось победить свой страх перед коровами и, преодолев известное отвращение, приняться за дойку. Ей дали ведра и бидоны, и два раза в день приезжала повозка за молоком.

Скотину выгоняли на работу перед рассветом, и Сперанца поэтому доила коров до зари, при свете фонаря. Коров было столько, что у нее болели руки. Цван, которому прежде всегда помогала Минга, жалея внучку, старался сам сделать работу потяжелее. Он носил воду в поилицы и приготовлял корм.

Так они работали до рассвета. Потом скотину угоняли, и тогда надо было собирать навоз, чистить стойла, опять готовить корм. Вечером скотина возвращалась, и все начиналось сначала.

К ночи, пропитанная запахом молока, не зная, куда деться от мух, тучей летавших за ней, Сперанца валилась с ног от усталости.

У нее не было времени беседовать с людьми. Но поздно вечером, когда батраки складывали под навесом позади дома плуги и мотыги, она выбегала во двор и, не подавая вида, прислушивалась к их разговорам.

Она часто слышала имя человека, который в эти дни вел переговоры с хозяевами от имени тех, кто работал в долине. Она никогда его не видела, но вечерами, вернувшись без сил в свою каморку, полную комаров, она думала о нем, горячо желая, чтобы он быстрее завоевал полное доверие батраков и сломил упорное сопротивление хозяев долины.

Она вспоминала слышанные ею обрывки разговоров и делала из них свои выводы.

— Без нас они не обойдутся... Придется им уступить...

— Еще как обойдутся... Говорят, они собираются привезти сюда машины, а тогда мы им не нужны... И потом, говорят, машины выгоднее, дешевле...

— Ну, уж не дешевле, чем мы. Из картона, что ли, их делают?

— Машины там не годятся, где мы работаем. Они, небось, не спустятся в болото, не пройдут по трясине.

— Пока что тут и тракторов-то мало. Ну, пусть пришлют еще. Что ж из того? Конечно, на них и пахать быстрее, и волов не нужно, но что с плугом, что с машиной — без людей не обойтись.

— Да что вы заладили про машины? Что же, по-вашему, машина пойдет в воду рис убирать?

— Ох, господи... Вот бы нам такую машину, чтобы пиявок убирала. У меня все ноги в синяках. Съели меня заживо...

— Ну, такой машины, будь уверена, ты здесь ни от кого не дождешься...

Сперанца с напряженным вниманием прислушивалась то к одному, то к другому голосу, стараясь не упустить ни слова; и каждый вечер она чувствовала, что атмосфера накаляется все больше.

Иногда в разговор вмешивался Цван:

— По-моему, проработавши столько лет на одном месте, надо бы быть поуважительней к хозяину.

— Тьфу ты, старый дурак...

— Вот и потолкуй с ними. Сразу норовят обругать человека... Что вы хотите? По мне, где едят, там не гадят...

— Мало вам гадят хозяева!.. Но вам, хоть наплюй в глаза, все божья роса.

Потом они группами расходились, но еще долго из темноты доносились их голоса.

Сперанца, окончив работу, мылась на гумне, под открытым небом. Потом уходила к себе в каморку и, нырнув в постель, с головой укрывалась одеялом. И все-таки она слышала несмолкаемое звонкое жужжание комаров и — чуть подальше — стрекот кузнечиков и кваканье лягушек.

Она думала о Таго...

Сперанца не видела его с того дня, когда побывала у него в хибарке и он проводил ее домой.

Она имела неосторожность рассказать ему по дороге о тех двух охотниках, которые утром кричали ей с островка. Она сделала это нарочно, чтобы похвастаться перед двоюродным братом и доказать ему, что она уже девушка, а не ребенок, но в ответ заработала обещание надавать ей подзатыльников, если она еще раз пойдет одна на болото.

Прислушиваясь к разговорам батраков, она всегда надеялась, что они упомянут о Таго.

Но никто о нем не говорил. Таго работал на противоположной стороне болота, и ему незачем было сюда приходить.

Сперанца ждала событий, и всякий раз, как люди спорили при ней, у нее сжималось сердце от тайной тревоги. И всегда под конец она чувствовала глухую досаду на тех, кто не хотел понять, что нельзя вечно терпеть и молчать.

Однажды вечером, еще по-летнему теплым, Сперанца и Цван, намаявшись за день, сели на порог дома подышать свежим воздухом.

— Так и ломит кости. — сказала Сперанца. — Мне бы лечь, да нет сил сдвинуться с места.

Цван вздохнул. Ему было больно видеть девочку в таком состоянии, и он попытался ободрить ее.

— Крепись... Потерпи малость, а там всю зиму будешь отдыхать. Тебе еще, можно сказать, повезло. Ты вот работаешь возле дома. А подумай-ка, каково девочкам твоих лет, которые встают до рассвета и идут на поле, да по десять часов кряду гнут спину — рис убирают.

— Они не будут работать по десять часов, если сумеют за себя постоять...

— Не давай задурить себе голову, девочка...

— Дедушка, дедушка, почему вы не хотите понять?

— Потому что так было испокон веков, и ни тебе, ни твоему распрекрасному двоюродному братцу ничего тут не изменить...

— При чем тут я, дедушка? Что я могу сделать? Конечно, я от других не отстану, но я мало что значу. Вот Таго... не знаю... Что о нем говорят, дедушка?

— Ничего... Спеси-то у него хоть отбавляй, а как был, так и остался в услужении. Переменил хозяина, только и всего. Не хочет, видишь ли, работать на того, кто ему платит, а служит даром этому сумасброду, который сходки устраивает да сулит всем и каждому златые горы. И он полоумный, и кто его слушает полоумные...

— Но ведь вы сами видите, дедушка, что это за жизнь... Нельзя же выдержать!

— Я-то выдержал? Твоя бабка выдержала?

— Не говорите мне о бабушке! Мается она, как грешная душа на том свете, покою себе не находит. Искалеченная, слабоумная, изможденная, и умереть-то не может. Бродит, как проклятая, собирает щепки и зовет убитых сыновей.

— Убитых?

— Да, убитых, загубленных... Молчите, дедушка, молчите! Их загубили. Они не по своей воле родились в этой грязной дыре, чтобы их заживо съели комары и иссушила лихорадка, не по своей воле остались без ухода, без пищи... А с тем, который выжил, с моим отцом, покончили по-другому!.. Я не хочу, чтобы и со мною так было. Дедушка, дедушка! Поймите, я не хочу погибать, как они! — Сперанца топала ногами и сжимала кулаки. — Неужели всегда так будет...

Она умолкла, сама пораженная своей вспышкой, потом отвернулась, заплакала и убежала... Запыхавшись, она остановилась и вдумалась в то, что прокричала минуту назад. Так вот чего она хотела! Она это вдруг поняла, когда говорила с дедом.

Она хотела жизни! Жизни для себя и для детей, которые у нее родятся. Жизни для всех изнуренных, исстрадавшихся людей в этой негостеприимной долине...

Она посмотрела в темноту, в сторону болота, и подумала о тяжком труде людей, которые его осушали, и о том, что они так и будут гибнуть на нем один за другим, если батраки сдадутся.

Послышался шорох шагов. Сперанца обернулась. Она думала, что Минга уже в постели, а старуха все еще бродила в долине и теперь возвращалась, бормоча себе под нос.

— Бабушка! — вполголоса позвала Сперанца.

Минга на мгновение остановилась, казалось, поняв, что ее окликнули, но тут же опять двинулась к дому, ни слова не говоря и не оборачиваясь.

Сперанца содрогнулась. Так, значит?..

И у дедушки хватает духа уверять, что Минге, в сущности, всегда неплохо жилось в долине...

Она опять устремила взор в ночную темь, простроченную фосфорическими огоньками, блуждающими над стоячей водой.

Где мог быть Таго?

И в эту минуту Сперанца приняла решение.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Уже на дамбе по дороге в селение Сперанца заметила много необычного.

Там и тут кучками стояли мужчины, оживленно толкуя о чем-то; они стояли в такое время, когда все должны были быть на работе; две девушки с большими оплетенными бутылями за спиной, работавшие водоносами в партии батраков, в тени тополя читали по складам напечатанную на цветной бумаге листовку...

В селение Сперанца пришла совсем запыхавшись.

Она шла всю дорогу очень быстро, потому что времени у нее было мало. Она даже не переоделась, и запах молока, которым было пропитано ее платье и от которого у нее всегда были липкие руки, по обыкновению привлекал к ней тучи мух.

Она знала, куда ей идти в селении, и чуть не бегом направилась на площадь. Но, оказавшись перед домом, у которого толпился народ, оробела и остановилась поодаль, не решаясь подойти ближе.

Некоторое время она постояла в раздумье под палящими лучами солнца, отгоняя мух, потом тихонько двинулась вперед, прошмыгнула между колонн, пробралась в толпу. Она слушала с открытым ртом, что говорили вокруг, стараясь уловить связь между отрывочными фразами, и забыла о времени.

Пробило двенадцать, а Сперанца все еще стояла возле дома и слушала обрывки разговоров, машинально отгоняя мух.

Через открытую дверь взад и вперед сновали люди, и Сперанца, наконец, тоже тихонько вошла в коридор, а оттуда в помещение. Там было полным-полно народу, и все стояли к ней спиной, повернувшись к столу в глубине комнаты. Она встала на цыпочки, но из-за сплошной стены спин так ничего и не увидела.

Тогда она нагнулась и, как кошка, проскользнула между людьми. Кое-кто посторонился, наклонив голову, чтобы взглянуть, кто это путается под ногами, но никто не сказал ни слова и не выказал особого удивления.

Пробравшись в первый ряд, Сперанца выпрямилась и оказалась лицом к лицу с человеком, о котором она столько слышала.

Он сидел за столом; у него была острая бородка с проседью и голубые глаза, живые и проницательные.

В эту минуту он слушал молодого батрака, который докладывал ему о положении дел, и кивал головой, глядя прямо перед собой.

Сперанца не вникала в то, что говорил батрак, и почти не замечала его: она смотрела только на человека с бородкой... Она себе представляла его другим: большим, высоким... А он, напротив, был маленький, сухощавый и нервный. Он дробно барабанил пальцами по столу, и на секунду его взгляд задержался на ней. Сперанце показалось, что в его голубых глазах мелькнула смешинка.

Теперь она сознавала, что было бы просто нелепо выложить здесь то, что она собиралась сказать. Здесь все говорили, употребляя слова, значения которых она часто не знала.

Она и ее горести, дедушка Цван и его взгляды были пустяками, ничтожной частью огромного, всеобъемлющего вопроса...

Человек за столом поднял голову и на этот раз открыто улыбнулся.

Обернувшись, Сперанца убедилась, что улыбка эта не вызвана чем-нибудь таким, что происходило у нее за спиной, и, значит, относится не к другим, а именно к ней.

— В чем это ты вымазалась, что на тебя столько мух напустилось?

Сперанца почувствовала, что все взгляды обратились к ней, и стала еще энергичнее отбиваться от мух.

— Да в чем же это ты?

— В молоке.

— В каком молоке?

— Я дою коров в долине и сегодня не успела помыться и переодеться... — пролепетала она покраснев.

— Это внучка старика Мори из Красного Дома, — объяснил кто-то у нее за спиной.

— Она самая, — подтвердила Сперанца. — Я пришла сказать одну вещь...

— Да? Ну, скажи!

В том-то и дело, что ей было трудно говорить перед столькими людьми... Но главный ей дружелюбно улыбался, и Сперанца ободрилась.

— Вот, я хотела сказать... Я хотела спросить, правильно или нет я думаю сделать...

— Ну?

— Я-то знаю, но дедушка Цван не понимает, что к чему. Мы с ним вместе работаем, и когда надо будет бросить работу, в назначенный день то есть... с ним будет трудно. Коровы станут мычать, если их не подоить, а дедушка ведь не понимает... Вот я и надумала сделать так: подоить их, чтобы они не мучились, потому что они ведь не виноваты... Но ведро не подставлять...

— Как, как?

— Подоить их так... Чтобы молоко текло прямо на землю...

И главный и все вокруг засмеялись.

— Сколько тебе лет?

— Тринадцать, синьор.

— Сколько у тебя коров?

— Как когда... Со мной ведь дедушка работает. А всего коров двадцать две.

— Сколько тебе платят?

— Я еще не знаю. Сказали, посмотрят, как я буду справляться.

— А твои где работают?

— Дедушка? Со мной...

— А остальные?

— У меня больше никого нет...

Он не стал расспрашивать дальше, но посмотрел на нее внимательнее.

— Ты знаешь, что такое забастовка?

— Да, синьор.

Он подпер рукой подбородок, и в глазах у него заиграл веселый огонек.

— И что ты о ней думаешь?

— Я думаю, что если она недолго протянется, хозяевам на нее наплевать, а если долго, они все равно голодать не будут, а мы будем

— Значит, ты думаешь, как твой дед?

— Нет, нет, синьор, что вы, — поспешно возразила Сперанца. — Он не верит, а я верю.

— Во что ты веришь?

— Что мы своего добьемся... Но придется поголодать, вот...

Человек, сидевший за столом, еще с минуту смотрел на нее с дружелюбным интересом, потом обратился к присутствующим:

— Некоторые воображают, что все у нас пойдет как по маслу; другие думают, что все равно ничего не выйдет. А вот эта девчурка смотрит на вещи правильно. Она говорит: нам будет тяжело — и нам действительно будет тяжело, — но мы должны выдержать.

Сперанца почувствовала, что все опять смотрят на нее, и нервно отмахнулась от одной особенно надоедливой мухи.

Потом она проговорила:

— Спасибо, синьор, — и, повернувшись, с бьющимся сердцем направилась к выходу.

Она была уже на пороге, когда ее окликнули.

— Послушай-ка, ты, егоза! Это верно, что у вас во дворе складывают инструмент?

— Да, синьор, две бригады.

— Тогда ты тоже возьми это и раздай рабочим, когда они придут... Поняла?

Сперанца протянула руку, взяла пачку листовок, которую ей передали, и выбежала, прижимая их к груди.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Цван ушел вечером накануне забастовки. Весь день он работал с каким-то ожесточением, насупившись и ни с кем не разговаривая.

Все это заметили, и многие из батраков потехи ради задирали его.

— Что, Цван, упражняетесь?

— Говорят, завтра Цван один наработает за три бригады.

Сперанца страдала от этих шуток.

Дедушка выводил ее из себя своим упрямством, своим непониманием очевидных вещей, но вместе с тем ей было больно за него.

С вилами в руке и шапкой, надвинутой на глаза, молчаливый и угрюмый среди смешливой молодежи, Цван казался... да, да, сычом...

Сперанца нашла подходящее сравнение, и, повидимому, еще кое-кому пришла в голову та же мысль, потому что как раз в эту минуту какой-то парень крикнул из-под навеса:

— Сыч!..

Цван порывисто обернулся, и Сперанца затрепетала. Но лишь на мгновенье.

Цван всего только протянул вперед руку и, шевеля пальцами, будто кроша что-то, крикнул в ответ:

— Дрянь... дрянь... дрянь...

Все расхохотались и наконец оставили его в покое.

Но Цван ушел. Он вдруг сказал Сперанце, что идет к Джузеппе.

В сущности, это хороший выход из положения, говорила себе Сперанца.

Ведь если бы Цван остался, он бастовать не стал бы. Он говорил ей, что неспособен сделать управляющему такую «пакость».

С другой стороны, он, понятно, не мог с легким сердцем пойти против товарищей по работе, своих старых друзей, можно сказать, братьев по крови.

Он хорошо сделал, что ушел. Там, в самом сердце болота, не могло быть ни забастовщиков, ни штрейкбрехеров. Это было идеальное место для лягушек и для таких людей, как Цван.

До поздней ночи Сперанца выполняла то, что решила сделать. Земля позади дома была залита молоком, а загоны открыты, чтобы скотина могла выйти на волю и пастись.

Теперь Сперанца стояла на дамбе, и из-за пляшущих повсюду огоньков ей казалось, что долина колышется. То были фонари, освещавшие дорогу группам людей, сходившимся со всех сторон, чтобы занять дамбы.

Перед рассветом обычно свежо, и в долине сырость пробирала до костей. Люди были одеты в короткие черные плащи, делавшие их похожими на нетопырей.

Даже Минга была на ногах. Казалось, она «почуяла», что происходит.

Она сидела в темноте на пороге дома и время от времени повторяла:

— Штрейкбрехеры идут с болота

Женщина, которая с час назад пришла к Цвану, чтобы попытаться убедить его примкнуть к забастовке, застала только старуху и Сперанцу.

— Дедушки нет дома, — сказала девочка. — Он ушел на болото.

И тут Минга снова повторила:

— Штрейкбрехеры идут с болота.

— Что это значит? — спросила женщина

— Не пойму. Она это со вчерашнего вечера твердит. Вы ведь знаете, какая она... Скажет что-нибудь и повторяет без конца...

— Но почему она это говорит?

— Кто ее знает? Может, услышала, что люди говорят, поняла, что мы бастуем; вот и вспоминает, что было в старину...

— Но, насколько я знаю, никогда такого не было, чтобы штрейкбрехеры нагрянули оттуда. Там им не пройти! Болото — что западня: попадешь, так не выберешься. С этой стороны мы как за каменной стеной. Они всегда с реки приходили, и вот увидишь, теперь тоже так будет. Ходят слухи, что их уж собрали и приведут сюда с военной охраной... Но, уж черта с два, они все равно не пройдут!

Сперанца проводила женщину до дамбы, потом опять задумалась над тем, что твердила Минга, и вернулась к ней.

— Бабушка, вы их видели, штрейкбрехеров?

— Они идут с болота, — монотонным голосом повторяла старуха.

Сперанца поняла, что толку от нее не добьешься, и оставила ее в покое. Но едва она отошла на несколько шагов, Минга вдруг заговорила:

— Они сидят у костров на болоте... У них лодки и с ними служилые люди, от правительства.

Сперанца знала, кто были для Минги служилыми людьми правительства. Она называла так солдат, карабинеров, стражников при сборщике налогов. Всех тех, кто носит мундир и оружие.

Что если Минга и в самом деле что-нибудь видела? Старуха иной раз забредала в такие места, куда обычно никто не забирался...

Сперанца побежала на дамбу и стала с возбуждением рассказывать всем, кто проходил, что твердит бабушка.

Вокруг нее сгрудились люди, но она не могла бы сказать, с кем говорит: в темноте нельзя было различить лица.

— Понимаете? — торопилась она объяснить. — Бабушка все время бродит вокруг, может, она и вправду что видела...

На некоторых рассказ Сперанцы произвел впечатление, но большинство недоверчиво покачивало головой.

— Подумаешь, Минга сказала... Бедная женщина, она уж даже не знает, на каком она свете...

Кто-то даже побранил Сперанцу.

— Брось-ка, девочка, рассказывать сказки! Нечего смущать лю-

дей... — раздался громкий и суровый голос. — Пусть каждый идет, куда ему надо, и не теряет зря времени.

Сперанца осталась одна.

Но женщина, которая приходила к Цвану и сама слышала слова Минги, со своей стороны, подняла тревогу и вернулась в сопровождении двух мужчин и парнишки.

Они посовещались, стоя на гумне, и Сперанца передала им последние подробности.

Тогда было решено, что для верности Сперанца и парнишка побегут на болото к Джузеппе, чтобы узнать, правда ли то, что говорит старуха, и тут же вернутся сообщить, как обстоит дело.

— Дуйте! До рассвета еще часа три, бегом успеете.

Они помчались, оба ловкие и проворные.

В долине повсюду мелькали тени. Ребята обгоняли длинные вереницы людей, стекавшихся к дамбе по многочисленным тропинкам.

Камыши шуршали, как на ветру, огни фонарей плясали во мгле, и от этого казалось, будто почва вздымается и опускается.

— Говорят, на нас бросят кавалерию...

У Сперанцы сердце готово было выпрыгнуть, но она не замедляла бега. Она не знала паренька, которого ей дали в товарищи; перед ней лишь мелькали его ноги, и мелькали они с невероятной быстротой.

— В четырнадцатом году тоже так было, но кони людей не топтали...

— Посмотри-ка на этих двух... Чьи вы? Куда вас черти несут? Опоздать, что ли, боитесь?

— Совсем рехнулись...

— Ребятишки, что с них взять... Знай себе играют...

Последний этап. Этот сумасшедший бег, слава богу, подходил к концу. Неподалеку начиналось болото, и там их ждала лодка.

— Куда вы бежите? Думаете, тут гладкая дорога, ни бугорка, ни колдобины?

— Сейчас-то эти вояки бегут сломя голову, а небось, если что, и удирать будут во все лопатки...

Сперанца нашла плоскодонку, они прыгнули в нее и отчалили.

Было еще темно, и плыть приходилось сравнительно медленно.

Паренек отталкивался шестом, Сперанца, наклонившись над водой и вытянув вперед руки, раздвигала кустарник и камыши, попадавшиеся им на пути.

Потом начало светать, проступили очертания предметов, и они поплыли быстрее.

Минутами Сперанца начинала опасаться, что сбилась с дороги.

Наконец, как в прошлый раз, показался дымок, и она смогла ориентироваться по нему. Спасибо дяде Джузеппе, что развел огонь.

Они причалили, и Сперанца спрыгнула на землю.

Дверь хибарки была приоткрыта. Она вошла без стука. Джузеппе и Цван сидели возле очага. Видно было, что они не ложились.

— Где Таго?

Цван вскочил на ноги.

— Что случилось?

— Где Таго? — повторила Сперанца.

— Эта барышня всегда ищет Таго... — засмеялся Джузеппе.

— Ладно, скажите мне, где Таго.

Оба старика подошли к ней.

— Таго, должно быть, на дамбе... А что такое?

— Бабушка говорит, что штрейкбрехеры идут как раз отсюда. Говорит, видела их на болоте у костров, и у них, мол, есть лодки и с ними

военные... Известно, ей не очень-то можно верить, но не мешает все-таки посмотреть.

— Так вот оно что! — воскликнул Джузеппе. — Вот оно что! Значит, это мне не померещилось вчера вечером... Смотрю, там вдалеке дым валит столбом, и говорю себе: «Это еще что такое? Жилья здесь нет... Охотники в эту пору сюда не заходят...» А потом подумал, что это ребятишки забрались на болото и жгут сухой камыш...

— Значит, это верно?

— Я ничего не видел, дочка... Только дым видел...

Сперанца уже выскочила из хибарки. На берегу она обернулась и крикнула:

— Дядя, я беру ваш дощаник!

Паренек ждал ее в лодке.

— Это правда, — сказала Сперанца. — Я вернусь на этой лодке сказать нашим, а ты бери дощаник и плыви туда. Я толком не знаю, где там дамбы, но ищи их по левую руку. Там должны быть люди... Там, наверно, и мой двоюродный брат, Таго... Скажи им.

Она оттолкнулась и отчалила.

— Прощай! Как тебя звать?

— Роберто... А тебя?

— Сперанца...

— Прощай, Сперанца...

Плоскодонки разошлись и бесшумно заскользили в противоположные стороны.

Два старика стояли на берегу и молча следили за ними.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Солнце еще не взошло, но рассвет уже посеребрил болото и камыши.

Старики молча сидели перед хибаркой.

— Да... — обронил Джузеппе.

— То-то и оно, — ответил Цван.

Но на самом деле они ни о чем не разговаривали, просто каждый вслух резюмировал тайную мысль.

Потом Цван встал, потянулся и подошел к заводи. Ни души! Вокруг царила мертвая тишина.

Он вернулся к Джузеппе, который, застыв на своем обычном месте, казалось, к чему-то прислушивался.

— Я думаю... — начал Цван, но Джузеппе сделал ему знак молчать и вытянул шею, продолжая прислушиваться.

— Что такое? — шепотом спросил Цван.

— Вода... вода плещется... Как бы не соврать, но, по-моему, лодка плывет.

Он тоже встал, и оба старика, осторожно ступая босыми ногами, спустились к затону.

Теперь и до Цвана донесся легкий, но отчетливо слышный плеск воды.

— Я только что подходил, и ничего не было...

— Тсс... — прошептал Джузеппе.

Тихонько, чтобы не колыхнуть камыши, он лег на землю, почти касаясь лицом воды. Через секунду рядом с ним в той же позе лежал Цван.

К ним действительно приближалась барка с вооруженными людьми в военной форме.

— Откуда они взялись?

Джузеппе не ответил.

— Неужто из-за стачки приехали?

— Нет, комаров ловить... Не понимаешь, что ли?

— Нет, не понимаю, — признался Цван.

— Сперанца правильно сказала: приехали штрейкбрехеры, а эти им путь расчищают, чтобы их не остановили и не заставили воротиться несолоно хлебавши.

— И что же будет, если они пройдут?

— Ну и пройдут, пройдут, большое дело! Штрейкбрехеры они и есть штрейкбрехеры... Не люди, а так... — он щелкнул пальцами в знак насмешки. — Беда только, — прибавил он, — если эти хотят нагрянуть в долину, а наши про то не знают. Тогда плохо дело, потому что у них оружие.

Цван молчал, взволнованный словами Джузеппе. Он видел за свою жизнь немало забастовок, но всегда лишь в качестве стороннего наблюдателя. Принадлежа к категории «диких», он никогда не работал по контрактам, и ему незачем было добиваться, чтобы хозяева их соблюдали... Разве это касалось его?

Но теперь дело принимало другой оборот. На этот раз в забастовке участвовала молодежь, и молодежь собиралась остановить штрейкбрехеров, убедить их отступиться... Но тут были карабинеры... А с карабинерами шутки плохи!

— Черт возьми! Ведь там же Сперанца... — шепнул он Джузеппе.

— Да и Таго со своей бригадой подходит слева...

— Он-то и впутал девчонку в это дело... — со злостью пробормотал Цван.

— Он тут ни при чем... Она сама берет с него пример. Что он делает, то и она. Ты разве не знаешь, Цван, что твоя внучка влюблена в Таго? — сказал Джузеппе и усмехнулся, довольный изумлением Цвана. — Хотелось бы мне увидеть, чем это кончится. Дожить бы только...

Цван от волнения не находил себе места.

— Да не возись ты... Камыш шевелишь...

— Джузеппе, говори ясно, а то я в этой заварухе что-то уже ничего не понимаю. Ведь у наших ребят и вообще у здешних людей даже и оружия нет... Так зачем же эти-то так снарядились?

— Сколько лет тебе, Цван?

— Семьдесят два.

— Ты их плохо потратил...

— Ладно, не твое дело... Я их прожил все до одного, и никто их у меня не отнимет. Это уж факт.

— Не серчай, брат, не порть себе кровь...

Шум приближавшейся барки вдруг смолк. Высунувшись из осоки, старики увидели, что она повернулась и пошла назад...

— Испугались... — шепнул Цван победоносным тоном.

— Да... лягушек. Это они разведку делали. Увидели, что путь свободен, и сейчас вернутся со всеми остальными...

— С кем это.

— С штрейкбрехерами...

Цван сплюнул.

— Но ты ведь не против забастовки?

— А ты?

— Я? Мне смешно, когда этак действуют. Я так и сказал Таго. По мне, или браться за дело, или нет; и если уж браться, то не останавливаться на полпути. Воевать так воевать! По-настоящему. Бить и быть битым, если придется, но готовиться снова ударить...

— Не знаю... Плевать мне на забастовку, но тут по одну сторону ребята, а по другую — эти, с винтовками...

— Вот видишь, выходит, я прав.

Тихо, почти умоляющим голосом Цван спросил:

— Джузеппе, что же делать?

— Об этом я и думаю...

— Давай слетаем предупредить ребят... Я в эту сторону, ты — в ту...

— На чем? Дощаник-то взяла Сперанца...

— Что же, по-твоему, отсюда теперь и не выберешься? Но ведь есть и другая дорога.

— Да, посуху, сперва назад, а потом в обход через полпровинции... Ты же сам знаешь...

— Выходит, мы должны сидеть здесь сложа руки и смотреть, как они пробираются в долину?

— Можешь вывесить белый флаг на крыше и звать на помощь, если хочешь, — усмехнулся Джузеппе.

— Но надо же что-нибудь делать...

— Да, остановить их.

— Кто же их остановит? Мы?

— Мы.

Джузеппе выпрямился и хлопнул Цвана по плечу.

— Мы самые, брат, — и глаза у него заблестели от возбуждения.

Странное волнение охватило Цвана. Он встал во весь рост, воскликнув:

— Идет, Джузеппе! Остановим!

Но тут же смущенно спросил:

— А как?

Джузеппе показал рукой на толстые стволы тополей, сваленные возле хибарки.

— Осилим?

— Пустое дело...

Операция была действительно несложной. Джузеппе схватил ствол за один конец, Цван — за другой.

— Взяли... Подымай!

Сгибаясь и пошатываясь под тяжестью ноши, они двинулись к болоту и сбросили тополь на берегу затона. Потом Джузеппе, как был, в одежде, вошел в воду, плюнул на руки и, опять ухватившись за конец ствола, потянул его к себе.

Цван, стоя на коленях, подталкивал его с берега.

Джузеппе шаг за шагом подвигался вперед, и только возле противоположного берега, обессилев, чуть было не выпустил ствол, но Цван уже успел войти в воду и поддержал его.

— Подымай!

Дело было сделано. Дерево теперь, как мост, протянулось над водой, опираясь на оба берега затона. Барка не могла пройти под ним и тем более перескочить через него.

Цван был удовлетворен.

Полюбуйтесь-ка, что за работа! Мори всегда были люди мозговитые. Вещь вроде простая, а не всякий до нее додумается! Иной раз говорят: школа, образование, учение... Все это ерунда! Мозги — вот что нужно. Он и Джузеппе даже подписаться не умели, ставили крест, да и то с трудом — иной раз не крест получался, а какая-то загогулина, — и все-таки не кто другой, как они остановили карабинеров!

Джузеппе пристально оглядел заводь и вышел на берег.

— Малость задержатся...

Цван нахмурился.

— Ты, значит, думаешь, что они все равно проедут?

— Как мы положили этот тополь, так они могут его убрать.

— Тогда на кой он?

— Я же тебе сказал: чтобы они потеряли время. Они снимут ботинки, потому что у них-то ведь есть ботинки, засучат штаны, слезут с барки и сбросят ствол в воду. Плюх, и готово.

Джузеппе оперся плечом о плечо Цвана, и оба уставились на дерево, повисшее над стоячей водой.

— Я ему говорил... — начал опять Джузеппе. — Драться так драться, беритесь за ружья и стреляйте. Тут уж кто кого... Куда там, боже сохрани! Нужно, мол, разъяснять, повышать сознательность... Я говорю: «Они-то ведь в вас будут стрелять!» — он, Таго, твердит, что не надо поддаваться на «провокацию». Он это называет провокацией! Видали?.. А я это называю пулями... И я тоже знаю, что не надо им поддаваться. Но они у тебя не спросят позволения пробить тебе лоб...

Цван все смотрел на ствол тополя и на лягушку, которая вспрыгнула на него.

Он думал о Сперанце, тонкой, как тростинка, юной, как росток, только что пробившийся на свет, полной веры в будущее.

Ему казалось, будто он видит ее, как видел незадолго перед тем, когда, не сгибаясь, с высоко поднятой головой, она стояла в отплывающей лодке.

Нет, он не мог позволить, чтобы девочка попала в беду.

— Джузеппе, мы не должны их пропустить.

— И я так думаю. Рука у тебя твердая? Когда-то ты хорошо стрелял...

— Не стану хвалиться, но я и теперь не оплошаю...

— Тогда, брат, мы опять поохотимся. На этот раз будет знатная охота. Такой у нас за всю жизнь не было.

— Аминь, — без тени шутливости, убежденно сказал Цван.

Они вошли в хибарку, сняли двустволки со стены и оба одновременно заглянули в дула.

— Возьмем крупную дробь, — сказал Джузеппе, — и будем целиться в голову. Верно, головы у них крепкие и их не так-то легко продырявить, но с нас хватит и того, что эти молодчики попрыгают в воду.

Они вернулись к камышам и опять легли на землю, приложившись к двустволкам.

Время шло, но ничто не нарушало тишины болота.

Всходило солнце. Лягушка попрежнему неподвижно сидела на стволе тополя.

— А не могут они проплыть с другой стороны?

— Там есть один проток под липами, но его мало кто знает даже в долине. Пожалуй, только мы, Мори, и знаем. А эти и вовсе чужаки... Мы туда ходили, когда были ребятишками, помнишь?

— Да, — пробормотал Цван.

Он это хорошо помнил. Детьми они ходили туда ловить пиявок. Они опускались в воду, и прожорливые паразиты сразу набрасывались на них и начинали сосать кровь. Тогда ребята выскакивали на берег, отрывали пиявок от тела и бросали их в банку. Бабушка потом относила их аптекарю и продавала по скольку-то за сотню.

— По два чентезимо *, вслух промолвил Джузеппе, как будто следил за ходом мыслей брата.

— Веселая жизнь... — с горечью сказал Цван.

---

* Чентезимо — мелкая монета, $^1/_{100}$ лиры.

— ...От начала до конца... — усмехнулся Джузеппе.

В эту минуту из камышей с шумом взлетели птицы. Лягушка, сидевшая на стволе тополя, прыгнула в воду.

— Плывут, — шепнул Джузеппе, и глаза у него сверкнули.

Цван сдвинул шапку на затылок и слегка приподнял ствол ружья. С минуту у него бешено колотилось сердце; потом мало-помалу, в то время как плеск воды слышался все ближе и ближе, на него снизошло глубокое спокойствие. Вот они! Барок было три. На первой плыли только карабинеры, на двух других мужчины в штатском и женщины, но в сопровождении военных.

— Смотри-ка, и женщины, — выдохнул Цван. — Вот шлюхи!

Первая барка остановилась. Сидевшие в ней заметили поваленный ствол тополя, и было отчетливо слышно, как они переговаривались.

— Раньше его не было...

— Может, мы не обратили внимания.

— Нет, не было.

— Ну и что? Не было, так есть. Вперед.

Барка поплыла дальше.

— Смотри, смотри, кто шестом орудует...

— Кто это?

— Лоренцо, водовоз. Он самый, сволочь. Я слышал, как он других подзадоривал, а про меня говорил, что я вроде штрейкбрехера... Сейчас я ему покажу, какой я штрейкбрехер...

— Целься в голову, — посоветовал Джузеппе. — Может статься, они испугаются и удерут при первом выстреле. Они ведь не знают, сколько нас здесь.

Перед стволом дерева барка остановилась.

Цван слегка приподнял двустволку и нажал на спусковой крючок.

Человек, который отталкивался шестом, завопил, поднес руки к лицу, потом опрокинулся назад и, перевалившись через низкий борт барки, упал в воду.

Высоко взлетели брызги, сверкая на солнце.

Но Цван опять прицеливался. Второй заряд дроби попал в зад тому, который приказал плыть дальше. Раздался новый вопль...

Джузеппе беззвучно смеялся. Цван поднял голову посмотреть на свою работу. Две другие барки уже поворачивали назад. Слышался нестройный гул голосов и женский плач.

Между тем что-то просвистело над головою Цвана, и у него, как от подзатыльника, слетела шапка.

— А, чтоб тебе! — выругался старик, подхватывая ее и показывая Джузеппе. — Продырявили...

— Ложись! — крикнул Джузеппе. Но слишком поздно.

В ту самую минуту, когда у Цвана слетела продырявленная шапка и он от неожиданности поднял голову, с барки прогремел винтовочный выстрел.

Джузеппе уже прицеливался, когда услышал, как скошенный пулей Цван упал рядом с ним.

Он не повернулся к нему. Упершись локтем в землю, старик наводил двустволку на новую цель; он видел, кто выстрелил в Цвана.

Что-то горячее омочило ему локоть.

«Кровь, — подумал он, — кровь Мори», и выстрелил.

И тут же что-то взорвалось у него в голове и вспыхнуло, подобно фейерверку, цветными огнями.

«Ну, ребята, — была его последняя мысль, — слово за вами...».

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

К рассвету долина была занята батраками.

На дамбах женщины разжигали маленькие костры, чтобы подогреть похлебку, принесенную из дому. Всюду чувствовалось приподнятое, веселое настроение... Народу сошлось столько, что от этого у всех возникало ощущение какой-то огромной силы, и каждый мог ему только радоваться.

Уже была намечена зона, подлежащая осушению, но работу батраки соглашались начать лишь на определенных условиях.

А пока что на рисовых плантациях не оставалось ни души, на полях — ни души, со скотиною — ни души. Даже в немногих домах, рассеянных в долине, двери и окна были закрыты, а все жители — на дамбах.

Время от времени людям приходилось расступаться, чтобы дать дорогу велосипедистам, мчавшимся по верху дамбы. Велосипедов было немного, и почти все они находились в распоряжении связных, непрерывно сновавших взад и вперед.

Когда Сперанца вернулась и передала забастовщикам, что сказал Джузеппе, двое мужчин тут же отделились от остальных и направились в противоположные стороны.

Сперанце пришлось переходить от одной кучки людей к другой, повторяя свой рассказ, пока у нее не пересохло в горле.

Она устала, и владевшее ею прежде одушевление стало падать.

Наконец ей удалось отойти в сторону и спрятаться в зарослях акаций, растянувшись на траве.

Здесь был не так слышен шум голосов, зато где-то рядом громко куковала кукушка, и Сперанцу вдруг охватила глубокая грусть.

Она попыталась преодолеть ее, но безуспешно. Быть может, речи деда, полные пессимизма, запали ей в душу... Быть может, суждено было случиться чему-то печальному...

В эту минуту послышались отдаленные выстрелы.

Те, кто сидел или лежал, вскочили на ноги.

— Это там!

— Нет... с той стороны...

В долине трудно определить, откуда доносится звук...

Безмятежное спокойствие, царившее несколько минут назад, исчезло без следа, сметенное этим далеким эхом. Теперь все напряженно смотрели в сторону болота.

Сперанца не двинулась с места. Уткнувшись лицом в землю, она плакала. Снова донеслись отзвуки выстрелов...

Но те двое, которые сразу куда-то ушли, когда услышали от Сперанцы, что сказал Джузеппе, уже вернулись, и тут же были высланы дозоры, чтобы обследовать болото.

Сперанца в своем тенистом убежище слышала, как суетятся люди, и думала, не переставая плакать: «Все равно ничего не выйдет... ничего не выйдет». Она и сама не знала, что она имеет в виду... До сих пор она рассуждала, как взрослая, а верила, как ребенок. Теперь, одна среди незнакомых людей, она была ни взрослой, ни ребенком и чувствовала безмерную усталость.

Выстрелов больше не было слышно, и на дамбах снова водворилось спокойствие.

— Охотники... Я же вам говорил!..

— Может, и так, но после всех этих разговоров насчет карабинеров как не забеспокоиться, когда слышишь выстрелы как раз в той стороне...

— Хоть бы эти карабинеры сами друг друга перестреляли!

— Так или иначе, а оно и кстати. Теперь с этого края все болото обложено. Если и сунутся оттуда, все равно не пройдут...

— А это точно, что кругом наши стоят?

— Разве вы не слышали? Одна партия пошла туда, вниз, а две привел молодой Мори с той стороны. Теперь, должно, все проходы закрыты.

Сперанца подняла голову и прислушалась. Значит, Роберто разыскал Таго, и Таго двинулся сюда. У нее сразу стало спокойнее на душе и грусть рассеялась.

Она вытерла слезы и высморкалась. Потом опять растянулась на траве и на этот раз заснула.

Проснулась она вся в муравьях, когда солнце стояло уже высоко и било ей прямо в лицо. Но разбудили ее не муравьи и не солнце.

С дамбы доносились крики и шум суматохи.

— Обоих...

— Да как же это случилось?

— Кто его знает?.. Оба лежат там ничком друг возле друга, и кровь льется в воду...

— Говорят, похоже, что они тоже стреляли... Да теперь разве узнаешь, как было дело!

Ошеломленная Сперанца вскочила на ноги, стараясь понять, что произошло, потом бросилась к людям, толпившимся на дамбе, и спросила:

— Кого убили?

Все молча смотрели на нее. Сперанца переводила взгляд с одного на другого.

— Почему вы молчите? Кого убили? — закричала она.

Отвечать не понадобилось: в эту минуту поодаль от них какая-то женщина закричала людям, подходившим с поля:

— Бегите скорее! Убили стариков Мори!

Сперанца широко раскрыла глаза и зашаталась. Какая-то женщина успела ее поддержать, подбежали другие и сгрудились вокруг. Повсюду на дамбах женщины заголосили по убитым.

Сперанца, попрежнему не двигаясь с места, стояла в кругу женщин и смотрела перед собой невидящим взглядом с таким ощущением, будто ей все это снится.

— Сперe... Иди ко мне, Сперe...

Она упала на грудь Таго, и все расступились, чтобы дать им пройти.

Таго, обняв девочку, молча шел между людьми, уступавшими ему дорогу.

— Крепись, Таго... Они нам за это заплатят.

И вот еще раз Сперанце пришлось перебраться через болото.

Она сидела, сжавшись в комок, на дне лодки и думала о дедушке.

Но разве могла она отречься от всего, приноровиться к той жизни, которую вела, и безропотно принять ее, как принимал ее Цван?

Бедный старый Цван, какую он прожил жизнь!

Сперанца закрыла глаза; руки ее сжались в кулаки. Она испытывала почти физическое ощущение невыносимой горечи и в эту минуту поняла, что хотел сказать Таго, когда говорил, что у него рот полон желчи.

— Приехали, Сперe.

Держась за руки, они направились по тропинке к заводи, и, когда они подошли, люди, которые уже были на месте, молча отступили назад.

Оба старика все еще лежали ничком у самой воды, в том самом положении, в котором их там нашли.

Трава вокруг них была залита кровью, и на нее садились мухи.

В нескольких метрах от мертвых спокойно квакали лягушки.

Сперанца вдруг обернулась, точно хотела убежать, но Таго крепко схватил ее за плечи. Тогда она заплакала. Не так, как плакала девочкой, а в голос, навзрыд, как женщины долины, когда они плачут по покойнику.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

По дорогам, поросшим травой, волы медленно везли возы сена.

Повсюду — в широкой долине, на откосах дамб, вдоль каналов — стояли высокие стога.

Вечерело. Небо было окрашено в голубые и лиловые тона, в тихом воздухе ласково шелестели тополя, и светлячки, как пляшущие искорки, мелькали по всей долине.

Сидя на ярме между двух белых волов, Надален распевал во все горло, а воз тащился да тащился полегоньку, покачиваясь из стороны в сторону.

Славный был вечер.

Надален не был способен расчувствоваться, слушая пение соловьев, доносившееся из зарослей акаций, или залюбоваться последними огненными мазками заходящего солнца на краях облаков. Надален радовался, глядя на сено, которое было повсюду, покуда видит глаз, и вдыхая исходивший от него чуть терпкий аромат тимьяна и мяты.

Ему редко приходила охота петь. Но в этот вечер он был в хорошем настроении; в этот вечер ему казалось, что мир не так уж плох и что в будущее можно смотреть если не с уверенностью, то с надеждой.

Время от времени он прерывал песнь, чтобы поднести ко рту фляжку, висевшую у него через плечо, потом подгонял волов и опять начинал петь.

Это была, собственно, не настоящая песнь, а один из тех сторнелей, которые уборщики риса импровизируют во время работы по случаю какого-нибудь мелкого происшествия, чтобы посмеяться над теми, кто работает на соседнем поле... На них отвечают обычно тоже шуточными сторнелями, и если они оказываются удачными, то остаются в числе «песен» рисового поля.

Он сказал, что любит ее,
но она насмеялась над ним.
Э-эй, тра-ла-ла...

разносился и замирал вдалеке голос Надалена.

С дамбы кто-то крикнул:

— Надален!

Он повернул голову и увидел проезжавшего на велосипеде Лоренцо, который дружески махал ему рукой.

Надо же! Это была единственная встреча, способная испортить настроение Надалену.

Он что-то проворчал в ответ и поднес к губам фляжку.

Но на этот раз он не выпил, а только пополоскал вином рот и сплюнул.

Охота петь у него пропала.

Не по душе ему был «кривой»!

Ему всегда не нравилась история с зарядом дроби, который Лоренцо получил в лицо на болоте несколько лет назад, во время забастовки. Теперь Лоренцо старался всех убедить в своей собственной версии происшествия, по которой он будто бы случайно оказался на линии огня, когда шла перестрелка. Но это он придумал потом.

Вначале он уверял, что его ранили карабинеры. Только когда док-

тор прямо сказал: «Не морочь мне голову. Я же вижу — охотничья дробь. Это тебя Мори угостили перед смертью», — Лоренцо переменил версию.

Темная история! А на Лоренцо уж и раньше косо поглядывали в долине...

Его объяснения никого не удовлетворяли.

Что он делал на болоте в тот день и как раз в это время? Лягушек, что ли, ловил?

А может, показывал дорогу карабинерам? Это было больше похоже на правду.

Через болото нелегко переправиться на лодке.

Каждую минуту кажется, что дальше плыть уже нельзя: то коса впереди, то через водоросли и осоку не продерешься, то слишком мелко.

Немногие умели там пробираться, даже среди тех, кто родился на болоте. Мори умели, но они потому и погибли, что помешали проехать лодкам.

Но кто же вел барки в тот день?

Всем было известно, что Лоренцо хорошо знал болото. Он возил в бочках воду партиям батраков, работавших на осушке, а так как работы шли по обоим берегам болота, то он не раз грузил бочки на дощаник и переправлялся прямиком на другую сторону.

Недаром Лоренцо в этом деле потерял глаз, — говорил себе Надален, — бог шельму метит.

Молодежь в долине звала Лоренцо «кривым», но Надален мысленно называл его по-другому.

Он опять поднес фляжку к губам, подержал вино во рту и хотел было сплюнуть.

Потом передумал и проглотил. Вино-то тут было ни при чем.

— Ну, Мора! Шевелись, Стелла!

Он ослабил узел платка, повязанного на шее, и концом его утер с лица пот.

Потом опять принялся петь.

— Надален!..

На этот раз послышались молодые голоса, и Надален со вздохом повернул голову.

— Так и есть.

С дамбы к возу бежали четыре девушки с поблескивающими серпами на плечах.

— Тише, боже ты мой, долго ли упасть да напороться! Разве так держат серп? Голову надо иметь...

Девушки были веселые. На них всех были светлые и короткие, до колен, платья и у всех — стриженые волосы.

— Ну и ну! — сказал про себя Надален. — Хорошенькая мода!..

Девушки полезли на сено, и воз закачался.

— Сначала воткните серпы! Сумасшедшие! Что с вами будет, если свалитесь?

— Поехали, все в порядке!

Усевшись на середине воза и утопая в сене, девушки были похожи на выводок зябликов в гнезде.

Об этом и подумал Надален, когда волы тронулись, но не высказал свою мысль, а вместо того обернулся и крикнул:

— Только не доезжая до поворота я вас ссажу.

В ответ раздался взрыв смеха, и Надален покачал головой.

— Значит, это правда, что Эмилия ревнивая?

— Как это она ревнует такого мужчину, как вы?

— Ну, ну, полегче...

— Надален, к кому вас больше всего ревнует жена? Ко мне, правда?

— Нет, ко мне, потому что у меня волосы вьются...

— Она ревнует ко всем четверым сразу, потому что знает, что таких, как вы, нужно не меньше четырех, чтобы вышла женщина...

Легкий вздох разочарования. Потом опять:

— Надален!

— Ну?

— Что вы такое сделали Эмилии, что она вас ко всем ревнует?

— Вот это да! У меня же еще спрашивают, что я ей сделал... Как будто это я виноват! Она всегда такая была. В другом доме жила, так с Тиной сцепилась, пришлось перебраться...

— И тут Тина... Что в ней такого, что мужчины из-за нее голову теряют, а женщины себя не помнят от ревности?

Надален почесал голову и обернулся.

— Сперанца, это камешек в твой огород...

— Вот еще! Мне-то какое дело до подружек Таго...

— Так уж и никакого?.. А как-то вечером люди видели, как ты потихоньку шла за ним с Тиной в камыши... Это правда или нет? А правда или нет, что Таго тебя заметил и вернулся сказать тебе кое-что и ты убежала, как будто тебя гадюка ужалила?

Надален улыбался, довольный своим маневром. Ему удалось перевести разговор на другую тему. Теперь защищаться приходилось Сперанце.

— Кто вам это сказал? Хотела бы я знать, как это люди ухитряются такое сочинять! Подумать только! Чтобы я бегала за Таго... Если я найду того, кто это сказал...

— Да он перед тобой... — засмеялся Надален, — потому что ведь это я тебя видел! Но я про это никому не сказал.

Они доехали до изгиба дамбы. Девушки примолкли: Сперанца от стыда, остальные из сочувствия к подруге, понимая, как должно было уязвить ее, такую гордую, это разоблачение.

— Ну, слазьте, дочки, подъезжаем к дому.

Девушки приготовились слезать с воза как раз в ту минуту, когда на дамбе появилась Эмилия.

— Так и есть... Теперь вам незачем слезать. Все равно она вас заметила. Боже упаси, если она увидит, что я вас здесь ссаживаю: кто знает, что ей взбредет в голову.

— Нет, нет, вы сказали, чтобы мы слезали, мы и слезаем.

Девушки со смехом разобрали серпы и соскочили на землю.

Эмилия неподвижно, точно окаменев, стояла на дамбе и молча смотрела на них.

Сперанца готова была расплакаться. Надален не должен был так поступать с ней. Если ему хотелось, чтобы она знала, что он ее видел, он мог ей это сказать с глазу на глаз.

Она повернулась к Надалену, который тоже слез на землю и теперь стоял перед волами, и с лукавым огоньком в глазах, и без того блестящих от выступивших слез, быстро подошла к нему, обвила ему шею рукой и поцеловала его.

— Вот это была месть!

Надален просто остолбенел, а девушки так и прыснули, закрыв лицо руками.

— Иисусе! Неужели у него теперь хватит смелости подойти к Эмилии?

Все четверо прошли мимо нее как ни в чем не бывало.

— Добрый вечер, Эмилия! Как вы себя чувствуете?

— Мерзавки, — пробормотала женщина, но можно было подумать, что это не она сказала: ни один мускул не дрогнул у нее на лице.

Немного погодя девушки умывались на гумне под навесом.

— Это правда, Сперанца?

— Да...

— Зачем ты это сделала? У тебя ухажеров будет хоть пруд пруди, если захочешь! Что ты на нем помешалась?

— Не знаю... Я всегда только о нем и думала, сколько себя помню...

— Хоть бы был красивый! А у него лицо всегда такое сердитое, хмурое, как будто ему весь свет не мил...

— Ну и пусть. Он мне нравится, вот и все.

— Ну, а что он тебе сказал, когда ты пошла за ними?

— Что если он еще раз меня там увидит, то выпорет.

— Скотина!

Надален между тем переваривал свои неприятности. Эмилия заперлась в комнате, а он сидел на пороге дома и ел, макая хлеб в чашку с вином. С ума сойти, да и только! Ему было шестьдесят лет, а Сперанце — шестнадцать. Только Эмилии могло такое втемяшиться!

Когда Красный Дом отремонтировали и пристроили к нему флигель, Надален попросил разрешения перебраться туда в надежде, что, имея соседками Мингу и девочку, Эмилия наконец успокоится. Но не тут-то было: в Красный Дом перебрались и другие семьи, чтобы быть поближе к землям кооператива, и Эмилия опять начала изводить его мрачным молчанием, дуться, устраивать ему сцены.

Куда же было податься несчастному человеку?

Разве что в самую глубь болота, где еще не начинались работы по осушению, — обживать трясину?

Стемнело. На гумне показалась Минга.

«Вот тоже птица! — подумал Надален. — Ей за восемьдесят, а она все ходит, с утра до вечера, изо дня в день, что твой поезд!»

Фартук у Минги был подоткнут за пояс и оттопыривался, как мешок, чем-то набитый до отказа.

— Эй, Минга, что это у вас в фартуке?

Старуха подошла и дала пощупать свою добычу. Хворостинки, сучки, пустые птичьи гнезда, улитки...

— Ай да Минга! Всегда она на ногах...

Довольная Минга, посмеиваясь, засеменила к чулану.

Из дома между тем послышался голос, звучавший, как команда.

— Надален!..

— Ну вот... теперь она скажет, что я милуюсь с Мингой...

Из-под навеса, где умывались девушки, раздался взрыв смеха и наверху захлопнулось окно.

— Обживать болото... — пробормотал Надален, поднимаясь. — Только и остается уйти от людей подальше и обживать болото...

И вошел в дом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

Немного погодя девушки сидели на дамбе перед домом при бледном свете луны и болтали вполголоса, поверяя друг другу сердечные тайны.

Вдалеке, как горящий глаз, смотрело в темноту освещенное окно какого-то дома.

В доме Тины тоже горел свет...

Быть может, у нее сидел Таго...

— Пойдем посмотрим?

— Ну и что, если он там? Сперанца будет страдать, вот и все!

— Она и так страдает... Пойдем?

Сперанца ничего не говорила, но уже поднялась.

— Он сказал, что выпорет меня, если еще раз там увидит. Но не может же он запретить мне погулять вечером...

Замирая от волнения, девушки пошли по дамбе.

— Ну что в ней такого, в Тине, что все за ней бегают?

— Ведь не то чтобы красавица, даже не очень молода...

— Зато умеет улыбнуться, полюбезничать...

— А ты вот, Сперанца, наоборот, всегда серьезная при Таго. Смотришь на него и рта не раскрываешь.

Старшей из девушек было семнадцать лет, самой младшей — четырнадцать, и именно последняя изрекла сентенцию:

— Мужчины любят, чтобы им говорили комплименты.

Девушки прошли еще немного в тишине, потом одна из них, уже позабыв о намеченной разведке, громко предложила:

— Девочки, не спеть ли нам серенаду Надалену?

— Потом. Сейчас надо тихо идти.

Они спустились с дамбы и направились по дороге, которая вела к дому.

Залаяла собака.

— Если там люди, что мы скажем?

— Что кого-нибудь ищем... Только кого?

— Мингу...

— Правильно, Мингу.

Теперь все четверо без колебаний шли к дому.

Собака лаяла все пуще, и уже послышались голоса людей, унимавших ее.

— Тубо, Верный!

Девушки застали соседей на лавочках возле дома. При свете луны нельзя было с первого взгляда различить всех, но Сперанца сразу узнала Таго, сидевшего рядом с Тиной

— Добрый вечер!

— Добрый вечер! Скажите, вы случайно не видели сегодня Мингу?

— Мингу?

Все встали.

В долине все хорошо относились к старухе и искренне жалели ее, испытавшую столько горя.

— Мингу? Я ее видела, но рано утром.

— В полдень, когда я шел с работы, она сидела под молодым тополем.

— Она еще не вернулась!

— Возможно, вернется попозже. Не раз так бывало...

Но все были встревожены, и уже зашел разговор о том, чтобы отправиться на поиски.

Девушки вдруг смутились.

— Не беспокойтесь. Она сама вернется..

Но мужчины уже встали, собираясь идти на поиски.

Таго еще ничего не говорил. Он подошел к Сперанце и посмотрел ей в глаза.

— Ты что об этом думаешь, Сперс?

— Я... Не знаю...

Теперь ей хотелось плакать. Их ложь могла иметь последствия, и ее им не простили бы так легко.

Таго сжал ее руку.

— Ты в самом деле беспокоишься, Сперс?

Это было уже слишком, и девушка действительно расплакалась.

— Вы оставайтесь здесь, — сказал Таго. — Все равно, Сперс, сейчас

мало толку искать... Разве что-нибудь увидишь в камышах? Лучше я пойду поразспрошу у людей, кто ее видел и в котором часу. Но может, она еще бродит...

— Вот увидишь, она вернется, Сперанца, — сказала вдруг ласково Тина. — Это ведь не в первый раз с Мингой. Помню, прошлой зимой в непогоду она и вовсе среди ночи приходила...

Для Сперанцы это было верхом унижения.

Теперь еще и Тина взялась ее ободрять.

Было решено, что мужчины останутся ждать известий, кроме самого старого, который пошел в соседние дома узнать, не видел ли кто-нибудь старуху под вечер. Он был другом Цвана и не хотел идти спать, пока не удостоверится, что с Мингой ничего не случилось.

Таго и девушки направились к Красному Дому.

У Таго был велосипед, и он вел его за руль.

Никто не разговаривал, но вдруг, когда они уже подходили к дамбе, одна из девушек за спиною Таго тихонько засмеялась. Таго обернулся.

— Что тут смешного?

— У нее не все дома... — сказала самая младшая. Но тут же сама рассмеялась, и тогда один за другим послышались приглушенные смешки девушек, всячески старавшихся найти им какое-нибудь оправдание.

— Это она меня рассмешила... Дура!

Таго остановился.

— Вот что, девушки, шутки в сторону. Где Минга?

— Если бы мы это знали, неужели мы стали бы вас беспокоить?

— Нет, мы знаем, — вдруг вмешалась Сперанца. — Она в постели, Таго.

На минуту воцарилась томительная тишина, потом три девушки бросились бежать по дамбе. Сперанца мгновение поколебалась, потом повернулась и кинулась за подругами.

Она была в ужасе.

Девушки бежали во весь дух, скачками, как козули, бесшумно касаясь травы босыми ногами.

Таго сжал кулаки в приступе гнева, но скоро, глядя им вслед, почувствовал, что его разбирает смех.

Он вскочил на велосипед и поехал обратно.

— Эй, люди! — закричал он на гумне. — Минга уже дома.

Потом он повернул назад и снова подъехал к дамбе.

Ему хотелось знать, с какой целью девушки передавали эту выдумку и от кого исходила инициатива.

Девушек уже не было видно, но Таго знал, как можно сократить дорогу, чтобы опередить их.

Он помчался, изо всех сил нажимая на педали, и, подъехав к Красному Дому, прислонился к изгороди и стал ждать. Скоро показались и девушки.

Они уже не бежали, а шли, обсуждая происшествие.

— Мы всегда могли сказать, что не знали, — звенел бойкий голосок.

— Если бы эта дура не рассказала, что старуха уже в постели...

— Ты просто сумасшедшая, Сперанца! Мы ведь это сделали для тебя, ты же знаешь...

Таго вышел из тени и поднялся на дамбу.

Увидев его перед собой, девушки онемели от неожиданности.

— А теперь мы немножко потолкуем, — сказал Таго. Он был в бешенстве, и в то же время ему не удавалось сохранять серьезность. — Ну-ка, живо садитесь вот сюда и давайте поговорим.

Все молча сели, слушаясь его, как школьницы.

— Кто это придумал?

— Она

— Врунья! Это ты сказала: пойдем посмотрим, а Сперанца боялась, что ее выпорют.

— Может, ты скажешь, Спере? — обратился к ней Таго. — А вы помолчите.

— Мы пошли посмотреть... — начала Сперанца, — ...и когда пришли, не знали, что сказать, и решили притвориться, что кого-нибудь ищем.

Таго закурил сигарету.

— А что вы хотели посмотреть?

— Она мучится ревностью, — сказала тогда одна из девушек, — и хотела посмотреть, верно ли, что ты у Тины... Потому что сегодня вот над ней Надален смеялся и все в долине над ней подшучивают. Мы думали, что, убедившись в том, что ты ухаживаешь за Тиной, она перестанет бередить себе сердце... Мы ей добра хотели.

Сперанца опустила голову и уткнулась лицом в колени.

«Господи, господи! — думала она. — Никогда у меня ничего не получается...» В ту минуту для нее было все безразлично. Ей уже не важно было, что подумает о ней Таго, что подумают подруги, что скажут люди...

Она думала о том, что говорила бабушка, когда еще был жив Берто и она была маленькой.

«Бог в облаках, а мы на земле... Много ли он знает, что здесь творится!..»

Никому, значит, не было дела до нее и до ее горестей. Никому!

Немного нежности к себе она нашла бы только у тети Марты, но не могла уехать к ней, покинуть Мингу...

Она все сидела, опустив голову и сцепив пальцы рук на затылке, и даже не слушала, что говорят другие.

Вдруг она заметила, что девушки встают.

— Ну, вы идите спать и хоть сегодня вечером ничего больше не затевайте, если можете. А Сперанцу я потом провожу.

Сперанца в испуге вскочила на ноги. После недвусмысленного признания подруг она была не в силах вынести разговор с Таго.

Но Таго уже стоял перед ней, крепко держал ее за плечи и сверху вниз — он был выше на целую голову — пристально смотрел на нее

— Это так, Спере? — спросил он вполголоса

Сперанца разрыдалась.

И тут совершилось чудо. Она почувствовала, что Таго ее обнял и ищет губами ее губы.

Она смутно припомнила, что она думала несколько минут назад, и мысленно сказала: «Господи, то ли ты сошел на землю, то ли я поднялась на небеса».

А слезы между тем у нее текли ручьем, и Таго протянул ей платок.

— Успокойся, Спере. Сейчас я тебя провожу домой, чтобы эти трое не подумали плохого. А завтра приду. Хорошо?

Три девушки, стоя под навесом, видели, как Сперанца шла к дому рядом с Таго, который держал ее за локоть.

— Он похож на карабинера, который поймал вора,— шепнула одна.

— Они похожи на жениха с невестой, — изрекла самая младшая.

— На этот раз, по крайней мере, мы сделали доброе дело.

Они видели, как Сперанца и Таго на минуту остановились, а потом Таго наклонился и поцеловал Сперанцу.

— Меня даже дрожь пробирает... — усмехнулась младшая.

Все трое стояли в темноте, прижавшись к столбу навеса, и с замиранием сердца смотрели на влюбленных.

Когда Таго вскочил на велосипед и уехал, Сперанца, вместо того чтобы войти в дом, ни минуты не раздумывая, направилась прямо к навесу.

— Я так и знала, что вы здесь.

Шесть рук одновременно протянулись к ней. Все ее обступили.

— Ну, что ты скажешь? Видишь, что получилось, дурочка?

— Я помолвлена, — торжественно объявила Сперанца и вытерла нос.

Девушки пустились в пляс под навесом.

Потом они со смехом выбежали на середину гумна и под окном Надалена запели «серенаду»:

Спи, спи, Надален,
раз попал к супруге в плен.
Она мужа бережет,
она мужа стережет...
Э-эй! Траляля, траляля, траляля...
Спи, спи, Надален...

Два или три окошка распахнулись, и послышались раздраженные голоса разбуженных среди ночи людей

Тогда девушки шмыгнули в дом.

Сперанца в своей каморке зажгла свечу. Она посидела с минуту на кровати с закрытыми глазами, прислушиваясь к биению сердца. Потом вскочила на ноги, подошла к зеркалу и стала внимательно рассматривать свое лицо, повторяя: «Я счастлива, счастлива!..» Какое лицо бывает у счастливого человека? Она должна была запечатлеть его в памяти...

Ночь была тихая и светлая. За окном пели соловьи и танцевали светляки.

С верхнего этажа доносилась глухая воркотня: Эмилия и Надален опять ссорились.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Шла косьба на лугах, недавно отвоеванных у болота.

Земля здесь была еще сырая, но в этом году потеплело рано, и трава поднялась высокая, густая, сочная.

Бригада женщин подвигалась вперед, вытянувшись в ряд. Серпы поднимались, дрожа в воздухе, и тут же разом падали наискось. Трава никла к земле, как от порыва ветра, и жаворонки впереди косарей стрелою взмывали в небо, высоко-высоко, как их трели.

Сперанца с подругами косили с краю, у дамбы. Они скоро отстали от своей бригады: слишком многое в этот день отвлекало их от работы.

Элена, самая младшая, девчурка с огненно-рыжими волосами и веснушчатым носом, то и дело останавливалась, втыкая серп в землю, и обращалась к Сперанце:

— Если бы я была на твоем месте, я бы поставила твердые условия! Чтобы к Тине он ни ногой.

Сперанца, видимо, даже не слушала; она смотрела на жаворонка, серебристо-черной точкой парившего в вышине...

— Ты меня слушаешь? — приставала Элена.

— Брось... — вмешалась Джулия. — По-моему, об этом еще рано говорить. В сущности, они даже не помолвлены. Он ее только поцеловал... Подожди, по крайней мере, до помолвки. Успеешь и потом сказать свое слово, правда?

Джулия, ровесница Сперанцы, была маленькая, кругленькая и смуглая, как кофейное зернышко. Даже когда она говорила о серьезных ве-

щах, глаза у нее смеялись, и, быть может, поэтому ее словам никто никогда не придавал значения.

Серпы в руках девушек поднимались и опускались со все более неравномерными промежутками. То одна, то другая останавливалась, опять принималась косить и опять останавливалась...

Четыре соломенные шляпы выделялись на лугу, как белые венчики цветов. Позади девушек покос являл взору странные арабески с торчавшими там и сям, как кусты, пучками травы.

— Девушки, — донесся голос с дамбы. — Кто здесь косил? Беппе?

Беппе был батрак, который по воскресеньям, заменяя парикмахера, обслуживал на дому местных стариков.

Намек был ясен, и девушки с досадой обернулись.

На дамбе стояли дон Терцо и Отелло.

Если эти двое появлялись в долине не в охотничий сезон и не для пасхальных благословлений, это значило, что они идут причащать какого-нибудь умирающего.

— Кому это плохо, могильщик? — спросила Элена.

Отелло не принадлежал к причту. Он был своего рода личным оруженосцем дона Терцо, который брал его с собой всякий раз, как отправлялся в долину, чтобы было с кем перекинуться словом.

— Это я-то могильщик? — спросил он с негодованием.

— Брось, — вполголоса посоветовал дон Терцо. — Ты их разве не знаешь? Это те самые, которые на пасху подсунули нам насиженные яйца. Лучше не связывайся: нарваться на них — все равно, что встретить всадников из Апокалипсиса... Не гляди на них и проходи поскорее!

— Вам хорошо говорить, но они назвали меня могильщиком... Разве вы не слышали? Вот награда за то, что я хожу сюда с вами...

Он сделал паузу, потом спросил с любопытством:

— Как вы их называете? Всадниками?..

— Апокалипсиса...

— А что это за всадники?

— Война, голод, чума и смерть.

— Тьфу пропасть! Вам не кажется, что это многовато?

Дон Терцо шел впереди нормальной походкой, а за ним, пошатываясь, — Отелло.

— А на вид они ничего... — заметил он, оглянувшись еще раз на девушек

— Знаем мы их...

Несколько минут они шли молча, как вдруг Отелло воскликнул:

— Мне бы хотелось быть священником, чтобы исповедовать девушек.

— И мне, — неожиданно ответил дон Терцо.

Отелло наморщил лоб: ответ его озадачил.

Девушки следили за ними взглядом.

— Кто же это умирает? — спросила Ирма.

— Кто его знает!

Но небо было слишком ясное и жаворонки пели слишком звонко и весело, чтобы мысль о смерти могла закрасться под какую-нибудь из четырех соломенных шляп.

Серпы еще два-три раза опустились и поднялись; потом вдруг Сперанца затянула песнь, и ее тут же подхватили остальные.

Женщины, косившие впереди, обернулись с улыбкою. «Бригадир» посмотрел на полоску луга, которую оставляли за собою девушки, и со вздохом почесал голову.

Вдалеке по проселкам тянулись чередой красные фуры сельскохозяйственного кооператива. Парни, правившие ими, не замедлили присоединить свои голоса к голосам девушек.

И вот вся долина зазвенела, наполнясь песней до самого неба.

— Что твой праздник, а, девушки? — крикнул с дамбы Лоренцо.

— Это и есть праздник, — бросила ему в ответ Сперанца, сразу разогнувшись и пристально глядя на него.

Она ненавидела Лоренцо. В ней жила уверенность, что этот человек — враг ее близких и всех рабочих людей долины.

Она готова была поклясться, что это дедушка Цван оставил отметину у него на лице, точно клеймо наложил, чтобы все понимали, с кем имеют дело.

— Ну-ну... Только не все коту масленица... — ответил Лоренцо и ушел посмеиваясь.

— Что кривой хотел этим сказать? — спросила Ирма.

— Он хотел сказать, что все может опять пойти по-старому: и работать будем больше, и получать гроши... И жить в таких домах, где ни от дождя, ни от ветра не укрыться... И ходить босиком...

— Но ему-то какая была бы от этого прибыль?

— Никакой... Просто он вредный и готов всем напакостить... — ответила Джулия.

— Разве бывают люди, которые пакостят просто так, ради удовольствия?

— Может, и бывают, особенно такие, как этот: недаром он заработал заряд дроби в глаз и добивается, чтобы ему выбили и второй.

Серпы на мгновение повисли в воздухе, потом с легким свистом опустились на траву. Девушки работали теперь молча.

С дамбы донесся переливчатый свист...

— Тьфу ты пропасть, — разразилась Элена, — сегодня здесь просто гулянье. Порядочному человеку нельзя спокойно поработать...

Это был Таго, проезжавший на велосипеде. Но он даже не затормозил, только помахал рукой.

Сперанца бросила серп и, не сказав ни слова, стала смотреть ему вслед. Подруги тоже остановились, провожая его взглядом.

— Куда он едет?

— Не знаю...

— А где он работает?

— Не знаю...

— Что же ты ничего про него не знаешь?

Сперанца покачала головой.

— Выходит, ты знаешь только, что влюблена?

Сперанца засмеялась.

— Да, — сказала она и потянулась, раскинув руки, точно желая обнять все, что ее окружало.

— Да, — повторила она, — и с меня довольно.

Три белых венчика слегка приподнялись: подруги с восхищением уставились на Сперанцу, которая была всех выше.

«Как это, должно быть, чудесно — быть влюбленной!» — думала каждая.

— Эй, вы...

Девушки повернулись к дамбе и увидели Отелло, на этот раз одного; он делал им знаки.

— Эй вы, всадники... Здесь никто не проходил по дамбе?

— Что он сказал? Что он сказал?.. Всадники? — шепотом спросила Джулия.

— Не обращай внимания: он уже выпил, — уверенно ответила Элена и закричала: — Не проходил ли кто-нибудь? Сегодня все здесь прогуливаются! А почему вы спрашиваете?

— Дон Терцо потерял кропило...

— Его подобрал Надален... — не задумываясь, крикнула Элена.

— А где оно теперь?

— Он унес его с собой... Подумал, что это мухоловка.

Отелло пробормотал что-то невнятное. Потом спросил:

— А куда он пошел?

— Вон туда... где кукушка кукует... Слышите?

Отелло, заслонив рукой глаза от солнца, посмотрел в ту сторону, где вдали на равнине высился строй тополей.

— А когда он вернется?

— Когда поймает кукушку... — засмеялась Сперанца.

Отелло опустил голову, повидимому, призадумавшись. Потом опять обратился к девушкам:

— А вы не шутите? Ведь здесь замешана религия...

— И добрый литр натурального... — прибавила Элена.

— Говорю вам, что его взял Надален, — повторила Сперанца, — и отправился туда... Но вам надо бежать, потому что у него лошадь...

Но Отелло не бросился бежать. Он сел на землю и, насупившись, что-то забормотал.

— Что же вы надумали?

— Я? Ничего! Я не лошадь, чтобы бежать такую даль.

— А где дон Терцо?

— Там, ждет...

— А умирающий?

— Тоже подождет..,

— Тогда вы правильно делаете, что не двигаетесь с места: так он никогда не умрет!..

— Боже мой, — вскрикнула Ирма, — смотрите, как далеко уже наши женщины!

Девушки разобрали серпы и с новыми силами принялись за работу. Время от времени то одна, то другая оборачивалась

— Он все еще там...

— Что он делает?

— Кто его знает... Наверно, спит!

— Хорошо живется некоторым людям... Этот спит здесь, дон Терцо, небось, задремал где-нибудь подальше, а тот, который их ждал, может быть, тоже уснул и уже больше не проснется...

Когда девушки докосили свою полоску, солнце стояло высоко

Женщины давно сидели под тополями и уже кончали завтракать.

— Посмотрите-ка назад, — сурово сказала старуха, темнокожая и морщинистая, как ореховая скорлупа. — По-вашему, это хорошая работа?

Девушки молча смотрели на свою полосу.

— Потом мы еще раз по ней пройдемся...

— Вот не смотрели бы по сторонам, не пришлось бы делать двойную работу...

— Что вы хотите? Нас все время отвлекали!

— А почему это нас никто не отвлекает?

— Пойдите на рынок, купите себе зеркало и спросите у него...

Девушки сели под тополями и весело позавтракали. Потом растянулись в тени на траве.

— До чего же хочется спать! — проговорила Элена. — Никогда-то толком не выспишься! Всегда вставай до рассвета...

— Ложилась бы пораньше, как мы, — посоветовала сидевшая неподалеку старуха, — чем докучать людям по ночам серенадами...

— Ну вот! Теперь сюда припутывают и Надалена. Кстати, — спросила Элена, поднимаясь, — Отелло еще там?

Сперанца, Ирма и Джулия тоже поднялись и, встав на цыпочки, посмотрели в сторону дамбы.

— Отсюда ничего не видно...

Тогда они рассказали женщинам, как они подшутили над Отелло. Те покачали головой.

— Уж не заснул ли он на таком солнцепеке? Бедняга! У него и так не все дома, а из-за вас, чего доброго, с ним еще случится солнечный удар... Пойдите покличьте его!

Элена, хоть и неохотно, встала и пошла к дамбе. Скоро она вернулась, еще издали делая знаки и крича:

— Исчез!

Отелло между тем, спрятавшись за плетнем, молча наблюдал, что делается вокруг.

Косьба продолжалась до самого вечера. К заходу солнца вернулся дон Терцо, притом с кропилом в руке и нетвердо держась на ногах.

— Сукин сын... Он его спрятал, чтобы подшутить надо мной...

Отелло увидел потом, как Надален возвращался домой на своей повозке и как на нее взобрались девушки, несмотря на протесты старика.

Он видел, как Таго подъезжал на велосипеде и как Сперанца соскочила с воза, чтобы подождать его.

Видел, как они, разговаривая, спустились с дамбы и направились к тополю.

Только когда стемнело, он вышел из своего тайника, таща за собою большую оплетенную бутыль с вином, из тех, какими пользовались водоносы в долине.

Уходя, он оставил ее на дамбе, на самом виду, чтобы потерявший мог ее сразу отыскать.

Вот бы так всегда было... Пошел искать кропило, а нашел полную бутыль!

На следующее утро, когда дон Терцо спросил у Отелло, как он провел день, тот ответил с сокрушенным видом:

— Вы были правы! Если бы вы знали, чего я натерпелся... Я встретил этих четырех... как их... в общем, всадников!.. Как вы верно сказали! Они заставили меня идти по солнцепеку на самый край долины... А солнце пекло — хоть поросенка пали... А главное, поверите ли? Кропила-то там не оказалось!

И он вздохнул.

— Бедный Отелло! — улыбнулся дон Терцо. — Если бы ты послушался меня...

— О, я знаю, что вы святой человек, — пробормотал Отелло, уставившись на него осоловелыми глазами.

— Ладно уж. Но теперь нам надо купить другое кропило... — сказал дон Терцо и закашлялся.

«Брр!» — подумал Отелло.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Сперанца соскользнула с воза, позабыв про серп и башмаки. Она спрыгнула на землю с сеном в волосах, и так и стояла, поджидая Таго с простодушием ребенка, чуждая всякого кокетства.

Таго подъехал к ней, увидел, как она улыбается, и у него дрогнуло сердце.

Улыбка была у нее на устах, улыбкой светились глаза, улыбка сквозила, казалось, во всей ее худенькой и трепещущей фигурке. Он с восхищением смотрел на нее.

С самого утра он думал о том, что произошло накануне вечером,

и упрекал себя за минутную слабость. Он приехал убедить девушку в нелепости случившегося, но улыбка Сперанцы его обезоружила.

Глядя на нее, он тоже не мог не улыбнуться и невольно прошептал:

— Какая ты красивая, Спере...

Сперанца весело засмеялась, отбросив назад прядь волос, падавшую ей на глаза.

— Когда мне это говорили другие, я не обращала внимания, но теперь, когда это говоришь ты, — другое дело.

Таго почувствовал себя неловко: он приступил к разговору самым неподходящим образом, если учесть, что́ он собирался сказать.

Он взял Сперанцу за локоть, и они вместе спустились по откосу дамбы.

— Спере, — начал он, — вчера вечером я не успел с тобой поговорить...

— Неважно, Таго. Я и без разговоров так счастлива теперь, что забыла о всякой печали... Знаешь, я даже не замечаю усталости — а ведь прежде всегда уставала. Я даже не вспоминаю о папе, которого нет больше в живых, и о погибшем дедушке... Даже бабушка мне кажется такой же, как все, и в доме стало будто светлее и краше, и вовсе не правда, что я одинока.

Таго отпустил руку Сперанцы и вытер со лба пот.

Весь день он спрашивал себя, правильно ли он поступил, связав со своею судьбой судьбу девочки, чье чувство к нему, вероятно, лишь детское увлечение; честно ли было бы взвалить ей на плечи бремя, непосильное для нее в ее возрасте... А теперь вот ему пришлось задуматься, имеет ли он право причинить ей боль.

— Спере, — проговорил он, — ты знаешь, что я тебя помню вот такой — от горшка два вершка?

— Да, знаю. И тогда-то я в тебя и влюбилась... — весело засмеялась она. — Просто удивительно, правда?

— Пусть так, — сказал Таго, — но это заставляет меня подумать о возрасте... Видишь ли, я уже в летах, а ты еще совсем молодая, как росток базилика...

Он улыбнулся в темноте, подумав о базилике, который цвел в глиняном горшке у него на подоконнике, наполняя ароматом всю комнату.

Сперанца опустила голову и тоже улыбнулась. У нее в ушах звучал задорный голосок Эмилии, изрекавшей: «Мужчины любят, чтобы им говорили комплименты...»

— Но ведь ты же вовсе не старый, Таго. И тебе нельзя даже дать твоих лет...

А про себя она думала: «Сейчас он меня поцелует...»

И как раз в эту минуту Таго сказал:

— Мне очень жаль, Спере, что вчера вечером так получилось: я не должен был тебя целовать.

Он почувствовал, как под его рукой вдруг оцепенела рука Сперанцы, но продолжал:

— Ты должна понять меня. Мужчине легко потерять голову, когда он имеет дело с молодой, красивой и очень неглупой девушкой... Даже слишком легко! Вот поэтому я и поцеловал тебя вчера вечером... Потому что ты была рядом со мной, плакала из-за меня... ревновала меня. Но мне тридцать лет, Спере, и с моей стороны это было непростительно. Многие годы я думал о тебе, как о сестренке. Ты была у нас самая маленькая, и поначалу судьба твоя складывалась не очень-то счастливо... И я, уже видевший столько горя, хотел, чтобы хоть тебя-то жизнь пощадила, и надеялся, что так оно и будет... К тому времени, когда я приехал за тобой, чтобы привезти тебя сюда, ты очень изменилась... Но хотя

ты была уже похожа на девушку, у тебя была мордочка ребенка и в руках ты держала младенца Иисуса... Ты ехала сюда с легким сердцем, ни о чем не тревожась, и я, зная, что тебя ждет, поклялся не покидать тебя и насколько будет в моих силах оберегать от других бед. А они тебя уже поджидали, бедная моя Спере...

Сперанца слушала, и сердце ее тревожно билось. Она предчувствовала, чем кончит он этот разговор, и думала: «Он меня больше не поцелует... Больше не поцелует!»

— Но вышло так, — продолжал Таго, — что я тебя даже избегал, потому что заметил потом, что ты смотришь на меня как-то не совсем как на... Иногда бывает, что ребенок влюбляется во взрослого... Представь себе, я, например, в шесть лет влюбился в одну учительницу... — Он засмеялся, сжав руку Сперанцы. — Но я не хотел, чтобы с тобой так получилось... Я думал у тебя это пройдет раньше, чем ты станешь взрослой девушкой... Если же нет... случится как раз то, что и случилось!

Он тяжело вздохнул, как будто устал говорить,

— Ты слушаешь меня, Спере?

Она грустно кивнула головой.

«Никого... — думала она между тем. — Никого... ничего... Одна!.. И так всю жизнь...»

— Но хоть и издалека, — опять начал Таго, — я всегда следил за тобой. Даже в то время, когда мы организовывали союз и я был очень занят. Потом, когда случилось несчастье с моим дедушкой и с дядей Цваном, я почувствовал, что по-настоящему люблю тебя. Понимаешь? Я был в бешенстве в тот день, но до меня дошла одна вещь. Я спросил себя: а что если бы это случилось со Спере? Ведь всего за несколько минут до того она была у нас... И больше я уже не мог думать ни о чем другом и понял, что если бы что-нибудь в этом роде произошло с тобой, никто не смог бы меня удержать и я бросился бы убивать этих сволочей... Ты понимаешь, меня, Спере?

Сперанца, прикрыв глаза, ждала окончания... Она стояла, прислонившись к стволу старой ивы, а Таго упирался в него кулаками.

Его руки, как барьером, ограждали ее с обеих сторон, и прямо перед собой она видела его лицо в бликах лунного света, падавшего сквозь листву.

«Господи, — молила она, — господи, на один только миг сойди с облаков, умоляю тебя...»

— Я не знаю, что ты думала обо мне. Знаю только, что думали другие, когда говорили: «Таго, у этой девочки нет никого... Мингу ведь нечего считать... Таго, она подрастает и становится красивой, и на нее уже заглядываются мужчины, а учить ее уму-разуму некому». Боже мой, как я тогда бесился...

Выходит, я должен был приходить к тебе и давать советы... Стать, так сказать, твоим опекуном! Мне это казалось насмешкой... Я редко тебя видел, но и я заметил, что ты выросла и стала очень, очень красивой...

Сперанца ждала, напряженная, как лук с натянутой тетивой.

Таго отнял руки от ствола липы и на шаг отступил. Опустив голову, он скручивал сигарету.

— И я тоже ревновал... Я ненавидел всех, кто говорил мне, какая ты красивая...

Он неожиданно повернулся и опять приблизился к ней.

— Вот почему вчера вечером я не выдержал. Вот почему...

Он оборвал фразу и сжал Сперанцу в объятиях.

Господь бог сошел с облаков...

«Сколько разговоров... — улыбнулась она про себя, — ... сколько разговоров, чтобы поцеловать меня...»

— Спере,— ласково шептал Таго,—Спере, что мы затеяли? Я не могу предложить тебе безмятежную жизнь. У нас у всех здесь в долине жизнь не очень-то красивая и легкая... Но у меня, в частности, есть еще дело, которое всегда будет на первом плане... Ты будешь не очень-то счастлива, Спере.

Он смотрел Сперанце в глаза и гладил ее волосы.

— Почему ты ничего не говоришь?

— Я не знаю... — прошептала Сперанца и вдруг крикнула в каком-то порыве: — Таго, милый! Умоляю тебя, Таго... Хотя бы в этот вечер дай мне быть счастливой... Потом ты мне скажешь все, что хочешь... Но пусть у меня раз в жизни будет счастливый вечер... Один-единственный вечер... Я не прошу многого...

Это говорила не женщина; во всяком случае не такая женщина, с какой, быть может, хотел бы Таго связать свою жизнь. Это говорила Сперанца в свои шестнадцать лет, это девочка умоляла его со слезами в голосе...

Юная и влюбленная Сперанца отстаивала свое право на малую толику счастья.

— Хорошо, дорогая, — прошептал Таго и зарылся лицом в ее волосы, чтобы скрыть слезы.

Уже высоко в небе стояла полная луна, когда, выскользнув из узорчатой, как кружево, тени липы, Сперанца побежала по пустынной дамбе, тоненькая, босая, легкая, как тень.

(Окончание следует)

Вероника Порумбаку

МОЙ ДАР

Перевод с румынского Э. Левонтина

Веками происходит чудо это,
Веками ждут и веруют в него.
В нем обещанье нового рассвета,
Смысл бытия и наше торжество.

Мы не могли тогда, в года глухие,
Приход младенца счастьем озарить.
И нам, прозревшим, ныне лишь впервые
В жизнь удалось мечту преобразить.

Но жизни нашей коротка дорога,
И нам, быть может, к цели не дойти,
Но ты, мой сын, трудиться будешь много,
И многого достигнешь ты в пути!

Я мать! От сына я неотделима!
Тебя прижму я к сердцу! Оглянись:
Весь мир — мой дар! Прими его, родимый,
И радостно неси
все в высь
и в высь!

Эрнест Хемингуэй

СТАРИК И МОРЕ

(ПОВЕСТЬ)

Перевод с английского Е. Голышевой и Б. Изакова

Старик рыбачил совсем один на своей лодке в Гольфстриме. Восемьдесят четыре дня он ходил в море и не поймал ни одной рыбы. Первые сорок дней с ним был мальчик. Но день за днем не приносил улова, и родители сказали мальчику, что старик теперь уже несомненно salao, то есть «самый что ни на есть невезучий», и велели ходить в море на другой лодке, которая действительно привезла три хорошие рыбы в первую же неделю. Мальчику тяжело было смотреть, как старик каждый день возвращается ни с чем, и он выходил на берег, чтобы помочь ему отнести домой снасти или багор, гарпун и обернутый вокруг мачты парус. Парус был весь в заплатах из мешковины и, свернутый, казался знаменем вечного поражения.

Старик был худ и изможден, затылок его прорезали глубокие морщины, а щеки были покрыты коричневыми пятнами неопасного кожного рака, который вызывают солнечные лучи, отраженные гладью тропического моря. Пятна спускались по щекам до самой шеи, на руках виднелись глубокие шрамы, прорезанные бечевой, когда он вытаскивал крупную рыбу. Однако свежих шрамов не было. Они были стары, как трещины на дне давно пересохшего водоема.

Все у него было старое, кроме глаз, а глаза были цветом похожи на море, веселые глаза человека, который не сдается.

— Сантьяго, — сказал ему мальчик, когда они вдвоем поднимались по дороге от берега, где стояла на причале лодка. — Теперь я опять могу пойти с тобой в море. Мы уже заработали немного денег.

Старик научил мальчика рыбачить, и мальчик его любил.

— Нет, — сказал старик, — ты попал на счастливую лодку. Оставайся на ней.

— А помнишь, один раз ты ходил в море целых восемьдесят семь дней и ничего не поймал, а потом мы три недели кряду каждый день привозили по большой рыбе.

— Помню, — сказал старик. — Я знаю, ты не потому от меня ушел, что не верил.

— Меня заставил отец, а я еще мальчик и должен слушаться.

— Знаю, — сказал старик. — Как же иначе.

— Он-то не очень верит.

— Да, — сказал старик. —А вот мы верим. Правда?

— Конечно. Хочешь, я угощу тебя пивом на Террасе? А потом мы отнесем домой снасти.

— Ну что ж, — сказал старик. — Ежели рыбак подносит рыбаку...

Они уселись на Террасе, и многие рыбаки подсмеивались над стариком, но он не был на них в обиде. Рыбакам постарше было грустно на

него глядеть. Однако они не показывали виду и вели вежливый разговор о течении и о том, на какую глубину они забрасывали леску, и как держится погода, и что они видели в море. Те, кому в этот день повезло, уже вернулись с лова, выпотрошили своих марлинов и, взвалив их поперек двух досок, взявшись по-двое за каждый конец доски, перетащили рыбу на рыбный склад, откуда ее должны были отвезти в рефрижераторе на рынок в Гавану. Рыбаки, которым попались акулы, сдали их на завод по разделке акул на другой стороне бухты; там туши подвесили на блоках, вынули из них печенку, вырезали плавники, содрали кожу и нарезали мясо тонкими пластинками для засола.

Когда ветер дул с востока, он приносил вонь с акульей фабрики; но сегодня запаха почти не было слышно, потому что ветер переменился на северный, а потом стих, и на Террасе было солнечно и приятно.

— Сантьяго, — сказал мальчик.

— Да? — откликнулся старик. Он смотрел на свой стакан с пивом и вспоминал давно минувшие дни.

— Можно, я наловлю тебе на завтра сардин?

— Не стоит. Поиграй лучше в бейсбол. Я еще сам могу грести, а Роджелио забросит сети.

— Нет, лучше я. Если я не могу с тобой рыбачить, дай мне помочь тебе хоть чем-нибудь.

— Да ведь ты угостил меня пивом, — сказал старик. — Ты уже взрослый мужчина.

— Сколько мне было лет, когда ты в первый раз взял меня в море?

— Пять, и ты едва не погиб, когда я втащил в лодку совсем еще живую рыбу и она чуть не разбила все в щепки, помнишь?

— Помню, как она била хвостом и сломала сиденье и как ты громко колотил ее палкой. Помню, ты швырнул меня на нос, где лежали мокрые снасти, а лодка вся дрожала, и твоя дубинка стучала, словно рубили дерево, и кругом стоял сладковатый запах крови.

— Ты правда все это помнишь или я тебе потом рассказывал?

— Я помню все, с самого первого дня, когда ты взял меня в море.

Старик поглядел на него воспаленными от солнца, доверчивыми и любящими глазами.

— Если бы ты был моим сыном, я бы рискнул взять тебя с собой. Но у тебя есть отец и мать и ты попал на счастливую лодку.

— Давай я все-таки схожу за сардинами. И я знаю, где можно достать четырех живцов.

— У меня еще целы сегодняшние. Я положил их в ящик с солью.

— Я достану тебе четырех свежих.

— Одного, — возразил старик. Он и так никогда не терял ни надежды, ни веры в будущее, но теперь они крепли в его сердце, словно с моря подул свежий ветер.

— Двух, — сказал мальчик.

— Ладно, двух, — сдался старик. — А ты их часом не стащил?

— Стащил бы, если бы понадобилось. Но я их купил.

— Спасибо, — сказал старик. Он был слишком простодушен, чтобы задумываться над тем, когда пришло к нему смирение. Но он знал, что смирение пришло, не принеся с собой ни позора, ни утраты человеческого достоинства.

— Если течение не переменится, завтра будет хороший день, — сказал старик.

— Ты где будешь ловить?

— Подальше от берега, а вернусь, когда переменится ветер. Выйду до рассвета.

— Надо будет уговорить моего тоже отойти подальше. Если тебе попадется очень большая рыба, мы тебе поможем.

— Твой не любит уходить слишком далеко от берега.

— Да, — сказал мальчик. — Но я уж высмотрю что-нибудь такое, чего он не сможет разглядеть, — ну хотя бы чаек. Тогда его можно будет уговорить отойти подальше за золотой макрелью.

— Неужели у него так плохо с глазами?

— Почти совсем ослеп.

— Странно. Он ведь никогда не ходил за черепахами. От них-то всего больше и слепнешь.

— Но ты столько лет ходил за черепахами к Москитному берегу, а глаза у тебя в порядке.

— Я старик не как другие.

— А сил у тебя хватит, если попадется очень большая рыба?

— Думаю, что хватит. Тут главное — сноровка.

— Давай отнесем домой снасти. А потом я возьму сеть и схожу за сардинами.

Они вытащили из лодки снасти. Старик нес на плече мачту, а мальчик — деревянный ящик с мотками туго сплетенной коричневой лесы, багор и гарпун с рукояткой. Ящик с наживкой остался на корме лодки вместе с дубинкой, которой глушат крупную рыбу, когда ее вытаскивают на поверхность. Вряд ли кто вздумал бы обокрасть старика, но лучше было бы отнести парус и тяжелые снасти домой, чтобы они не отсырели от росы. И хотя старик был уверен, что никто из местных жителей не позарится на его добро, он все-таки предпочитал убирать от греха багор, да и гарпун тоже.

Они поднялись по дороге к хижине старика и вошли в дверь, растворенную настежь. Старик прислонил мачту с обернутым вокруг нее парусом к стене, а мальчик положил рядом снасти. Мачта была почти такой же длины, как хижина, выстроенная из листьев королевской пальмы, которую здесь зовут guaño. В хижине были кровать, стол и стул и в глинобитном полу — выемка, чтобы стряпать пищу на древесном угле. Коричневые стены, сложенные из спрессованных волокнистых листьев, украшали цветные олеографии Сердца Господня и Кобренской Богоматери. Они достались ему от покойной жены. Прежде на стене висела и раскрашенная фотография самой жены, но потом старик ее спрятал, потому что смотреть на нее было уж очень тоскливо. Теперь фотография лежала на полке в углу, под чистой рубахой.

— Что у тебя на ужин? — спросил мальчик.

— Миска желтого риса с рыбой. Хочешь?

— Нет, я поем дома. Развести тебе огонь?

— Не надо. Я сам разведу попозже. А может, буду есть рис так, холодный.

— Можно взять сеть?

— Конечно.

Никакой сети давно не было — мальчик помнил, когда они ее продали. Однако оба каждый день делали вид, будто сеть у старика есть. Не было и миски с желтым рисом и рыбой, и это мальчик знал тоже.

— Восемьдесят пять — счастливое число, — сказал старик. — А ну как я завтра поймаю рыбу в тысячу фунтов?

— Я достану сеть и схожу за сардинами. Посиди покуда на пороге, тут солнышко.

— Ладно. У меня есть вчерашняя газета. Почитаю про бейсбол.

Мальчик не знал, есть ли у него на самом деле газета или это тоже выдумка. Но старик и вправду вытащил газету из-под кровати.

— Мне ее дал Перико в винной лавке, — объяснил старик.

— Я только наловлю сардин и вернусь. Положу и мои и твои вместе на лед, утром поделимся. Когда я вернусь, ты расскажешь мне про бейсбол.

— «Янки» не могут проиграть.

— Как бы их не побили кливлендские «Индейцы».

— Не бойся, сынок. Вспомни о великом Ди Маджио.

— Я боюсь не только «Индейцев», но и «Тигров» из Детройта.

— Ты, чего доброго, скоро будешь бояться и «Краснокожих» из Цинциннати и чикагских «Белых чулок».

— Почитай газету и расскажи мне, когда я вернусь.

— А что если нам купить лотерейный билет с цифрой восемьдесят пять? Завтра ведь восемьдесят пятый день.

— Почему не купить? — сказал мальчик — А может, лучше с цифрой восемьдесят семь? Ведь в прошлый раз было восемьдесят семь дней.

— Два раза такое не повторяется. А ты сможешь достать билет с цифрой восемьдесят пять?

— Закажу.

— Одинарный. За два доллара пятьдесят. Где бы нам их занять?

— Пустяки! Я всегда могу занять два доллара пятьдесят.

— Я, наверно, тоже мог бы. Только я стараюсь не брать в долг. Сначала просишь в долг, потом просишь милостыню...

— Смотри не простудись, старик. Не забудь, что на дворе сентябрь.

— В сентябре идет крупная рыба. Каждый умеет рыбачить в мае.

— Ну, я пошел за сардинами, — сказал мальчик.

Когда мальчик вернулся, солнце уже зашло, а старик спал, сидя на стуле. Мальчик снял с кровати старое солдатское одеяло и прикрыл им спинку стула и плечи старика. Это были удивительные плечи — могучие, несмотря на старость, да и шея была сильная, и теперь, когда старик спал, уронив голову на грудь, морщины были не так заметны. Рубаха его была такая же латаная и перелатанная, как и парус, а заплаты были разных оттенков, потому что неровно выгорели на солнце. Однако лицо у старика было все же очень старое, и теперь, во сне, с закрытыми глазами, оно казалось совсем неживым. Газета лежала у него на коленях, прижатая локтем, чтобы ее не сдуло. Ноги были босы.

Мальчик не стал его будить и ушел, а когда он вернулся снова, старик все еще спал.

— Проснись, — позвал его мальчик и положил ему руку на колено.

Старик открыл глаза и несколько мгновений возвращался откуда-то очень издалека. Потом он улыбнулся.

— Что ты принес?

— Ужин. Сейчас мы будем есть.

— Да я не так уж голоден.

— Давай есть. Нельзя ловить рыбу не евши.

— Мне случалось, — сказал старик, поднимаясь и складывая газету. Потом он стал складывать одеяло.

— Не снимай одеяло, — сказал мальчик. — Покуда я жив, я не дам тебе ловить рыбу не евши.

— Тогда береги себя и живи как можно дольше,— сказал старик.— А что мы будем есть?

— Черные бобы с рисом, жареные бананы и тушеную говядину.

Мальчик принес еду в металлических судках из ресторанчика на Террасе. Вилки, ножи и ложки он положил в карман; каждый прибор был завернут отдельно в бумажную салфетку.

— Кто тебе все это дал?

— Мартин. Хозяин ресторана.

— Надо его поблагодарить.

— Я его поблагодарил, — сказал мальчик, — уж ты не беспокойся.

— Дам ему самую мясистую часть большой рыбы, — сказал старик. — Ведь он помогает нам не первый раз?

— Пожалуй, что не первый.

— Тогда одной мясистой части ему будет мало. Он нам сделал много добра.

— А вот сегодня дал еще и пива.

— Я-то больше всего люблю консервированное пиво.

— Знаю. Но сегодня он дал пиво в бутылках; бутылки я сдам обратно.

— Ну, спасибо тебе, — сказал старик. — Давай есть?

— Я тебе давно предлагаю поесть, — ласково упрекнул его мальчик. — Все жду, когда ты сядешь за стол, и не открываю судков, чтобы еда не остыла.

— Давай. Мне ведь надо было помыться.

«Где ты мог помыться?» — подумал мальчик. До колонки было два квартала. «Надо припасти ему воды, мыла и хорошее полотенце. Как я раньше об этом не подумал? Ему нужна новая рубашка, зимняя куртка, какая-нибудь обувь и еще одно одеяло».

— Вкусное мясо, — похвалил старик.

— Расскажи мне про бейсбол, — попросил его мальчик.

— В Американской лиге выигрывают «Янки», как я и говорил, — с довольным видом начал старик.

— Да, но сегодня их побили.

— Это ничего. Зато великий Ди Маджио опять в форме.

— Он не один в команде.

— Верно. Но он решает исход игры. Во второй лиге — Бруклинцев и Филадельфийцев — шансы есть только у Бруклинцев. Впрочем, ты помнишь, как бил Дик Сайзлер? Какие у него были удары, когда он играл там, в старом парке!

— Лучше не бывает! Он бьет дальше всех.

— Помнишь, он приходил на Террасу? Мне хотелось пригласить его с собой порыбачить, но я постеснялся. Я просил тебя его пригласить, но и ты тоже постеснялся.

— Помню. Глупо, что я струсил. А вдруг бы он согласился? Было бы о чем вспоминать до самой смерти!

— Вот бы взять с собой в море великого Ди Маджио, — сказал старик. — Говорят, отец у него был рыбаком. Кто его знает, может, он и сам когда-то был беден, как мы, и не погнушался бы.

— Отец великого Сайзлера никогда не был бедняком, он играл в настоящих командах, когда ему было столько лет, сколько мне.

— Когда мне было столько лет, сколько тебе, я плавал юнгой на паруснике у берегов Африки. По вечерам я видел, как на берег выходят львы.

— Ты мне рассказывал.

— О чем мы будем разговаривать: об Африке или о бейсболе?

— Лучше о бейсболе. Расскажи мне про великого Джона Мак-Гроу.

— Он тоже в прежние времена захаживал к нам на Террасу. Но когда напивался, с ним не было сладу. А в голове у него был не только бейсбол, но и лошади. Вечно таскал в карманах программы бегов и называл имена лошадей по телефону.

— Он был великий тренер, — сказал мальчик. — Отец говорит, что он был самый великий тренер на свете.

— Потому, что он видел его чаще других. Если бы Дюроше при-

езжал к нам каждый год, твой отец считал бы его самым великим тренером на свете.

— А кто, по-твоему, самый великий тренер? Люк или Майк Гонсалес?

— По-моему, они стоят друг друга.

— А самый лучший рыбак на свете — это ты.

— Нет. Я знал рыбаков и получше.

— Oué va!*— сказал мальчик.— На свете немало хороших рыбаков, есть и просто замечательные. Но таких, как ты, нету нигде.

— Спасибо. Я рад, что ты так думаешь. Надеюсь, мне не попадется чересчур большая рыба, а то ты еще во мне разочаруешься.

— Нет на свете такой рыбы, если у тебя и вправду осталась прежняя сила.

— Может, у меня и меньше сил, чем я думаю. Но сноровка у меня есть и выдержки хватит.

— Ты теперь ложись спать, чтобы к утру набраться сил. А я отнесу посуду.

— Ладно. Спокойной ночи. Утром я тебя разбужу.

— Ты для меня все равно, что будильник, — сказал мальчик.

— А мой будильник — старость. Отчего старики так рано просыпаются? Неужели для того, чтобы продлить себе хотя бы этот день?

— Не знаю. Знаю только, что молодые спят долго и крепко.

— Это я помню, — сказал старик. — Я разбужу тебя во-время.

— Я почему-то не люблю, когда меня будит тот, другой. Как будто я хуже его.

— Понимаю.

— Спокойной ночи, старик.

Мальчик ушел. Они ели, не зажигая света, и теперь старик, сняв штаны, лег спать в темноте. Он скатал их, чтобы положить себе под голову вместо подушки, а в сверток сунул еще и газету. Завернувшись в одеяло, он улегся на старые газеты, которыми были прикрыты голые пружины кровати.

Уснул он быстро, и ему снилась Африка его юности, длинные золотистые ее берега и белые отмели — такие белые, что глазам больно,— высокие утесы и громадные бурые горы. Каждую ночь он теперь вновь приставал к этим берегам, слышал во сне, как ревет прибой, и видел, как режут волну лодки туземцев. Во сне он снова вдыхал запах смолы и пакли, который шел от палубы, вдыхал запах Африки, принесенный с берега утренним ветром.

Обычно, когда его настигал этот запах, он просыпался и, одевшись, отправлялся будить мальчика. Но сегодня запах берега настиг его очень рано, и он понял, что слышит его во сне, и продолжал спать, чтобы увидеть белые верхушки утесов, встающие из моря, гавани и бухты Канарских островов.

Ему теперь уже больше не снились ни бури, ни женщины, ни великие события, ни огромные рыбы, ни драки, ни состязания в силе, ни жена. Ему снились только далекие страны и львы, выходящие на берег. Словно котята, они резвились в сумеречной мгле, и он любил их так же, как любил мальчика. Но мальчик ему никогда не снился. Старик вдруг проснулся, взглянул через отворенную дверь на луну, развернул свои штаны и надел их. Выйдя из хижины, он помочился и пошел вверх по дороге будить мальчика. Его познабливало от утренней свежести. Но он знал, что озноб пройдет и скоро он сядет на весла и совсем согреется.

---

* Что ты! (*исп.*)

Дверь дома, где жил мальчик, была открыта, и старик вошел, неслышно ступая босыми ногами. Мальчик спал на койке в первой комнате, и старик мог разглядеть его при ущербном свете луны. Он легонько ухватил его за ногу и держал до тех пор, пока мальчик не проснулся и, перевернувшись на спину, не поглядел на него. Старик кивнул ему; мальчик взял штаны со стула подле кровати и, сидя, натянул их.

Старик вышел из дома и мальчик последовал за ним. Он все еще никак не мог проснуться, и старик, обняв его за плечи, сказал:

— Прости меня.

— Qué va, — ответил мальчик. — Такова уж наша мужская доля.

Они пошли вниз по дороге к хижине старика, и по всей дороге в темноте шли босые люди, таща мачты со своих лодок.

Придя в хижину, мальчик взял корзину с мотками лески, гарпун и багор, а старик взвалил на плечо мачту с обернутым вокруг нее парусом.

— Хочешь кофе? — спросил мальчик.

— Сначала положим снасти в лодку, а потом выпьем кофе.

Они пили кофе из банок от сгущенного молока в закусочной, которая обслуживала рыбаков и открывалась очень рано.

— Ты хорошо спал, старик? — спросил мальчик. Он уже почти совсем проснулся, хотя ему все еще трудно было расстаться со сном.

— Очень хорошо, Манолин. Сегодня я верю в удачу.

— И я, — сказал мальчик. — Теперь я схожу за нашими сардинами и за твоими живцами. Мой таскает свои снасти сам. Он не любит, когда его вещи носят другие.

— А у нас с тобой не так. Я давал тебе таскать снасти чуть не с пяти лет.

— Знаю, — сказал мальчик. — Подожди, я сейчас вернусь. Выпей еще кофе. Нам здесь дают в долг.

Он зашлепал босыми ногами по коралловому рифу к холодильнику, где хранились живцы.

Старик медленно потягивал кофе. Он знал, что надо напиться кофе как следует, потому что больше он сегодня есть не будет. Ему давно уже прискучил процесс еды, и он никогда не брал с собой в море завтрака. На носу лодки хранилась бутылка с водой — вот и все, что ему понадобится до вечера.

Мальчик вернулся, неся сардины и завернутых в газету живцов. Рыбаки спустились по тропинке к воде, чувствуя, как осыпается под ногами мелкий гравий. Приподняв лодку, они сдвинули ее в воду.

— Желаю тебе удачи, старик.

— И тебе тоже.

Старик надел веревочные петли весел на колышки уключин и, наклонившись вперед, стал в темноте выводить лодку из гавани. С других отмелей в море выходили другие лодки, и старик, хоть и не видел их теперь, когда луна зашла за холмы, но слышал, как опускаются и загребают воду весла.

Время от времени то в одной, то в другой лодке слышался говор. Но на большей части лодок царило молчание, и оттуда доносился лишь плеск весел. Выйдя из бухты, лодки рассеялись в разные стороны, и каждый рыбак направился туда, где он надеялся найти рыбу. Старик заранее решил, что уйдет далеко от берега; он оставил позади себя запахи земли и греб прямо в свежий утренний запах океана. Проплывая над той его частью, которую рыбаки прозвали «великим колодцем», он видел, как светятся в воде водоросли. Дно в этом месте внезапно опускается на целых семьсот морских саженей, и здесь собираются всевоз-

можные рыбы, потому что течение, натолкнувшись на крутые откосы океанского дна, образует водоворот. Тут скапливаются огромные стаи креветок и мелкой рыбешки, а на самых больших глубинах порою толпится множество каракатиц; ночью они поднимаются на поверхность и служат пищей для всех бродячих рыб.

В темноте старик чувствовал приближение утра; загребая веслами, он слышал дрожащий звук — это летучая рыба выходила из воды и уносилась прочь, со свистом рассекая воздух жесткими крыльями. Он питал нежную привязанность к летучим рыбам — они были его лучшими друзьями здесь в океане. Птиц он жалел, особенно маленьких и хрупких морских ласточек, которые вечно летают в поисках пищи и почти никогда ее не находят, и он думал: «Птичья жизнь куда тяжелее нашей, если не считать стервятников и еще больших, сильных птиц. Зачем птиц создали такими хрупкими и беспомощными, как вот эти морские ласточки, если океан порой бывает так жесток? Он добр и прекрасен, но иногда он вдруг становится таким жестоким, а птицы, которые летают над ним, ныряя за пищей и перекликаясь слабыми, печальными голосами, — они слишком хрупки для него».

Мысленно он всегда звал море la mar, как зовут его по-испански люди, которые его любят. Порою те, кто его любит, говорят о нем дурно, но всегда как о женщине, в женском роде. Рыбаки помоложе, из тех, кто пользуется буями вместо поплавков для своих снастей и ходит на моторных лодках, купленных в те дни, когда акулья печенка была в большой цене, называют море el mar, то есть в мужском роде. Они говорят о нем, как о пространстве, как о сопернике, а порою даже как о враге. Старик же постоянно думал о море, как о женщине, которая дарит великие милости или отказывает в них, а если и позволяет себе необдуманные или недобрые поступки, — что поделаешь, иначе она не может. «Луна волнует море, как женщину», — думал старик.

Он мерно греб, не напрягая сил, потому что поверхность океана была гладкой, за исключением тех мест, где течение образовывало водоворот. Старик давал течению выполнять за себя треть работы, и когда стало светать, он увидел, что находится куда дальше, чем надеялся быть в этот час.

«Я рыбачил в глубинных местах целую неделю и ничего не поймал, — подумал старик. — Сегодня я попытаю счастья там, где ходят стаи бонито и альбакоре, вдруг там плавает и большая рыба?»

Еще не рассвело, а он уже закинул свои крючки с приманкой и медленно поплыл по течению. Один из живцов находился на глубине сорока морских саженей, другой ушел вниз на семьдесят пять, а третий и четвертый погрузились в голубую воду на сто и сто двадцать пять саженей. Живцы висели головою вниз, причем стержень крючка проходил внутри рыбы и был накрепко завязан и зашит, сам же крючок — его изгиб и острие — были унизаны свежими сардинами. Сардины были нанизаны на крючок через оба глаза, образуя гирлянду на стальном полукружье крючка. Приблизившись к крючку, большая рыба почувствовала бы, как сладко и аппетитно пахнет каждый его кусочек.

Мальчик дал старику с собой двух свежих тунцов, которых тот наживил на самые длинные лески, а к двум остальным прицепил большую голубую макрель и желтую умбрицу. Он ими уже пользовался в прошлый раз, однако они и теперь были в хорошем состоянии, а отличные сардины придавали им аромат и заманчивость. Каждая леска толщиной в большой карандаш была закинута на гибкий прут так, чтобы любое прикосновение рыбы к наживке заставило прут пригнуться к воде, и была подвязана к двум запасным моткам лески по сорок саженей в каж-

дой, которые, в свою очередь, могли быть соединены с другими запасными мотками, так что при надобности рыбу можно было отпустить больше чем на триста саженей.

Теперь старик наблюдал, не пригибаются ли к борту зеленые прутья, и тихонечко греб, следя за тем, чтобы леска уходила в воду прямо и на должную глубину. Стало уже совсем светло, вот-вот должно было взойти солнце.

Солнце едва приметно поднялось из моря, и старику стали видны другие лодки; они низко сидели на воде по всей ширине течения, но гораздо ближе к берегу. Потом солнечный свет стал ярче и вода отразила его сияние, а когда солнце совсем поднялось над горизонтом, гладкая поверхность моря стала отбрасывать его лучи прямо в глаза, причиняя резкую боль, и старик греб, стараясь не глядеть на воду. Он смотрел в темную глубь моря, куда уходили его лески. Они всегда уходили в воду прямее, чем у других рыбаков, и во тьме морской рыбу на разных глубинах ожидала приманка в том самом месте, которое он для нее определил. Другие рыбаки позволяли своим снастям плыть по течению, и порою они оказывались на глубине в шестьдесят саженей, когда рыбаки считали, что опустили их на сто.

«Я же, — подумал старик, — всегда закидываю свои снасти точно. Мне просто не везет. Однако, кто знает? Может, сегодня счастье мне улыбнется. День на день не приходится. Конечно, хорошо, когда человеку везет. Но я предпочитаю быть точным в моем деле. А когда счастье придет, я буду к нему готов».

Солнце поднималось все выше, и глядеть на восток было уже не так больно. Теперь видны были только три лодки; отсюда казалось, что они совсем низко сидят в воде и почти не отошли от берега.

«Всю жизнь у меня резало глаза от утреннего света, — думал старик. — Но видят они еще хорошо. Вечером я могу смотреть прямо на солнце и черные пятна не мелькают у меня перед глазами. Ведь солнце вечером светит куда сильнее. Но по утрам оно причиняет мне боль».

В это самое время он заметил птицу-фрегата, которая кружила впереди него в небе, распластав длинные черные крылья. Птица круто сорвалась к воде, закинув назад крылья, а потом снова пошла кругами.

— Почуяла добычу, — сказал старик вслух. — Не просто кружит.

Старик медленно и мерно греб в ту сторону, где кружила птица. Не торопясь, он следил за тем, чтобы его лески под прямым углом уходили в воду. Однако лодка все же слегка обгоняла течение, и хотя старик удил все так же правильно, движения его были чуточку быстрее, чем прежде, до появления птицы.

Фрегат поднялся выше и снова стал делать круги, неподвижно раскинув крылья. Внезапно он нырнул, и старик увидел, как из воды взметнулась летучая рыба и отчаянно понеслась над водной гладью.

— Макрель, — громко произнес старик. — Крупная золотая макрель. Он вынул из воды весла и достал из под носового настила леску. На конце ее был прикручен проволокой небольшой крючок, на который он насадил одну из сардинок. Старик опустил леску в воду и привязал ее к кольцу, ввинченному в корму. Потом он насадил наживку на другую леску и оставил ее смотанной в тени под настилом. Взяв в руки весла, он снова стал наблюдать за длиннокрылой черной птицей, которая охотилась теперь низко над водой.

Птица опять нырнула в воду, закинув за спину крылья, а потом замахала ими суматошно и беспомощно, погнавшись за летучей рыбой. Старик видел, как вода слегка вздымалась — это золотая макрель преследовала убегавшую от нее рыбу. Макрель плыла ей наперерез с большой скоростью, чтобы оказаться как раз под рыбой в тот миг, когда она

опустится в воду. «Там, видно, большая стая макрели, — подумал старик. — Они плывут на расстоянии друг от друга, и у рыбы мало шансов спастись. У птицы же нет никакой надежды ее поймать. Летучая рыба слишком крупна для фрегата и движется слишком быстро».

Старик следил за тем, как летучая рыба снова и снова вырывалась из воды и как неловко пыталась поймать ее птица. «Макрель ушла от меня,— подумал старик.— Она уплывает слишком быстро и слишком далеко. Но, может быть, мне попадется макрель, отбившаяся от стаи, а может, поблизости от нее плывет и моя большая рыба? Ведь должна же она где-нибудь плыть».

Облака над землей возвышались теперь, как горная гряда, а берег казался длинной зеленой полоской, позади которой вырисовывались серо-голубые холмы. Вода стала темносиней, почти фиолетовой. Когда старик глядел в воду, он видел красноватые переливы планктона в темной глубине и причудливый отсвет солнечных лучей. Он следил за тем, прямо ли уходят в воду его лески, и радовался, что кругом столько планктона, потому что это сулило рыбу. Причудливое отражение лучей в воде теперь, когда солнце поднялось выше, означало хорошую погоду, так же как и форма облаков, висевших над землей. Однако птица была уже далеко, а на поверхности воды не виднелось ничего, кроме пучков желтых, выгоревших на солнце саргассовых водорослей и лиловатого, переливчатого студенистого пузыря — португальской физалии, плывшей неподалеку от лодки. Физалия перевернулась на бок, потом приняла прежнее положение. Она плыла весело, сверкая на солнце, как мыльный пузырь, и волочила за собой по воде на целый ярд свои длинные смертоносные лиловые щупальца.

— Agua mala, — сказал старик. — Ах ты сука.

Легко загребая веслами, он заглянул в глубину и увидел там крошечных рыбешек, окрашенных в тот же цвет, что и влачащиеся в воде щупальцы; они плавали между ними и в тени уносимого водой пузыря. Яд его не мог причинить им вреда. То ли дело людям: когда такие вот щупальцы цеплялись за леску и приставали к ней, склизкие и лиловатые, пока старик вытаскивал рыбу, руки до локтей покрывались язвами, словно от ожога ядовитым плющом. Отравление agua mala наступало быстро и пронзало острой болью, как удар бича.

Переливающиеся радугой пузыри необычайно красивы. Но это самые коварные жители моря, и старик любил смотреть, как их пожирают громадные морские черепахи. Завидев физалий, черепахи приближались к ним спереди, закрыв глаза, что делало их совершенно неуязвимыми, а затем поедали физалий целиком, вместе со шупальцами. Старику нравилось смотреть, как черепахи поедают физалий, и он любил и сам ступать по ним на берегу после шторма, прислушиваясь, как лопаются пузыри, когда их давит мозолистая подошва.

Он любил зеленых черепах за их изящество и проворство, а также за то, что они так дорого ценились, и питал снисходительное презрение к одетым в желтую броню неуклюжим и глупым биссам, прихотливым в любовных делах и поедающим с закрытыми глазами португальских физалий.

Он не испытывал к черепахам суеверного страха, хотя и плавал с охотниками за черепахами много лет кряду. Старик жалел их, даже огромных кожистых черепах, называемых луты, длиною в целую лодку и весом в тонну. Большинство людей бессердечно относится к черепахам, потому что черепашье сердце бьется еще долго после того, как животное убьют и разрежут на куски. «Но ведь и у меня, — думал старик, — такое же сердце, а мои ноги и руки так похожи на ихние». Он ел белые черепашьи яйца, чтобы придать себе силы. Он ел их весь май, чтобы быть

сильным в сентябре и октябре, когда пойдет по-настоящему большая рыба.

Каждый день старик выпивал также по чашке жира из акульей печенки, который хранился в большой бочке в том сарае, где многие рыбаки берегли свои снасти. Жиром мог пользоваться любой рыбак, кто бы ни захотел. Большинству рыбаков вкус этого жира казался отвратительным, но пить его было отнюдь не противнее, чем затемно подниматься с постели, а он очень помогал от простуды и был полезен для глаз.

Старик поглядел на небо и увидел, что фрегат снова закружил над морем.

— Нашел рыбу, — сказал он вслух. Ни одна летучая рыба не тревожила водную гладь, не было заметно кругом и мелкой рыбешки. Но старик вдруг увидел, как в воздух поднялся небольшой тунец, перевернулся на лету и головой вниз снова ушел в море. Тунец блеснул серебром на солнце, а за ним поднялись другие тунцы и запрыгали во все стороны, вспенивая воду и длинными бросками кидаясь на мелкую рыбешку. Они кружили подле нее и гнали ее перед собой.

«Если они не поплывут слишком быстро, я нагоню всю стаю»,— подумал старик, наблюдая за тем, как тунцы взбивали воду добела, а фрегат нырял, хватая рыбешку, которую страх перед тунцами выгнал на поверхность.

— Птица — верный помощник рыбаку, — сказал старик. В этот миг короткая леска, опущенная с кормы, натянулась под ногой, которой он придерживал один ее виток, он бросил весла и, крепко ухватив конец бечевы, стал выбирать ее, чувствуя вес небольшого тунца, который судорожно дергал крючок. Леска дергалась у него в руках все сильнее, и он увидел голубую спинку и отливающие золотом бока рыбы еще до того, как подтянул ее к самой лодке и перекинул через борт. Тунец лежал у кормы на солнце, плотный, словно литая пуля, и, вытаращив большие бессмысленные глаза, прощался с жизнью под судорожные удары аккуратного, подвижного хвоста. Старик из жалости убил его ударом по голове и еще трепещущего отшвырнул ногой в тень под кормовой настил.

— Альбакоре, — сказал он вслух. — Из него выйдет прекрасная наживка. Веса в нем фунтов десять, не меньше.

Старик уже не мог припомнить, когда он впервые стал разговаривать сам с собою вслух. Прежде, оставшись один, он пел; он пел иногда и ночью, стоя на вахте, когда ходил на больших парусниках, или охотясь за черепахами. Наверно, он стал разговаривать вслух, когда от него ушел мальчик и он остался совсем один. Теперь он уже не помнил. Но ведь и рыбача с мальчиком, они разговаривали только тогда, когда это было необходимо. Разговаривали ночью или во время вынужденного безделья в непогоду. В море не принято разговаривать без особой нужды. Старик сам считал, что это дурно, и уважал обычай. А вот теперь он по многу раз повторял свои мысли вслух — ведь они никому не могли быть в тягость.

— Если бы кто-нибудь послушал, как я разговариваю сам с собой, люди решили бы, что я спятил, — произнес старик. — Но раз я не спятил, кому какое дело? Хорошо богатым, у них есть радио, которое может разговаривать с ними в лодке и рассказывать им новости про бейсбол.

«Теперь не время думать про бейсбол, — сказал себе старик. — Теперь время думать только об одном. О том, для чего я родился. Где-нибудь рядом с этим косяком тунцов, может быть, плывет моя большая рыба. Я ведь поймал только одного альбакоре, да и то отбившегося от стаи. А они охотятся далеко от берега и плывут очень быстро. Все, что встречается сегодня в море, движется очень быстро и на северо-восток.

Может быть, так всегда бывает в это время дня? А может, это к перемене погоды, и я просто не знаю такой приметы?»

Теперь старик уже больше не видел зеленой береговой полосы; вдали вырисовывались лишь верхушки голубых холмов, которые отсюда казались белыми, словно были одеты снегом. Облака над ними тоже были похожи на высокие снежные горы. Море стало очень темным, и солнечные лучи преломлялись в воде. Бесчисленные искры планктона теперь были погашены солнцем, стоящим в зените, и в темносиней воде старик видел лишь большие радужные пятна от преломлявшихся в ней солнечных лучей до бечевки, прямо уходящие в глубину, которая достигала здесь целой мили.

Тунцы — рыбаки звали всех рыб этой породы тунцами и различали их настоящие имена лишь тогда, когда шли их продавать на рынок или сбывали как наживку, — снова ушли в глубину. Солнце припекало, и старик чувствовал, как оно жжет ему затылок; пот струйками стекал по спине, когда он греб.

«Я мог бы пойти по течению, — подумал старик, — и поспать, привязав леску к большому пальцу ноги, чтобы во-время проснуться. Но сегодня восемьдесят пятый день и надо быть начеку».

И как раз в этот миг он заметил, как одно из зеленых удилищ дрогнуло и пригнулось к воде.

— Ну вот, — сказал он. — Вот! — и вытащил из воды весла, стараясь не потревожить лодку. Он потянулся к леске и тихонько захватил ее большим и указательным пальцами правой руки. Он не чувствовал ни напряжения, ни тяги, и держал леску легко, не сжимая. Но вот она дрогнула снова. На этот раз рывок был осторожный и не сильный, и старик в точности знал, что это означает. На глубине в сто морских саженей марлин пожирал сардины, которыми были унизаны острие и полукружие крючка, там, где этот выкованный вручную крючок вылезал из головы небольшого тунца.

Старик, легонько придерживая бечеву, левой рукой осторожно отвязал ее от удилища. Теперь она могла незаметно для рыбы скользить у него между пальцами.

«Так далеко от берега, да еще в это время года, рыба, наверно, огромная. Ешь, рыба. Ешь. Ну, ешь же, пожалуйста. Сардины такие свеженькие, а тебе так холодно в воде, на глубине в шестьсот футов, холодно и темно. Поворотись еще разок в темноте, ступай назад и поешь!»

Он почувствовал легкий, осторожный рывок, а затем и более сильный — видно, одну из сардин оказалось труднее сорвать с крючка. Потом все стихло.

— Ну же, — сказал старик вслух, — поворотись еще разок. Понюхай. Разве они не прелесть? Покушай хорошенько. А за ними, глядишь, настанет черед попробовать тунца! Он ведь твердый, прохладный, прямо объядение. Не стесняйся, рыба. Ешь, прошу тебя.

Он ждал, держа бечеву между большим и указательным пальцами, следя одновременно за ней и за другим лесками, потому что рыба могла переплыть с места на место. И вдруг он снова почувствовал легкое, чуть приметное подергивание лески.

— Клюнет, — сказал старик вслух. — Клюнет, дай ей бог здоровья!

Но она не клюнула. Она ушла, и леска была неподвижна.

— Она не могла уйти, — сказал старик. — Видит бог, она не могла уйти. Она просто поворачивается и делает новый заплыв. Может быть, она уже попадалась на крючок и помнит об этом.

Тут он снова почувствовал легкое подергивание лески, и у него отлегло от сердца.

— Я же говорил, что она только поворачивается,—сказал старик.— Теперь-то уж она клюнет!

Он был счастлив, ощущая, как рыба потихоньку дергает леску, и вдруг почувствовал какую-то невероятную тяжесть. Он почувствовал вес огромной рыбы и, выпустив бечеву, дал ей ускользнуть вниз, вниз, вниз, легко скользя между пальцами, но, хотя он едва придерживал ее, он все же чувствовал огромную тяжесть, которая влекла ее за собой.

— Что за рыба, — сказал он вслух.— Зацепила крючок губой и хочет теперь удрать вместе с ним подальше.

«Она все равно повернется и проглотит крючок», — подумал старик. Однако он не произнес своей мысли вслух, чтобы не сглазить. Он знал, как велика эта рыба, и мысленно представлял себе, как она уходит в темноте все дальше с тунцом, застрявшим у нее поперек пасти. На какой-то миг движение прекратилось, но он попрежнему ощущал вес рыбы. Потом тяга усилилась, и он снова отпустил бечеву. На секунду он придержал ее пальцами, напряжение увеличилось, и бечеву потянуло прямо вниз.

— Клюнула, — сказал старик. — Пусть теперь поест как следует.

Он позволил лесе скользить между пальцами, а левой рукой привязал свободный конец двух запасных мотков к петле двух запасных мотков второй удочки. Теперь все было готово. У него в запасе было три мотка лесы по сорок саженей в каждом, не считая той, на которой он держал рыбу.

— Поешь еще немножко, — сказал он. — Ешь, не стесняйся.

«Ешь так, чтобы острие крючка попало тебе в сердце и убило тебя насмерть,— подумал он.— Всплыви сама и дай мне всадить в тебя гарпун. Ну вот и ладно. Ты готова? Насытилась вволю?»

— Пора! — сказал он вслух и, сильно дернув обеими руками лесу, выбрал около ярда, а потом стал дергать ее снова и снова, подтягивая бечеву поочередно то одной, то другой рукой и напрягая при каждом рывке всю силу рук и тела.

Усилия его были тщетны. Рыба медленно уходила прочь, и старик не мог приблизить ее к себе ни на дюйм. Леска у него была крепкая, рассчитанная на крупную рыбу, и он перекинул ее за спину и натянул так туго, что по ней запрыгали водяные капли. Затем леса негромко зашипела в воде, а он все держал ее, упершись в сиденье и откинув назад туловище. Лодка начала чуть заметно отходить на северо-запад.

Рыба плыла и плыла, и они медленно двигались по зеркальной воде. Другие наживки все еще были закинуты в море, но старик ничего не мог с этим поделать.

— Эх, если бы со мной был мальчик — сказал он. — Меня тащит на буксире рыба, а я сам изображаю буксирный битенг. Можно бы привязать бечеву к лодке. Но тогда рыба, чего доброго, оборвет бечеву. Я должен крепко держать ее и отпускать по мере надобности. Слава богу, что она плывет, а не опускается на дно.

А что я стану делать, если она решит пойти в глубину? Что я стану делать, если она пойдет камнем на дно и умрет? Не знаю. Там будет видно. Мало ли что я могу сделать!

Он упирался в бечеву спиной и следил за тем, как косо она уходит в воду и как медленно движется лодка на северо-запад.

«Скоро она умрет, — думал старик. — Не может она плыть вечно». Однако и через четыре часа рыба все так же неутомимо уходила в море, а старик все так же сидел, упершись в сиденье, с натянутой за спиной лесой.

— Когда я поймал ее, был полдень, — сказал старик. — А я до сих пор ее не видел.

Перед тем как поймать рыбу, он плотно натянул соломенную шляпу на лоб, и теперь она больно резала ему кожу. Старику хотелось пить и, осторожно став на колени, так чтобы не дернуть бечеву, он подполз как можно ближе к носу и одной рукой достал бутылку. Откупорив ее, он отпил несколько глотков. Потом отдохнул, привалившись к носу. Он отдыхал, сидя на мачте со скатанным парусом, стараясь не думать, а только беречь силы.

Потом он поглядел назад и обнаружил, что земли уже не видно. «Невелика беда — подумал он. — Я всегда смогу вернуться, правя на огни Гаваны. До захода солнца осталось еще два часа, может быть, она еще выплывет за это время. Если нет, то она, может быть, выплывет при свете луны. А то, может быть, на рассвете. Руки у меня не сводит, и я полон сил. Проглотила ведь крючок она, а не я. Но что же это за рыба, если она так тянет. Видно, она крепко прикусила проволоку. Хотелось бы мне на нее поглядеть хоть одним глазком, тогда бы я знал, с кем имею дело».

Насколько старик мог судить по звездам, рыба плыла всю ночь, не меняя направления. После захода солнца похолодало, пот высох у него на спине, на плечах и на старых ногах, и ему стало холодно. Днем он вытащил мешок, покрывавший ящик с наживкой, и расстелил его на солнце сушить. Когда солнце зашло, он обвязал мешок вокруг шеи и спустил его себе на спину, осторожно просунув под бечеву. Бечева резала теперь куда меньше, и, прислонившись к носу, он согнулся так, что ему было почти удобно. По правде говоря, в этом положении ему было только чуточку легче, но он уверял себя, что теперь ему почти совсем удобно.

«Я ничего не могу с ней поделать, но и она ничего не может поделать со мной, — подумал старик. — Во всяком случае до тех пор, пока не придумает какой-нибудь новый фокус».

Разок он встал, чтобы помочиться через борт лодки, поглядеть на звезды и определить, как идет лодка. Бечева казалась тоненьким лучиком, уходящим от его плеча прямо в воду. Теперь они двигались медленнее, и огни Гаваны потускнели — повидимому, течение уносило их на восток. «Раз огни Гаваны исчезают — значит, мы идем все больше на восток,— подумал старик. — Если бы рыба не изменила своего курса, я их видел бы еще много часов. Интересно, чем окончились сегодня матчи? Хорошо было бы иметь на лодке радио!» Но он прервал свои мысли: «Не отвлекайся! Думай о том, что ты делаешь. Думай, чтобы не совершить какую-нибудь глупость».

Вслух он сказал:

— Жаль, что со мной нет мальчика. Он бы мне помог и сам все увидел.

«Нельзя, чтобы в старости человек оставался один, — думал он. — Однако это неизбежно. Не забыть бы мне съесть тунца, покуда он не протух, ведь мне нельзя терять силы. Не забыть бы мне съесть его утром, даже если я совсем не буду голоден. Только бы не забыть»,— повторял он себе.

Ночью к лодке подплыли две морские свиньи, и старик слышал, как громко пыхтит самец и чуть слышно, словно вздыхая, самка.

— Они хорошие, — сказал старик. — Играют, дурачатся и любят друг друга. Они нам родня, совсем как летучая рыба.

Потом ему стало жалко большую рыбу, которую он поймал на крючок. «Ну не чудо ли эта рыба, и один бог знает, сколько лет она прожила на свете. Никогда еще мне не попадалась такая сильная рыба, и по-

думать только, как странно она себя ведет. Может быть, она потому не прыгает, что уж очень умна. Ведь она погубила бы меня, если бы прыгнула или рванулась изо всех сил вперед. Но, может быть, она не раз уже попадалась на крючок и понимает, что так ей лучше бороться за жизнь. Почем ей знать, что против нее всего один человек, да и тот старик. Но какая большая эта рыба и сколько она принесет денег, если у нее вкусное мясо! Она схватила наживку, как самец, тянет, как самец, и борется со мной без всякого страха. Интересно, знает она, что ей делать, или действует очертя голову, как и я?»

Он вспомнил, как однажды поймал на крючок самку марлина. Самец всегда допускает самку к пище первую, и, попавшись на крючок, самка со страха вступила в яростную, отчаянную борьбу, которая быстро ее изнурила, а самец, ни на шаг не отставая от нее, плавал и кружил вместе с ней по поверхности моря. Он плыл так близко, что старик боялся, как бы он не перерезал лесу хвостом, острым, как серп, и почти такой же формы. Когда старик зацепил самку багром и стукнул ее дубинкой, придерживая острую, как рапира, пасть с шершавыми краями, когда он бил ее дубинкой по черепу до тех пор, пока цвет ее не стал похож на цвет амальгамы, которой покрывают оборотную сторону зеркала, и когда потом он с помощью мальчика втаскивал ее в лодку, самец оставался рядом. Потом, когда старик стал сматывать лесу и готовить гарпун, самец высоко подпрыгнул в воздух возле лодки, чтобы поглядеть, что стало с его подругой, а затем ушел глубоко в воду, раскинув светлосиреневые крылья грудных плавников, и широкие сиреневые полосы у него на спине были ясно видны. Старик не мог забыть, какой он был красивый. И он не покинул свою подругу до конца.

«Ни разу в море я не видал ничего печальнее, — подумал старик. — Мальчику тоже стало грустно, и мы попросили у самки прощения и быстро разделали ее тушу».

— Жаль, что со мной нет мальчика, — сказал он вслух и поудобнее примостился к округлым доскам носа, все время ощущая через бечеву, которая давила ему на плечи, могучую силу большой рыбы, неуклонно уходившей к какой-то своей цели.

— Подумать только, что благодаря моему коварству ей пришлось изменить свою судьбу.

«Ее судьба была оставаться в темной глубине океана, вдали от всяческих ловушек, приманок и людского коварства. Моя судьба была отправиться за ней в одиночку и найти ее там, куда не проникал ни один человек. Ни один человек на свете. Теперь мы связаны друг с другом с самого полудня. И некому помочь ни ей, ни мне».

«Может быть, мне не нужно было становиться рыбаком, — думал он. — Но ведь для этого я родился. Только бы не забыть съесть тунца, когда рассветет».

Незадолго до восхода солнца клюнуло на одну из наживок за его спиной. Он услышал, как сломалось удилище и бечевка заскользила через планшир лодки. В темноте он выпростал из футляра свой нож и, перенеся всю тяжесть рыбы на левое плечо, откинулся назад и перерезал лесу на планшире. Потом он перерезал лесу, находившуюся рядом с ним, и в темноте, крепко связал друг с другом концы запасных мотков. Он ловко работал одной рукой, придерживая ногой мотки, чтобы покрепче затянуть узел. Теперь у него было целых шесть запасных мотков лесы: по два от каждой перерезанной им бечевы и два от лесы, на которую попалась рыба; все шесть мотков были связаны друг с другом.

«Когда рассветет, — думал он, — я постараюсь достать ту лесу, которую я опустил на сорок саженей, и тоже ее перережу, соединив запасные мотки. Правда, я потеряю двести саженей крепкой каталонской

веревки, не говоря уже о крючках и грузилах. Ничего, это добро можно достать снова. Но кто достанет мне новую рыбу, если на крючок попадется какая-нибудь другая рыба и сорвет мне эту? Не знаю, что там сейчас клюнуло? Может быть, марлин, а может быть, и меч-рыба или акула. Я даже не успел ее почувствовать. Надо было побыстрее от нее отвязаться».

Вслух он сказал:

— Эх, был бы со мной мальчик!

«Но мальчика с тобой нет, — думал он. — Ты можешь рассчитывать только на себя, и, хоть сейчас и темно, лучше бы ты попытался достать ту, последнюю лесу, перерезать ее и связать два запасных мотка».

Он так и сделал. В темноте ему было трудно работать, и один раз рыба дернула так, что он свалился лицом вниз и рассек щеку под глазом. Кровь потекла по щеке, но свернулась и подсохла, еще не дойдя до подбородка, а он подполз обратно к носу и привалился к нему, чтобы передохнуть. Старик поправил мешок и осторожно передвинул бечеву на новое, еще не натруженное место и, передав весь упор на плечи, попытался определить, сильно ли тянет рыба, а потом, опустил руку в воду, чтобы выяснить, с какой скоростью движется лодка.

«Интересно, почему она рванулась, — подумал он. — Проволока, верно, соскользнула с большого холма ее спины. Конечно, ее спине не так больно, как моей. Но не может же она тащить лодку без конца, как бы велика ни была! Теперь я избавился от всего, что могло причинить мне неприятности, и у меня большой запас бечевы, — чего же еще человеку нужно?»

— Рыба, — позвал он тихонько, — я с тобой не расстанусь, пока не умру.

«Да и она со мной, верно, не расстанется», — подумал старик и стал дожидаться утра. В этот предрассветный час было холодно и он прижался к доскам, чтобы хоть немножко согреться. «Если она терпит, значит и я стерплю», — и заря осветила натянутую лесу, уходящую в глубину моря. Лодка двигалась вперед неустанно, и когда над горизонтом появился краешек солнца, свет его упал на правое плечо старика.

— Она плывет к северу, — сказал старик. — А течение, наверно, отнесло нас далеко на восток. Хотел бы я, чтобы она повернула по течению. Это означало бы, что она устала».

Но когда солнце поднялось выше, старик понял, что рыба и не думала уставать. Одно лишь было отрадно. Уклон, под которым леса уходила в воду, показывал, что рыба плыла теперь на меньшей глубине. Это отнюдь не означало, что она непременно вынырнет на поверхность. Однако вынырнуть она все же могла.

— Господи, заставь ее вынырнуть, — сказал старик. — У меня хватит бечевы, чтобы с ней справиться.

«Может быть, если мне удастся немножко усилить тягу, ей будет больно и она выпрыгнет, — подумал старик. — Теперь, когда стало светло, пусть она выпрыгнет. Тогда пузыри, которые у нее идут вдоль хребта, наполнятся воздухом и она не сможет больше уйти в глубину, чтобы там умереть».

Он попытался натянуть бечеву потуже, но с тех пор, как он поймал рыбу, леса и так была натянута до отказа, и когда он откинулся назад, чтобы натянуть ее еще больше, она больно врезалась в спину и он понял, что у него ничего не выйдет. «А дергать нельзя, — подумал он. — Каждый рывок расширяет рану, которую нанес ей крючок, и если рыба вынырнет, крючок может вырваться вовсе. Во всяком случае, я чувствую себя куда лучше теперь, когда светит солнце, и на этот раз мне не надо на него смотреть».

Лесу опутали желтые водоросли, но старик был рад им, потому что они задерживали ход лодки. Это были те самые желтые водоросли, которые так светились ночью.

— Рыба,— сказал он.— Я тебя очень люблю и уважаю. Но я убью тебя прежде, чем настанет вечер.

«Будем надеяться, что это мне удастся», — подумал он.

С севера к лодке приблизилась маленькая птичка. Она летела низко над водой. Старик видел, что она очень устала.

Птица села на корму отдохнуть. Потом она покружилась у старика над головой и уселась на бечеву, где ей было удобнее.

— Сколько тебе лет? — спросил ее старик.—Наверно, это твое первое путешествие?

Птица посмотрела на него в ответ. Она слишком устала, чтобы проверить, достаточно ли прочна бечева, и лишь покачивалась, обхватив ее своими нежными лапками.

— Не бойся, веревка натянута крепко, — заверил ее старик. — Даже слишком крепко. Тебе не полагалось бы так уставать в безветренную ночь. Ах, не те нынче пошли птицы!

«А вот ястребы, — подумал он, — выходят в море вам настречу». Но он не сказал этого птице, да она все равно его бы не поняла. Ничего, сама скоро все узнает про ястребов.

— Отдохни хорошенько, маленькая птичка, — сказал он. — А потом лети к берегу и борись, как борется каждый человек, птица или рыба.

Разговор с птицей его подбодрил, а то спина у него совсем одеревенела за ночь и теперь ему было по-настоящему больно.

— Побудь со мной, если хочешь, птица — сказал он.— Жаль, что я не могу поставить парус и привезти тебя на сушу, хотя сейчас и поднимается легкий ветер. Но у меня тут друг, которого я не могу покинуть.

В это мгновение рыба внезапно рванулась и повалила старика на нос; она стащила бы его за борт, если бы он не уперся в него руками и не отпустил бы лесу.

Когда бечева дернулась, птица взлетела, и старик даже не заметил, как она исчезла. Он пощупал лесу правой рукой и увидел, что из руки течет кровь.

— Верно, рыбе тоже стало больно,— сказал он вслух и потянул бечеву, проверяя, не сможет ли он повернуть рыбу в другую сторону. Натянув лесу до отказа, он снова замер в прежнем положении.

— Худо тебе, рыба? — спросил он. — Видит бог, мне и самому не легче.

Он поискал глазами птицу, потому что ему хотелось с кем-нибудь поговорить. Но птицы нигде не было.

«Недолго же ты побыла со мной, — подумал старик. — Но там, куда ты полетела, ветер много крепче, и он будет дуть до самой суши. Как же это я позволил рыбе поранить меня одним быстрым рывком? Верно, я совсем поглупел. А может быть, просто загляделся на птичку и думал только о ней? Теперь я буду думать только о деле и съем тунца, чтобы набраться сил».

— Жаль, что мальчик не со мной и что у меня нет соли, — сказал он вслух.

Переместив тяжесть рыбы на левое плечо и осторожно став на колени, он вымыл в океане руку и подержал ее с минуту в воде, наблюдая за тем, как расплывается кровавый след и как мерно обтекает руку встречная струя.

— Теперь рыба плывет куда медленнее, — сказал он вслух.

Старику хотелось подольше подержать руку в соленой воде, но он боялся, что рыба снова дернет; поэтому он поднялся на ноги, натянул

спиною лесу и подержал руку на солнце. На ней была всего одна ссадина от бечевы, рассекшей мякоть, но как раз на той части руки, которая нужна была ему для работы. Старик понимал, что сегодня ему еще не раз понадобятся его руки, и огорчался, что поранил их в самом начале.

— Теперь, — сказал он, когда рука высохла, — я должен съесть тунца. Я могу достать его багром и поесть со всеми удобствами.

Старик снова опустился на колени и, пошарив багром под кормой, отыскал там тунца. Он подтащил его к себе, стараясь не потревожить мотки лесы. Снова переместив всю тяжесть рыбы на левое плечо и упираясь о борт левой рукой, он снял тунца с крючка и положил багор на место. Он прижал тунца коленом и стал вырезать со спины от затылка до хвоста продольные куски темнокрасного мяса. Нарезав шесть клинообразных кусков, он разложил их на досках носа, вытер нож о штаны, поднял скелет тунца за хвост и выкинул его в море.

— Пожалуй, целого куска мне не съесть, — сказал он и перерезал один из кусков пополам. Старик чувствовал, как сильно, не ослабевая, тянет большая рыба, а левую руку у него совсем свело. Она судорожно сжимала тяжелую веревку, и старик поглядел на нее с отвращением.

— Ну что это за рука, ей богу, — сказал он. — Ладно, затекай, если уж ты так хочешь. Превращайся в птичью лапу, тебе это все равно не поможет.

«Давай, — подумал он, поглядев в темную воду и на косую линию уходящей в нее бечевы,— поешь, и твоя рука станет сильнее. Чем она виновата, ведь ты уж сколько часов подряд держишь рыбу. Но будешь держать ее до скончания века. А пока что поешь».

Он взял кусок рыбы, положил его в рот и стал медленно жевать. Вкус был не такой уж противный.

«Жуй хорошенько, — думал он, — чтобы не потерять ни капли соков. Неплохо было бы приправить ее лимоном или хотя бы солью».

— Ну, как ты себя чувствуешь, рука? — спросил он затекшую руку, которая одеревенела, почти как у покойника. — Ради тебя я съем еще кусочек.

Старик съел вторую половину куска, разрезанного им надвое. Он старательно разжевал его, а потом выплюнул кожу.

— Ну как, рука, полегчало? Или ты еще ничего не почувствовала?

Он взял еще один кусок и съел его тоже.

«Это здоровая, полнокровная рыба, — подумал он. — Хорошо, что мне попался тунец, а не макрель. Макрель слишком сладкая. А в этой рыбе почти нет сладости, и она сохранила всю свою питательность. Однако нечего отвлекаться посторонними мыслями, — подумал он. — Жаль, что у меня нет хоть щепотки соли. И я не знаю, провялится остаток рыбы на солнце или протухнет, поэтому давай-ка лучше я ее съем, хоть я и не голоден. Большая рыба ведет себя тихо и спокойно. Я доем тунца и тогда буду готов.

— Потерпи, рука, — сказал он. — Видишь, как я ради тебя стараюсь.

«Хотелось бы мне покормить и большую рыбу тоже, — подумал он. — Ведь она моя родня. Но я должен убить ее, а для этого мне нужны силы».

Медленно и добросовестно старик съел все клинообразные куски тунца. Обтирая руку о штаны, он выпрямился.

— Ну вот, — сказал он. — Теперь, рука, ты можешь отпустить лесу; я совладаю с ней одной правой рукой, покуда ты не перестанешь валять дурака. — Левой ногой он прижал толстую бечеву, которую раньше держала его левая рука, и откинулся назад, перенеся тяжесть рыбы на спину.

— Дай бог, чтобы рука у меня ожила, — сказал он. — Кто знает, что еще придет в голову этой рыбе.

«По виду она спокойна, — подумал он,— и действует обдуманно. Но каков ее план? И что собираюсь делать я? Мой план я должен тут же приспособить к ее плану, ведь она такая громадина. Если она выплывет, я смогу ее убить. А если она так и останется в глубине? Тогда и я останусь с нею».

Он потер сведенную судорогой руку о штаны и попытался разжать пальцы. Но рука не разгибалась. «Может быть, она разожмется от солнца, — подумал он. — Может быть, она разожмется, когда желудок переварит сырого тунца. Если она мне уж очень понадобится, я ее разожму, чего бы мне это ни стоило. Но сейчас я не хочу применять силу. Пускай она разожмется сама и оживет по своей воле. Как-никак, ночью ей от меня досталось, когда нужно было перерезать и связать друг с другом все мои лесы».

Старик поглядел вдаль и понял, как он теперь одинок. Но он видел разноцветные солнечные лучи, преломляющиеся в темной глубине, натянутую, уходящую вниз бечеву и странное колыхание морской глади. Облака кучились, предвещая пассат, и, глядя вперед, он заметил над водою стаю диких уток, четко обрисовавшуюся в небе; вот она расплылась, потом опять обрисовалась еще четче, и старик понял, что человек в море никогда не бывает одинок.

Он подумал о том, что некоторым людям страшно бывает оставаться в открытом море в маленькой лодке, и решил, что страх их справедлив в те месяцы, когда внезапно налетает непогода. Но теперь ведь стоит пора ураганов, а пока урагана нет, это время самое лучшее в году.

Если ураган близится, в море всегда можно увидеть его признаки на небе за много дней вперед. На суше их не видят, думал он, потому что не знают, на что смотреть. Да на суше и форма облаков совсем другая. Однако сейчас урагана ждать нечего.

Он поглядел на небо и увидел белые кучевые облака, похожие на его любимое мороженое, а над ними, высоко в сентябрьском небе, прозрачные клочья перистых облаков.

— Скоро поднимется легкий бриз — сказал старик. — А он куда выгоднее мне, чем тебе, рыба.

Левая рука его все еще была сведена судорогой, но он уже мог потихоньку ею шевелить.

«Ненавижу, когда у меня сводит руку, — подумал он. — Собственное тело и так тебя подводит. Унизительно, когда тебя на людях мучает понос или рвота от отравления рыбой. Но судорога (он мысленно называл ее calambre) особенно унижает тебя, когда ты один».

«Если бы со мной был мальчик, — подумал он, — он растер бы мне руку от локтя до низу. Но ничего, она оживет и так».

И вдруг, еще прежде, чем он заметил, как изменился уклон, под которым леса уходит в воду, его правая рука почувствовала, как ослабела тяга. Он откинулся назад, изо всех сил заколотил левой рукой по бедру и тут увидел, что леса медленно пошла кверху.

— Поднимается, — сказал он. — Ну-ка, рука, оживай! Пожалуйста!

Леса вытягивалась в длину все больше и больше, и наконец поверхность океана перед лодкой вздулась и рыба вышла из воды. Она все выходила и выходила, и казалось, ей не будет конца, а вода потоками скатывалась с ее боков. Вся она горела на солнце, голова и спина у нее были темнофиолетовые, а полосы на боках казались при ярком свете очень широкими и нежно сиреневыми. Вместо носа у нее был меч, длинный, как бейсбольная клюшка, и острый на конце, как рапира.

Она поднялась из воды во весь рост, а потом опустилась в нее обратно, бесшумно, как пловец, и едва ушел в глубину ее огромный хвост, похожий на лезвие серпа, как леса начала стремительно разматываться.

— Она на два фута длиннее моей лодки, — сказал старик. Леса уходила в море быстро, но равномерно, и рыба явно не была напугана. Старик обеими руками натягивал лесу до отказа. Он знал, что если ему не удастся замедлить ход рыбы таким же равномерным сопротивлением, она заберет все запасы его бечевы и сорвется.

«Она громадина, эта рыба, и я должен убедить ее в моей силе,— думал он. — Нельзя, чтобы она почувствовала мою слабость и поняла, что может сделать со мной все, что хочет, если пустится наутек. На ее месте я бы сейчас поставил все на карту и шел бы вперед до тех пор, покуда что-нибудь не лопнет. Но рыбы, слава богу, не так умны, как люди, которые их убивают; хотя в них куда больше ловкости и благородства».

Старик встречал на своем веку много больших рыб. Он видел много рыб, весивших более тысячи фунтов, и сам поймал в свое время две такие рыбы, но никогда еще ему не приходилось делать это в одиночку. А теперь один, в открытом море, он был накрепко привязан к такой большой рыбе, какой он никогда не видел, о какой даже никогда не слышал, а его левая рука попрежнему была сведена судорогой, как сжатые когти орла.

«Ну, рука у меня разойдется,— подумал он. — Конечно, разойдется хотя бы для того, чтобы помочь моей правой руке. Жили-были три брата: рыба и мои две руки. Непременно разойдется. Просто стыд, что ее свело». Рыба замедлила ход и теперь шла с прежней скоростью.

«Интересно, почему она вдруг вынырнула», — размышлял старик. — Можно подумать, что она вынырнула только для того, чтобы показать мне, какая она громадная. Ну что ж, теперь я знаю. Жаль, что я не могу показать ей, что я за человек. Положим, она бы тогда увидела мою сведенную руку. Пусть она думает обо мне лучше, чем я на самом деле, и я тогда буду и в самом деле лучше. Хотел бы я быть рыбой и чтобы у меня было все, что есть у нее, а не одна только воля и сообразительность».

Он покойно уселся, прислонившись к дощатой обшивке, безропотно перенося мучившую его боль, а рыба все так же упорно плыла вперед, и лодка медленно двигалась по темной воде. Ветер с востока поднял небольшую волну. К полудню левая рука у старика совсем ожила.

— Туго тебе теперь придется, рыба, — сказал он и передвинул бечеву на новое место у себя на спине.

Ему было хорошо, хотя боль и донимала его попрежнему, только он не признавался себе в том, как ему больно.

— В бога я не верую,— сказал он.— Но я прочту десять раз «Отче наш» и столько же раз «Богородицу», чтобы поймать эту рыбу. Я дам обет отправиться на богомолье к Кобренской божьей матери, если я ее и впрямь поймаю. Даю слово.

Старик стал читать молитву. По временам он чувствовал себя таким усталым, что забывал слова, и тогда он старался читать как можно быстрее, чтобы слова выговаривались сами собой. «Богородицу» повторять легче, чем «Отче наш», — думал он.

— Богородица дева, радуйся, благодатная Мария, господь с тобою. Благословенна ты в женах и благословен плод чрева твоего, яко спаса родила еси душ наших. Аминь. — Потом он добавил. — Пресвятая богородица, помолись, чтобы рыба умерла. Хотя она и очень замечательная.

Прочтя молитву и почувствовав себя куда лучше, хотя боль нисколь-

ко не уменьшилась, а может быть, даже стала сильнее, он прислонился к обшивке носа и начал машинально упражнять пальцы левой руки.

Солнце жгло, несмотря на то, что ветерок потихоньку усиливался.

— Пожалуй, стоит опять наживить маленькую удочку, — сказал старик. — Если рыба не всплывет еще одну ночь, мне нужно будет снова поесть, да и воды в бутылке осталось совсем немного. Не думаю, чтобы я мог поймать здесь что-нибудь, кроме макрели. Но если ее съесть сразу, она не так уж противна. Хорошо бы ночью ко мне в лодку попалась летучая рыба. Но у меня нет света, которым я мог бы ее заманить. Сырая летучая рыба — отличная еда, и потрошить ее не надо. А мне теперь надо беречь силы. Ведь не знал же я, господи, что она такая большая.

— Но я ее все равно одолею, — сказал он. — При всей ее величине и при всем ее великолепии.

«Хоть это несправедливо, — прибавил он мысленно. — Но я покажу ей, на что способен человек и что он может вынести».

— Я ведь говорил мальчику, что я старик не как другие, — сказал он. — Теперь пришла пора это доказать.

Какая разница, что он уже это доказывал тысячу раз? Теперь опять приходится это доказывать. Каждый раз счет начинается сызнова; поэтому, когда он что-нибудь делал, он никогда не вспоминал о прошлом.

«Хотел бы я, чтобы она заснула, тогда и я смогу заснуть и увидеть во сне львов, — подумал он. — Почему львы — это самое лучшее, что у меня осталось?»

— Не надо думать, старик, — сказал он себе. — Отдохни тихонько, прислонясь к доскам, и ни о чем не думай. Она сейчас трудится. Ты же пока трудись как можно меньше.

Давно перевалило за полдень, а лодка все плыла и плыла, медленно и неуклонно. Восточный ветерок подгонял ее, и старик тихонько покачивался на невысоких волнах, легко и снисходительно перенося боль от веревки, врезавшейся ему в спину.

Как-то раз после полудня леса стала подниматься снова. Однако рыба просто продолжала свой ход на несколько меньшей глубине. Солнце теперь припекало старику спину, левое плечо и руку. Из этого он понял, что рыба свернула на северо-восток.

Теперь, когда он уже однажды взглянул на рыбу, он мог себе представить, как она плывет под водой, широко, словно крылья, раскинув фиолетовые грудные плавники и прорезая тьму могучим хвостом. «Интересно, много ли она видит на такой глубине? — подумал старик. — У нее огромные глаза, а лошадь, у которой глаза куда меньше, видит в темноте. Когда-то и я хорошо видел в темноте. Конечно, не в полной тьме, но зрение у меня было почти как у кошки».

Солнце и беспрестанное упражнение пальцев совершенно расправили сведенную судорогой левую руку, и старик стал постепенно перемещать на нее тяжесть рыбы, двигая мускулами спины, чтобы хоть немного ослабить боль от бечевы.

— Если ты еще не устала, — сказал он вслух, — ты и в самом деле — необыкновенная рыба.

Сам он теперь чувствовал огромную усталость, знал, что скоро наступит ночь, и поэтому старался думать о чем-нибудь постороннем. Он думал о знаменитых бейсбольных лигах, которые для него были Gran Ligas, и о том, что сегодня нью-йоркские «Янки» должны были играть с «Тиграми» из Детройта.

«Вот уже второй день, как я ничего не знаю о результатах juegos, — подумал он. — Но я должен верить в свои силы и быть достойным ве-

ликого Ди Маджио, который все делает замечательно, что бы ни делал, даже тогда, когда он страдает от костной мозоли в пятке. Что такое костная мозоль? Un espuelo de hueso. У нас, рыбаков, их не бывает. Неужели это так же больно, как удар в пятку шпорой бойцового петуха? Я, кажется, не вытерпел бы ни такого удара, ни потери глаза или обоих глаз и не смог бы продолжать драться, как это делают бойцовые петухи. Человек — это не бог весть что рядом с замечательными зверями и птицами. А хотелось бы мне быть тем зверем, что плывет сейчас там, в морской глубине».

— Да, если только не нападут акулы, — сказал он вслух. — Если нападут акулы — помилуй господи и ее и меня!

«Неужели ты думаешь, что великий Ди Маджио держался бы за рыбу так же упорно, как ты?» — спросил он себя. «Да, я уверен, что он поступил бы совершенно так же, а может быть, и лучше, потому что он моложе и сильнее меня. К тому же отец его был рыбаком. А ему очень больно от костной мозоли?»

— Не знаю, — сказал он вслух. — У меня никогда не было костной мозоли.

Когда солнце зашло, старик, чтобы подбодриться, стал вспоминать о том, как однажды в таверне Касабланки он состязался в силе с могучим негром из Сьенфуэгос, самым сильным человеком в порту. Они просидели целые сутки друг против друга, уперев локти в черту, прочерченную мелом на столе, не сгибая рук и крепко сцепив ладони. Каждый из них пытался пригнуть руку другого к столу. Кругом держали пари, люди входили и выходили из комнаты, тускло освещенной керосиновыми лампами, а он не сводил глаз с руки и локтя негра и с его лица. После того как прошли первые восемь часов, судьи стали меняться через каждые четыре часа, чтобы поспать. Из-под ногтей обоих противников сочилась кровь, а они все глядели друг другу в глаза и на руку и на локоть. Люди, державшие пари, входили и выходили из комнаты; они рассаживались на высокие стулья у стен и ждали, чем это кончится. Деревянные стены были выкрашены в яркоголубой цвет, и лампы отбрасывали на них тени. Тень негра была огромной и шевелилась на стене, когда ветер раскачивал лампы.

Преимущество переходило от одного к другому всю ночь напролет; негра поили ромом и зажигали ему сигареты. Выпив рому, негр делал отчаянное усилие, и один раз ему удалось пригнуть руку старика — который тогда не был стариком, а звался Сантьяго El Campeon — почти на три дюйма. Но старик снова выпрямил руку. После этого он уже больше не сомневался, что победил негра, который был хорошим парнем и большим силачом. А на рассвете, когда люди стали требовать, чтобы судья объявил ничью, а тот пожимал плечами, старик внезапно напряг все свои силы и стал пригибать руку негра все ниже и ниже, покуда она не легла на стол. Поединок начался в воскресенье утром и окончился утром в понедельник. Многие из участников требовали признать ничью, потому что им пора было выходить на работу в порт, где они грузили уголь для Гаванской угольной компании или мешки с сахаром. Если бы не это, все бы хотели довести состязание до конца. Но старик победил и победил до того, как грузчикам надо было выйти на работу.

Долго еще потом его звали Чемпионом, а весною он дал негру отыграться. Однако ставки уже были не такими высокими, и он легко победил во второй раз, потому что вера в свою силу у негра из Сьенфуэгос была сломлена еще в первом матче. Потом он участвовал еще в нескольких состязаниях, но скоро бросил это дело. Он понял, что если очень захочет, то победит любого противника, и решил, что такие поединки вред-

ны для его правой руки, которая нужна ему для рыбной ловли. Несколько раз он пробовал посостязаться левой рукой. Но его левая рука всегда подводила его, не желала ему подчиняться, и он ей не доверял.

«Солнце ее теперь пропечет хорошенько, — подумал он. — Она не посмеет больше затекать мне назло, разве что ночью будет очень холодно. Хотел бы я знать, что мне сулит эта ночь».

Над головой у него пролетел самолет, направлявшийся в Майами, и старик видел, как тень самолета спугнула и подняла в воздух целую стаю летучих рыб.

— Раз здесь так много летучей рыбы, где-то поблизости должна быть и макрель, — сказал он и посильнее уперся спиною в лесу, проверяя, нельзя ли подтащить рыбу хоть чуточку ближе. Но он скоро понял, что это невозможно, потому что бечева снова задрожала, как струна, угрожая лопнуть, и по ней запрыгали водяные капли. Лодка медленно плыла вперед, и он провожал глазами самолет, пока тот не скрылся.

«Наверно, с самолета все выглядит очень странно, — подумал он. — Интересно, какой вид с такой вышины имеет море? Они оттуда могли бы прекрасно разглядеть мою рыбу, если бы не летели так высоко. Хотел бы я медленно-медленно лететь на высоте в двести саженей, чтобы сверху посмотреть на мою рыбу. Когда я плавал за черепахами, я, бывало, взбирался на верхушку мачты и даже оттуда мог разглядеть довольно много. Макрель оттуда выглядит более зеленой, и можно различить на ней фиолетовые полосы и пятна и увидеть, как плывет вся стая. Почему у всех быстроходных рыб, которые плавают в темной глубине, фиолетовые спины, а зачастую и фиолетовые полосы или пятна? Макрель ведь только выглядит зеленой, на самом деле она золотистая. Но когда она по-настоящему голодна и охотится за пищей, на боках у нее проступают фиолетовые полосы, как у марлина. Неужели это от злости? А может быть, потому, что она движется быстрее, чем обычно?»

Незадолго до темноты, когда они проплывали мимо большого островка саргассовых водорослей, которые вздымались и раскачивались на легкой волне, словно океан обнимался с кем-то под желтым одеялом, на маленькую удочку попалась макрель. Старик увидел ее, когда она подпрыгнула в воздух, переливаясь чистым золотом в последних лучах солнца, сгибаясь от ужаса пополам, и бешено хлопала по воздуху плавниками. Она подпрыгивала снова и снова, как заправский акробат, а старик перебрался на корму, присел и, придерживая большую бечеву правой рукой и локтем, вытащил макрель левой, наступая босой левой ногой на выбранную лесу. Когда макрель была у самой лодки и отчаянно билась и бросалась из стороны в сторону, старик перегнулся через корму и втащил в лодку жаркую, как золото, рыбу с фиолетовыми разводами. Пасть макрели судорожно сжималась, прикусывая крючок, а длинное плоское тело, голова и хвост колотились о дно лодки, пока старик не стукнул ее по горящей золотом голове и она, задрожав, не затихла.

Старик снял рыбу с крючка, снова наживил его сардинкой и закинул леску за борт. Потом он медленно перебрался на нос. Обмыв левую руку, он вытер ее о штаны, переместил тяжелую бечеву с правого плеча на левое и вымыл правую руку, наблюдая за тем, как солнце опускается в океан и под каким уклоном тянется в воду его большая леса.

— Все идет попрежнему, — сказал он. Но, опустив руку в воду, он почувствовал, что движение лодки сильно замедлилось.

— Я свяжу друг с другом оба весла и прикреплю их поперек кормы, чтобы они ночью тормозили лодку, — сказал он. — У этой рыбы хватит сил на всю ночь. Ну, и у меня тоже.

«Пожалуй, лучше будет, если я выпотрошу макрель попозже,—

подумал он, — чтобы из нее не вытекла вся кровь. Я сделаю это не много погодя и тогда же свяжу весла, чтобы притормозить лодку. Лучше мне покуда не беспокоить рыбу, особенно во время захода солнца. Заход солнца дурно влияет на всякую рыбу».

Он обсушил руку на ветру, а затем, схватив ею бечеву, позволил рыбе подтянуть себя вплотную к дощатой обшивке, переместив таким образом упор со своего тела на лодку.

«Кое-чему я научился, — подумал он. — Пока что знаю, как с ней обращаться. К тому же нельзя забывать, что она не ела с тех пор, как проглотила наживку, а она ведь большая и ей нужно много пищи. Я-то съел целого тунца. Завтра я поем макрели. — Старик называл макрель dorado. — Пожалуй, я съем кусочек, когда буду ее чистить. Макрель есть труднее, чем тунца. Но ничто на свете не дается легко».

— Как ты себя чувствуешь, рыба? — спросил он громко. — Я себя чувствую прекрасно. Левая рука у меня прошла, и пищи хватит на целую ночь и еще на день. Ладно, тащи лодку, рыба.

Старик совсем не так уж хорошо себя чувствовал, потому что боль, которую причиняла его спине веревка, почти перестала быть болью и превратилась в глухую ломоту, а это его беспокоило. «Со мной случались вещи и похуже, — утешал он себя. — Рука у меня поранена совсем легко, а другую больше не сводит судорога. Ноги у меня в порядке. Да и в смысле пищи мне куда лучше, чем рыбе».

Было темно; в сентябре темнота всегда наступает внезапно, сразу же после захода солнца. Он лежал, прислонившись к изъеденным солью доскам, и изо всех сил старался отдохнуть. На небе показались первые звезды. Он не знал названия звезды Ригель, но, увидев ее, понял, что скоро покажутся и все остальные и тогда эти далекие друзья будут снова с ним.

— Рыба — она тоже мне друг, — сказал он. — Я никогда не видел такой рыбы и не слышал, что такие бывают. Но я должен ее убить. Как хорошо, что нам не приходится убивать звезды.

«Представь себе: человек что ни день пытается убить луну! А луна от него убегает. Ну, а если человеку пришлось бы каждый день охотиться за солнцем? Нет, что ни говори, нам еще повезло», — подумал он.

Потом ему стало жалко большую рыбу, которой нечего есть, но печаль о ней нисколько не мешала его решимости ее убить. Сколько людей она насытит! Но достойны ли люди ею питаться? Конечно, нет. Никто на свете не достоин ею питаться; — поглядите только, как она себя ведет и с каким великим благородством.

«Я многого не понимаю, — подумал он. — Но как хорошо, что нам не приходится убивать солнце, луну и звезды. Достаточно того, что мы вымогаем пищу у моря и убиваем своих братьев».

Теперь мне следует подумать о тормозе из весел. У него есть и хорошие и дурные стороны. Я могу потерять столько бечевы, что потеряю и рыбу, если она захочет вырваться, а тормоз из весел лишит лодку подвижности. Легкость лодки продлевает наши страдания — и мои, и рыбы, но в ней и залог моего спасения. Ведь эта рыба, если захочет, может плыть еще быстрее. Как бы там ни было, надо выпотрошить макрель, пока она не протухла, и поесть немножко, чтобы набраться сил.

Теперь я отдохну еще часок, а потом, если увижу, что рыба ничего не замышляет, переберусь на корму, сделаю там, что нужно, и приму решение насчет весел. А тем временем я присмотрюсь, как она будет себя вести. Штука с веслами — удачная выдумка, однако сейчас надо действовать наверняка! Рыба еще в полной силе, и я заметил, что крючок застрял у нее в самом углу рта, а рот она держит плотно закрытым. Мучения, которые причиняет ей крючок, не так уж велики, ее куда боль-

ше мучит голод и ощущение опасности, которой она не понимает. Отдохни же, старик, пусть трудится рыба, пока не настанет твой черед».

Он отдыхал, как ему казалось, не меньше двух часов. Луна выходила теперь поздно, и он не мог определить время. Правда, отдыхал он только так, относительно. Он попрежнему ощущал спиной тяжесть рыбы, но, опершись левой рукой о планшир носа, он старался переместить все больший и больший вес на самую лодку.

«Как все было бы просто, если бы я мог привязать бечеву к лодке, — подумал он. — Но стоит ей рвануться хотя бы легонько, и бечева лопнет. Я должен беспрерывно ослаблять тягу своим телом и быть готов в любую минуту отпустить бечеву обеими руками».

— Но ты ведь еще не спал, старик, — сказал он вслух. — Прошло полдня и одна ночь, а потом еще день, а ты все не спишь и не спишь. Придумай, как бы тебе поспать хоть немножко, пока она спокойна и не балует. Если ты не будешь спать, в голове у тебя все спутается.

«Сейчас голова у меня ясная, — подумал он. — Даже слишком. Такая же ясная, как сестры мои, звезды. Но все равно, мне надо поспать. И звезды спят, и луна спит, и солнце спит, и даже океан иногда спит, в те дни, когда нет течения и стоит полная тишь».

«Не забудь поспать, — напомнил он себе. — Заставь себя поспать; придумай какой-нибудь простой и верный способ, как оставить бечеву. Теперь ступай на корму и выпотроши макрель. А тормоз из весел — вещь опасная, если ты заснешь».

«Но я могу обойтись и без сна, — сказал он себе. — Да, можешь, но и это слишком опасно».

Он стал на четвереньках перебираться на корму, стараясь не потревожить рыбу. «Она, может быть, тоже дремлет, — подумал он. — Но я не хочу, чтобы она отдыхала. Она должна тащить лодку, покуда не умрет».

Добравшись до кормы, он повернулся и переместил всю тяжесть рыбы на левую руку, а правой вытащил из футляра нож. Звезды светили ярко и макрель хорошо было видно. Воткнув нож ей в голову, старик вытащил ее из-под настила кормы. Он придержал рыбу ногой и быстро вспорол ей живот от хвоста до кончика нижней челюсти. Потом положил нож, правой рукой выпотрошил макрель и вырвал жабры. Желудок был тяжелый и скользкий, разрезав его, он нашел там две летучие рыбы. Они были свежие и твердые, и он положил их рядышком на дно лодки, а внутренности выбросил за борт. Погрузившись в воду, они оставили за собой светящийся след. В бледном свете звезд макрель казалась грязно-белой. Старик ободрал с одного бока кожу, придерживая голову рыбы ногой. Потом он перевернул макрель, снял кожу с другого бока и срезал мясо с обоих боков от головы до хвоста.

Выкинув скелет макрели за борт, он поглядел, не видно ли на воде кругов, но увидел только светящийся след медленно уходящего вглубь остова рыбы. Тогда он повернулся, положил двух летучих рыб между кусками макрельего филе и, спрятав нож в футляр, снова осторожно перебрался на нос. Спину его пригибала тяжесть лесы, рыбу он нес в правой руке.

Вернувшись на нос, он разложил рыбное филе на досках и рядом с ним положил летучих рыб. После этого он передвинул лесу на еще не наболевшую часть спины и снова переместил тяжесть на левую руку, опиравшуюся о планшир. Перегнувшись через борт, он обмыл летучую рыбу в море, замечая попутно, насколько быстро движется вода у него под рукой. Рука его светилась от того, что он сдирал ею с макрели кожу, и он видел, как руку обтекает вода. Теперь она текла медленнее, и,

потерев ребро руки о край лодки, он увидел, как неторопливо уплывают к корме частицы фосфора.

— Она либо устала, либо отдыхает, — сказал старик. — Надо поскорее покончить с едой и немножко поспать.

Он съел половину одного из филе и одну летучую рыбу, которую предварительно выпотрошил при свете звезд, чувствуя, как ночь становится все холоднее.

— Что может быть вкуснее макрели, если есть ее в вареном виде,— сказал он. — Но до чего же она противна сырая! Никогда больше не выйду в море без соли и без лимона.

«Будь у меня голова на плечах,— думал он, — я бы целый день поливал водой нос лодки и давал ей высохнуть — к вечеру у меня была бы соль. Да, но ведь я поймал макрель перед самым заходом солнца. И все-таки я многого не предусмотрел. Однако я сжевал весь кусок, и меня не тошнит».

Небо на востоке затуманивалось облаками, и знакомые звезды гасли одна за другой. Казалось, что он вступает в огромное ущелье из облаков. Ветер стих.

— Через три или четыре дня наступит непогода, — сказал он. — Но еще не сегодня и не завтра. Поспи, старик, покуда рыба ведет себя смирно.

Он схватил лесу правой рукой и припал к руке бедром, налегая всем телом на борт лодки. Потом сдвинул бечеву на спине чуть пониже и ухватился за нее левой рукой.

«Правая рука будет держать лесу, пока не разожмется. А если во сне она разожмется, меня разбудит левая рука, почувствовав, как леса убегает в море. Конечно, правой руке будет нелегко. Но она привыкла терпеть лишения. Если я посплю хотя бы минут двадцать или полчаса, и то хорошо».

Он привалился к борту, перенес всю тяжесть рыбы на правую руку и заснул.

Во сне он не видел львов, но зато ему приснилась огромная стая морских свиней, растянувшаяся на восемь или на десять миль, а так как у них была брачная пора, они высоко подпрыгивали в воздух и ныряли обратно в ту же водяную яму, из которой появлялись.

Потом ему снилось, что он лежит на своей кровати в деревне и в хижину задувает северный ветер, отчего ему очень холодно, а правая рука его затекла, потому что он положил ее под голову вместо подушки.

И уже только потом ему приснилась длинная желтая отмель, и он увидел, как в сумерках на нее вышел первый лев, а за ним идут и другие; он оперся подбородком о борт корабля, стоящего на якоре, его обвевает вечерним ветром с суши, он ждет, не покажутся ли новые львы, и совершенно счастлив.

Луна уже давно взошла, но он все спал и спал, а рыба мерно влекла лодку в ущелье из облаков.

Он проснулся от рывка; кулак правой руки ударил его в лицо, а леса, обжигая ладонь, стремительно уходила в воду. Левой руки он не чувствовал, поэтому он попытался затормозить бечеву правой рукой, но она продолжала как одержимая уноситься в море. В конце концов и левая рука нащупала бечеву, он оперся о нее спиной, и теперь леса жгла его спину и левую руку, на которую перешла вся тяжесть рыбы. Он оглянулся на запасные бунты лесы и увидел, что они быстро разматываются. В это мгновение рыба вынырнула, взорвав океанскую гладь, и тяжело упала обратно в море. Потом она прыгнула опять и опять, а лодка неслась вперед, хотя леса и продолжала мчаться за борт и старик натягивал ее до отказа, на миг отпускал, а потом снова натягивал

изо всех сил, рискуя, что она оборвется. Его самого притянуло вплотную к носу, лицо его было прижато к куску макрельего мяса, но он не мог пошевелиться.

«Вот этого-то мы и ждали, — подумал он.— Теперь держись».

«Я ей отплачу за лесу! Я ей отплачу!»

Он не мог видеть прыжков рыбы, он только слышал, как с шумом разверзается океан, и тяжелый всплеск, когда рыба вновь падала в воду. Убегающая за борт бечева жестоко резала руки, но он заранее знал, что так случится, и старался подставить мозолистую часть руки, чтобы леса не поранила ладонь или пальцы.

«Если бы со мной был мальчик, — подумал старик, — он смочил бы лесу водой. Да, если бы мальчик был здесь! Если бы только мальчик был здесь!»

Леса все неслась, неслась и неслась, но теперь она шла уже труднее, и он заставлял рыбу отвоевывать каждый ее дюйм. Ему удалось поднять голову и отодвинуть лицо от макрельего мяса, которое его скула превратила в лепешку. Потом он встал на колени, а потом медленно поднялся на ноги. Он все еще отпускал лесу, но все скупее и скупее. Переступив ближе к тому месту, где он в темноте мог нащупать ногой мотки бечевы, он убедился, что запас у него еще большой. А в воде ее столько, что рыбе не так-то легко будет с ней справиться.

«Ну вот,— подумал он. — Теперь она прыгнула уже больше десяти раз и наполнила свои пузыри воздухом; теперь она уже не сможет уйти в глубину, откуда ее не достать, и умереть там. Она скоро начнет делать круги, и тогда мне придется поработать. Интересно, что ее вывело из себя? То ли голод ее довел до отчаяния, то ли что-нибудь испугало во тьме? Может быть, она вдруг почувствовала страх. Но ведь это была спокойная и сильная рыба. Она казалась мне такой бесстрашной и такой уверенной в себе. Странно!»

«Лучше, старик, сам забудь о страхе и побольше верь в свои силы, — сказал он. — Хоть ты ее и держишь, ты не можешь вытянуть ни дюйма лесы. Но скоро она начнет делать круги».

Старик теперь удерживал лесу левой рукой и плечами; нагнувшись, он правой рукой зачерпнул воды, чтобы смыть с лица раздавленное мясо макрели. Он боялся, что его стошнит и он ослабеет. Вымыв лицо, старик опустил за борт правую руку и подержал ее в соленой воде, глядя на светлеющее небо. «Сейчас она плывет почти прямо на восток, — подумал он. — Это значит, что она устала и идет по течению. Скоро ей придется пойти кругами. Тогда-то и начнется настоящая работа».

Подержав некоторое время руку в соленой воде, он вынул и оглядел ее.

— Не так страшно, — сказал он. — А боль мужчине нипочем.

Старик осторожно взял бечеву, стараясь, чтобы она не попала ни в один из свежих порезов, и переместил вес тела таким образом, чтобы и левую руку тоже опустить в воду через другой борт лодки.

— Для такого ничтожества, как ты, ты вела себя не плохо, — сказал он левой руке. — Но была минута, когда ты меня покинула.

«Почему я не родился с двумя хорошими руками? — думал он. — Может, это я виноват, что во-время не научил свою левую руку работать как следует. Но, видит бог, она и сама могла научиться! Честно говоря, она не так уж подвела меня нынче ночью; и судорогой ее свело всего один раз. Но если это повторится, тогда уж лучше пусть ее совсем отрежет бечевой!»

Подумав это, старик сразу понял, что в голове у него помутилось и надо бы пожевать еще один кусочек макрели. «Не могу, — сказал он себе. — Пусть лучше у меня будет голова не в порядке, чем слабость

от тошноты. А я знаю, что не смогу удержать в себе мясо после того, как на нем лежало мое лицо. Я сохраню мясо на крайний случай, пока оно не испортится. Все равно сейчас уже поздно подкрепляться. Глупый старик, — выругал он себя. — Ты ведь можешь съесть вторую летучую рыбу».

Вот она лежит, выпотрошенная, чистенькая, — и, взяв ее левой рукой, он съел летучую рыбу, старательно разжевывая кости, съел всю целиком, без остатка.

«В ней больше питательности, чем в любой другой рыбе, — подумал он. — Во всяком случае, в ней есть то, в чем я нуждаюсь. Ну вот, теперь я сделал все, что мог. Пусть только она начнет кружить, мы с ней сразимся».

Солнце вставало уже в третий раз с тех пор, как он вышел в море, и тут-то рыба начала делать круги.

Он еще не мог определить по уклону, под которым леса уходила в море, начала ли рыба делать круги. Для этого еще было рано. Он только почувствовал, что тяга чуточку ослабела, и стал потихоньку выбирать лесу правой рукой. Леса натянулась до отказа, как и прежде, но в тот самый миг, когда она рисковала порваться, она вдруг пошла свободно. Тогда он, нагнувшись, высвободил плечи из давившей на них бечевы и начал выбирать лесу неторопливо и равномерно. Старик работал, взмахивая обеими руками поочередно. Его старые ноги и плечи помогали движению рук.

— Она делает очень большой круг, — сказал он, — но она его все-таки делает.

Внезапно движение лесы затормозилось, но он продолжал тянуть ее, покуда по ней не запрыгали блестящие на солнце водяные капли. Потом лесу потянуло прочь, и, став на колени, старик стал нехотя отпускать ее понемножку назад, в темную воду.

— Теперь рыба делает самую дальнюю часть своего круга, — сказал он.

Надо держать ее как можно крепче. Натянутая бечева будет всякий раз укорачивать круг. Может быть, через час я ее увижу. Сперва я должен убедить ее в моей силе, а потом я ее одолею.

Однако прошло два часа, а рыба все еще продолжала медленно кружить вокруг лодки. Со старика градом катился пот, и устал он сверх всякой меры. Правда, круги, которые делала рыба, стали гораздо короче, и по тому, как уходила в воду леса, было видно, что рыба постепенно поднимается на поверхность.

Вот уже целый час, как у старика перед глазами прыгали черные пятна, соленый пот заливал и жег глаза, жег рану над глазом и другую рану на лбу. Черные пятна его не пугали. В них не было ничего удивительного, если подумать, с каким напряжением он тянул лесу. Но два раза он почувствовал слабость, и это встревожило его не на шутку.

«Неужели я сдамся и умру из-за этой рыбы? — спрашивал он себя. — И главное — теперь, когда все идет так хорошо. Господи, помоги мне выдержать. Я прочту сто раз «Отче наш» и сто раз «Богородицу». Только не сейчас, сейчас не могу».

«Считай, что я их прочел,— подумал он. — Я прочту их после».

В этот миг он почувствовал удары по бечеве, которую держал обеими руками, и рывок. Рывок был резкий и очень сильный.

«Она бьет своим мечом по проволоке, которой привязан крючок, — подумал старик. — Этого надо было ждать. Так ей и полагалось поступить. Однако это может заставить ее выпрыгнуть, а я предпочел бы, чтобы сейчас она продолжала делать круги. Прыжки были нужны, чтобы она

набрала воздуху. Но теперь каждый новый прыжок расширит рану, в которой торчит крючок, и рыба может сорваться».

«Не прыгай, рыба, — просил он. — Пожалуйста, не прыгай».

Рыба снова и снова ударяла по проволоке, и всякий раз, покачав головой, старик понемногу отпускал лесу.

«Я не должен причинять ей лишнюю боль, — думал он. — Моя боль — она при мне. С ней я могу совладать. Но рыба может обезуметь от боли».

Через некоторое время рыба перестала биться о проволоку и начала снова медленно делать круги. Старик равномерно выбирал лесу. Но ему опять стало дурно. Он зачерпнул левой рукой морской воды и вылил ее себе на голову. Потом он вылил себе на голову еще немного воды и растер затылок.

— Зато у меня нет больше судороги, — сказал он. — Рыба скоро выплывет, а я еще подержусь. Ты должен держаться, старик. И не смей даже думать, что ты можешь не выдержать.

Он опустился на колени и на время снова закинул лесу себе за спину. «Покуда она кружит, я передохну, а потом встану и, когда она подойдет поближе, снова начну выбирать лесу».

Ему очень хотелось подольше отдохнуть на носу лодки и позволить рыбе сделать лишний круг, не выбирая лесы. Но когда тяга показала, что рыба, сделав полкруга, повернула и возвращается к лодке, старик встал и начал тянуть бечеву, взмахивая поочередно руками и поворачивая из стороны в сторону туловище, для того чтобы выбрать как можно больше лесы.

«Я так устал, как еще не уставал ни разу в жизни, — подумал старик, — а между тем ветер усиливается. Правда, ветер будет кстати, когда я повезу ее домой. Мне он очень пригодится, этот ветер».

— Я отдохну, когда она пойдет в новый круг, — сказал он. — Тем более, что сейчас я себя чувствую гораздо лучше. Еще каких-нибудь два-три круга, и рыба будет моя.

Его соломенная шляпа была сдвинута на самый затылок, и когда рыба повернула и снова стала тянуть, он в изнеможении повалился на нос.

«Поработай теперь ты, рыба, — подумал он. — Я снова возьмусь за тебя, как только ты повернешь назад».

По морю пошла крупная волна. Но воду гнал добрый ветер, спутник ясной погоды, который был ему нужен, чтобы добраться до дому.

— Буду править на юг и на запад, — сказал он. — И все. Разве можно заблудиться в море? К тому же остров у нас длинный.

Рыбу он увидел во время третьего круга.

Сначала он увидел темную тень, которая так долго проходила у него под лодкой, что он просто не поверил своим глазам.

— Нет,—сказал он.—Не может быть, чтобы она была такая большая.

Но рыба была такая большая, и к концу третьего круга она всплыла на поверхность всего в тридцати ярдах от лодки, и старик увидел, как поднялся над морем ее хвост. Он был больше самого большого серпа и над темносиней водой казался бледносиреневым. Рыба нырнула снова, но уже неглубоко, и старик мог разглядеть ее громадное туловище, опоясанное фиолетовыми полосами. Ее спинной плавник был опущен, а огромные грудные плавники раскинуты в стороны.

Пока она делала свой круг, старик разглядел глаз рыбы и плывших подле нее двух серых рыб-прилипал. Время от времени прилипалы присасывались к рыбе, а потом стремглав бросались прочь. Порою же они весело плыли в тени, которую отбрасывала большая рыба. Каждая

из прилипал была длиною более трех футов, и, когда они плыли быстро, они извивались всем телом, как угри.

По лицу старика катился пот, но теперь уже не только от солнца. Во время каждого нового круга, который так спокойно и, казалось, безмятежно, проплывала рыба, старик выбирал все больше лесы и теперь был уверен, что через два круга ему удастся всадить в рыбу гарпун.

«Но я должен подтянуть ее ближе, гораздо ближе,— подумал он.— И не надо целиться в голову. Надо бить в сердце».

— Будь спокойным и сильным, старик, — сказал он себе.

Во время следующего круга спина рыбы показалась над водой, но плыла она все еще слишком далеко от лодки. Рыба сделала еще один круг, но была попрежнему слишком далеко от лодки, хотя и возвышалась над водой куда больше; старик знал, что выбери он еще немного лесы, он мог бы подтащить рыбу к самому борту.

Он уже давно приготовил гарпун; связка тонкого троса лежала в круглой корзине, а конец он привязал к битенгу на носу.

Рыба приближалась, делая свой круг, такая спокойная и красивая, чуть шевеля огромным хвостом. Старик тянул лесу что было силы, стараясь подтащить рыбу как можно ближе к лодке. На секунду рыба слегка завалилась на бок. Потом она выпрямилась и начала новый круг.

— Я сдвинул ее с места, — сказал старик. — Я все-таки заставил ее перевернуться.

У него снова закружилась голова. Но он тянул лесу с большой рыбой изо всех сил. «Ведь мне все-таки удалось перевернуть ее на бок, — думал он. — Может быть, на этот раз я сумею перевернуть ее на спину. Тяните! — приказывал он своим рукам. — Держите меня, ноги! Послужи мне еще, голова! Послужи мне. Ты ведь никогда меня не подводила. На этот раз я переверну ее на спину».

Еще задолго до того как рыба приблизилась к лодке, он напряг все свои силы и стал тянуть изо всей мочи. Но рыба лишь слегка повернулась на бок, потом снова выпрямилась и уплыла вдаль.

— Послушай, рыба! — сказал ей старик.—Ведь тебе все равно умирать. Зачем же тебе надо, чтобы и я тоже умер?

«Этак мне ничего не добиться», — подумал старик. Во рту у него так пересохло, что он больше не мог говорить, и не было сил дотянуться до бутылки с водой. «На этот раз я должен подтащить ее к лодке,—подумал он. — Надолго меня не хватит». — Нет, хватит, — возразил он себе. — Тебя, старик, хватит навеки.

Во время следующего круга старик чуть было ее не достал, но рыба снова выпрямилась и медленно поплыла прочь.

«Ты губишь меня, рыба, — думал старик. — Это, конечно, твое право. Ни разу в жизни я не видел существа более громадного, прекрасного, спокойного и благородного, чем ты. Ну, что ж, убей меня. Мне уже все равно, кто кого убьет».

«Опять у тебя путается в голове, старик! А голова у тебя должна быть ясная. Приведи свои мысли в порядок и постарайся переносить страдания, как человек». — «Или как рыба», — мысленно добавил он.

— А ну-ка, голова, работай, — сказал он так тихо, что едва услышал свой голос. — Работай, говорят тебе.

Еще два круга все оставалось попрежнему.

«Что делать? — думал старик. Всякий раз, когда рыба уходила, ему казалось, что он теряет сознание. — Что делать? Попробую еще раз».

Он сделал еще одну попытку и почувствовал, что теряет сознание, но он все-таки перевернул рыбу на спину. Потом рыба перевернулась обратно и снова медленно уплыла прочь, помахивая в воздухе своим громадным хвостом.

«Попробую еще раз», — пообещал старик, хотя руки у него совсем ослабли и перед глазами стоял туман.

Он попробовал снова, и рыба снова ушла. «Ах, так, — подумал он и сразу же почувствовал, как жизнь в нем замирает, — я попробую еще раз».

Он собрал всю свою боль и весь остаток своих сил и всю свою давно утраченную гордость и кинул их на поединок с муками, которые терпела рыба, и тогда она перевернулась на бок и тихонько поплыла на боку, едва-едва не доставая мечом до обшивки лодки; она чуть было не проплыла мимо, длинная, широкая, серебряная, перевитая фиолетовыми полосами, и казалось, что ей не будет конца.

Старик бросил лесу, наступил на нее ногой, поднял гарпун так высоко, как только мог, и изо всей силы, которая у него была и которую он сумел в эту минуту собрать, вонзил гарпун рыбе в бок, как раз позади ее громадного грудного плавника, высоко вздымавшегося над морем до уровня человеческой груди. Он почувствовал, как входит железо в мякоть, и, упершись в гарпун, всаживал его все глубже и глубже, помогая себе всей тяжестью своего тела.

И тогда рыба ожила, хоть и несла уже в себе смерть, — она высоко поднялась над водой, словно хвастая своей огромной длиной и шириной, всей своей красой и мощью. Казалось, что она висит в воздухе над стариком и лодкой. Потом она грохнулась в море, залив потоками воды и старика и всю его лодку.

Старика одолела слабость и дурнота; он почти ничего не видел. Но, отпустив бечеву гарпуна, он стал медленно перебирать ее в изрезанных руках, а когда зрение вернулось, он увидел, что рыба лежит на спине, серебряным брюхом кверху. Рукоятка гарпуна торчала наискось из ее спины, а море вокруг было окрашено кровью ее сердца. Сначала пятно было темное, словно голубую воду на целую милю вглубь заполнила стая рыб. Потом пятно расплылось и стало похоже на облако. Серебристая рыба тихо покачивалась на волнах.

Старик не сводил с нее глаз, пока зрение у него опять не затуманилось. Тогда он дважды обмотал веревку гарпуна о битенг и опустил голову на руки.

«Что же это с моей головой,— сказал он, прижавшись лицом к обшивке носа. — Я старый человек, и я очень устал. Но я все-таки убил эту рыбу, которая мне дороже брата, и теперь мне осталось сделать черную работу.

Теперь я должен приготовить веревку и связать ее в петли, чтобы принайтовить рыбу к лодке. Даже если бы нас было двое и мы затопили бы лодку, чтобы погрузить в нее рыбу, а потом вычерпали воду, — все равно лодка не выдержала бы такой тяжести. Я должен подготовить все, что нужно, а потом подтянуть рыбу к борту, привязать ее накрепко к лодке, поставить парус и отправляться восвояси».

Он стал подтягивать рыбу к борту, чтобы, пропустив веревку через жабры и через пасть, привязать ее голову к носу. «Мне хочется посмотреть на нее, — подумал он, — потрогать ее, почувствовать, что же это за рыба? Ведь она — мое богатство. Но я не поэтому хочу ее потрогать. Мне кажется, что я уже дотронулся до ее сердца, — думал он.— Тогда, когда я вонзил в нее гарпун до самого конца. Ладно, подтяни ее поближе, привяжи, надень петлю ей на хвост, а другую перекинь вокруг туловища, чтобы получше приладить ее к лодке».

«Ну, старик, за работу», — сказал он себе и отпил маленький глоток воды. — «Теперь, когда битва окончена, осталась еще уйма черной работы».

Старик посмотрел на небо, потом на рыбу. Он глядел на солнце

очень внимательно. «Сейчас едва перевалило за полдень. А пассат крепчает. Лесы чинить теперь бесполезно. Мы с мальчиком срастим их дома».

— Подойди-ка сюда, рыба! — Но рыба его не послушалась. Она безмятежно покачивалась на волнах, и старику пришлось самому подвести к ней лодку.

Когда он подошел к ней вплотную и голова рыбы была вровень с носом лодки, старик снова поразился ее величине. Но он отвязал гарпунную веревку от битенга, пропустил ее через жабры рыбы, вывел конец через пасть, обкрутил его вокруг меча, потом снова пропустил веревку через жабры, опять накрутил на меч и, связав двойным узлом, привязал к битенгу. Перерезав веревку, он перешел на корму, чтобы петлей закрепить хвост. Цвет рыбы из фиолетово-серебристого превратился в чистое серебро, а полосы стали такими же бледносиреневыми, как хвост. Полосы эти были шире растопыренной мужской руки, а глаз рыбы был таким же отрешенным, как зеркало перископа или как святой во время крестного хода.

— Иначе я не мог ее убить, — сказал старик. Выпив воды, он почувствовал себя куда лучше. Теперь он знал, что не потеряет сознания, и в голове у него прояснилось. «Она весит не меньше полутонны», — подумал он. — А может быть, и значительно больше. Сколько же он получит, если мяса выйдет две трети этого веса по 30 центов за фунт?

— Без карандаша не сочтешь, — сказал старик. — Для этого нужна ясная голова. Но я думаю, что великий Ди Маджио мог бы сегодня мною гордиться. Правда, у меня не было костной мозоли. Но руки и спина у меня здорово болели. Интересно, что такое костная мозоль? Может, и у нас она есть, да только мы этого не подозреваем?

Старик привязал рыбу к носу, к корме и к сиденью. Она была такая громадная, что ему показалось, будто он прицепил лодку к борту большого корабля. Отрезав кусок бечевы, он подвязал нижнюю челюсть рыбы к ее мечу, чтобы рот не открывался и было легче плыть. Потом он поставил мачту, приспособил палку вместо гафеля, натянул шкот. Залатанный парус надулся, лодка двинулась вперед, и старик, полулежа на корме, поплыл на юго-запад.

Старику не нужен был компас, чтобы определить, где юго-запад. Ему достаточно было чувствовать, как дует пассат и как надувается парус. «Пожалуй, стоило бы забросить удочку, не поймаю ли я на блесну какую-нибудь рыбешку, а то ведь у меня нечего есть». Но он не нашел блесны, а сардины протухли. Тогда он подцепил багром пук желтых водорослей, мимо которого они проплывали, и потряс его; оттуда высыпались в лодку маленькие креветки. Их было больше дюжины, и они прыгали и перебирали ножками словно земляные блохи. Старик двумя пальцами оторвал им головки и съел целиком, разжевывая скорлупу и хвост. Креветки были крошечные, но старик знал, что они очень питательны, и вкус у них был отменный.

В бутылке еще оставалось немного воды, и, поев креветок, старик отпил от нее четвертую часть. Лодка шла хорошо, несмотря на сопротивление, которое ей приходилось преодолевать, и старик правил, придерживая румпель локтем. Ему все время была видна рыба, а стоило ему взглянуть на свои руки или дотронуться до лодки спиной, и он чувствовал, что все это не было сном и случилось с ним на самом деле. Одно время, к самому концу, когда ему стало дурно, старику вдруг показалось, что все это только сон. Да и потом, когда он увидел, как рыба вышла из воды и, прежде чем упасть в нее снова, неподвижно повисла в небе, он почувствовал в этом что-то сверхъестественное и не поверил своим глазам. Правда, тогда он и видел-то совсем плохо, а теперь глаза у него опять были в порядке.

Теперь он знал, что рыба существует на самом деле и что боль в руках и в спине это тоже не сон. «Руки заживают быстро, — подумал он.— Я пустил достаточно крови, чтобы не загрязнить раны, а соленая вода их залечит. Темная вода залива — лучший в мире целитель. Только бы вот у меня не путались мысли. Руки свое дело сделали, и лодка идет хорошо. Рот у рыбы закрыт, хвост она держит прямо, мы плывем с ней рядом, как брат с сестрой». В голове у него снова немножко помутилось, и он подумал: «А кто же кого везет домой — я ее или она меня? Если бы я тащил ее на буксире, все было бы ясно. Или если бы она лежала в лодке, потеряв все свое достоинство, все тоже было бы ясно. Но ведь мы плывем рядом, накрепко связанные друг с другом. Ну и пожалуйста, пусть меня везет, если ей так нравится. Я ведь взял над нею верх только хитростью; она не замышляла против меня никакого зла».

Они плыли и плыли, и старик полоскал руки в соленой воде и старался, чтобы мысли у него не путались. Кучевые облака шли высоко, над ними плыли перистые; старик знал, что ветер будет дуть всю ночь. Он то и дело поглядывал на рыбу, чтобы проверить, в самом ли деле она ему не приснилась. Прошел целый час, прежде чем его настигла первая акула.

Акула настигла его не случайно. Она выплыла из самой глубины океана, когда темное облако рыбьей крови сгустилось, а потом разошлось по воде глубиной в целую милю. Она всплыла так быстро, без всякой опаски, что разрезала голубую гладь моря и вышла на солнце. Потом она снова ушла в воду, снова почуяла запах крови и поплыла по следу, который оставляли за собой лодка и рыба.

Порою она теряла след. Но она либо попадала на него снова, либо чуяла едва слышный его запах и ни разу не сбилась с курса. Это была очень большая акула породы мако, созданная для того, чтобы плавать так же быстро, как плавает самая быстрая рыба в море, и все в ней было красиво, кроме пасти. Спина у нее была такая же голубая, как у меч-рыбы, брюхо серебряное, а кожа гладкая и красивая, и вся она была похожа на меч-рыбу, если не считать огромных челюстей, которые сейчас были плотно сжаты. Она быстро плыла у самой поверхности моря, легко прорезая воду своим высоким спинным плавником. За плотно сжатыми двойными губами ее пасти в восемь рядов шли косо посаженные зубы. Зубы были не похожи на обычные пирамидальные зубы большинства акул, а напоминали человеческие пальцы, скрюченные, как звериные когти. Длиною они не уступали пальцам старика, а по бокам были остры, как лезвия бритвы. Акула была создана, чтобы питаться всеми морскими рыбами, даже столь подвижными, сильными и хорошо вооруженными, что никакой другой враг им не был страшен. Сейчас она спешила, чуя, что добыча уже близко, и ее синий спинной плавник так и резал воду.

Когда старик ее увидел, он понял, что эта акула ничего не боится и поступит так, как ей заблагорассудится. Он приготовил гарпун и закрепил конец его веревки, поджидая, чтобы акула подошла ближе. Веревка была коротка, потому что он отрезал от нее кусок, когда привязывал свою рыбу.

В голове у старика теперь совсем прояснилось, и он был полон решимости, хотя и не тешил себя надеждой. «Дело шло уж очень хорошо, так не могло продолжаться дольше», — думал он. Наблюдая за тем, как подходит акула, старик кинул взгляд на большую рыбу. «Лучше б, пожалуй, было, если б все это было сном. Я не могу помешать ей напасть на меня, но, может быть, я смогу ее убить? Dentuso, — подумал он. — Чума на твою мать!»

Акула подплыла к самой корме, и когда она кинулась на рыбу, ста-

рик увидел ее разинутую пасть и необыкновенные глаза и услышал, как щелкнули челюсти, вонзившись в рыбу, чуть повыше хвоста. Голова акулы возвышалась над водой, вслед за головой показалась и спина, и старик, слыша, как акульи челюсти с шумом раздирают кожу и мясо большой рыбы, всадил свой гарпун ей в голову, в том месте, где линия, соединяющая ее глаза, перекрещивается с линией, уходящей вверх от ее носа. На самом деле таких линий не было. Была только тяжелая, заостренная голубая голова, большие глаза и лязгающая, выпяченная, всеядная челюсть. Но в этом месте у акулы находится мозг, и старик ударил в него своим гарпуном. Он изо всех сил ударил в него гарпуном, зажатым в иссеченных до крови руках. Он ударил в него, ни на что не надеясь, но с решимостью и яростной злобой.

Акула перевернулась, и старик увидел ее потухший глаз, а потом она перевернулась снова, дважды обмотав вокруг себя веревку. Старик понял, что акула мертва, но сама она не хотела с этим мириться. Лежа на спине, она била хвостом и лязгала челюстями, вспенивая воду, как гоночная лодка. Море там, где она взбила его хвостом, было совсем белое; туловище акулы поднялось на три четверти над водой, веревка натянулась, задрожала и наконец лопнула. Акула полежала немножко на поверхности, и старик все глядел на нее. Потом очень медленно она погрузилась в воду.

— Она унесла с собой около сорока фунтов рыбы, — сказал старик вслух. «Она утащила на дно и мой гарпун и весь остаток веревки, — прибавил он мысленно, — а из рыбы снова течет кровь, и вслед за этой акулой придут другие».

Ему больше не хотелось смотреть на рыбу теперь, когда ее так изуродовали. Когда акула кинулась на рыбу, ему показалось, что она кинулась на него самого.

«Но я все-таки убил акулу, которая напала на мою рыбу, — подумал он. — И это была самая большая, какую я когда-либо видел. А мне, ей-богу, пришлось повстречать на своем веку немало больших акул.

Дела мои шли слишком хорошо. Дольше так не могло продолжаться. Хотел бы я, чтобы все это было сном и я не поймал никакой рыбы, а спал бы себе один на кровати, застеленной газетами».

— Но человек не для того создан, чтобы терпеть поражения,— сказал он.— Человека можно уничтожить, но его нельзя победить.

«Жаль все-таки, что я убил рыбу, — подумал он. — Мне придется очень тяжко, а я лишился даже гарпуна. Dentuso — животное ловкое и жестокое, умное и сильное. Но я оказался умнее его. А может быть, и не умнее. Может быть, я был просто лучше вооружен».

— Не нужно думать, старик, — сказал он вслух. — Плыви по ветру и встречай беду, когда она придет.

«Нет, я должен думать, — мысленно возразил он себе. — Ведь это все, что мне осталось. Это и бейсбол. Интересно, понравилось бы великому Ди Маджио, как я ударил акулу прямо в мозг? В общем ничего в этом не было особенного. Любой мог сделать не хуже. Но как ты думаешь, старик: твои руки мешали тебе меньше, чем костная мозоль? Почем я знаю! У меня никогда ничего не случалось с пятками, только один раз меня ужалил в пятку электрический скат, когда я наступил на него во время купанья; у меня тогда парализовало ногу до колена и боль была нестерпимая».

— Подумай лучше о чем-нибудь веселом, старик, — сказал он вслух. — Что ни минута, ты теперь все ближе и ближе к дому. Да и плыть тебе стало легче с тех пор, как ты потерял сорок фунтов рыбы.

Он отлично знал, что его ожидает, когда он войдет в самую середину течения. Но делать теперь уже было нечего.

— Неправда, у тебя есть выход, — сказал он вслух. — Ты можешь привязать свой нож к рукоятке одного из весел.

Он так и сделал, держа румпель подмышкой и наступив на веревку от паруса ногой.

— Ну вот, — сказал он. — Я хоть и старик, но, по крайней мере, я не безоружен.

Дул свежий ветер и лодка быстро шла вперед. Старик смотрел только на переднюю часть рыбы, и к нему вернулась частица надежды.

«Глупо терять надежду,— думал он. — К тому же, кажется, это грех. Не стоит думать о том, что грех, а что не грех. На свете есть о чем подумать и без этого. Сказать правду, я в грехах мало что понимаю.

Не понимаю и, наверно, в них не верю. Может быть, грешно было убивать рыбу. Думаю, что грешно, хоть я и убил ее для того, чтобы не умереть с голоду и накормить еще уйму людей. В таком случае все, что ты делаешь, грешно. Нечего раздумывать над тем, что грешно, а что не грешно. Сейчас уже об этом поздно думать, да к тому же пусть грехами занимаются те, кому за это платят. Пусть они раздумывают о том, что такое грех. Ты родился, чтобы стать рыбаком, как рыба родилась, чтобы быть рыбой. Святой Петр тоже был рыбаком, так же как и отец великого Ди Маджио».

Но он любил поразмыслить обо всем, что его окружало, и так как ему нечего было читать и у него не было радио, он о многом думал, в том числе и о грехе. «Ты убил рыбу не только для того, чтобы продать ее другим и поддержать свою жизнь, — думал он. — Ты убил ее из гордости и потому, что ты — рыбак. Ты любил эту рыбу, пока она жила, и сейчас любишь. Если кого-нибудь любишь, его не грешно убить. А может быть, наоборот, куда более грешно?»

— Ты слишком много думаешь, старик, — сказал он вслух.

«Но ты с удовольствием убивал dentuso, — подумал старик. — А она, как и ты, кормится, убивая рыбу. Она не просто пожирает падаль и не просто ненасытная утроба, как многие другие акулы. Она — красивое и благородное животное, которое не знает, что такое страх».

— Я убил ее, защищая свою жизнь,— сказал старик вслух.— И я убил ее мастерски.

«К тому же, — подумал он, — все так или иначе убивают кого-нибудь или что-нибудь. Рыбная ловля убивает меня точно так же, как и не дает мне умереть. Мальчик — вот кто не дает мне умереть. Не обольщайся, старик».

Он перегнулся через борт и оторвал от рыбы кусок мяса в том месте, где ее разгрызла акула. Он пожевал мясо, оценивая его качество и вкус. Мясо было твердое и сочное, как говядина, хоть и не красное. Оно не было волокнистым, и старик знал, что за него дадут на рынке самую высокую цену. Но его запах уносило с собой море, и старик не мог этому помешать. Он понимал, что ему придется нелегко.

Ветер не ослабевал. Он слегка отклонился дальше на северо-восток, и это означало, что он не прекратится. Старик смотрел вдаль, но не видел ни парусов, ни дымка или корпуса какого-нибудь судна. Только летучие рыбы поднимались из моря и разлетались в обе стороны от носа его лодки да желтели островки водорослей. Не было даже птиц.

Он плыл уже два часа, полулежа на корме, пожевывая рыбье мясо и стараясь поскорее набраться сил и отдохнуть, когда заметил первую из двух акул.

— Ай! — произнес старик слово, не имеющее смысла, — скорее звук, который мог бы невольно издать человек, чувствуя, как гвоздь, пронзив его ладонь, входит в дерево.

— Galanos, — сказал он вслух. Он увидел, как за первым плавником из воды показался другой, и по этим коричневым треугольным плавникам, так же как и по размашистому движению хвоста, понял, что это широконосые акулы. Они почуяли запах рыбы, взволновались и, совсем одурев от голода, то теряли, то вновь находили этот заманчивый запах. Но тем не менее они с каждой минутой приближались.

Старик намертво закрепил парус и заклинил руль. Потом он поднял весло с привязанным к нему ножом. Он поднял весло совсем легонько, потому что руки его нестерпимо болели. Он сжимал и разжимал пальцы, чтобы хоть немножко их размять. Потом ухватился за весло крепче, чтобы заставить руки сразу почувствовать боль в полную меру и уже больше не отвиливать от работы, и стал наблюдать за тем, как подплывают акулы. Он видел их приплюснутые, широконосые головы и большие, отороченные белым, грудные плавники. Это были самые гнусные из всех акул — вонючие убийцы, пожирающие и падаль; когда их мучит голод, они готовы укусить и весло и руль лодки. Такие акулы откусывают лапы у черепах, когда те засыпают на поверхности моря, а сильно оголодав, набрасываются в воде и на человека, даже если он не пахнет рыбьей кровью или рыбьей слизью.

— А! — сказал старик. — Ну что ж, плывите сюда, galanos.

И они приплыли. Но они приплыли не так, как приплыла мако. Одна из них, свернув, скрылась под лодкой и старик почувствовал, как лодка задрожала, когда акула рвала рыбу. Другая следила за стариком своими узкими желтыми глазками, затем, широко разинув полукружье пасти, кинулась на рыбу в том самом месте, где ее обглодала мако. Старику была ясно видна линия, бегущая с верхушки ее коричневой головы на спину, где мозг соединяется с хребтом, и он ударил ножом, надетым на весло, как раз в это место; потом вытащил нож и всадил его снова в желтые кошачьи глаза акулы. Акула, издыхая, отвалилась от рыбы и скользнула вниз, доглатывая то, что откусила.

Лодка все еще дрожала от той расправы, которую вторая акула чинила над рыбой, и старик, отпустив парус, дал лодке повернуться боком, чтобы выманить из-под нее акулу. Увидев ее, он перегнулся через борт и ткнул ее ножом. Он попал ей в мякоть, а жесткая кожа не дала ножу проникнуть глубже. От удара у старика заболели не только руки, но и плечо. Но акула, выставив из воды пасть, бросилась на рыбу снова, и тогда старик ударил ее в самую середину приплюснутой головы. Он вытащил лезвие и вонзил его в то же самое место вторично. Акула все еще висела на рыбе, плотно сжав челюсти, и старик вонзил ей нож в левый глаз. Акула попрежнему держалась за рыбу.

— Ах, ты так? — сказал старик и вонзил нож между мозгом и позвонками. Сейчас это было нетрудно, и он почувствовал, что рассек хрящ. Старик повернул весло другим концом и всунул его акуле в пасть, чтобы разжать ей челюсти. Он повертел веслом и, когда акула соскользнула с рыбы, сказал:

— Ступай вниз, galano. Ступай вниз на целую милю. Повидайся там со своим дружком. А может быть, то была твоя мать?

Он вытер лезвие ножа и положил весло в лодку. Потом поставил парус и, когда его надуло ветром, повернул лодку на прежний курс.

— Они, наверно, унесли с собой не меньше четверти рыбы, и притом самое лучшее мясо, — сказал он вслух. — Хотел бы я, чтобы все было сном и я не ловил этой рыбы. Мне жалко, рыба, что так нехорошо получилось. — Старик замолчал, ему не хотелось теперь глядеть на рыбу. Обескровленная и вымоченная в воде, она по цвету напоминала амальгаму, которой покрывают зеркало, но полосы все еще были заметны.

— Мне не следовало уходить так далеко в море, — сказал он. — Получилось плохо и для тебя и для меня. Мне очень жаль, рыба.

«Ну-ка, не зевай! — сказал он себе.— Проверь, не перерезана ли веревка, которой прикреплен нож. И приведи свою руку в порядок, потому что работа еще не кончена».

— Жаль, что у меня нет точила для ножа, — сказал старик, проверив веревку на рукоятке весла. — Надо было мне захватить с собой точило. «Тебе много чего надо было захватить с собой, старик, — подумал он. — Да вот, не захватил. Теперь не время думать о том, чего у тебя нет. Подумай о том, как бы обойтись с тем, что есть».

— Ух, и надоел же ты мне со своими советами, — сказал он вслух.

Он сунул румпель подмышку и окунул обе руки в воду. Лодка плыла вперед.

— Один бог знает, сколько сожрала та последняя акула, — сказал он. — Но рыба стала куда легче.

Ему не хотелось думать об ее изуродованном брюхе. Он знал, что каждый толчок акулы об лодку означал кусок оторванного мяса и что рыба теперь оставляет в море след, широкий, как шоссейная дорога, и доступный всем акулам на свете.

«Такая рыба могла прокормить человека всю зиму. Не думай об этом, старик! Отдыхай и постарайся привести свои руки в порядок, чтобы защитить то, что у тебя еще осталось. Запах крови от моих рук — ничто по сравнению с тем запахом, который идет теперь по воде от рыбы. Да из рук кровь почти и не течет. На них нет глубоких порезов. А небольшое кровопускание избавит левую руку от судороги.

О чем бы мне сейчас подумать? Ни о чем. Лучше мне ни о чем не думать и подождать новых акул. Хотел бы я, чтобы все это было сном. Впрочем, как знать? Все могло обернуться и хорошо».

Следующая акула явилась в одиночку и была тоже из породы широконосых. Она подошла, словно свинья к своему корыту, только у свиньи нет такой огромной пасти, чтобы разом откусить человеку голову! Старик дал ей вцепиться в рыбу, а потом ударил ее ножом, надетым на весло, по голове. Но акула рванулась назад, перекатываясь на спину, и лезвие ножа сломалось.

Старик уселся за руль. Он даже не стал смотреть, как медленно тонет акула, становясь все меньше, а потом и совсем крошечной. Зрелище это всегда его захватывало. Но теперь он не захотел смотреть.

— У меня остался багор,— сказал он.— Но какой от него толк? У меня есть еще два весла, румпель и дубинка.

«Вот теперь они меня одолели, — подумал он.— Я слишком стар, чтобы убивать акул дубинкой. Но я буду сражаться с ними, покуда у меня есть весла, дубинка и румпель».

Он снова окунул руки в соленую воду. Близился вечер, и кругом было видно лишь небо да море. Ветер дул сильнее, чем прежде, и он надеялся, что скоро увидит землю.

— Ты устал, старик,— сказал он. — Душа у тебя устала.

Акулы напали на него снова только перед самым заходом солнца.

Старик увидел, как движутся коричневые плавники по широкому следу, который рыба теперь уже несомненно оставляла за собой в море. Они даже не рыскали по этому следу, а шли прямо на лодку.

Старик заклинил румпель, подвязал парус и достал из-под кормы дубинку. Это была отпиленная часть сломанного весла, длиною около двух с половиной футов. Он мог ухватить ее как следует только одной рукой, там, где была рукоятка, и он крепко взял ее в правую руку и помотал кистью, ожидая, когда подойдут акулы. Их было две, и обе они были galanos.

«Мне надо дождаться, пока первая крепко уцепится за рыбу, — подумал он, — тогда я ударю ее по кончику носа или прямо по черепу».

Обе акулы подплыли вместе, и, когда та, что была поближе, разинула пасть и вонзила зубы в серебристый бок рыбы, он высоко поднял дубинку и тяжело опустил ее на плоскую голову акулы. Рука его почувствовала ее упругую твердость. Но она почувствовала и непроницаемую крепость кости, и старик снова с силой ударил акулу по кончику носа. Акула соскользнула в воду.

Другая акула уже успела поживиться и отплыть, а теперь опять подплыла с широко разинутой пастью. Перед тем как она, кинувшись на рыбу, вцепилась в нее, старик увидел белые лоскутья мяса, приставшие к ее челюстям. Старик размахнулся, но попал только по голове, и акула, взглянув на него, вырвала из рыбы кусок мяса. Когда она отвалилась, чтобы проглотить этот кусок, старик ударил ее снова, но удар опять пришелся по твердой, упругой поверхности ее головы.

— Ну-ка, подойди поближе, galano, — сказал старик. — Подойди еще разок.

Акула стремглав кинулась на рыбу, и старик ударил ее в то мгновенье, как она защелкнула пасть. Он ударил ее изо всех сил, подняв как можно выше свою дубинку. На этот раз он попал в кость у основания черепа и ударил снова по тому же самому месту; акула вяло оторвала от рыбы кусок мяса и соскользнула в воду.

Старик ждал, не появятся ли акулы снова, но их больше не было видно. Потом он заметил, как одна из них кружит возле лодки. Плавник другой акулы исчез вовсе.

«Я и не рассчитывал, что могу их убить, — подумал старик. — Раньше бы мог. Однако я их сильно покалечил обеих, и они вряд ли так уж хорошо себя чувствуют. Если бы я мог ухватить дубинку обеими руками, я убил бы первую наверняка. Даже и теперь, в мои годы».

Ему не хотелось смотреть на рыбу. Он знал, что половины ее не стало. Пока он воевал с акулами, солнце совсем зашло.

— Скоро стемнеет, — сказал он. — Тогда я, наверно, увижу зарево от огней Гаваны. Если я отклонился слишком далеко на восток, я увижу огни одного из новых курортов.

«Я не могу быть очень далеко от берега, — подумал старик. — Надеюсь, что они там зря не волнуются. Волноваться, впрочем, может только мальчик. Но он-то во мне не сомневается! Рыбаки постарше, те, наверно, тревожатся. Да и молодые тоже, — думал он. — Я ведь живу среди хороших людей».

Он не мог больше разговаривать с рыбой: уж очень она была изуродована. Но вдруг ему пришла в голову новая мысль.

— Полрыбы! — позвал он ее. — Бывшая рыба! Мне жалко, что я ушел так далеко в море. Я погубил нас обоих. Но мы с тобой уничтожили много акул и покалечили еще больше. Тебе немало, верно, пришлось убить их на своем веку, старая рыба? Ведь не зря у тебя из головы торчит твой меч.

Ему нравилось думать о рыбе и о том, что она могла бы сделать с акулой, если бы свободно плыла по морю. «Надо было мне отрубить ее меч, чтобы сражаться им с акулами», — думал он. Но у него не было топора, а теперь уже не было и ножа.

«Но если бы у меня был ее меч, я мог бы привязать его к рукоятке весла — замечательное было бы оружие! Вот тогда бы мы с ней и в самом деле сражались бок о бок! А что ты теперь станешь делать, если они придут ночью? Что ты можешь?»

— Драться, — сказал он, — драться, пока не умру.

Но в темноте не было видно ни огней, ни зарева, были только ве-

тер и надувшийся парус, и ему вдруг показалось, что он уже умер. Он сложил руки вместе и почувствовал свои ладони. Они не были мертвы, и он мог вызвать боль, а значит, и жизнь, просто сжимая и разжимая их. Он прислонился к корме и понял, что жив. Об этом ему сказали его плечи.

«Мне надо прочесть все те молитвы, которые я обещался прочесть, если поймаю рыбу, — подумал он. — Но сейчас я слишком устал. Возьму-ка я лучше мешок и прикрою плечи».

Лежа на корме, он правил лодкой и ждал, когда покажется в небе зарево от огней Гаваны. «У меня осталась от нее половина, — думал он. — Может быть, мне посчастливится и я довезу до дому хоть ее переднюю часть. Должно же мне, наконец, повезти».— Нет,— сказал он себе. — Ты надругался над собственной удачей, когда зашел так далеко в море.

— Не болтай глупостей, старик, — прервал он себя. — Не спи и следи за рулем. Тебе еще может привалить счастье.

— Хотел бы я купить себе немножко счастья, если его где-нибудь продают, — сказал старик.

— А на что ты его купишь? — спросил он себя. — Разве его купишь на потерянный гарпун, сломанный нож и покалеченные руки?

— Почем знать. Ты ведь хотел купить счастье за восемьдесят четыре дня, которые ты провел в море. И между прочим тебе его чуть было не продали.

«Не нужно думать о всякой ерунде. Счастье приходит к человеку во всяком виде, разве его узнаешь? Я бы, положим, взял немножко счастья в каком угодно виде и заплатил за него все, что спросят. Хотел бы я увидеть зарево Гаваны, — подумал он. — Ты слишком многого хочешь сразу, старик. Но сейчас я хочу увидеть огни Гаваны — и ничего больше». Он попробовал примоститься у руля поудобнее и по тому, как усилилась боль, понял, что он и в самом деле не умер.

Он увидел зарево городских огней около десяти часов вечера. Вначале оно казалось только бледным сиянием в небе, какое бывает перед восходом луны. Потом огни стали явственно видны за полосой океана, по которому крепчайший ветер гнал высокую волну. Он правил на эти огни и думал, что скоро, теперь уже совсем скоро он войдет в Гольфстрим.

«Ну, вот и все, — думал он. — Конечно, они нападут на меня снова. Но что может сделать с ними человек в темноте голыми руками?»

Все его тело ломило и саднило, а ночной холод усиливал боль его ран и натруженных рук и ног. «Надеюсь, мне не нужно будет больше сражаться, — подумал он. — Только бы не сражаться!»

Но в полночь он сражался с акулами снова и на этот раз знал, что борьба бесполезна. Они напали на него целой стаей, а он видел лишь полосы на воде, которые прочерчивали их плавники, и свет, который они излучали, когда кинулись рвать рыбу. Он бил дубинкой по головам и слышал, как лязгают челюсти и как сотрясается лодка, когда они хватают рыбу снизу. Он отчаянно бил дубинкой по чему-то невидимому, что мог только слышать и осязать, и вдруг почувствовал, как что-то схватило его дубинку и дубинки не стало.

Он вырвал румпель из гнезда и, держа его обеими руками, бил и колотил им, нанося удар за ударом. Но они уже были у самого носа лодки и набрасывались на рыбу одна за другой и все разом, отдирая от нее куски мяса, которые светились в море, в то время как акулы разворачивались снова, чтобы снова накинуться на свою добычу.

Одна из акул подплыла, наконец, к самой голове рыбы, и тогда он понял что все кончено. Он ударил румпелем по носу акулы, там, где

ее зубы застряли в крепких костях рыбьей головы. Ударил раз, другой и третий. Услышав, как затрещал и раскололся румпель, он стукнул акулу расщепленной рукояткой. Старик почувствовал, как дерево вонзилось в мясо, и, зная, что обломок острый, ударил акулу снова. Она бросила рыбу и отплыла подальше. То была последняя акула из напавшей на него стаи. Им больше нечего было есть.

Старик едва дышал и чувствовал странный привкус во рту. Привкус был сладковатый и отдавал медью, и на минуту старик испугался. Но скоро все прошло. Он сплюнул в океан и сказал:

— Ешьте, galanos, давитесь! И пусть вам приснится, что вы убили человека.

Старик знал, что теперь уже он побежден окончательно и непоправимо, и, вернувшись на корму, обнаружил, что обломок румпеля входит в рулевое отверстие и что им, на худой конец, тоже можно править. Накинув мешок на плечи, он поставил лодку на курс. Теперь она шла легко и старик ни о чем не думал и ничего не чувствовал. Теперь ему было все равно, лишь бы поскорее и получше привести лодку к родному берегу. Ночью акулы накинулись на обглоданный остов рыбы, словно обжоры, хватающие объедки со стола. Старик не обратил на них внимания. Он ни на что больше не обращал внимания, кроме своей лодки. Он только ощущал, как легко и свободно она идет теперь, когда ее больше не тормозит огромная тяжесть рыбы.

«Хорошая лодка,— подумал он.— Она цела и невредима, если не считать румпеля. А румпель нетрудно поставить новый».

Старик чувствовал, что вошел в теплое течение, и ему были видны огни прибрежных поселков. Он знал, где он находится, и добраться до дому не составляло теперь никакого труда.

«Ветер, он-то уж наверняка нам друг,— подумал он. А потом добавил: — Впрочем, не всегда. И огромное море, оно тоже полно и наших друзей и наших врагов. А постель, — думал он, — постель — мой друг. Вот именно, обыкновенная постель. Лечь в постель — это великое дело. А как легко становится, когда ты побежден, — подумал он. — Я и не знал, что это так легко. Кто же тебя победил, старик? — спросил он себя.

— Никто,— ответил он. —Просто я слишком далеко ушел в море.

Когда он входил в маленькую бухту, огни на Террасе были погашены, и он понял, что все уже спят. Ветер беспрерывно крепчал, и теперь он дул очень сильно. Но в гавани было тихо, и старик пристал к полосе гальки под скалами. Помочь ему было некому, и он подгреб как можно ближе. Потом вылез из лодки и привязал ее к скале.

Сняв мачту, он скатал на нее парус и завязал его. Потом взвалил мачту на плечо и двинулся в гору. Вот тогда-то он понял всю меру своей усталости. На мгновение он остановился и, оглянувшись, увидел в свете уличного фонаря, как высоко вздымается за кормой лодки огромный хвост рыбы. Он увидел белую обнаженную линию ее позвоночника и темную тень головы с выдающимся вперед мечом.

Старик снова начал карабкаться вверх. Одолев подъем, он упал и полежал немного с мачтой на плече. Потом постарался встать на ноги, но это было не легко, и он так и остался сидеть, глядя на дорогу. Пробежала кошка, направляясь по своим делам, и старик долго смотрел ей вслед. Потом стал глядеть на пустую дорогу.

Наконец, он сбросил мачту наземь и встал. Подняв мачту, он снова взвалил ее на плечо и пошел вверх по дороге. Ему пришлось отдохнуть пять раз, покуда он не достиг своей хижины.

Войдя в дом, он прислонил мачту к стене. В темноте он нашел бутылку с водой и напился. Потом лег на кровать. Он натянул одеяло на

плечи, прикрыл им спину и ноги и заснул, уткнувшись лицом в газеты и вытянув руки ладонями вверх.

Он спал, когда утром в хижину заглянул мальчик. Ветер дул так сильно, что лодки не вышли в море, и мальчик проспал, а потом пришел в хижину старика, как приходил каждое утро. Мальчик убедился в том, что старик дышит, но потом увидел его руки и заплакал. Он тихонько вышел из хижины, чтобы принести кофе, и всю дорогу плакал.

Вокруг лодки собралось множество рыбаков, и все они рассматривали то, что было к ней привязано; один из рыбаков, закатав штаны, стоял в воде и мерил скелет веревкой.

Мальчик не стал к ним спускаться. Он уже побывал внизу, и один из рыбаков пообещал ему присмотреть за лодкой.

— Как он себя чувствует? — крикнул мальчику один из рыбаков.

— Спит, — отозвался мальчик. Ему было все равно, что они видят, как он плачет. — Не надо его тревожить.

— От носа до хвоста в ней было восемнадцать футов, — крикнул ему рыбак, который мерил рыбу.

— Не меньше, — сказал мальчик.

Он вошел на Террасу и попросил банку кофе.

— Дайте мне горячего кофе и побольше молока и сахару.

— Возьми что-нибудь еще.

— Не надо. Потом я погляжу, что ему можно будет есть.

— Ох, и рыба! — сказал хозяин. — Прямо-таки небывалая рыба. Но и ты поймал вчера две хорошие рыбы.

— Ну ее совсем, мою рыбу, — сказал мальчик и снова заплакал.

— Хочешь чего-нибудь выпить? — спросил его хозяин.

— Не надо, — ответил мальчик. — Скажи им, чтобы они не надоедали Сантьяго. Я еще приду.

— Передай ему, что я очень сожалею.

— Спасибо, — сказал мальчик.

Мальчик отнес в хижину банку с горячим кофе и посидел около старика, покуда тот не проснулся. Один раз мальчику показалось, что он просыпается. Но старик снова забылся в тяжелом сне, и мальчик пошел к соседям через дорогу, чтобы взять у них взаймы немного дров и разогреть кофе.

Наконец старик проснулся.

— Лежи, не вставай, — сказал ему мальчик.— Вот выпей! — Он налил ему кофе в стакан.

Старик взял у него стакан и выпил кофе.

— Они одолели меня, Манолин, — сказал он. — Они меня победили.

— Но сама-то она ведь не смогла тебя одолеть! Рыба ведь тебя не победила!

— Нет. Что верно, то верно. Это уж потом случилось.

— Педрико обещал присмотреть за лодкой и за снастью. Что ты собираешься делать с головой?

— Пусть Педрико разрубит ее на приманку для сетей.

— А меч?

— Возьми его себе на память, если хочешь.

— Хочу, — сказал мальчик. — Теперь давай поговорим о том, что нам делать дальше.

— Меня искали?

— Конечно. И береговая охрана и самолеты.

— Океан велик, а лодка совсем маленькая, ее и не заметишь,— сказал старик. Он почувствовал, как приятно, когда есть с кем поговорить,

кроме самого себя и моря.— Я скучал по тебе, — сказал он. — Ты что-нибудь поймал?

— Одну рыбу в первый день. Одну во второй и две в третий.

— Прекрасно!

— Теперь мы опять будем рыбачить вместе.

— Нет. Я — несчастливый. Мне больше не везет.

— Да наплевать на это везенье, — сказал мальчик. — Я тебе принесу счастье.

— А что скажут твои родные?

— Неважно. Я ведь поймал вчера две рыбы. Но теперь мы будем рыбачить с тобой вместе, потому что мне еще многому надо научиться.

— Придется достать хорошую острогу и всегда брать ее с собой. Лезвие можно сделать из рессоры старого форда. Заточим его в Гуанабакоа. Оно должно быть острое, но без закалки, чтобы не сломалось. Мой нож-то сломался.

— Я достану тебе новый нож и заточу рессору. Сколько дней еще будет дуть сильный brisa?

— Может быть, три. А может быть, и больше.

— К тому времени все будет в порядке, — сказал мальчик. — А ты покуда подлечи свои руки.

— Я знаю, что с ними надо делать. Ночью я выплюнул какую-то странную жидкость, и мне показалось, будто в груди у меня что-то разорвалось.

— Подлечи и это тоже, — сказал мальчик. — Ложись, старик, я принесу тебе чистую рубаху. И чего-нибудь поесть.

— Захвати какую-нибудь газету за те дни, что меня не было, — попросил старик.

— Ты должен поскорее поправиться, потому что я еще многому должен у тебя научиться, а ты можешь научить меня всему на свете. Тебе было очень больно?

— Очень, — сказал старик.

— Я принесу еду и газеты. Отдохни, старик. Я возьму в аптеке какое-нибудь снадобье для твоих рук.

— Не забудь сказать Педрико, чтобы он взял себе голову от рыбы.

— Не забуду.

Когда мальчик вышел из хижины и стал спускаться вниз по старой каменистой дороге, он снова заплакал.

В этот день на Террасу приехала группа туристов, и, глядя на то, как восточный ветер вздувает высокие валы у входа в бухту, одна из приезжих заметила среди пустых пивных жестянок и дохлых медуз длинный белый позвоночник с огромным хвостом на конце, который вздымался и раскачивался на волнах прибоя.

— Что это такое? — спросила она официанта, показывая на длинный позвоночник огромной рыбы, сейчас уже просто мусор, который скоро унесет отливом.

— Tiburon, — сказал официант. — Акулы. — Он хотел объяснить ей все, что произошло.

— Вот не знала, что у акул бывают такие красивые, изящно выгнутые хвосты.

— Да, и я не знал, — согласился ее спутник.

Наверху, в своей хижине, старик опять спал. Он опять спал лицом вниз, и его сторожил мальчик. Старику снились львы.

Роже Вайян

ПЬЕРЕТТА АМАБЛЬ

РОМАН

(Продолжение)

Перевод с французского М. Надеждиной и И. Эрбург

После знаменательного визита к Пьеретте Эмили Прива-Люба сразу же уехала на своем старомодном ролле-ройсе в Лион, не простившись с Нобле и не повидав сына. Напомним, что это происходило в последнее воскресенье мая.

А в понедельник во второй половине дня Филипп Летурно, сидя в своем директорском кабинете, занимался чтением «истории русской революции», принадлежавшей перу некоего троцкиста; подобно многим другим юношам его круга, Филипп отличался крайним невежеством в вопросах истории нашего времени и решил было, что вышеозначенное сочинение написано человеком, сочувствующим Советскому Союзу; читая его, он уже стал задумываться над тем, куда, собственно, клонит автор, но тут зазвонил телефон. У Филиппа не было друзей в Клюзо, как нам известно; не было их у него и в Лионе или Париже, где он жил раньше, если не считать ресторанных знакомств, приобретенных главным образом через Натали; эти люди забыли его, едва он поступил на службу в Клюзо.

Подняв телефонную трубку, Филипп услышал голос отчима, банкира Валерио Амполи, который просил его выехать в Лион «по возможности безотлагательно» для беседы с ним в управлении банка. За Филиппом уже послали машину. Он, не задумываясь, согласился и, как только прибыла машина, уехал, не предупредив Натали, ждавшую его дома. Он чувствовал, что сестра стала бы возражать против такого свидания, о котором, вероятно, следовало бы раньше поразмыслить. Филипп редко осмеливался открыто противоречить Натали, сознавая в глубине души, что она сильнее.

Вечером, по возвращении домой, он нашел вместо Натали и Бернарды следующее краткое послание, оставленное на кровати:

«Бедненький мой Филипп, я узнала (мне-то всегда все становится известно!), что ты ответил на первый же звонок: «чего изволите». Уверена, что ты сдал все позиции. Черт с тобой. Мне опротивела твоя бесхарактерность не меньше, чем железный характер твоей мамаши. Но черт с вами. Я пришла к выводу, что воздух здешнего ущелья вреден для моего здоровья. Почему и уезжаю незамедлительно с Бернардой на юг. Если захочешь мне что-нибудь сообщить, пиши до востребования в Канны.

«Натали»

Натали вернулась в Клюзо только в октябре. Впоследствии она помогла мне найти и подобрать по датам письма, которыми Филипп и она обменялись в те месяцы.

Ниже приводится первое письмо Филиппа, ответ на послание Натали, оставленное ею на кровати.

ПИСЬМО I

от Филиппа Летурно Натали Амполи

Клюзо, июнь 195...г.

Я мчался к тебе с вестью о нашей победе, но нашел лишь твое пророчество о поражении. Мне все же казалось, что ты дальновиднее.

Я выдержал жестокую борьбу.

Мать засела в кабинете твоего отца с твердым намерением сломить меня, а заодно и тебя.

Она выставила уже знакомые нам доводы: если я не соглашусь на реорганизацию фабрики в Клюзо, если она не получит от тебя доверенности, дающей право увеличить основной капитал ПТАО, американским акционерам в конце концов надоест поступаться своими дивидендами для покрытия нашего дефицита и нам придется закрыть все французские предприятия.

Доводы твоего отца были менее прямолинейными. Он допускает, что проект, составленный мною вместе с Нобле, со временем даст возможность ликвидировать дефицит. Однако Валерио понимает, что американские акционеры вправе выражать нетерпение, «и так как,—говорил он,— я не в состоянии отказать в чем-либо твоей матери, то...»

Но я был непоколебим и на все их доводы неизменно отвечал, что ни ты, ни я не примем такого решения вопроса, при котором надо принести в жертву нашим интересам рабочих Клюзо.

Под конец Валерио сделал вполне приемлемое для нас предложение, хотя и облек его в форму компромисса (щадя самолюбие моей матери).

— Я предлагаю,— сказал он,— не проводить рационализации всей фабрики в Клюзо, а временно ограничиться переоборудованием одного цеха. Но мы придадим этой маленькой, совсем маленькой рационализации столь театральный характер, сделаем ее (тут он обратился ко мне) столь постановочной, что она устроит всех: и твоих друзей — американцев (кивок в сторону матери) и (кивок в мою сторону) твоих друзей — коммунистов.

Мы уставились на него с недоумением. Но он продолжал тем шутливо-небрежным тоном, который бесит мою мамашу, хоть она и не смеет возражать, потому что таков тон, принятый в обществе, куда она совсем недавно получила доступ.

— Американцы,— говорил Валерио,— не так уж далеко ушли, как кажется им, да и нам всем, от индейских племен, населявших Новый Свет до того, как там высадились первые переселенцы, прибывшие на «Мэйфлауэре». Нынешние американцы — те же идолопоклонники. Один из их фетишей — «производительность». Почему бы нам не принести жертву на алтарь идола «производительности», если тем самым мы сможем ублаготворить наших американских акционеров без всякого ущерба для себя?

— Но и без ущерба для наших рабочих,— твердо сказал я.

— Именно это я и подразумевал,— ответил твой отец.— Я не отделяю наших рабочих от **нас** самих.

Тут в его глазах вспыхнула искорка затаенной хитрости; к кому она относилась? Ко мне ли, к матери? Наверно, к обоим, но по-разному.

Итак, он предложил провести «операцию повышения производительности» только в одном цехе; вокруг нее мы создадим самую широкую рекламу. Мы так поставим дело, что каждый наш шаг будет освещаться во французской и иностранной печати, как если бы это была военная операция. Когда цех переоборудуют, мы пригласим на его открытие ми-

нистра. А делегацию американских акционеров доставим за наш счет из Парижа на особом автобусе с остановками у винных погребов Бургундии. Твой отец уже привлек к этой затее заведующего отделом рекламы ПТАО — «великого, хоть и неизвестного мастера театральных эффектов».

— Снискать благоволение американского фетиша,—сказал в заключение Валерио,— куда легче с помощью блистательной театральной инсценировки, нежели путем длительной и дорогостоящей замены оборудования. ПТАО (кивок в сторону моей матери) при этом выиграет, поскольку не должно немедленно расходовать большие средства на мероприятие, выгодность которого, по-моему, еще весьма сомнительна. А рабочие на наших французских предприятиях (кивок в мою сторону) выиграют, поскольку не ухудшатся условия их существования, чего нельзя было бы иначе избежать. Работницам цеха, где будет производиться операция, увеличат ставки... из средств (кивок в сторону матери), отпущенных на рекламу различных операций по увеличению производительности...

Слушая твоего отца, я думал о тебе. Я был уверен, что ты меня осудишь, если я «сдам позиции», как ты пишешь. Но в чем же я «сдал»? Сколько я ни старался, я не нашел ничего в рассуждении твоего отца, к чему можно было придраться, не нахожу и теперь, даже прочитав твое письмо.

— Если мы поднимем шумиху вокруг «операции»,— добавил твой отец (обращаясь к моей матери), — мы заставим правительство взять на себя наши расходы. По бюджету, ассигнованному на «поощрение повышения производительности», не израсходовано несколько десятков миллионов франков: они еще не распределены. Кое-что из них достанется нам вполне по праву...

Затем он повернулся ко мне:

— Тебе мы обязаны этим удачным решением вопроса. Если бы ты не обратил нашего внимания на то, как враждебно относятся рабочие к рационализации наших французских предприятий, мы бы навлекли на себя общее недовольство, в том числе и американцев, которые по своему обыкновению стали бы говорить, что французские предприниматели, по природе консервативные, не умеют убедить рабочих в общности интересов капитала и труда...

Слушая его, я думал о Пьеретте Амабль и Фредерике Миньо. Мысленно я уже рассказывал им о том, с какой беспощадной иронией отчим говорит об американских фетишах, о том, как здорово мы обставим «янки-империалиста» (прозвище, данное американцам коммунистической прессой). В моих ушах уже звучали сдержанные, но веские похвалы Миньо, я видел перед собой снисходительную, на этот раз почти нежную улыбку Пьеретты Амабль. Я не мог понять, не понимаю и теперь, почему я должен был отвергнуть предложение Валерио...

— А тебе,— сказал он,— предлагаю взять на себя руководство. Твои друзья рабочие будут тебе благодарны за то, что ты помешала провести массовое увольнение. Одновременно упрочится и твое положение в глазах твоих будущих американских компаньонов.

Вот уж это меньше всего меня заботит. Странно! Неужели же твой отец до сих пор не понял, что у меня нет ни малейшей охоты «всерьез» стать промышленником или банкиром? Возможно, правда, он хотел задобрить мою мать.

— Мы назовем это,— сказал он,— «операцией повышения производительности ПТАО — Филипп Летурно»... Представляете себе, в каком тоне будет проводиться кампания в печати: «Внук энергичного предпринимателя решил коренным образом перестроить родовое текстильное предприятие...»

Он беззвучно смеялся. Мать водрузила на нос дымчатые очки, которые надевает, играя в покер,— не понимаю, зачем они ей вдруг понадобились, ведь лицо ее всегда хранит бесстрастие. Но она не возражала. Я тоже, потому что не усмотрел никакого подвоха в предложении Валерио, не вижу и сейчас...

— Не надо принимать все слишком всерьез,— сказал мне твой отец.

— Я не верю в фетиши,— ответил я.

— Если тебе не вскружат голову похвалы по поводу «операции повышения производительности ПТАО — Филипп Летурно», ты сделаешь большой шаг вперед,— продолжал твой отец.— По сути говоря, твой дед был простым ремесленником. А ты приобщаешься к тому театральному действу, к которому сводятся сейчас крупные дела. До свиданья, Филипп.

— До свидания, Валерио,— ответил я, на этот раз без запинки.

Положительно, мне нравится склад его ума. Придется объяснить моим друзьям коммунистам, что не все буржуа одинаковы, что иной банкир способен стать и гуманистом.

Теперь ты должна сдержать свое слово, наше слово. Что мне ответить матери, если завтра она потребует твою пресловутую доверенность? Боюсь, как бы твое исчезновение не смешало карты. Пожалуйста, позвони ей по телефону, как только получишь это письмо.

А об огорчениях, которые причиняют мне твои дикие выходки, поговорим в другой раз. Завтра утром, к началу служебного дня, я официально вызову Пьеретту Амабль и сообщу ей о нашей победе.

Твой, хоть ты и злючка,

Филипп.

ПИСЬМО II

От Натали Амполи Филиппу Летурно

Сен-Тропез, июнь 195...г.

Бедненький мой Филипп, тебя «разыграли». Ты еще был в банке, а твоя мать уже звонила по телефону в «замок» (как его именуют жители Клюзо), чтобы закрепить за собой победу.

В окно ко мне постучался твой дед: «Тебя зовет к телефону моя бандитка-сноха». По-моему, с его стороны весьма любезно утруждать себя ради «бандитки», которая обобрала его дочиста. Я бы на его месте сразу бросила трубку. Все вы, Летурно, такие — бесхребетные.

Я велела сказать, что меня нет дома. И тут же уехала, чтобы не ругать тебя, когда ты вернешься. Ведь ты моя слабость, это каждому известно.

Наверно, твоя коммунистка горячо поблагодарила тебя за то, что ты избавил ее от необходимости драться. Невинное создание не поймет, что, в конечном счете, ее под этим соусом все равно слопают. Помнишь надпись на буфете в детской?

> Бедняжке-щенку ничего не досталось,
> лишь крохи на блюде, лишь самая малость.

Ну и пробавляйся вместе с ней крохами со стола! А я буду загорать на солнце.

Натали.

(Это письмо разминулось с нижеследующим. Таким образом, Филипп Летурно еще не получил письма II, когда писал письмо III.)

ПИСЬМО III

От Филиппа Летурно Натали Амполи

Клюзо, июнь 195...г.

Мать приехала в Клюзо гораздо раньше, чем я рассчитывал: не прошло и двух часов после моего возвращения.

— Где Натали?

Я показал ей любезную записку, оставленную на кровати. Никаких комментариев. На мою просьбу объясниться было отвечено пожатием плеч. Она, как и ты, заранее уверена в том, что бесполезно пытаться мне что-нибудь растолковать.

Но тут последовал краткий допрос: что сказала Натали? Что сделала? Виделась ли с отцом? Затем приказано было узнать у горничной, в каком направлении ты уехала. Она разговаривала со мной, точь-в-точь как сыскной агент из детективного романа. При каждом ее вопросе у меня дергалась рука. Тон был таков, что рука сама собой поднималась к лицу, словно мне надо закрыться от пощечин. Отвечал я ей бог весть что. Вошла она не поздоровавшись, ушла не попрощавшись — явилась и исчезла, как статуя командора.

Сегодня в девять часов утра я позвонил по телефону твоему отцу и сказал, что ты уехала. Он уже знал (повидимому). Я спросил:

— А «операция» не отменяется?

— Разумеется, нет. Почему бы ее отменять?

— Натали не поставила подписи...

— Какой подписи?

— На доверенности.

— Доверенность эта не имеет никакого касательства (тут в голосе его зазвучала насмешка) к «операции повышения производительности ПТАО — Филипп Летурно».

— Значит, я могу сообщить...

— Можешь сообщить друзьям о твоем успехе.

Я тут же послал за Пьереттой Амабль. Едва она вошла в кабинет, я бросился к ней навстречу и положил руки на ее плечи. Еще вчера я не посмел бы этого сделать.

— Победа за нами?

Она стряхнула мои руки с плеч.

— За вами? Победа?

— Рационализации не будет. Я обо всем договорился с отчимом.

Она устремила на меня взгляд, почти такой же холодный, как взгляд моей матери.

— Опять какие-то махинации?

— Махинации, чьи?

— Ваши, ваших родственников.

— Моя сводная сестра, Натали Амполи,— начал я,— оказала мне большую помощь...

Пьеретта не дала мне договорить.

— Что вы рассказывали матери?

Она разговаривала со мной почти тем же тоном полицейского агента, что и моя мать. Вопросы сыпались на меня с такой же стремительностью.

— По какому праву вы говорили обо мне с вашей матерью? Сколько раз вы со мной виделись? Что вы себе вбили в голову?

Тут-то наконец я уразумел, что в воскресенье вечером, пока мы с тобой и с Бернардой отсыпались после субботней попойки, моя мать была в Клюзо. Должно быть, лицо мое выразило такое явное недоуме-

ние, что «красная» (как ты ее называешь) сразу же прекратила допрос. С минуту она молча меня разглядывала, словно я диковинный зверь из зоопарка, ничуть не заботясь о том, что я при этом ощущаю. И вдруг я услышал тихий смех.

— Нет, я положительно не понимаю вашего поведения!

— Наверно, произошло недоразумение,— ответил я.

— Ну-ка,— сказала она,— рассказывайте все с самого начала.

И она спокойно уселась в то мягкое кресло, которое я с превеликим трудом добыл у администрации ПТАО.

Я рассказывал довольно сбивчиво, потому что она слушала в полном молчании и меня это сковывало, о первой попытке, сделанной мною в Лионе совместно с Нобле, о том, с каким интересом Валерио отнесся к нашему докладу и к нашим предложениям, о сопротивлении матери, о твоем вмешательстве и условии, которое ты поставила матери. Затем я рассказал, как вчера ездил по вызову отчима в Лион; я подчеркнул, что твердо стоял на своем и, наконец, перешел к компромиссному предложению, сделанному Валерио...

— Ваше мнение?— спросил я, кончив свой рассказ.

— Я что-то плохо понимаю.

— Что, собственно, вам непонятно?

— Прежде всего — что толкнуло вашу сводную сестру на этот шантаж...

— Позвольте,— воскликнул я,— а ваше мнение о результате, которого я добился?

— Надо посоветоваться с товарищами. Но очень возможно, что профсоюз выскажется против...

Тут она улыбнулась.

— Против «операции повышения производительности ПТАО — Филипп Летурно». Лично я,— добавила она,— буду просить товарищей выступить против.

— А я так надеялся, что доставлю вам удовольствие!

— Но почему, хотела бы я знать, все ваше семейство так упорно желает доставить мне удовольствие?

— Позвольте,— заговорил я,— позвольте...

— В каком цехе,— перебила она меня,— решило ПТАО провести эту вашу «операцию повышения производительности»?

— В «цехе ста». (Забыл тебе сказать, что Валерио предложил именно это.)

— В крупнейшем цехе фабрики!

— Я на это указывал отчиму, но он ответил, что на предприятии в Клюзо занято свыше тысячи рабочих и что только десятая часть их будет вынуждена «приспособиться к новым условиям». Кроме того, они получат прибавку.

— Все равно увольнения будут.

— Отчим твердо обещал, что работниц, которые не станут нужными в «цехе ста», переведут в другие цехи. Никакого увольнения не будет.

— Мы знаем по опыту, чего стоят такие обещания,— ответила Пьеретта.— Уверена, что профсоюз выскажется против вашей «операции».

— А я-то думал, что все уладил...

Должно быть, в эту минуту я выглядел дурак дураком, как оно на самом деле и есть, потому что Пьеретта опять посмотрела на меня, словно на диковинку.

Затем она стала объяснять (если не ошибаюсь), почему при капиталистическом строе именно рабочие страдают от повышения производительности. По правде говоря, я ее не слушал. Из ее слов (да и вообще из всей этой истории) я усвоил только одно: политика рабочих — игра

сложная, и правил этой игры я не знаю. Как и в бридже, в котором я не силен (ты-то хорошо это знаешь), я совершил огромную ошибку, думая, что сделал гениальный ход.

Тем временем, пока молодая поборница дела рабочих читала мне лекцию, я все больше убеждался в том, что мать и Валерио умышленно толкали меня на ложный шаг, чтобы «облапошить» простака, и что все меня обманывали, даже ты.

А Пьеретта презирает меня вполне заслуженно: я никогда не научусь «держаться, как следует».

Когда мать вышла замуж вторично, твой отец ввел ее в круг французских англоманов (Валерио так же преклоняется перед англичанами, как моя мать перед американцами, хоть и не столь откровенно). Мать немедленно усвоила некоторые ходячие выражения этого кружка. Мне было тринадцать лет. «Вы сегодня опять себя плохо «держали»,— повторяла она мне каждый вечер.— Придется опять «взять вас в шоры». Это жокейский жаргон. Когда в один прекрасный день я это понял, я был глубоко оскорблен и решил, что не дам себя «объездить», что всегда буду плохо «держаться», как бы ни старались «взять меня в шоры».

— В общем,— говорила Пьеретта Амабль,— будь вы настоящим хозяином, вы бы сразу поняли, в чем смысл задуманной «операции». Вы уступили — каковы бы ни были ваши побуждения — своему классовому инстинкту, а результат тот же... (не уверен, что правильно передаю ее речь, мне не дается жаргон политического бриджа; но, кажется, таков был grosso mado * смысл ее слов).

Пьеретта Амабль «взяла меня в шоры». У нее тоже повадки кавалериста. Но впервые мне было, пожалуй, даже приятно, что меня «берут в шоры». Может, я все-таки не от рождения «порченый»? Впрочем, жокейские приемы скорее подстать Пьеретте, чем моей матери, которая просто приспособляющаяся выскочка.

— Сталин,— вставил я (чтобы поддержать свое достоинство),— писал, что надо уметь идти на компромиссы. (Мне смутно помнилось, что я где-то читал об этом.)

— Вы не на компромисс пошли,— мягко «брала меня в шоры» Пьеретта,— вы затеяли постыдный торг, стали посредником в махинации, обычной для грязных буржуазных политиканов. А результат какой? Самый обыкновенный: ваша мать решила, что я ваша любовница.

Тут только за все время беседы я понял, зачем мать приезжала сюда в воскресенье: она хотела выторговать у Пьеретты разрыв со мной, вообразив, что мы «в связи».

Меня охватило такое негодование, ярость и стыд, я был так взволнован и говорил так горячо, что Пьеретте стало в конце концов жаль меня. Она мягко простилась и, уходя, посмотрела мне в глаза *с почти нежной* улыбкой.

Итог: к черту «операцию повышения производительности ПТАО — Филипп Летурно»! Играйте в бридж без меня, я — пас. Теперь возобновлю любимые занятия либо дома на своей походной кровати, либо в те часы, что просиживаю в служебном кабинете,— в подаренном тобою роскошном кресле, обитом телячьей кожей; Нобле будет оберегать меня от назойливых посетителей. Но вот беда: ни одна книга теперь не может меня захватить и отвлечь...

Желаю тебе всяческих «больших шлемов» **.

Филипп.

---

* В общих чертах (*лат.*).

** «Большой шлем» — положение играющего в вист, когда он не дал ни одной взятки.

ПИСЬМО IV

От Филиппа Летурно Натали Амполи

(Ответ на письмо II от Натали Амполи, разминувшееся с предыдущим.)

Клюзо, июнь 195...г.

Дорогая моя Натали, меня действительно «разыграли», хоть я до сих пор еще не понимаю, кто и зачем, а впрочем, мне на это наплевать. Но из моего позавчерашнего письма ты можешь видеть, что «моя коммунистка», как ты выражаешься, не даст себя съесть.

Ко мне в кабинет явился инженер Таллагран, уполномоченный по проведению «операции П.» (отныне так будет называться на производственном языке «операция повышения производительности ПТАО — Филипп Летурно», и так оно куда лучше звучит). Таллагран удостоил меня своим посещением впервые за все время моей «службы» на фабрике. До сих пор он, как специалист, изрядно меня презирал за то, что я хозяйский сынок, дилетант и т. д. и т. п., но на сей раз он пожелал узнать, какого я мнения о его «первом проекте осуществления моего изумительного по своей смелости замысла»... Еще не прочитав проекта, я тут же выразил восхищение «изумительным производственным чутьем» Таллаграна и т. д. и т. п. Теперь-то он держится, как приготовишка, поскольку сделал вывод — наверно, из рассказов Нобле и из того, что мое имя пришили к «операции П.»,— будто я пользуюсь влиянием в тех недоступных для него сферах, где решается судьба ПТАО. Ну и комедия!

Пьеретта Амабль — человек совсем иного покроя. В то утро, когда она меня отчитывала, я не сводил с нее глаз. Она похожа на шпагу, на стальной клинок, ни с чем другим ее не сравнишь. Есть люди особого склада, резко отличающиеся от себе подобных; они на все накладывают свой отпечаток, но сами остаются нетронуто-чистыми. Я не слушал ее поучений и думал только о том, что Пьеретта — гордая женщина. Такую я встречаю впервые. Когда мне было тринадцать лет, я записал в свой дневник слова Шелли: «Из всех душевных качеств больше всего меня привлекает гордость».

Ломаю себе голову, почему, прощаясь со мной в то утро, она улыбнулась почти нежно. Я только этим и занят — еще и потому, правда, что никак не могу сосредоточиться над книгой.

Как было славно, когда письма кончали так: «люблю тебя всем сердцем, дорогая сестра». Ну вот, сегодня я что-то разнежничался, поэтому так и кончу:

Люблю тебя всем сердцем, дорогая сестра.

Филипп.

P. S. И пусть твое сердце обретет покой.

ПИСЬМО V

От Натали Амполи Филиппу Летурно

Сен-Тропез, июнь 195...г.

Сколь счастлив ты, мой брат, отдаваясь утехам сердца!

А я подыхаю от скуки; конец, впрочем, не за горами (подохну!). Ненавижу Сен-Тропез. Меня тошнит при одном только взгляде на смазанную кремом кожу первых курортниц (так они здесь называются),

И от запаха анисовки тоже. Весь город ею пахнет, точно так же, как Париж — анисовым аперитивом в воскресное утро. Недалек тот день, когда вся Франция погибнет, упившись анисовкой. К тому времени я уже давно буду покоиться в гробу, скончавшись от злоупотребления виски. Так угаснет древняя культура, подарившая миру Версальский дворец, ПТАО и Пьеретту Амабль.

Надеюсь, дела твои с ней подвигаются. Почему бы вам не провести твой отпуск здесь, со мной? Я бы сняла укромную виллу, куда не проникают запахи крема и анисовки, а Бернарда была бы у нас в экономках. Она не перестает злиться из-за того, что ей не удалось заслужить вечную благодарность твоей матери, вытянув у меня доверенность, которую мне так приятно ей не давать.

Украдкой целую твое вновь обретенное сердце.

Натали.

ПИСЬМО VI

От Филиппа Летурно Натали Амполи

Клюзо, июнь 195...г.

Я, может быть, и приеду к тебе в Сен-Тропез, но один. В прошлом письме я рассказал тебе как курьез, что целых двое суток восхищался гордостью Пьеретты Амабль. Как и можно было от тебя ожидать, ты превратила все в любовную интрижку. Ничего подобного нет, да никогда и не было.

Тем более, что у нее любовник. Он итальянский землекоп, которого уволили с железной дороги; теперь он возит молоко на сыроварню. Ты его знаешь, по-моему, даже кокетничала с ним: высокий, очень смуглый парень; он еще затеял драку на балу в Клюзо; зовут его Бомаск. Они совсем недавно «живут вместе» (по словам Нобле); весь рабочий поселок только об этом и говорит, потому что, кажется, она до сих пор была неприступной. Секретарша дирекции (этакая угреватая фитюлька) сказала: «Очень надо было Пьеретте столько лет корчить из себя недотрогу, чтобы потом сойтись с макаронщиком».

Я, кажется, понимаю побуждения Пьеретты Амабль: они вовсе не «идут от сердца». Бомаск слывет боевым коммунистом; он в прошлом году взбунтовал замлекопов и образовал из арабов и итальянцев что-то вроде смешанной милиции. Он и сейчас пользуется там влиянием. Амабль — фанатичка, как все коммунисты. Она бы никогда не согласилась «изменить своему классу» с человеком, подобным мне, даже если бы я этого хотел. Она, конечно, решила заключить союз «через посредство» Бомаска с представителями колониальных и полуколониальных народов, как принято выражаться в ее среде.

В воскресенье утром я встретил их на главной улице. Он нес ее сумку с покупками. На нем был выходной костюм и розовая рубашка, на итальянский манер, что придавало ему необыкновенно «воскресный» вид. Она ничуть не утратила своей гордой осанки и в поношенном черном платьице держалась так непринужденно, как это дано только дамам нашего с тобою круга. Наверно, Элеонора Аквитанская с такой же непринужденностью шествовала под руку с английским королем Генрихом — саксонским болваном, с которым вступила в брак потому, что этого требовали государственные интересы. Ныне только коммунисты способны подчинять политическим целям веления сердца и даже плоти.

А мы с тобой, сестричка не по отцу и не по матери, лишь бедные дети, настолько отрешившиеся от всех людских интересов, будь то сердце, плоть, деньги или политика, что нам остается одно: раскланяться друг с другом со скучающим и нежным видом.

Тем не менее целую тебя.

P. S. Иногда мне думается, что только тебя я мог бы любить по-настоящему. А вдруг это было?

Филипп.

ПИСЬМО VII

От Натали Амполи Филиппу Летурно

Сен-Тропез, июнь 195...г.

Бомаск красив, бедный братик, и политика тут ни при чем. Мне нравится твоя Пьеретта, мы сходимся с ней во вкусах. Если бы ты не дал увести ее из-под самого твоего носа, а привез ко мне, мы бы с ней подружились.

Но не теряй надежду, раз уж эта девушка любит красивых мужчин. Женщины считают тебя красивым. Я одна знаю тебя настолько глубоко, что вижу все: и скрытую немощность твоей шеи Юпитера-олимпийца, и глухость голоса, звук которого мои школьные подруги называли страстным (на самом деле он чуть теплый), и пустоту за твоим высоким лбом, величественным, как фасад Сакре-Кера. И все-таки это может создавать иллюзию мужественности.

Выпутывайся как знаешь. Я приму тебя только вместе с ней, хоть ты и весьма неуклюже стараешься доказать, что не любишь ее.

Натали.

ПИСЬМО VIII

От Филиппа Летурно Натали Амполи

Клюзо, июнь 195...г.

Да, это правда, я люблю Пьеретту.

Моя любовь, конечно же, родилась в ту самую минуту, когда я впервые встретил ее на балу в Клюзо, прямую, ясную, увидел ее улыбку, когда она так просто и гордо отказалась со мной танцевать. Но я еще не знал любви, поэтому не понял, что это оно самое и есть.

Твое поддразнивание (в Лионе, у отчима) чуть-чуть было не открыло мне глаза; тогда я позволил себе думать, что действительно отношусь с особым интересом к гордой делегатке «моих» рабочих. Но я еще плохо разбирался в истоках этого интереса к ней. Я принимал растущее во мне чувство за свою всегдашнюю потребность снискать уважение наших «классовых врагов».

Даже во время нашей последней встречи в моем кабинете, когда она меня легонько «взяла в шоры», я еще не знал, что люблю ее. Но стоило ей при прощании улыбнуться *почти нежно,* как меня заполонили мечты. Я видел в мечтах себя с нею, нас вместе на всех земных дорогах, на всех путях и перепутьях жизни.

Узнав, что она живет с этим итальянским рабочим, я убедился в ее окончательной недосягаемости для меня. К классовым перегородкам прибавилось еще одно препятствие — ее любовь к другому. Но поздно! Когда я в ослеплении принял ее мнимо нежную улыбку за примету зарождавшейся любви, меня захлестнула моя собственная любовь. Теперь уж мне не совладать с нею. Так-то.

Пьеретте Амабль ничего не известно о моей любви. Я больше не вызывал ее к себе в кабинет. Ведь моя любовь покажется ей оскорбительной. Я для нее вдвойне «хозяин»: и как директор по кадрам и особенно как сын своей матери, связанный через нее с теми семействами, которые контролируют почти все прядильно-ткацкие фабрики мира. Она подумает, что я хочу ее купить. Даже то немногое, что я попытался сделать для нее и ее товарищей—мое ходатайство перед отчимом и матерью, которое приняло столь злосчастный оборот (не знаю, правда, почему, но ведь Пьеретта все равно убедилась в моих добрых намерениях),— даже это, если я признаюсь ей в любви, она сочтет чем-то вроде стакана вина, который ставят перед проституткой, прежде чем столковаться о цене.

После нашей последней встречи Пьеретта дважды, в связи со своими профсоюзными делами, обращалась в дирекцию по кадрам. Я поручил Нобле с нею разговаривать. Я был бы не в силах скрыть волнение и окончательно потерял бы надежду, что она когда-нибудь отнесется ко мне иначе, чем с презрением. Я заперся на ключ, чтобы меня не застали врасплох, и припал ухом к двери: я хотел слышать голос Пьеретты. Она твердо отстаивала свои права. Порой она замолкала, не договорив фразу, и наступали те уже знакомые мне короткие паузы, которые я за время наших бесед научился воспринимать не как неясность мысли, но как передышку, нужную Пьеретте для того, чтобы подобрать точное слово, как желание и здесь найти наиболее полное самовыражение, как свойство ее гордого ума. Я с восторгом узнавал эти короткие и милые мне паузы. Я слушал голос Пьеретты, ловил чередующиеся со словами паузы и в эти минуты был так счастлив, как давно уже не бывал.

Да, никогда еще я не был так счастлив, ибо если до сих пор ничего не знал о страданиях любви, то ничего не знал и о том неповторимом блаженстве, которое приносит подчас даже самое смешное и жалкое ее проявление.

Каждый день, точно в час прихода Пьеретты в цех и в час ее ухода, я отправляюсь в дедушкин розарий. Дед никак не может понять, почему вдруг я проникся интересом к новым прививкам и гибридам роз. А все дело в том, что дорога с фабрики в рабочий поселок проходит у стен розария и я сверху вижу Пьеретту, когда она идет на работу и обратно домой. По утрам она летит почти бегом, держа в руке жестяной котелок с обедом; и мне *мил* этот котелок. Вот тебе убедительный пример того, до каких пошлостей доводит меня любовь.

Иногда по вечерам за ней приходит ее итальянец. Они идут рука об руку. Бомаск неизменно преподносит ей цветок, который она прикалывает к платью. Так вот, я бы с упоением согласился вставать до рассвета, ездить за молоком к отъявленным болванам, как ездит этот малый, я бы с восторгом променял свою жизнь на его жизнь, зная, что меня ничто не ждет, кроме кирки углекопа или грузовичка сыроварни, не требуя взамен ничего, кроме права — нет, нет, не провести ночь с Пьереттой, о таком счастье я не дерзаю и помыслить, — а только права поджидать ее, как он, с цветком в руке у ворот «моей» фабрики.

Как нежно она опирается на его руку! Вчера вечером они проходили мимо розария; она откинула голову и, смеясь, посмотрела ему в глаза. Он ответил ласковой улыбкой, и только! Должно быть, ему кажется вполне естественным, что она ему улыбается. А я смотрел на него, как тигр из засады. Никогда еще никто так страстно не желал смерти человеку.

Пора идти. Бегу туда, «о радость, о мученье...»

Прими поцелуй от твоего несчастного брата.

Филиппа.

ПИСЬМО IX

От Натали Амполи Филиппу Летурно

Сен-Тропез, июнь 195...г.

Жалок тигр, который прячется за розовым кустом!

Лучше бы ты не декламировал из «Почты любви», а отбил эту девушку. Когда мужчина хочет, он покоряет женщину, поверь моему женскому опыту. Мы так привыкли принимать уверения в страсти от мужчин, которые неспособны ее доказать, когда мы ловим их на слове, что мы не в силах сказать «нет», если нас желают всерьез. Доступность женщины — прямое следствие немощности мужчины. В Италии, где мужчины не вполне утратили свои качества, еще встречаются неприступные женщины.

Самое главное — убедиться, действительно ли ты желаешь эту женщину. И так ли сильно, как итальянец (он, по-моему, тебе не помеха,— наверно, испорчен легкими победами).

Насколько мне известно, у тебя была только одна любовница, пятидесятилетняя танцовщица, она отдавала своему альфонсу деньги, которые получала от тебя на школу йогов; альфонс, наверно, умел угодить ей лучше, чем ты; «и ежели ты мужчина — доказывай», как выражаются эти молодчики.

Так ты, значит, «охвачен безумием страсти». Ну а я никогда этого не испытаю, я слишком хорошо владею собой, да, наконец, у меня всегда есть все, чего я пожелаю, будь то человек или вещь. Чего бы мне еще захотеть? Вот в чем вопрос.

Я положительно не переношу Сен-Тропеза. Мое отвращение к нему довершила Вернарда, которая умудряется и здесь промышлять торговлей старинными вещами: она продает подделку под провансальскую мебель поддельным буржуазкам, которые подделываются под богему в этой поддельной рыболовной гавани.

Собираемся в дорогу на Капри, где ложь более откровенна. Можешь писать мне туда до востребования.

Натали.

ПИСЬМО X

От Филиппа Летурно Натали Амполи

Клюзо, июль 195...г.

Да, Натали, признаться, я еще не знал, что такое желать женщину. Месяц назад я вряд ли понял бы твое письмо.

Я хочу Пьеретту Амабль. Достаточно мне о ней подумать, и я ее желаю как нельзя более страстно. Я думаю о ней денно и нощно и потому не знаю, что делать со своим телом, «твоим большим телом», как ты говорила мне, когда мы были детьми.

Я хочу ее, как хотят женщину, но и как вещь. Страшное выражение — хотеть человека. Я хочу, чтобы она была моею, моей собственностью. Я хочу...*

* В целях соблюдения благопристойности мы вынуждены здесь прервать печатание этого письма, к тому же весьма длинного.— *Прим. автора.*

ПИСЬМО XI

От Натали Амполи Филиппу Летурно

Ну что же, мой великолепный брат, поступи, как Цезарь: Veni, vidi, vici *. Не довольствуйся лицезрением.

Если итальянец тебе мешает, устрани его. Изобрети что-нибудь, прояви фантазию. Мужчины будто бы умнеют от любви. Вот не сказала бы!

А я здесь ныряю со скалы в море; кстати, это мне строжайше запрещено врачами. Вооруженная баллоном с кислородом, я подплываю ко входу в подводный грот, к черной дыре, где во мраке чуть-чуть раздуваются жабры замерших в воде золотых макрелей, как легкие, видимые в рентгеновский аппарат. Мне до безумия хочется поплыть туда, внутрь, навстречу холодному течению, но я умру со страху, если прикоснусь к одной из этих жирных, мягких рыб.

Вчера из темного отверстия медленно выплыл большой скат. Он приближался ко мне, мерно двигая плавниками, похожими на крылья летучей мыши — великанши, работая хвостом с загнутым кверху острием, которое было занесено, как гарпун. Я обратилась в бегство так стремительно, как только позволяло мне мое жалкое дыхание, судорожно шлепая по воде своими ластами (резиновыми), надеясь испугать вампира. Когда же я вернулась обратно, чтобы встретить его самострелом (который был при мне,— но я о нем забыла), чудовище уже исчезло. Наконец-то, впервые в жизни, я чего-то боюсь! Как видишь, я тоже открываю в себе способность к простейшим чувствам. Завтра я опять поплыву к черной дыре. Ни о чем другом неспособна думать.

Завидую Пьеретте Амабль; ей удалось пробудить в тебе мужчину.

Прими мой поцелуй, а с ним и любовь, как говорили наши предки.

Натали.

ПИСЬМО XII

От Филиппа Летурно Натали Амполи

Клюзо, июнь 195...г.

Итальянец, который любит Пьеретту и ею любим, скучает. Таково мое новейшее открытие.

Вняв твоим советам, я решил устранить Бомаска. Но для этого надо было раньше с ним сблизиться. Тогда я придумал простейший ход: Бомаск водит машину, следовательно, я могу попросить его меня подвезти.

И вот однажды утром, разузнав маршрут и распорядок дня Бомаска, я стоял на мостике через горную речку, которая лежит на пути Бомаска, и делал вид, будто занимаюсь ловлей форелей. Как только показался грузовичок, я подошел и поднял руку. Бомаск остановил машину, я попросил подвезти меня до Клюзо, на что он охотно согласился, хотя узнал меня сразу.

В то утро мы говорили о ловле форелей. Этому малому довелось изрядно поездить по свету; на своем веку он перевидал уйму всяких горных речек и в Абруццах, и на склонах Африканского Атласа, и в Шварцвальде, где он невесть зачем очутился во время войны. Поговорив о форелях, мы перешли к швейцарскому сыру, и таким образом я доехал до сыроварни, куда Бомаск возит молоко; директор принял меня, как и по-

* Пришел, увидел, победил (*лат.*).

ложено принимать внука великого Летурно. После обязательного осмотра «холодильной камеры» я пригласил Бомаска выпить со мной стакан вина; он не отказался, но ведь и я не предложил ему денег за проезд — так уж заведено здесь между шоферами и их случайными пассажирами. Да он и не стал ломаться; вообще Бомаск славный парень, не прочь посмеяться и благодушен, как все счастливые любовники.

Коротко говоря, я завоевал его расположение; он объявил мне, что, как ему сдается, лучшие в здешних краях форели водятся в ручье, берущем начало у деревушки с романтическим названием Гранж-о-Ван — Житница на перепутье ветров,— в самом конце маршрута Бомаска. Один день я пропустил, чтобы ему не показалась странной поспешность, с которой я ухватился за его предложение, но к рассвету следующего дня стоял на дороге с дедушкиной удочкой подмышкой. Ни разу в жизни я не поймал ни одной рыбы, это-то меня и тревожило; я опасался, что, увидев меня с пустыми руками, Бомаск перестанет мне верить. Ведь моя цель — расположить его к себе и через него приблизиться к Пьеретте. Таким образом она привыкнет видеть во мне не «хозяина», а друга своего любовника, стало быть, и возможного любовника... Сейчас, когда я описываю тебе всю эту механику, мой собственный макиавеллизм кажется мне ребячеством. Ну и что ж, пусть ребячество! Все равно, так или иначе я овладею этой женщиной!

Бомаск объезжает с десяток окрестных сел и деревушек, рассыпавшихся по берегам трех притоков Желины; дорога, спускаясь из долины в долину, из ущелья в ущелье, открывает перед нами виды Клюзо с его столь знаменитой прядильно-ткацкой фабрикой.

— Эти остроконечные крыши здорово портят картину,— сказал я, чтобы завязать разговор.

— Ну, что вы,—ответил он,—тут всего несколько маленьких цехов...

На секунду мне показалось, что Бомаск хочет меня уязвить. Разве я формально не один из хозяев этих жалких цехов? Но не в характере Бомаска обижать людей. И он, действительно, тут же добавил:

— Мне-то пришлось долгое время работать в Генуе на «Ансальдо»...

— На «Ансальдо»?

Повидимому, он удивился моему невежеству. «Ансальдо» будто бы одна из крупнейших в мире верфей. С ее стапелей спускают на воду океанские пароходы и броненосцы. И мой Бомаск, словно его завели, пустился в рассказы об «Ансальдо», пока его грузовичок бешено мчался по извилинам крутого спуска.

Если верить Бомаску, только на «Ансальдо» есть цеха, поистине достойные этого названия. Словом, труд на «Ансальдо» якобы столь увлекателен, что даже когда рабочие верфи бастуют, они все равно работают; это и называется итальянской забастовкой.

В первой деревушке, где мы остановились, бидоны с молоком были составлены под навесом на площадке, напоминающей станционную платформу. Бомаска уже поджидало человек десять, большей частью женщины. Он сделал лихой поворот и остановил машину впритык к площадке. Лица крестьян, замкнутые и суровые, при виде Бомаска светлеют. А он, сидя в грузовичке, раздает, как подарки, сделанные по их поручению покупки:

— Тебе, Жоржетта, гемоглобин для коровы... Тебе, Морис, смазка для сенокосилки... Тебе, Дюшозаль, семена свеклы, я купил их у Фавра, у Гарнье плохие...

И ему отвечают: «Спасибо, м-сье Бомаск, спасибо».

Он выскочил из кабины, чтобы погрузить бидоны в кузов. К нему подошел парень; советуется, как устранить неполадки в тракторе. Бомаск глянул на свои никелированные часы: «Ладно, успею, минутка еще

найдется». Он сбегал к трактору, что-то там отвинтил, продул какую-то трубку, переменил местами провода, и через минуту мотор гудел, пожалуй, не менее приятно, чем твой Альфа-Ромео.

На краю деревни Бомаска поджидала девушка, которая о чем-то с ним заговорила вполголоса — тоже, наверно, поручение. Подозреваю, что Бомаск между делом отправляет обязанности «почты любви». Он знает, как подойти к женщине. Посмотрит, ухмыляясь, и она уже тает. Ему, конечно, стоит слово сказать, чтобы любая женщина побежала за ним на сеновал.

Есть у него «подход» — иначе не скажешь—и к крестьянам, и к машинам, и к женщинам. Это кажется мне чем-то таким же чудесным и неповторимым, как та сноровка образцового рабочего, о которой прожужжал нам уши дедушка в ту пору, когда моя мать еще не устранила его от дел. А вот я никогда не знал, что делать со своими руками, голосом и всем прочим. Бомаск гораздо более опасный соперник, чем я думал.

У Бомаска есть «подход» ко всему и ко всем, но ему скучно в Клюзо. Только на этом я и могу сыграть.

Когда мы отъехали от девушки, давшей Бомаску поручение, я сказал:

— Вы, повидимому, знаете толк в этом...

Он подумал, что я говорю о неполадке в моторе, которую он устранил, и с пренебрежением ответил:

— Ну, что там, пустячное дело! Вот на «Ансальдо», где я был клепальщиком...

Я опускаю тираду о несравненных радостях, которые сулит ремесло клепальщика на верфях «Ансальдо». Наступила долгая пауза. Грузовичок с трудом карабкался вверх, к ущелью. Бомаск, вздохнув, кивнул на мотор:

— Какая тут механика!

Снова наступила пауза, затем Бомаск с бесконечной грустью проговорил:

— Но не буду же я до конца своих дней пробавляться случайной работенкой...

Мы медленно поднимались в гору среди чудесной местности, мимо свежескошенных лугов, где трава мягкая, как газон в английском парке, мимо еловых перелесков и бурливой речки.

— Ну можно ли здесь жить?— воскликнул Бомаск.— Одна трава да камни!

— Генуя не так уж далека, — шутливо ответил я.

— Моя жена никогда не согласится переехать в Геную.

Бомаск называет Пьеретту женой.

— Почему же?

— Ее место здесь.

— Не понимаю почему,— настаивал я.

Бомаск посмотрел на меня смеясь. Он снова обрел способность смеяться.

— Вы-то, конечно, меня не поймете... Но так уж оно есть... поскольку каждый рабочий должен бороться на своем месте, у себя на родине.

Вот я и снова столкнулся с их фанатизмом. Но на этот раз он мне на руку. Очень хорошо, что Пьеретта не может уехать.

— А вы?— спросил я.— Разве ваше место борьбы не на «Ансальдо»?

— Я еще вернусь туда,— ответил Бомаск.

Пауза.

— Но только не сейчас,— добавил он.

Больше мне ничего не удалось из него выжать. Но я чувствую, что затронул многообещающую тему.

Послезавтра снова отправляюсь на рыбную ловлю.
Передай поклон твоему мрачному скату.
Целую.

Филипп.

ПИСЬМО XIII

От Натали Амполи Филиппу Летурно

Капри, август 195...г.

Что за нелепая идиллия с Бомаском! Пойди к Пьеретте и докажи ей свою любовь так же убедительно, как в письмах ко мне. Мы редко способны устоять перед очевидностью.

Бернарда спуталась с компанией неофашистов. Она ищет утешения от моей жестокости, мечтая с ними о будущем черном терроре.

Я опять встретила ската. На этот раз нам обоим было уже не так страшно. Мы долго рассматривали друг друга; нас разделяло не больше десяти метров. Затем он медленно повернулся и исчез в черной дыре. Я подплываю туда каждый день, в надежде увидеть его снова. Вот он, достойный меня друг.

Привет!

Натали.

ПИСЬМО XIV

От Филиппа Летурно Натали Амполи

Клюзо, август 195...г.

Зачем же мне отказываться от общества Бомаска? Он служит мне единственной связью с Пьереттой. Еще немного — и мы станем неразлучными друзьями.

От него я и узнал, что вчера она поздно вернулась с заседания ячейки (наверно, по поводу того, как организовать борьбу против «моего» проекта); что ее сын болен свинкой и на ферму дяди, где живет ребенок, Пьеретту отвез учитель-коммунист, у которого собственная машина; что любовник Пьеретты подарил ей платье из пестрого ситца, ибо, по его мнению, нехорошо в молодые годы всегда ходить в черном; что в новом платье она «вся такая светлая» (dixit * Бомаск); но это уже было мне известно — из-за моего розового куста я увидел новое платье лишь чуть попозже Бомаска: Пьеретта надела обновку, когда пошла утром на фабрику.

Моя близость с Бомаском возникла совершенно естественно — на рыбной ловле в Гранж-о-Ване, причем я, конечно, не выудил ни одной рыбешки, да и не пытался. Я размышлял о том, как бы услать соперника в Италию (почему, если я правильно его понял, он *не может* вернуться на родину?), и бродил вдоль ручья, который бежит по лугу, а затем ниспадает в ущелье, превращаясь в бурный поток. На следующий день я возобновил свои попытки. В конце концов Бомаск сжалился надо мной и решил научить меня удить рыбу.

Он кончает работу к двум часам дня. Пьеретта же освобождается только к пяти. Чаще всего Бомаск просто не знает, куда себя девать: все

* Как сказал *(лат.)*.

в Клюзо еще работают, «агитировать массы» в это время нельзя, а он не любит заниматься политикой, сидя за столом. (Впрочем, он, кажется, далеко не такой активный борец, как мне его изображали.)

Так вот, мы почти ежедневно бродим по берегам Желины, и мне удалось поймать только несколько крохотных форелей. А он берет столько рыбы, сколько его душе угодно. Он и к форели знает, как подойти.

Бомаск твердо уверен, что я решительно ничего не умею делать сам — ни надеть рыболовный крючок, ни выбраться из ямы, ни распутать леску, равно как и запутанную политическую проблему. Бомаск меня опекает. Он, разумеется, убежден, что его помощь понадобится мне, даже если я захочу покорить женщину. А по поводу того, могу ли я заработать по-настоящему себе на жизнь, он полагает (так я понял по его намекам), что я столь же органически на это неспособен, как и ремонтировать машину; догадываюсь, что если ПТАО обанкротится, Бомаск предложит мне разделить с ним его трапезы. Вот он долгожданный способ проникнуть в дом Пьеретты! У нее ведь не хватит духу мне отказать в куске хлеба, который предложит мне ее спутник жизни; так пусть же скорее приходит крах, какого еще не видел мир!

Если бы он не был любовником Пьеретты Амабль, не называл бы ее женой, я бы, возможно, питал к нему настоящую привязанность. Да, в сущности говоря, почему «если»? Я и сейчас питаю к нему то прежде неведомое мне (как и любовь) чувство, которое почтенные авторы называют дружбой. (Если бы это письмо попало к твоему отцу, он процитировал бы нам целые страницы из Монтеня.) Тем не менее я сотни раз на дню желаю гибели моему сопернику и, будь это возможно, с радостью предал бы его палачам. Но я предпочел бы, чтобы судьба избавила меня от необходимости самому приложить к этому руку. Не лишено вероятия, что я пожалел бы о нем!

Помнишь, в детстве, когда мать, уезжая куда-нибудь, брала нас с собой, мы убегали из спального вагона в вагоны или в зал ожидания третьего класса. Нас притягивали к себе люди, уснувшие на плече случайного спутника в переполненном вагоне, а подчас и прямо на полу. Они казались нам более «настоящими», чем знакомые наших родных. Однажды вечером на тулонском вокзале, где мы были проездом из Канн в Париж, мы с тобою смотрели, как пассажиры третьего класса пьют воду из маленького фонтанчика на станционной платформе; какой-то рабочий дал тебе пить из своей большой жестяной кружки; ты осушила ее залпом, бросив на меня торжествующий взгляд; так смотрят маленькие девочки, впервые в жизни отважившись на подвиг. Ты так же была горда, когда завела себе первого любовника. Мы с тобой от рожденья пассажиры первого класса, но вопреки правилам внутреннего распорядка, принятым на пароходах, третий класс казался нам запретной зоной. А мой новый друг, конечно, чувствует себя всюду как дома, даже в первом классе.

Дед мой тоже таков; думаю, он отлично разъезжал бы и в третьем классе. Это потому, что он еще недалеко ушел от тех поколений Летурно, которые своим трудом добыли привилегии второму и третьему поколениям. А я благодарен Бомаску за то, что он приблизил меня к себе.

С тех пор как представители рабочих разговаривают с предпринимателями как раньше, с тех пор как коммунисты убедили рабочий класс («восходящий класс», по их выражению), что завтра он придет к власти, с тех пор как рабочие стоят у власти в огромной стране, которой стоит лишь пошевелиться, чтобы затрепетали все министерские канцелярии мира, мы можем считать, что наша карта бита.

Поскольку механик мне ровня, станет ли он ремонтировать мою машину, если это ему не угодно? Мы живем их милостями.

Рембо сказал: «Еще ребенком я восхищался неисправимым каторжником, за которым вновь и вновь захлопываются ворота тюрьмы». Но современный рабочий не каторжник, он престолонаследник. Мы уже не только восхищаемся, мы боимся и уважаем его.

Занятый подглядыванием из розария, рыбной ловлей с соперником и бурными мечтами, которые до самого дна раскрывают передо мной, как страстно я *хочу* Пьеретту, я не нахожу времени переступить порог своего служебного кабинета. Когда я случайно встречаюсь с Таллагран, он попрежнему выказывает мне знаки почтения: мое право на праздность неотъемлемо наряду со всеми прочими законными правами знатных семейств (Таллагран ездит во втором классе). А Нобле, который ближе его к жизни, скорбит об утраченных традициях предпринимателя старого времени; свои чувства он выражает неодобрительным молчанием. Таллагран не считает мою праздность подлинной праздностью — в его глазах это досуг, необходимый для высшего класса, класса организаторов. Таллагран — вот кто по-настоящему «почтительный»! А дед смотрел на меня с ехидцей, когда служанка доложила ему, что на фронтоне «Цеха ста» вывешен транспарант с надписью «Операция повышения производительности ПТАО — Филипп Летурно», он спросил меня:

— Операция? Что за операция? На каком это языке? Может, ты хирургом стал или биржевиком?

Целую неделю он со мной не разговаривал. Теперь, повидимому, дед доволен, что я «не поддался». Он начинает думать, что я умнее, чем кажусь.

Мне очень недостает тебя. До ужаса нуждаюсь в исповеднике. Обнимаю тебя как настоящую сестру, ту, что пила из жестяной кружки тулонского рабочего.

Филипп.

ПИСЬМО XV

От Натали Амполи Филиппу Летурно

Капри, август, 195...г.

Почему это я вдруг преисполнилась гордости, испив воды из кружки неизвестного мне человека, если уже тогда целовалась с любым встречным мальчишкой?

Итальянские приятели Бернарды все ночи напролет поют «Хорста Весселя» и другие нацистские песни в кабаке, обставленном на баварский манер; на стенах развешены омерзительные деревянные тарелки с выжженными на них картинками, прославляющими Берхтесгаден * и прочие «святые» места. Пьют они, пожалуй, не меньше моего, но мрачно. Они ставят в вину Муссолини, что он был чересчур мягок, а под отворотом пиджака прячут приколотую свастику. Когда этой кампании удается залучить немца, все их девки так и льнут к нему. Сегодня в четвертом часу утра бывший летчик-истребитель (итальянец) в пьяном бреду бормотал: «Бросить бы одну атомную бомбу... дайте же мне хоть разок бросить бомбу А — пусть даже в самого себя!..» Любовница этого «твердокаменного» борца старше его на двадцать лет и устраивает ему взбучку, стоит ему только поглядеть на другую женщину.

Я выложила этим безработным героям все начистоту: что они трусы — показывают свои свастики только в дорогом кабаке, который ра-

* Резиденция Гитлера в фашистской Германии.— *Прим. ред.*

бочему не по карману, иначе они давно получили бы по зубам. Сказала еще, что Франции здорово повезло: вьетнамцы избавили ее от таких молодчиков. Они терпят все, даже то, что я еврейка, потому что плачу́ я.

Не люблю пить одна, оттого и провожу с ними ночи... Опротивела я себе, пожалуй, не меньше, чем они мне, а я им.

Даже скат меня не выносит — не является на наши подводные свидания.

А от тебя меня мутит не меньше — мне противно твое заискивание перед «восходящим классом».

И все-таки я целую тебя со всей нежностью, на которую способна, она ведь не так уж обременительна!

Натали.

ПИСЬМО XVI

От Натали Амполи Филиппу Летурно

Капри, сентябрь 195...г.

Пять недель от тебя нет вестей. Может быть, тебя уже «осчастливили»?

Где твоя мать? Я несколько удивлена, что она не сделала новой попытки получить от меня доверенность.

Мы с Бернардой сняли виллу на восточном берегу Капри, напротив материка, у самого пролива, в котором, по утверждению ученых специалистов, плавали сирены, чье пение вынудило Улисса заткнуть уши.

В этих краях гуляет и мой скат. Я его видела еще несколько раз. Рыбаки уверяют, что рана от копья на хвосте ската может быть для человека смертельной.

Вчера, огибая маленькую косу, в двух метрах под водой, я столкнулась с моим скатом. Я нажала спуск самострела. Стрела угодила скату между плавников. Мой приятель повернулся ко мне хвостом и нырнул в пучину вод, увлекая за собой стрелу, веревку, самострел и меня. Сквозь голубоватую, зыбкую пелену воды я видела стремительно приближающееся золотистое песчаное дно. Потом у меня зашумело в ушах и я стала вдруг очень тяжелой. Очнулась я на поверхности воды у берега. Меня подобрали рыбаки.

Сегодня утром съездила в Неаполь и купила себе самострел покрепче. Завтра утром снова явлюсь на свидание.

Пиши!

Натали.

ПИСЬМО XVII

От Филиппа Летурно Натали Амполи

Клюзо, октябрь 195...г.

Я признался в любви Пьеретте Амабль. Ее это даже не обидело.

Вчера Бомаск повел меня «домой», как он сейчас выражается, показывать снимки «Ансальдо». Пьеретта уже пришла с работы. Она сидела за большим столом, заваленным папками, и писала.

— Я привел Летурно, — сказал Бомаск, — хочу показать ему фото своей верфи.

Пьеретта кивнула мне, продолжая писать. Какой у нее, однако, может быть начальственный вид!

Тут за Бомаском пришел хозяин скобяной лавки, из дома напротив; у него не заводился мотор грузовика.

— Подожди, — сказал мне Бомаск (мы перешли на «ты»), — я сбегаю погляжу, что там стряслось.

Он усадил меня в большое плетеное кресло *позади* Пьеретты, угостив отвратительной сигаретой с золотым ободком, какие он всегда курит. Затем он ушел.

Вот я и наедине с Пьереттой, в ее доме.

— Пьеретта, вы сочтете меня последним подлецом...

— Что вы еще натворили? — спрашивает она не оборачиваясь.

А я попрежнему сижу в плетеном кресле.

— Я ведь еще и потому негодяй, что Бомаск мой друг...

Она вздрагивает, перестает писать, но не оборачивается.

— Рассказывайте, — сухо говорит она.

— Я люблю вас, я полюбил вас с той самой минуты, как увидел на балу, устроенном вашей партией...

— И только-то? — восклицает Пьеретта.

Она оборачивается, глядя на меня с улыбкой.

Ни возмущения, ни вражды — веселая улыбка. Даже не насмешливая, а ласково-веселая улыбка.

Но, вглядевшись в меня, Пьеретта перестает улыбаться. Она видит, что я встал, пытаюсь подойти к ней, но у меня подкашиваются ноги. Я, вероятно, очень бледен.

— Простите, — лепечу я.

И шатаюсь.

Пьеретта вскочила и, бережно взяв меня под руку, ведет обратно. Я позволяю себя вести. Вот я опять сижу в плетеном кресле. Пьеретта стоит передо мной. Она снова меня разглядывает. На этот раз у нее не улыбающийся взгляд, а скорее удивленный. И чуточку взволнованный, не то чтобы по-настоящему взволнованный: в нем просто жалость, только жалость.

А я смотрю на нее во все глаза. Протягиваю к ней руки. Она берет их в свои и укладывает на подлокотники кресла. Не задержались ли на секунду ее руки, коснувшись моих? Или это игра моего воображения? Я покрылся холодным потом, меня знобит.

— Сидите смирно, — говорит она. (Кажется, именно в эту минуту ее руки задержались, касаясь моих.)

Она отходит, идет вглубь комнаты, к стенному шкафу.

Я не двигаюсь, слежу за ней взглядом.

Пьеретта вынимает из шкафа бутылку рома. Предо мной встает крупным планом, как с киноэкрана, этикетка: «Мартиникские плантаторы». Пьеретта наполняет ромом ликерную рюмку и протягивает мне:

— Пейте!

В ту же секунду возникает воспоминание... Мне тринадцатый год; скоро Пасха; прошлые мои исповеди были кощунством; я не посмел признаться исповеднику в своем тайном грехе. В страстную субботу я пошел к лицейскому священнику. «Хотите исповедаться, дитя мое?» «Да, отец, мой». И, закрыв лицо руками, я признался во всем. Но едва я это вымолвил, как мне стало дурно; священник посадил меня в свое кресло. Я был весь в поту, меня била дрожь. Священник заставил меня выпить стакан рома.

И вот сейчас, как тогда, я покрылся гусиной кожей от знакомого мне чувства стыда. Вырвав рюмку из рук Пьеретты, я с размаху швырнул ее об стену. Но я ослабел, руки и ноги у меня были как ватные — рюмка даже не разбилась.

Пьеретта нахмурила брови, словно школьная учительница, которой помешал вести урок гадкий мальчик.

В ту же минуту вошел Бомаск.

— Твоему другу дурно, — сказала Пьеретта.

— Он вовсе не такой здоровяк, каким кажется, — отозвался Бомаск, хлопнув меня по спине.

— Ты бы проводил его до дому.

— Тебе в самом деле нехорошо? — спросил Бомаск.

— Мне уже лучше, — ответил я.

Я встал. Бомаск хотел взять меня под руку.

— Нет, нет! Я прекрасно могу дойти и один.

Я сделал несколько шагов по комнате и сказал:

— Гораздо лучше.

— А все-таки надо бы тебя проводить, — сказал Бомаск.

— Нет, нет, я чувствую себя гораздо лучше.

Я отвесил Пьеретте поклон.

— До свиданья, Пьеретта Амабль! Извините за причиненное беспокойство. Искренне прошу меня простить...

— Не за что, — отвечала она смеясь.

— Ну как, дойдешь один? — спросил Бомаск.

— Все в полном порядке, — ответил я. — Будь здоров, Бомаск!

Я пошел к двери. Пьеретта вскинула на меня глаза.

— До свиданья, Филипп Летурно.

Дома я сразу же лег в постель. И, как наказанный ребенок, уснул в слезах.

Я спал десять часов подряд. Проснувшись, я сел писать это письмо. Сейчас уже двенадцать часов дня. В три часа я должен встретиться с Бомаском, чтобы вместе с ним пойти на рыбную ловлю. Не пойду.

Филипп.

P. S. У меня тоже давно нет вестей от матери. Три недели назад она была в Нью-Йорке у «моей» тети Эстер.

Второй P. S.

Предположим, что немедленно же после моего ухода Пьеретта рассказала Бомаску о моем признании... Нет, не думаю. Ее молчание, когда вошел Бомаск, тон, которым она сказала «твоему другу дурно», чтобы *скрыть* мое смятение, — все это создало между нами некое *сообщничество,* и Бомаск был бы вправе привлечь ее к ответу.

Пойду все-таки удить рыбу.

Итак, есть две гипотезы:

1. Первая и самая вероятная: Пьеретта ему ничего не сказала. Следовательно, в моих отношениях с Бомаском ничего не изменилось. Я могу их поддерживать, хотя бы для того, чтобы иметь возможность бывать у Пьеретты.

Не встречаться с Бомаском было бы *нечестно по отношению к Пьеретте.* Он заподозрит, что вчера произошло нечто особенное, а именно это она хотела от него скрыть. Может быть, Бомаск закатил бы ей сцену ревности, тогда как Пьеретта тщательно старалась ее избежать.

(Пьеретта Амабль — честнейшая из женщин, а ведь с какой легкостью она сумела утаить от любовника мое признание в любви! На ее месте самый хладнокровный мужчина выдал бы себя.)

2. Предположим, что она все ему рассказала, но он считает меня младенцем, и они весело посмеялись над моей выходкой. В этом случае он может прийти, может и не прийти на наше свидание. Если я туда пойду, это не меняет существа дела.

Вывод: *я должен* сейчас же идти на условленную встречу с Бомаском.

Если поразмыслить, первая гипотеза, то есть сознательное умолчание Пьеретты, кажется мне самой вероятной. Когда я уходил, она сказала: «До свиданья, Филипп Летурно».

«До свиданья...» Значит, не выгоняет меня. Вот в чем ее *сообщничество.*

Я хотел бы услышать: «До свиданья, Филипп». Она, конечно, прибавила фамилию («До свиданья, Филипп Летурно»), чтобы отвлечь внимание Бомаска, чтобы он не заметил, как она опустила обычное обращение: «Мосье Летурно». Но я-то отлично это заметил, чего она, конечно, и хотела. Думаю, что я скоро извещу тебя о своей победе.

Третий P. S. Если эта женщина вскоре станет моей, что весьма вероятно, мы сразу же поедем к тебе на Капри.

Филипп.

ПИСЬМО XVIII

От Натали Амполи Филиппу Летурно

Капри, октябрь 195...г.

И меня тоже, Филипп, меня тоже знобит. Я тоже в лихорадке. Но по другой причине — оттого, что слишком долго пробыла под водой, подстерегая своего единственного друга.

Даже солнце Капри меня не может согреть. Врач строго мне запретил жить у моря. Сейчас мы выезжаем в Сестриер (Пьемонт).

Пиши до востребования.

Твой Бомаск прав. Мы оба далеко не такие «здоровяки», как воображали.

Целую тебя.

Натали.

ПИСЬМО XIX

(разминувшееся с предыдущим)

От Филиппа Летурно Натали Амполи

Клюзо, октябрь 195...г.

Я презренный негодяй.

Бомаск, с которым я сейчас встретился, был не такой, *как обычно.*

— Ну что, лучше тебе? — спросил он меня.

Нет, в тоне у него не было насмешки.

Он, повидимому, думал о чем-то другом. Поэтому и не слышал моего ответа.

Сегодня глаза его не смеялись по любому поводу, как это свойственно ему; не было в них той затаенной, лукавой усмешки, которая в первое время нашего знакомства так меня смущала. Его настроение, кажется мне, не вызвано приступом тоски по родине (иной раз она находит на него); такие минуты вселяют в меня надежду, что он сядет в первый же поезд на Геную, оставив Пьеретте один-единственный выход: приблизить меня к себе, чтобы с испытанным другом дома предаваться воспоминаниям о бросившем ее любовнике. Все эти дни он подолгу молчит, потом вдруг рассказывает то случай из своей партизанской жизни, то эпи-

зод забастовки в Генуе, то браконьерские похождения в Абруццах; и по мере того как он рассказывает, к нему возвращается его живость, его «завлекательность». Да, в нем есть «завлекательность», как есть у него и «подход». Только познакомившись с ним, я научился понимать эти народные выражения; порой Бомаск способен так **«завлечь»** меня, что я почти забываю о Пьеретте.

Но сегодня было иначе. Бомаска явно терзала какая-то забота — «сердечная печаль», говоря языком гадалки; среди его карт затесался пиковый валет.

Мы удим с грузилом на червяка: тяжелое грузило укреплено в двадцати сантиметрах от крючка. Красный червяк насажен на крючок, и кончики его извиваются в воде. Обутый в резиновые сапоги, я стоял по колено в воде и забрасывал в пенистую речку лесу с червяком, которую поток кидал с уступа на уступ, из одной выбоины в другую. Если даже червяка и подстерегает форель, она может либо клюнуть, либо нет, либо сорваться с крючка, либо не сорваться, порвать леску, либо не порвать; но я все-таки выловил одну форель величиной с ладонь; под руководством моего друга Бомаска я становлюсь заправским рыболовом. Весьма вероятно, что теперь меня не испугал бы даже твой приятель—скат.

Стоя немного выше меня по течению, Бомаск методически обследовал глубокую яму. Он отпустил лесу по течению. Оно увлекло ее в яму, где ее подхватил водоворот; леску то относило от берега, то бросало обратно. Бомаск был уверен, что там где-нибудь под корягой притаилась крупная форель. Он никогда не ошибается. Но, наверно, форель еще не проголодалась либо же ей хотелось позавтракать чем-нибудь другим, а не красным червяком. В конце концов леска зацепилась за корягу и порвалась. «Porca miséria!» Я привык к ругательствам Бомаска, которые обычно нисколько не портят ему настроения. Он вышел на берег и сел неподалеку от меня чинить удочку.

Один его неловкий ход дал мне возможность к нему приблизиться.

— Скажи, ты когда-нибудь ревновал? — спросил он вдруг.

— Приходилось, — ответил я на всякий случай.

Сердце мое колотилось. Так Пьеретта сказала ему?

— А я никогда не ревновал, — продолжал Бомаск.

Он привязал крючок и потянул за леску, чтобы закрепить его потуже; леска порвалась; этого с Бомаском еще не бывало. «Porca madona!» — проворчал он.

Меня занимал вопрос, ревнует ли он ко мне? Если да — значит, он считает меня опасным соперником, значит, Пьеретта не посмеялась надо мной, может быть, даже выдала свое чувство ко мне словом, движением, взглядом. День был знойный, но в тени раскидистых деревьев, которые окаймляют Желину, почти сплетаясь кронами, стояла чудесная прохлада. И вдруг меня охватила безудержная радость.

Внезапно леска натянулась. Уж не форель ли клюнула? А может быть, леса зацепилась за корягу? Я осторожно потянул удочку, она выгнулась дугой, но не сломалась. Я почувствовал, что на крючок попалось что-то очень тяжелое. Лесу притянуло к яме, у которой раньше удил Бомаск. Я отпустил лесу.

— Не отпускай, — закричал Бомаск, — не то она удерет за эти сволочные коряги... Но полегче, бог ты мой, полегче, ты все испортишь!

Неведомая добыча, попавшаяся на крючок моей удочки, которую я старался удержать так осторожно, как приказывал Бомаск, вдруг провалилась куда-то в яму и обосновалась под водой прочно, как скала.

— Полегче, полегче! — кричал Бомаск.

Он прыгнул в ручей и пошел ко мне, скользя и оступаясь по мокрым камням.

— Не шевелись, — командовал он, — не тяни, только не отпускай...

Бомаск лег на камень, погрузил руку по самое плечо в воду и вытащил вместе с леской огромную форель. Она весила больше фунта. Такая замечательная форель мне до сих пор не попадалась. Помнишь, когда у меня был еще маленький Сальмсон, который мать подарила мне к восемнадцатилетию, я верил, что если при выезде из гаража увижу зеленый свет на перекрестке — значит, весь день будет удача? Пойманная форель внушила мне ту же уверенность в удаче, что и зеленый огонь светофора.

Я снял форель, сломав при этом крючок, и сел рядом с Бомаском. Мы долго молчали. Внезапно он сказал:

— Я хорошо знаю, что между Пьереттой и Миньо ничего нет. Но Миньо... mi secca. Как это говорится у вас по-французски?

— Раздражает! — прошептал я.

— Вот, вот, Миньо раздражает меня.

Я тоже убежден, что между Пьереттой Амабль и Миньо «ничего нет». Не знаю почему, но я совершенно в этом уверен. Однако меня глубоко уязвило, что Бомаск ревнует не ко мне, поэтому я не захотел его разуверять в неверности Пьеретты. Я покачал головой и промолчал.

Если бы я ему ответил, он бы все равно меня не расслышал, потому что продолжал говорить. Он произнес почти монолог. Вот примерно что он сказал: «Пьеретта хорошая женщина, она мне жена. Бог ты мой, кому, как не мне, это знать! Она мне настоящая жена. Но разговаривает она не со мной, а с Миньо. Вечером мне спать хочется, встаю-то я в четыре утра, а у нее день только начинается, начинается работа, которая ей по душе: собрания, чтение книг, составление листовок, разные обсуждения. И эту свою работу она делает вместе с Миньо. А если иной раз я не такой еще сонный и могу понять, о чем они толкуют, они не дают мне слова сказать. Я только и слышу, что я не знаю местной обстановки, что я не повышаю своего идейного уровня — так это у них называется. Миньо то и дело корит меня тем, что я не изучаю книги Мориса. А на что мне сдался их Морис! Секретарь итальянской партии — Пальмиро, и он ничуть не хуже ихнего! Бывает и так, что мне приходится самому готовить ужин из-за того, что Пьеретта задержалась на профсоюзном собрании; случается, что я лег спать, а тут как раз пришел Миньо составлять с ней отчет федерального бюро или изучать речь Жака, Этьена, Франсуа. Я у нее только для постели. Женщина в доме — вот я кто!»

Таков был примерно монолог Бомаска. Многие тирады я опустил. Затем он добавил:

— В Италии товарищи меня слушались. Я не теоретик, это верно. Но все знают, что у меня есть *чутье* к людям. Когда обсуждается, быть или не быть делу, и я скажу «можно» или «нельзя», товарищи знают, что я заслуживаю доверия. А тут я всегда буду макаронщиком.

Он порывисто обернулся ко мне:

— Не желаю тебе попасть в положение человека, который вынужден жить в изгнании!

(Но почему он вынужден жить в изгнании?)

Помолчав, он спросил:

— Скажи мне, Филипп, ты ведь хорошо знаешь француженок, как по-твоему, почему Пьеретта со мной сошлась?

Я ответил первое, что пришло мне в голову:

— Наверно, потому, что ты красивый парень, Бомаск!

— Вот, вот, — пробормотал он. — Миньо для серьезных дел, а мака для вентиляции крови!

Я предложил ему американскую сигарету «Лаки».

— Спасибо, я предпочитаю свои «Сюльтан», — ответил он, — у меня вкусы мака́.

Закусив зубами золоченый кончик сигареты, он принялся чинить удочку, забытую во время монолога. Дважды подряд, когда он затягивал леску, петля срывалась с крючка. Бомаск щелчком сбросил крючок в реку. Затем, вытянув руки на траве, пригнувшись ко мне и ловя мой взгляд, спросил:

— Как ты думаешь, может, Пьеретта такая же, как твоя сестра?

Я уже не раз рассказывал ему о твоей удивительной независимости. Впрочем, кое о чем он, видимо, догадывается, если я правильно понял то, что произошло тогда между вами у Альфа-Ромео. Правда, о твоих вкусах я не распространялся. Но я поделился с ним тем, что часто слышал от тебя; рассказывал, как ты изумляешь своих любовников, когда сразу берешься за книгу, за письмо, либо идешь гулять, взяв от них все, что хотела. Бомаск расспрашивал меня обо всех подробностях, которые я и выдумывал по мере надобности. Коротко говоря, я представил тебя как олицетворение беспутства.

— Не знаю, — ответил я Бомаску. — Я недостаточно осведомлен, чтобы судить... Ну-ка, скажи, как это у вас с ней началось?

— Не твое дело, — грубо ответил он.

Я понял, что почти ненароком (нет, не совсем!) коснулся больного места.

— А я, когда ревную, стараюсь восстановить в памяти, как началась моя связь, — сказал я. — Если женщина защищалась стойко, я считаю, что есть шансы, что она окажет сопротивление и другому. Если же она досталась мне легко, я делаю вывод, что и другому она достанется без труда. Надо здраво смотреть на вещи. Нелепо думать, что если ты сам наставлял рога, то тебе их не могут наставить другие.

Бомаск встал. Я остался сидеть, подняв на него чистый взор. В эту минуту, вероятно, я представлял собой идеальное воплощение двоедушия.

В углу его рта залегла презрительная складка.

— Ну и гнус же ты, — сказал он. — Но ты, наверно, прав.

Он поднял свою удочку, не спеша свернул леску, уложил в сумку коробку с крючками, коробку с грузилом, жестянку с червями и, не сказав ни слова, большими шагами ушел.

Я никогда не осмелюсь снова встретиться ни с ним, ни с Пьереттой.

Нет, неправда. Я с упоением мечтаю о том, как мой змеиный яд сделает свое дело и Бомаск станет таким отвратительным, таким «гнусом», что она его прогонит. Тогда придет мой час. Разве она не сказала мне вчера: «До свиданья, Филипп»?

И все-таки я никогда больше не посмею ответить взглядом на ее прямой взгляд.

Твой презренный брат
Филипп.

ПИСЬМО XX

От Натали Амполи Филиппу Летурно

Сестриер (Пьемонт), октябрь 195...г.

Белая, белая комната, окно во всю ширину стены и вечные снега напротив, по ту сторону долины.

Первую неделю сиделка проводила у моего изголовья все ночи напролет — молодая девушка, очень смуглая, тоненькая, с удлиненным разрезом глаз, наполовину аравитянка. Она внимательна и замкнута

(что я могла наговорить в бреду?), осторожна, терпелива, но ни разу мне не улыбнулась. Просыпаясь, я всегда встречала ее взгляд, взгляд сиделки на посту. Ангела смерти.

Но я выжила. Температура с каждым днем падает. Нас, Амполи, с одного раза не убьешь; нас надо убивать тысячи раз.

Твое последнее письмо переслали мне сюда. Брось все! У меня с Пьереттой Амабль есть немало общих черт. На ее месте я вела бы себя точно так же; но я, как и друзья Бернарды, безработная героиня; в нашу эпоху я могу использовать свои силы только для самоуничтожения. Поверь моему опыту, Пьеретта тебя никогда не полюбит, потому что ты ведешь себя с ней, как порочный мальчишка. Тебе нужна женамать, которая незаметно доведет тебя до зрелости. А Пьеретта другая: она Диана-охотница.

Я отправила Бернарду на все четыре стороны. Читаю по-итальянски эротические повести XV века. Вот это полезно для здоровья. Я бы скоро поправилась, будь у меня настоящее дело.

Натали.

ПИСЬМО XXI

От Филиппа Летурно Натали Амполи

Клюзо, октябрь 195...г.

Слишком поздно ты решила стать моим духовником.

Я увлекаю Бомаска за собой в водоворот. Наш челн все стремительнее несется к бездне. Мы закрываем глаза.

Он сам пришел за мной на следующий день после того, как *я поймал лучшую в моей жизни форель*. Бомаск уже забыл о том, что я «гнус». Он, как дурак, спросил, есть ли у меня основание считать, что «Пьеретта такая же, как все женщины»... Вот олух! Жалкий собрат по несчастью!

Мы проводим дни и вечера, занимаясь расследованием любовного прошлого Пьеретты. Пока еще мы ничего не открыли. Но я внушаю ему, что и она, в точности, как ты, сближалась только мимоходом, только случайно с мужчинами, которых презирала. Такие связи остаются в тайне; не станут же мужчины хвастаться тем, что их выгнали, едва перестали испытывать в них необходимость. Бомаск исхудал, его грызет тоска. Он не может примириться с такой ролью.

Мы ведем свое следствие в кабаках Клюзо. Их там, пожалуй, столько же, сколько домов. Пьем мы отчаянно. Завели себе кучу приятелей, с которыми играем в азартные игры — превосходный способ отвлечься от мучений любви и ревности. Теперь к вечеру я уже совершенно пьян.

Цех, где начнется «операция повышения производительности ПТАО — Филипп Летурно», будет пущен на днях. И уж, конечно, в день «моего торжества» я, как всегда, буду пьян в стельку. Твой отец дал маху: сделал ставку на одержимого.

Завидую тебе в твоей беленькой комнатке. Если бы я еще верил в бога, я попробовал бы уйти в монастырь. Но сегодня единственное убежище для нас — санаторий, а снедающую меня лихорадку не измеришь ртутным столбиком...

Не целую тебя, от меня несет вином.

Филипп.

ПИСЬМО XXII

От Натали Амполи Филиппу Летурно

Сестриер, октябрь 195...г.

Брось все, говорю я тебе!

Администрация санатория разрешила мне пригласить тебя в соседнюю с моей, точно такую же комнатку. Мы будем встречаться на балконе, вместе читать, будем счастливы, как тогда, когда нам обоим исполнилось пятнадцать лет и я учила тебя понимать поэзию сюрреалистов.

Приезжай скорей!

Я люблю тебя подлинно сестринской любовью.

Натали.

ПИСЬМО XXIII

От Натали Амполи Валерио Амполи

Сестриер, октябрь 195...г.

Дорогой отец!

Филипп делает глупости.

Не можешь ли ты убедить его приехать ко мне? Администрация санатория соглашается предоставить ему комнату рядом с моей. Его надо лечить от всех болезней нашего времени. Одна я могу это сделать.

Твоя любящая дочь

Натали.

ПИСЬМО XXIV

От Валерио Амполи Натали Амполи

Лион, октябрь 195...г.

Дорогая моя дочь!

Никто не в силах сделать что-нибудь за другого человека. Выживают только жизнеспособные. Ты выздоровеешь, потому что ты Амполи и моя дочь. Нужно дать Филиппу переболеть до конца.

Целую тебя очень нежно.

Валерио.

ПИСЬМО XXV

От Филиппа Летурно Натали Амполи

Клюзо, октябрь 195...г.

Только что Бомаск признался мне, что не может вернуться в Италию, так как его преследует полиция за старое дело времен Сопротивления, и что во Франции его положение как рабочего-иностранца не узаконено. Может быть, устроить, чтобы его выслали? Одной гнусностью больше, не все ли равно! Пожалуй, я этим не удивил бы Бомаска. Может статься, он и сам ищет избавления от нашего общего ада.

Но в конце концов Пьеретта Амабль узнала бы обо всем. В свое время Нобле объяснил мне, что у коммунистов есть глаза и уши повсюду. Бомаск каждый день возвращается домой совершенно пьяный; хотелось бы довести его до полного падения в глазах той, которую мы оба любим. (Меня она пьяным не видит.)

Миньо и Пьеретта — мы следили за ними из-за оконных занавесок в трактире — вышли вчера с собрания под руку. Вполне возможно, что подозрения Бомаска, которые я в нем предательски поддерживал, оправдались!

Ужасно нуждаюсь в твоих советах.

Филипп.

ПИСЬМО XXVI

От Натали Амполи Филиппу Летурно

Сестриер, октябрь 195...г.

Мой отец, Валерио Амполи, иной раз говорит: «Если человек не кончает жизнь самоубийством, его долг жить благопристойно».

Натали.

ПИСЬМО XXVII

От Филиппа Летурно Натали Амполи

Клюзо, октябрь 195...г.

Мне не дано быть благопристойным.

Филипп.

(Окончание следует)

Уолтер Лоуэнфелс

СОНЕТЫ любви и свободы

Перевод с английского М. Зенкевича

В Нью-Йорке в этом году вышла книга стихов Уолтера Лоуэнфелса «Сонеты любви и свободы». Книга эта создавалась в то время, когда автор ее находился под судом по обвинению в подрывной деятельности. Находясь в заключении, поэт усиленно работал над своей книгой, в которую вошло тридцать четыре сонета, в том числе восемнадцать новых. В них он старается оживить вековую традиционную форму сонета, наполнив ее новым, политическим содержанием. «В этой книге, — пишет Лоуэнфелс в предисловии, — политическая мысль является той сущностью, которая сплетает воедино содержание и форму, старое и новое, традиционное построение со злободневными откликами. Это делает старую форму связующим звеном между читателем и писателем в годы испытаний водородной бомбы». Лоуэнфелс мастерски владеет сонетной формой, искусно соединяя в одно поэтическое целое злободневную политическую направленность с интимными лирическими переживаниями. Высокую оценку сонетам Лоуэнфелса дали прогрессивные писатели Говард Фаст и Арагон, Альберт Мальц, Майкл Голд, Альфред Креймберг. Стихи Лоуэнфелса переводились во Франции, в Южной Америке, в Италии, Германии, Китае, Индии. Мы приводим два сонета из этой книги.

Нет, не плакучие я видел ивы
Средь мартовских полей у светлых вод,
А видел я весенний хоровод,
Волос зеленых тонкие извивы.

Танцоры двигались и молчаливо
Всех приглашали в круг, кто подойдет.
Казалось — ветер устремлял в полет
Стволы и ветви в трепетном порыве.

Я видел хоровод и позабыл
Про приговор и зал судебный мрачный.
Что значит этот танец вкруг тюрьмы?

Всю гниль стряхнул зеленый юный пыл,
Земля весной вновь стала новобрачной,
И вместе с ней помолодели мы.

Здесь в камере дежурит ночь бессменно,
Но я услышал с воли твой привет,
И льется сверху ясный звездный свет,
Ко мне сюда проникнув через стены.

Весна в тюрьме зачахнет постепенно —
Так приговор суда звучит, — но нет!
«Будь верен правде» — это твой завет,
Как чайки взлет, как брызги белой пены.

Мир обновляется, и жизнь цветет,
Я слышу радостный трезвон весенний,
Свет солнечный проник в судебный зал,

Смеется, пляшет и поет народ,
Играют флейты, исчезают тени,
И гимн свободы мощно зазвучал!

Альфред Коппард

„Во всем виноват Толстой!"

(РАССКАЗ)

Перевод с английского Ю. Мирской

Вероника Перр была счастливой находкой для своих подруг; она звала их Моргушка, Мигушка и Кивок *. Все три не могли жить друг без друга, а к Веронике относились с покровительственной нежностью. Они называли ее «милочкой», считали ее простушкой и находили, что судьба явно благоволит к ней. Эти три молодые женщины были деловые лондонские женщины и служили в солидных лондонских конторах, а у Вероники был папа-вдовец, занимавший какой-то важный пост в управлении торгового флота (отдел насосов и подзорных труб), и это вынуждало его так много путешествовать по океану, что он с радостью ассигновал своей единственной дочери сто пятьдесят фунтов в год, с тем чтобы она могла жить, где ей захочется, вполне добродетельно и не доставляя ему дольше хлопот. Он дал ей свое благословение.

— Веди себя как следует, — сказал он. — Второй раз девушкой не станешь, да будет тебе известно.

Так случилось, что Моргушка, Мигушка и Кивок поселили у себя Веронику — они звали ее Перри; и она начала подыскивать себе какое-нибудь легкое, приятное занятие. Как-то так выходило, что она не могла найти ничего подходящего. Вероника была очень недурна собой, белокурая, как скандинавка, с нежным цветом лица и прелестной фигурой, но эти выгодные качества тускнели из-за ее вялого характера и какой-то душевной робости, которая привела к тому, что в бесчеловечной деловой среде Веронику сразу зачислили в разряд тупиц. И хотя тысячи тупиц великолепно устроены в деловом мире, проникнуть туда просто в качестве тупицы не так-то легко. Оставалась возможность стать агентом по приему заказов на меха и белье на условиях оплаты в рассрочку, либо по сбыту сигарет на каких-то неопределенных условиях, либо угля на весьма зловещих условиях, или, наконец, стать страховым агентом на самых что ни на есть невыносимых условиях. Если бы не три ее подруги, Вероника охотно воспользовалась бы любой из этих возможностей или всеми сразу, но, к ее огорчению, они возражали очень резко, чтобы не сказать больше. И так получилось, что Вероника попросту сидела дома, читала книги и понемножку занималась рукоделием. Дом, где они жили, стоял на площади в Чизуике. Он был старый и неудобный, но отличался какой-то допотопной изысканностью и аристократизмом; даже окна в нем мыл тот самый человек, который мыл их еще четверть века тому назад. В квартире были две спальни, одна большая общая комната и малень-

* Уинкен, Блинкен и Нод — имена трех неразлучных подруг из английской детской песенки.

кая кухня с черной плиткой, белой раковиной и темным шкафчиком, куда по временам забиралась страшная мышь и обгрызала мыло, пахнувшее опопонаксом.

По вечерам после обеда они собирались вместе в большой комнате, наслаждались ничегонеделанием и рассуждали о книгах, о жизни, о любви, о модах, о человечестве вообще, об искусстве, убийствах и религии; а иногда они отправлялись в дешевый дансинг, или заказывали себе дорогой ужин в ресторане, или покупали билеты в театр — удовольствие, которое может быть столь же дорогим или дешевым, сколь это может пожелать христианин; а ко дню рождения и на рождество они всегда делали друг другу подарки. В общем жить было так страшно интересно, что Вероника, случалось, не спала по ночам, с нетерпением ожидая наступления нового радостного дня.

— Нора, — обратилась как-то Вероника к девушке-ирландке, которая каждый день приходила к ним убирать квартиру. — Спросите у швейцара, нет ли для нас писем. Он такой глупый.

— Мошенник он, мэм, как бог свят, мошенник. Такой бесстыжей рожи я в жизни не видывала.

— Бесстыжей?!

— Да уж поверьте мне, коли у швейцара чирей на шее, сразу можно сказать, что он картежник. Я его спрашиваю: «Когда же вы соберетесь починить перила на лестнице?» А он только бурчит в ответ. Я себе голову из-за них разбила в пятницу. «Когда же, — говорю, — лестницу приведут в порядок?» А он мне: «Ох, я человек темный». И тут же сунул мне для вас три письма, мэм.

— Где же они? — воскликнула Вероника.

— Да вот... куда же я их девала-то, эти три письма. Их было три, такие хорошенькие три письмеца. Сейчас, сейчас разыщу, мэм.

Письма наконец найдены.

— А вот это я получила, мэм, — сказала Нора, извлекая из сумки небольшую картонную коробочку. — Из дому только нынче утром пришло.

В коробочке лежала эмалированная серебряная брошка в виде алого сердечка, зажатого между двумя листочками трилистника, а на сердечке было выгравировано «Иисус Христос».

— Тут все как есть в точности изображено, мэм, — пояснила Нора. — Трилистник — значит Ирландия, а это — бог превыше всего. А вот тут на коробочке написано «Из Корка», а корявое «П», мэм, значит Патрик.

— А зачем здесь три крестика после «П»? — допытывалась Вероника.

— Ох, это его выдумки! — хихикала Нора. — А я, мэм... да он мне даже совсем и не нравится — такой зубоскал. Рядом с ним всегда чувствуешь себя дура-дурой.

По утрам Вероника оставалась полновластной хозяйкой квартиры: днем она иногда поддавалась соблазнам — посещала дневной спектакль, музей; да мало ли соблазнов встречается в жизни милого праздного молодого существа, но она всегда возвращалась домой во-время, до прихода своих трех любимых подружек.

Моргушка — ее на самом деле звали Ида Парагрин — была высокая, красивая, томная и таинственная. Перед тем как вернуться домой, она обычно звонила по телефону.

— Перри, — ее протяжный шопот плыл из аппарата, — сообщал ли кто-нибудь из девяносто девяти идиотов, которых мы называем нашими друзьями, о своем намерении прийти сегодня к обеду?

— Нет, дорогая.

— Хорошо. Тогда нам понадобятся только два-три яйца. Я принесу их.

— Моргушка, милая, не надо. Я уже кое-что приготовила.

— Божественное создание!.. А что именно?

— Ну знаешь, Моргушка, я купила макароны.

— Боже, Перри, я просто не нахожу слов! А скажи, не оставил ли этот варвар из полиции снова повестку на мое имя?

— Да, милая, она здесь, на письменном столе, вот тут, возле телефона.

— Будь он проклят! — негодовала Моргушка.

— Что ты говоришь? — пищала Вероника.

— Я сказала «будь он проклят». Он пристал ко мне сегодня, когда я уходила, но я притворилась, будто это не я. Ужасный болван! Каждый год меня вызывают повесткой по поводу собаки, которой у меня нет. Ты слышишь, Перри? У меня никогда не было собаки и никогда не будет.

— Да, дорогая. И я велела швейцару сказать, что ты уехала в Японию.

— Ах, но он такой дурак, Перри, он даже соврать как следует не сумеет.

— Да, правда, Моргушка, они поймали Нору и вручили повестку ей.

— Перри, милочка, неужели я единственный человек на свете, который способен все толком уладить? Ну, до свидания, милая, я сейчас иду прямо домой.

Мигушка — или по-настоящему Элла Перкинс — была смуглая и некрасивая, а Фелисти Пинк — Кивок — была коротышка с курчавой, как у полинезийки, головой. Они все вместе строили планы на будущее, и Вероника, повидимому, обладала особым даром придумывать разные планы, где все отличалось удивительным по своей простоте совершенством. Например, они всегда будут жить вместе. Они никогда не выйдут замуж.

— Конечно, нет, — говорила Ида Парагрин. — В жизни нет высшего смысла, но жизнь есть факт, а когда имеешь дело с фактом, естественно, стараешься извлечь из него все, что только возможно. Пожалуйста, никаких замужеств.

Тогда Вероника придумала, что хорошо бы им приобрести пловучий дом и уехать жить на Темзе, где-нибудь между Путни и Кью. В тот день Вероника гуляла по берегу Темзы, недалеко от Хаммерсмиса, и любовалась полетом морских чаек на фоне осеннего заката; они порывисто выбивались из-под облаков, стремительно кидались вниз, взметая длинные струйки воды, и высоко взлетали над рекой, уносясь по направлению к Барнсу. На берегу под зеленым флагом с белой надписью КОРАБЛЕКРУШЕНИЕ возле груды досок и туго набитых мешков какие-то люди возились с подъемным краном и воротом. Ах, ее даже бросило в дрожь от волнения. Мужчины свистели и говорили разный вздор. Мужчины такие глупые. А на том берегу отчетливо выделялись пять высоких дымовых труб, совершенно одинаковых, и церковная башня, мало чем от них отличавшаяся. Глядя на них, Вероника почему-то подумала о Египте. Вот что ей хотелось бы иметь — пловучий дом; и поплыть именно в Египет. Но вскоре этот идеал был вытеснен другим — мечтами о кочевой жизни. О небо, какое блаженство скитаться по всей стране в крытой арбе, которую везет гнедая лошадка!

— Мы должны жить **калейдоскопически!** — восклицала Вероника. Но пока что они жили не так и только предавались мечтам то о пловучем

доме, который будет их возить из города в город, то о настоящем собственном доме с множеством всяческих удобств и турецкой баней. Затем дом превратился в коттедж. — Коттедж в сельской местности, — говорила Вероника. — Он будет прятаться, именно прятаться, в гуще прекрасного сада, обнесенного живой изгородью, а к белой калитке будет вести извилистая, мокрая от росы дорожка.— На калитке она непременно повесит почтовый ящик и отдаст ключ почтальону, на случай если он принесет какой-нибудь пакет. Почтальоны бывают очень милые, только они носят такие грубые башмаки. Да, почтовый ящик, выкрашенный в голубой цвет, и к нему маленький медный ключик. И она надеется, что в него не залезет никакая мышь и не залетит толстая пчела, приняв его по ошибке за улей. Птицы, те тоже проделывают всякие глупые штуки с почтовыми ящиками, а одна даже свила себе гнездо в кастрюле ее тети. Конечно, у Вероники будет медная кастрюля. И целый набор перчаток — для домашней работы, для мытья посуды, для сада и прочего, все разные — и крючки, чтобы их вешать. С ярлычками. И она наймет в прислуги красивую преданную ей девушку шотландку, у которой будет незаконный ребенок.

— Перри, милая, — говорила Ида Парагрин, — ты будешь жить у конечной остановки трамвая, на вилле с дверями шоколадного цвета и медным дверным молотком. Как ослепительно он будет блестеть!

— Нет, знаешь, — возражала Вероника. — Я предпочла бы иметь медный звонок в виде собачьей головы с веревочным кольцом в пасти.

Мало-помалу Моргушка, Мигушка и Кивок начали замечать, что Вероника говорит о каждом новом доме, даже не упоминая о них, так, словно ей одной предстоит там жить. Это становилось еще более явным, когда Вероника заговаривала о том, как она поедет за границу. Но теперь им было все равно, они уже перестали разделять ее восторги и предвкушать все эти несбыточные радости. Вероника столько раз откладывала свои планы и всегда находила для этого какую-нибудь причину; обычно причина заключалась в том, что Веронику всецело поглощала совершенно новая и еще более прекрасная мечта. Ну что можно поделать, если мечты о радости так изменчивы? Вероника была подлинной жертвой своих мимолетных фантазий; все необычное манило ее, все пленяло ее воображение. И ей нравилось думать о всяких запретных вещах не потому, что ей хотелось их делать или она считала, что их надо делать, но потому, что она думала, что их не следовало бы запрещать. Для нее прелесть была не в достижении цели, а в бунте против всяких запретов.

— Мужчины такие нелепые, — говорила Кивок.

— Такие отсталые, — вторила ей Мигушка.

— Такие неэстетичные, — поддакивала им Вероника.

— Да, совершенные тюфяки, — изрекала Ида Парагрин. — Мы, женщины, принимаем за чистую монету любой вздор. И мужчины точно так же. Мой дедушка, например, постоянно против всего протестовал: против жизни, против любви, против брака и даже против того, что он родился на свет; но у него было четыре жены, и он дожил до девяноста лет.

— Четыре сразу? — спросила Кивок.

— Они умирали, — сказала Ида.

Тут сразу обнаружилось, что Фелисити Пинк сохранила прямо-таки невероятную наивность и до сих пор ничего не знает об отношениях между супругами и о том, как появляются дети. Дети родятся, но как родятся, почему родятся? Ида просветила ее.

— Боже милостивый! — сказала потрясенная девушка. — Но уж конечно король и королева так не делают!

— Все, все делают, даже короли и королевы. И ты когда-нибудь тоже будешь делать.

— Да неужели девушка может так сильно привязаться к мужчине, чтобы ей захотелось жить с ним? Ты бы могла, Ида?

— Я бы не могла жить так долго с одним человеком, чтобы мне захотелось стать его женой, — задумчиво сказала Ида. — Но если это исключить... Может быть... Не знаю, они все-таки забавные.

В ее глазах и в ее словах не было затаенного желания, но от этой статной, красивой девушки словно исходил какой-то ток, сверкающий, переливчатый, как ожерелье из драгоценных каменьев.

— Нет такого человека на свете, которого я могла бы страстно полюбить, — сказала Вероника.

— Хо-хо! — воскликнули подружки. — Ну и Перри!

— Нет, нет, я знаю, что такого человека нет, — с жаром повторила Вероника, а потом добавила нерешительно:— но если бы я думала, что есть...

— Ну?! — воскликнули они.

— Я не знала бы покоя, пока не нашла его.

— И тогда?

— Тогда! Вот тогда мне стало бы страшно.

— Страшно? Чего же? Ха-ха! От тебя этого надо ожидать.— Они все дружно начали подтрунивать над ней.

— Мне было бы страшно потерять его.

— Ну, а вдруг бы он оказался грубой скотиной, мерзавцем, грязным развратником?

— Пусть, — сказала Вероника. — Ведь я бы полюбила его не за это, но все равно я любила бы его.

— Это уже не любовь, а мания! — воскликнула мисс Перкинс.

— Так оно всегда и бывает, — заявила Ида.

— Но, конечно, — сказала маленькая Кивок, склонив на бок свою курчавую головку, — ты могла бы развестись с ним.

— Мужчины против развода, — возразила Ида, — это все женщины затевают.

Вероника возмутилась.

— Нет, нет! Я никогда бы так не поступила. Я не могу объяснить этого. Вы меня все равно не поймете, но для меня это просто невозможно.

Их милая Вероника, со всеми ее причудами, выдумками, страхами, оказывается, еще и фанатик; им это казалось чистой нелепостью, что, впрочем, не мешало им любить ее еще больше. Она очень долго (боже! иногда это тянется годами) не может на что-нибудь решиться, но уж если она решится, это все равно, как если бы она захлопнула за собой железную дверь, и, даже если это приведет к каким-нибудь ужасным последствиям, она будет держаться твердо, непоколебимо, как кегля, которая стоит не дрогнув, когда в нее со всех сторон летят шары. Быть может, именно потому, что Вероника хорошо знала себя, знала, что, какой бы путь она ни избрала, назад возврата не будет, она колебалась и боялась принимать решение. Не бесконечная игра фантазии сдерживала ее, подсказывала ей все новые и новые планы, а страх перед неведомыми бедствиями и возможными страданиями. Так мотылек, порхая вокруг алтаря с незажженными свечами, не смеет опуститься ни на одну из них из страха, что, едва только он заденет ее своими крылышками, пламя вспыхнет и сожжет его. И тот же страх не позволит Веронике отступить; страх и какая-то особая гордость, заставляющая сохранять достоинство и в несчастье.

— Я никогда не выйду замуж, — сказала Кивок, — никогда.

— И я тоже, — подхватила Мигушка. И Вероника с ними согласилась.

Моргушка, затягиваясь сигаретой, уклончиво сказала: — Совсем не обязательно выходить замуж, мои дорогие.

Остальные затянули хором:

— Даем торжественный обет — остаться девами навек!

— Скажите лучше: незамужними, — вздохнула Ида Парагрин.

— Второй раз девушкой ведь не станешь, — выпалила Вероника. — Это папа меня так наставлял.

— Мне кажется, — протянула Ида со скучающим видом, — вряд ли найдется хоть одна женщина, которая этого пожелала бы.

— Боюсь, — вздохнула Вероника, — что, когда я полюблю, я сделаюсь совершенной дурой. Я это знаю.

— Милой дурочкой, — прошептала Ида.

— Я это знаю, — продолжала Вероника, — и поэтому я и не хочу. По крайней мере не сейчас еще.

Эти слова, обнаруживающие полную невинность, вызвали у трех подруг самые нескромные опасения.

— Перри, ты становишься вульгарной!

— Я просто стану его рабой, — сказала едва слышно Вероника.

И так на какое-то время Вероника увлеклась новой мечтой о человеке, которого она полюбит, и о том, как она будет вести себя с этим богоподобным существом. И хотя подруги смеялись над ее фантазиями, все же мечты Вероники оказали на них свое действие, о чем она даже не подозревала; они подействовали на них гораздо сильнее, чем на Веронику. Она никогда не стремилась изведать те наслаждения, которые сулили ей эти мечты. Она довольствовалась тем, что созерцала их в своем воображении; а между тем Ида Парагрин завела любовника, Кивок стала встречаться с молодыми людьми, а Элла Перкинс неожиданно вышла замуж за торговца молочными продуктами. У него была заячья губа, и он жил в Фулхэме — место, куда, по словам Иды, надо ехать на крыше омнибуса, уткнувшись носом в чью-то давно немытую шею. Почему Элла так поступила, они не понимали, они знали только, что какие-то женщины всегда выходят замуж за таких вот мужчин.

Веронике так и не пришлось жить ни в плавучем доме, ни в сельском коттедже, ни странствовать в крытой арбе. Правда, она чуть было не уехала за границу, но в конце концов все же не уехала, и теперь она уже больше и не думала ни о чем таком, потому что мирно и бесповоротно вышла замуж за владельца смолокуренного завода по фамилии Куасс, и они поселились на его вилле в Голдерз-Грин. Там на входной двери красовался медный молоток, и он так ослепительно блестел.

Арпад Куасс, несмотря на свое отдаленно тевтонское происхождение, был подлинным англичанином, столь же подлинным, как собор святого Павла. Ему было лет под сорок, говорил он звучным баритоном; бывалый, обходительный и великолепно одетый джентльмен. Ида и Кивок все же никак не могли простить ему, что он похитил их милую подругу. На первый взгляд он казался красивым, но потом его черты как-то теряли свою привлекательность: в них было что-то от модернистской живописи.

— Бывают черты резкие, прямые, а у него все какие-то волнистые, — говорила Ида.

Рослый, почти великан, плотный и широкоплечий, с рыжеватыми, изящно подстриженными усиками, с медным румянцем во всю щеку, как у деревенского мясника, — таков был Арпад. Когда его спрашивали, как он поживает, Арпад отвечал: — Будьте покойны — могу постоять за себя! — Подругам Вероники он не нравился; он не проявлял к ним ни малейшего интереса, даже искорки того внимания, которым он так воспламенил сердце Вероники. Подруги так и не могли разгадать тайну ее победы и порабощения, потому что — в этом-то уж можно было не сомне-

ваться — Вероника была влюблена без памяти. По их мнению, Арпад был властный человек, который считает ясным и доказанным очень многое, гораздо больше того, что сам в состоянии понять. У него было много свободного времени, и он очень любил рассуждать. Точность — вот был его девиз; он как чумы боялся всяких обобщений. А Вероника любила обобщать, так же как Моргушка и Кивок; по этой причине Арпад недолюбливал подруг Вероники, особенно Иду Парагрин. А кроме того, Арпад отличался какой-то педантичной свирепостью, которая иногда пробуждала в сердце Вероники безотчетный страх, потому что Арпад был один из тех, кто вопит «война!», когда нет никакой войны, и для кого цель борьбы не в восстановлении справедливости, а в захвате власти. С женой он был нежен и щедр; они часто совершали прогулки на автомобиле, ездили в дансинги, играли в теннис, гольф, бридж и прочее; и Вероника жила только им и с наслаждением подчинялась всем его желаниям и привычкам. У него были все замашки спортсмена. Он искусно и с большой выгодой вел свои дела, а в остальное время участвовал в различных спортивных состязаниях, при этом с необычайным успехом, так как играл с яростным ожесточением, чем нередко обезоруживал своих противников.

— Разбить противника, вот, в сущности, единственная цель всякой игры и всякой деятельности! Самое чудесное, самое захватывающее ощущение в жизни, — говорил он, — ты испытываешь, когда враг у тебя под прицелом, ты нажимаешь курок и видишь — вот он падает! Боже, какое блаженство! — бормотал он, и его даже бросало в пот от волнения. А Вероника в ужасе содрогалась в такие минуты, но, даже и содрогаясь, обожала его.

Спустя несколько месяцев после того, как они поженились, Арпад сказал ей: — Я надеюсь, дорогая моя (не сочти это жестокостью или эгоизмом с моей стороны), я надеюсь, что у нас с тобой не будет детей. Во всяком случае, пока не будет.

Вероника скрестила руки на коленях: — Ты так думаешь, Арпад?

— Я думаю, что это было бы несколько преждевременно. Особенно сейчас. Дети — это такая ответственность, такая обуза и так связывает. Тебе пришлось бы отказаться от всего: от тенниса, от гольфа, танцев; и потом, понимаешь, они будут очень мешать, они испортят нам жизнь. Что до меня, я говорю: НЕТ! А ты что скажешь?

Вероника разняла руки и сказала: — Да, пожалуй, ты прав, безусловно.

— Ну вот, — продолжал Арпад, — если это решено, поговорим еще о другом: нравится ли тебе жить за городом? Мне, видишь ли, хотелось бы построить небольшой дом где-нибудь в окрестностях, чтобы неподалеку была подходящая площадка для гольфа, и собственный корт для тенниса, и сад. И я бы мог каждый день ездить к себе в контору на машине. Что ты скажешь?

Вероника целыми днями предавалась упоительным мечтам о их будущем загородном доме, изобретала всевозможные почтовые ящики для несравненной белой калитки. Наконец купили участок — недалеко от реки, в Хертфордшире; одобрили проект, заложили фундамент; и вот тут-то Вероника обнаружила, что по какой-то несчастной случайности она нечаянно нарушила их договор — и теперь уже не было никаких сомнений: у нее будет ребенок. Некоторое время она не решалась рассказать об этом мужу, а когда наконец призналась, он вспылил и готов был сделать все на свете, лишь бы не допустить такого нарушения всех их планов.

— Честное слово, Вероника, мы теперь с тобой просто пропадем. Дом стоит уйму денег. Закладная — ты понимаешь, я никогда не разде-

лаюсь с этой закладной. И зачем, зачем? Ах, пропади оно пропадом, Придется показать тебя врачу.

Доктор отказался что-либо сделать; но спустя некоторое время Арпад вспомнил о своих друзьях Кори-Эндрюсах, состоятельной чете, которая тщетно мечтала о наследнике. Арпад рассказал Кори-Эндрюсам о затруднительном положении Вероники, и те немедленно предложили усыновить ребенка, как только он появится на свет или, скажем, через месяц после родов. Нет, правда, они будут так рады и так благодарны.

— Что ты думаешь об этом предложении? — спросил Арпад жену. — Давай обсудим.

Вероника скрестила руки на коленях и сказала, что она всецело полагается на него.

— Давай обсудим, — повторил он. — Ничего предосудительного в этом нет. Конечно, решать должна ты, но что касается меня, я говорю: ДА. Безусловно, ДА, — подчеркнул Арпад. — Потому что я, видишь ли, не из чадолюбивых мужчин, а уж ты и совсем не из той породы женщин. Что проку сентиментальничать или поступать опрометчиво. Природа любит издеваться над нами, только поддайся ей! Вся история цивилизованного общества — это непрерывный конфликт человека с природой. Нам все время приходится подавлять свои желания и приспосабливаться. В этом нет ничего противоестественного. На все есть свое время и место, а сейчас это для нас страшное неудобство. Ребенок — ведь это ужасные расходы. Пожалуй, пришлось бы бросить постройку дома. Ну что ты скажешь? Могу я ответить Кори-Эндрюсам, что ты согласна?

Вероника разняла руки и сказала: — Да, пожалуй, ты прав, безусловно.

Итак, они продолжали строить свой загородный домик, и в течение нескольких месяцев ничто не омрачало прекрасную мирную жизнь Вероники и Арпада. Ей не приходилось готовить распашонки и пеленки для будущего ребенка, у нее не было ни малейшей склонности, никакого вкуса к этому виду искусства, а Кори-Эндрюсы доставили все необходимое. Эти люди были просто воплощением доброты. — Замечательные люди, — говорил Арпад, — и невероятно богатые. Они готовы оплатить все расходы, и ребенок будет для них как их собственный, их наследник. Да так оно фактически и будет, — повторял Арпад. — Ребенок действительно будет их собственный. Это нерушимый договор, хотя он и не скреплен печатями.

Весной Вероника не играла ни в гольф, ни в теннис, потому что ее положение стало уже очень заметным, и Арпада это беспокоило. То ли ему было стыдно за нее, то ли стыдно перед самим собой, во всяком случае, он предпочитал теперь играть в гольф без нее. Например, так: как-то раз он сказал ей, что он сегодня не в форме, но обещал Джонни Плантеру сыграть с ним раунд...

— Ну, конечно,— ответила Вероника.— Почему же не сыграть?

Арпад ушел и встретился с Плантером на площадке для гольфа. Там только что начали партию два очень неторопливых игрока — Смит и Браун, поэтому Куасс с Плантером уселись на веранде и стали дожидаться, пока те не скроются из виду.

— Кто такой этот Браун? — спросил Куасс у Плантера, а Плантер ответил Куассу:— Браун? Он биржевый маклер.

— А Смит?

— Кажется, он в железнодорожной компании.

— А, в железнодорожной компании! А что там можно делать в железнодорожной компании, Джонни?

— Право... не могу сказать... не знаю, никогда не имел с этим дела,— ответил Плантер.— А как поживает ваша жена?

— Хорошо, совсем хорошо, в ее положении даже превосходно,— ответил Арпад, — хандрит немножко, конечно, ей сейчас тяжело приходится, почти никуда не ходит, а я тоже не могу все время около нее сидеть. И вот чуть что, сейчас в слезы и всякое такое...

— Да, да,— сказал Джонни Плантер,— женщины всегда так. Они такие странные.

— Да, очень странные! Даю вам слово, моя жена способна плакать часами: и от радости, и от горя, и так, из-за каких-нибудь пустяков, и просто без всякой причины, плачет целыми днями. Довольно утомительно, знаете ли.

— Как вам нравится мой новый свитер?

— Очень мило, Джонни. А что это вы мне говорили — вы правда сделали куртку с темнокрасными отворотами?

— Я... нет. Они...

— Яркокрасные!

— Да, пожалуй.

— А вам не кажется, что яркие отвороты убивают куртку, Джонни?

Плантер покачал головой, а Арпад продолжал:— Интересно, какого происхождения слово «куртка»?

— Ха-ха!— рассмеялся Плантер.— Вот уж не знаю. Очень трудно сказать.

— Гм! Такое простое слово. Знаете, странно, должно же оно иметь какое-то происхождение.

— Да, любопытно. Очень любопытно.

— А я вам рассказывал, что был у Джорджа Фримптона на прошлой неделе?

— Я слышал об этом.

— Ах да, ведь я там встретил вашу приятельницу!

— Молли говорила мне, что видела вас.

— Знаете, Джонни, она необыкновенно мила, но только я подумал — так, между прочим,— что она как-то держит людей на расстоянии.

— Ого-го! Вы находите?— Плантер был в полном восторге и жадно ловил каждое слово.

— У нее, знаете ли, такая манера,— продолжал его приятель,— обрывать на полуслове разговор... Она не ведет с вами беседу так, как полагается, а только вставляет: «Ах, вы так думаете, да?» И на этом все кончается. Говорить уже не о чем. Но в общем она очень мила.

Джонни Плантер казался приятно смущенным, а его приятель продолжал: — Когда она улыбается, вы, наверно, заметили, у нее виден край верхней десны.

— Да? Но ведь это почти у всех так?

— У меня — никогда,— сказал Куасс Плантеру, а Плантер тут же пристал к Куассу:— Улыбнитесь!— и когда Куасс улыбнулся, Плантер закричал:— Видно! Видно! И даже очень.

— Пойдемте-ка,— сказал Арпад вставая.— Можно начинать.

Они начали. Плантер был в ударе, и к половине игры у него оказалось на шесть очков больше, но тут Куасс показал свою британскую хватку и с молниеносной быстротой выиграл партию, опередив противника на одну лунку.

— Повезло вам,— пробормотал Плантер, стараясь скрыть под бодрой улыбкой бессильное бешенство.— Блестяще сыграли!

— Да, чудесная была партия, Джонни, честное слово! Я долго не забуду сегодняшнюю игру! Да и вы тоже, а, Джонни! Вы превосходно играли, но мне просто повезло. Приперли меня к стене, понимаете, пути для отступления нет — вот это-то я больше всего и люблю. Да, славная была партия!

Арпад пришел домой усталый, но совершенно счастливый. Ночью, когда они уже улеглись, он подробно рассказал Веронике о каждом мяче и как он их загонял в лунку. Веронике хотелось спать, но она слушала, а когда он наконец замолчал, сказала:

— Знаешь, Арпад, мне сегодня рассказали, что одна женщина положила своего ребенка на бутылку с горячей водой и ему обожгло все личико!

— Зачем?— спросил муж.

— Она не заметила, что там бутылка, понимаешь.

— Вот дура!— сказал он зевая.— А впрочем, с каждой может случиться. Ты также способна выкинуть такую штуку, как и всякая другая.

— Ну что ты, Арпад! Нет, нет, никогда в жизни! — Вероника возражала с необычной для нее горячностью.

— Ладно, будем надеяться, что так,— сказал он и тут же заснул.

Среди ночи его разбудили ее жалобные всхлипывания.

— Это ты, Вероника? Что... что с тобой?

— Как ты можешь говорить мне такие жестокие вещи,— рыдала Вероника.— Конечно, я никогда бы этого не сделала.

Куасс громко вздохнул и пробормотал в раздражении:— Что сделала? О чем ты говоришь? Какие жестокие вещи?

— Что я обожгла бы ему лицо,— простонала она.

— Что это значит — обожгла лицо? Чье лицо?

— Бутылкой с горячей водой,— всхлипнула Вероника.— Ты знаешь, что я никогда бы этого не сделала. Никогда в жизни. Ты не должен так говорить.

— О господи, боже мой! Ну хорошо, спи. Я устал, как лошадь.

— Хорошо, я буду спать,— Вероника уже лежала спокойно.— В самом деле, глупо с моей стороны.

А немного погодя Куасс услышал, как она зовет громким шопотом: Арпад! Арпад!

— Господи,— простонал Куасс,— ну есть ли на свете другой такой... такой же несчастный, как я!

— Арпад, мне не спится. Можно, я лягу к тебе?

— Ложись... если хочешь. Только отодвинься подальше, меня лихорадит, я весь горю.

Он услышал, как Вероника откинула одеяло. Потом, к его ужасу, что-то тяжело грохнулось на пол.

— Боже, что тут происходит?

— Ничего!— она захохотала глупо, противно.— Я просто упала с кровати, вот и все!

Куасс в бешенстве скрежетал зубами, а она лежала на полу и захлебывалась в истерическом хохоте. Потом она встала, но вернулась на свою постель. И если не считать, что ее еще несколько раз начинал душить хохот, она его больше не беспокоила.

Подошло время, и Арпад повез жену на машине в родильный дом в Кенте и, простившись с ней с заботливой нежностью, оставил ее там. В течение двух дней он не давал покоя служащим больницы: каждый час справлялся по телефону.

— Нет, сэр, нет еще,— отвечала сиделка.— Нет, она хорошо себя чувствует. Все идет нормально. Нет, нет, я не забуду позвонить вам сейчас же.

Это было большое прохладное здание в глубине обширного тенистого сада, за которым вдали виднелись гряды холмов. В приемной стоял серый диван с резьбой, изображающей шлем, кольчугу и меч — символическое оружие, с которым мы пускаемся в пучину житейских горестей,— слишком реальных, чтобы служить орнаментом. Веранда на солнечной стороне

дома была заставлена кроватками, их было десятка полтора. В каждой лежал младенец, а в изголовье висела табличка с его именем. Они лежали и плакали круглые сутки: одни днем, а другие ночью. Вскоре появилась еще одна кроватка с новой табличкой: младенец Куасс. Кори-Эндрюсы попросили разрешения окрестить ребенка, и, когда они оба явились сюда, мистер Кори-Эндрюс перечеркнул слово «младенец» и нацарапал «Питер».

— Ха-ха! Каков плутишка!— умилялся милейший джентльмен.

— Он-то сумеет за себя постоять! Поздравляю вас, Вероника! Какой красавчик! Питер! Питер! Питер! Можете себе представить: когда нам сообщили об этом по телефону, Милли упала в обморок; честное слово, мы как раз обедали, и ей стало дурно.

— Да, правда,— подтвердила жена,— я чуть не захлебнулась супом.

Так как Веронике предстояло вскоре расстаться с Питером, решили, что ей не следует кормить его грудью, но Вероника настояла на том, что сама будет поить сына молоком из бутылочки.

Почти каждый день ее навещал Арпад. Он с нескрываемым удовольствием поглядывал на округлившуюся грудь Вероники, белую, как свежеобструганная береза, и такую соблазнительно пышную по сравнению с прежней девической грудкой.

Дважды в неделю приезжали Кори-Эндрюсы, и сразу было видно, что они уже полюбили ребенка, ребенка Вероники, ставшего теперь их собственностью. Молодая мать чувствовала себя хорошо, но бывала вполне счастлива только в те короткие минуты, когда ей разрешалось взять на руки маленького Питера.

Прошел положенный срок, Вероника уже поправилась после родов. Теперь почти все время она проводила в больничном саду. Это был истинный рай, мирное убежище под сенью цветущих деревьев, пышно красующихся в своем новом весеннем уборе. За газоном в саду ухаживал, не слишком усердствуя, но любовно, однорукий садовник с топорным, грубоватым лицом и неизменной трубкой, зажатой в тонких губах. Три или четыре лужайки, заросшие неподстриженной травой, пестрели маргаритками, а опавшие цветы акации лежали на яркой зелени, словно белые уснувшие пчелки. Вероника дремала и сквозь сон слышала, как кукушка или грач, покачиваясь на ветке тополя, пререкается со всем пернатым миром. Слезы катились по щекам Вероники. Ей казалось, что она выбралась из какой-то темной пещеры времени и вышла на свет, к сияющим садам Гесперид. О блаженные дни! Как хорошо! Вот так бы остаться лежать здесь, не двигаясь. Но ей почему-то все время вспоминались слова старой глупой песни:

Когда на полях зацветут маргаритки,
К тебе я вернусь.

Да, было что-то такое, что должно вернуться, что-то, чего она уже больше не желала, но что это было — она сейчас не отдавала себе в этом отчета. В полдень няня приносила кормить маленького прелестного Питера, и Вероника его кормила.

Одна из нянь была шотландка с болезненно желтым, от природы желтым лицом; и точно одного этого было еще недостаточно, оно у нее постоянно лоснилось. Трудно испытывать особую приязнь к женщине такого типа — и Вероника ее не взлюбила. Няня эта принадлежала к какой-то суровой религиозной секте; случалось, что ее вдруг охватывал порыв исступленного благочестия, и тогда она тут же бухалась на пол у кровати родильницы и начинала молиться.

Про нее рассказывали, что когда-то она служила в родильном доме

где-то в рабочем квартале и однажды принимала ребенка какой-то неимущей женщины. Ребенок только появился на свет и тут же испустил дух.

— Клянусь святым Антонием, — сказал врач-практикант, любивший пошутить,— оплошал парнишка, не во-время выскочил! Вот теперь умер некрещеный.

— Сэр!— воскликнула глубоко потрясенная няня Мак-Кэй и заплакала.— Сжальтесь над невинным младенцем!

И она тотчас же схватила кувшин с водой и молитвенник и стала умолять молодого доктора, чтобы он окрестил мертвого ребенка.

— Нет, нет, ни за что,— возмутился доктор.

— Крестите!— не отставала няня.

— А как мы его назовем?— проворчал он.— И, кроме того, вода ведь все равно не освященная.

— Александром, — сказала няня Мак-Кэй и открыла ему соответствующую страницу в молитвеннике.

— Да некогда мне все это читать. Вы знаете, у меня нет времени, и вообще так не полагается делать.

— Читайте!— сказала няня. И он стал читать молитву — и закончил:— «Нарекаю тебя Александром во имя святой католической церкви».

Няня Мак-Кэй что-то шептала и плакала — она была крестной матерью; доктор уверял, что он сапралапсарианец * и верит в предопределение, но, как бы там ни было, он оказался крестным отцом.

И, боже мой, как им потом пришлось расплачиваться, когда мать ребенка узнала о происшедшем; вот уж поистине неблагодарность! Это была смышленая и бойкая на язык женщина, а муж ее был кондуктором омнибуса. Сначала она просто надулась, потом стала поносить няню, а еще больше доктора, а муж, тот совсем разошелся и закатил целый скандал.

— Что же выходит,— говорил он,— ведь ребенка теперь надо хоронить.

— А как же! Христианское погребение надо совершить. Бедный младенчик!— неумолимо отвечала няня Мак-Кэй.

— А кто мне даст денег на христианское погребение?— заорал муж.— Незачем делать это было; не живой же он был, мертвый.

— Но он не мертворожденный,— напомнила няня Мак-Кэй.

— А крестили его мертвым,— твердил тот.— Нечего было вам лезть не в свое дело! Я бедный человек, у меня нет ни гроша за моей христианской душой. Оставьте, ради бога, нас в покое!

Странная история! Но, может быть, все это и неправда. Хотя няня-шотландка казалась именно такой женщиной, которая могла бы так поступить. Вероника не любила ее.

Иногда Вероника держала на руках крошечный комочек собственной плоти. И хотя он ничего не видел, как крот, был жалкий, как червячок, издавал мало приятные звуки и был так похож на любое другое смертное существо, что Вероника часто сомневалась, действительно ли это ее Питер, или, может быть, няня спутала его с каким-нибудь другим, она никак не могла удержаться от умильного лепета, глядя на его открытый ротик и круглую головку, напоминавшую ей какого-то геральдического дельфина.

— Мой милый, крошка, сыночек любимый!— шептала она без конца.

Незадолго до выписки из больницы, в промежутках между сном и едой, она прочла большой русский роман, который принесла ей Ида Парагрин: «Анну Каренину» графа Толстого. Вероника нашла, что это в высшей степени волнующая книга. И хотя Арпад читал редко, она сказала

* Религиозная секта.

ему, чтобы он непременно прочел этот роман, и Арпад взял его с собой.

Вероника пролежала в родильном доме месяц. За несколько дней до возвращения домой Арпад, сидя с ней в саду, рассказал ей, как он обо всем окончательно условился с Кори-Эндрюсами. Они приедут сюда с няней в день отъезда Вероники и возьмут ребенка к себе. Арпад выглядел таким красивым в своем светлосинем спортивном костюме и шафранном жилете, а его бархатный баритон звучал так внушительно, что в любом конце сада отчетливо был слышен каждый слог, даже когда он понижал голос.

— Но разве ты его не любишь?— на глазах Вероники выступили слезы, и голос ее дрожал от душевной боли.

— Да, он великолепен!— ответил ее муж.— Превосходный экземпляр, первый сорт, сразу видно породу. Кори-Эндрюсы прямо-таки в восторге от него.

— Но разве ты его не любишь?

— Поверь! Ах, господи...

— Я хочу его оставить,— сказала Вероника.

— И я бы не возражал, если бы это было возможно. Я сам был бы рад, дорогая, уверяю тебя.

— Да?— сказала Вероника.

— Но сейчас это, разумеется, невозможно, и говорить об этом уже поздно; ведь мы обо всем условились.

— Нет, нет! Давай оставим его!

— Мне очень жаль, Вероника. Но ты не хуже меня знаешь, что все уже решено. Да, кроме того, тебе очень скоро надоело бы все это. Дети — чудовищная обуза, а стоит им подрасти — и они платят вам страшной неблагодарностью и выходит из них черт знает что...

— Да, но я должна тебе сказать: я не могу его отдать.

— Ты будешь с ним видеться время от времени, Перри, и даже довольно часто.

— У меня такое чувство,— сказала она,— точно ты его продаешь, как ягненка.

— Полно, полно, Вероника. Пожалуйста, не говори этого, Вероника, прошу тебя.

— Но ведь ты его продаешь!

— Это нечестно с твоей стороны, и ты отлично знаешь! Ты сама согласилась. Ведь согласилась? По своей доброй воле, разве нет? Ну честное слово, так не годится.

— Ты не любишь его и меня не любишь. Ах, зачем только мы дали ему родиться.

— Ну, если на то пошло... Я тебе прямо скажу, ты совершенно не считаешься с моими чувствами, Вероника. Я переживаю это так же тяжело, как и ты, если не еще тяжелее. Скорее всего, гораздо тяжелее. Но тебе нет дела до моих переживаний, ты думаешь только о себе. Для меня это огромная утрата, но подумай о ребенке — какие великолепные условия, богатство, роскошь, образование, Винчестер, Кэмбридж, наследник огромного состояния.

— Арпад! Я хочу, чтобы он был моим.

— Подожди, я еще не кончил. Мы дали слово, слово чести, и мы должны его сдержать. Порвать теперь с Кори-Эндрюсами было бы бессовестно, подло; нет, так нельзя.

— Я не выдержу этого, я умру,— сказала Вероника. Она говорила тихо, но голос ее уже не дрожал и глаза были сухие.

Через два дня после этого разговора больничный доктор сам сделал попытку переубедить мужа Вероники, но ничего не добился и только разозлил его.

Доктор, маленький человечек в больших очках, отличался такой необыкновенной вежливостью, что от одного этого можно было прийти в бешенство.

— С вашей стороны, конечно, очень любезно принимать такое участие в наших делах, но честное слово...— огрызнулся Куасс.

— Ваша жена — моя пациентка,— мягко вставил доктор.

— Совершенно верно. И я вам очень признателен. Но вы должны понять, что поскольку мы связаны определенными обязательствами, то теперь уже не можем отступить, и поэтому лучше покончить с этой неприятностью сразу. Если бы я, скажем, находился на поле боя и у меня оказалась бы раздробленной рука, а хирурга поблизости не было бы, я, не задумываясь, сам отрезал бы себе руку.

— И поступили бы в высшей степени неразумно,— доктор добродушно усмехнулся.

— Я такой,— мрачно продолжал Арпад.

— Вероятно, это кончилось бы для вас весьма печально.

— И так же поступила бы миссис Куасс. Я убежден.

— Может быть, она так и поступила бы,— задумчиво протянул доктор.— Но почему вы это делаете за нее?

— Что вы хотите сказать?— вспыхнул Арпад.— Терпеть не могу загадок.

Маленький доктор сохранял великолепное хладнокровие.

— Я хочу сказать, что вы сейчас не на поле боя, что здесь есть доктор и никому не надо отрезать руку. И я считаю, что неразумно, больше того — нелепо разлучать мать с ребенком.

— Но здесь нет и тени принуждения!— вскричал Арпад.— Никто никого не принуждал. О чем вы беспокоитесь? Ни малейшего принуждения не было и не может быть. Моя жена добровольно приняла на себя это обязательство.

— Вот это,— пояснил доктор,— и является причиной моего беспокойства: жена ваша очень мужественная и добросовестная женщина, она не отступится от своего обязательства — как вы изволите это называть,— пока вы ее не освободите от него сами. И это может иметь нежелательные последствия; я считаю своим долгом вас предупредить.

— Какие последствия?

— Не берусь определить точно. Разные могут быть заболевания: психическое расстройство, полный упадок сил, нервное истощение...

— Ах, боже милостивый!— проворчал Куасс.— А о ребенке вы думаете? Вы, вероятно, не знаете, что, в сущности, представляет наше соглашение с Кори-Эндрюсами?

И Арпад с торжествующим видом рассказал доктору о единственных в своем роде преимуществах, которые сулило это соглашение ребенку: великолепные условия — богатство, роскошь, образование, Винчестер, Кэмбридж, огромное наследство.— Ничего этого я предоставить ему не в состоянии.

— Но вы можете,— невозмутимо заметил доктор,— дать ему мать, а чем меньше роскоши, тем для ребенка лучше. Роскошь — это излишества в еде, в обстановке, в чужих услугах; больше галстуков, чем успеваешь сносить; ожирение, подагра, фурункулы подмышкой. И если для этого нужно богатство, то не лучше ли mens sana in corpore sano *.

— Ну, знаете, оставим это!— заорал атлетический супруг.— Хватит с меня этой высокоумной чепухи. Свежий воздух, аскетизм, диэтическое питание и прочая благодать! Терпеть этого не могу. Нет, вы скажите мне как честный человек, можем ли мы, по-вашему, нарушить наше торже-

* В здоровом теле здоровый дух *(лат.)*.

ственное обязательство и расторгнуть соглашение с Кори-Эндрюсами? Возможно, я что-то не предусмотрел, но я человек слова, и мое слово священно.

— Пожалуй, вам придется сделать выбор: расторгнуть соглашение либо разбить сердце вашей жены,— сказал доктор.

— Пфф! — фыркнул Куасс. — Насчет разбитых сердец мне все известно, а вы лучше прямо мне скажите, я спрашиваю вас... — Куасс наклонился и сорвал маргаритку. — Если бы судьба ребенка была в ваших руках... — Куасс взял маргаритку в рот и откусил венчик. — Как вы поступили бы? Ну, говорите! — Куасс выплюнул маргаритку.

— Вполне допускаю,— сказал, улыбаясь, доктор,— что Кори-Эндрюсы очень милые люди.

— Вот именно.

— Хорошие люди. Полагаю, я даже уверен, что они будут с истинно родительской нежностью растить вашего ребенка, маленького Питера.

— Вот именно.

— И поэтому, если бы мне пришлось делать выбор между вами и ними, — доктор в раздумье погладил ладонь левой руки указательным пальцем правой,— я, вероятно, сделал бы тот же выбор, что и вы.

— Вот мы и договорились!— сказал, смягчаясь, Куасс.

— Да,— продолжал доктор.— Я уверен, что поступил бы именно так. Но поскольку я всего только врач, наблюдающий за вашей женой, и в качестве врача мне приходится... н-да, тут я...

Он помолчал с минуту, щелкая пальцами, словно подыскивая нужное выражение.

— Ну-ну...— настаивал Куасс.

— Да,— сказал доктор весело и, улыбаясь, окинул взглядом огромную фигуру Арпада, — я мог бы пожелать только одно, чтобы вы провалились к черту.

— Фу! — Куасс, нахмурившись, зашагал прочь. — Какая наглость, — сказал он и повторил: — Фу!

В первый же день после возвращения Вероники из больницы Арпаду снова пришлось выдержать объяснение с женой, и тут он решил довести дело до конца.

Сначала он вел разговор в приподнятом тоне:

— Дорогая моя! Ты так молода, красива, такая умница. Ты знаешь, что жизнь наша складывается не из одних удовольствий, а в равной мере и из обязанностей; мы должны осторожно взвешивать каждый шаг, избегать опрометчивых решений, и тогда мы сможем получить от жизни то, на что имеем право, и обойти коварные ловушки.

— Да, но мы могли бы оставить у себя маленького Питера, — сказала Вероника.

— Теперь уже поздно об этом говорить,— ответил Арпад более сухо,— ты знаешь это не хуже, чем я. Что сделано, того уже переделать нельзя.

— Нет, можно, можно и должно!— вскричала Вероника.— Я сейчас пойду и принесу его домой.

Тут уже Арпаду пришлось повысить голос:— Да мыслимо ли это? Опомнись, что ты говоришь? Нет, это черт знает что такое! Нельзя же быть такой безрассудной? Ну, не упрямься, перестань, выкинь все это из головы, и вот увидишь, все у тебя пройдет.

Он грозно шагал взад и вперед, а Вероника плакала. Затем Арпад взял с письменного стола пузырек с чернилами и встряхнул его.— Скверные чернила,— сказал он и поставил пузырек на камин.— А где мои визитные карточки?

Вероника подала ему шкатулку с визитными карточками.

— Ну, может быть, через некоторое время?— всхлипнула она.

— Да, да! А теперь будь умницей! Ну, Вероника!

Но все его ласки и нежности остались без ответа.

После этого разговор о ребенке больше не возобновлялся. Вероника замкнулась в себе. Она тосковала, хирела, но уже не требовала, чтобы ей возвратили Питера. Кори-Эндрюсы увезли мальчика за границу, в Италию. Ребенок рос и чувствовал себя прекрасно. Для Вероники он умер. И многое другое умерло для нее; она была женой Арпада, матерью навсегда утраченного маленького Питера, но уже не была ему больше ни возлюбленной, ни другом. Обида, которую она затаила в сердце, заставила ее прозреть, и она теперь видела, что Арпад нежен с ней не потому, что любит ее по-настоящему, нет, она для него ничего не значит, просто лакомое блюдо — что-то вроде сдобной булочки, которую он привык крошить за обедом. Женщинам всегда приходится терпеть от мужчин, которых они любят, все женщины — Анны Каренины.

Ее муж прочитал этот роман, и он ему не понравился: нравы — ужасные, люди, выведенные там, все какие-то извращенные и пренеприятные, а этот Толстой, который мог написать такую книгу, просто чудовище. И всякий раз, когда безучастность Вероники принуждала Арпада к воздержанию или когда ее неизменно кроткие глаза напоминали ему, что рана еще не зажила, он обрушивался на «этого Толстого», приписывая ему и перемену в Веронике, и ее настроение, и ее холодность, и угасший пыл, и ее изменившиеся вкусы. Ведь сам Арпад ничуть не переменился. Он был теперь более внимателен, чем когда-либо, она волновала его сильнее, чем прежде, и он чувствовал себя влюбленным, как никогда. Он перечитал тайком многие страницы романа Толстого, потому что Вероника уверяла, будто в каждой женщине есть «что-то, похожее на Анну Каренину», но не находил ничего похожего на его Веронику. Просто какая-то сумасшедшая бросилась под поезд назло другим, именно назло! Иногда, окончательно сбитый с толку, он в бешенстве восклицал: «Черт бы побрал этого Толстого!»

В августе начали обставлять новый дом, и Вероника довольно равнодушно отнеслась к этому увлекательному занятию. Арпад надеялся, что перемена места и новое соседство окажут на Веронику магическое действие и повлекут за собой столь желанный перелом в ее душевном состоянии. То, что Вероника — которая ни на что не жаловалась — может быть больна, вряд ли приходило ему в голову, когда он задумывался о создавшемся положении: просто она на него дуется. Он достаточно опытен и разбирается в этом, и ему как мужчине следует отнестись снисходительно к этой ее дури, которую он может понять, но ни в коем случае не оправдать; надо только переждать до тех пор, пока ее проклятое настроение исчезнет само собой, и она сдастся и скажет: «Дорогой мой, конечно, это было глупо с моей стороны, я была несправедлива к тебе. Ты прав. Прости меня». И хотя по временам Арпад втайне испытывал горькую обиду, он, конечно, простит ее, тут же простит. Вероника часто запиралась в какой-нибудь комнате и сидела одна; и как-то раз, проходя мимо, он услышал, как она тихонько напевает. Он стал прислушиваться. Странно, никогда раньше он не слышал, чтобы Вероника пела:

Хлоп в ладошки! Хлоп в ладошки!
Папочка принес лепешки,
Очень вкусные лепешки
Для нашего крошки.

— Фу! Что за ерунда! — Но он осторожно, стараясь не шуметь, отошел от двери.

Новый дом был невелик, но радовал глаз светлыми красками. И все в нем было так хорошо, так удобно устроено, а от дома к реке шла тро-

пинка по заросшему склону, и внизу под навесом стояла хорошенькая лодочка с флажком, на котором было вытеснено «Вероника».

В воскресенье они уплыли далеко по реке, а в полдень причалили к берегу и уселись на лужайке, чтобы поесть, и Вероника испугалась коров, которые подошли и уставились на них.

— Вот трусиха!— стыдил ее Арпад.— Ну что тебе может сделать корова? Самая безобидная скотина на свете!

Потом откуда-то налетели осы.

— Не отмахивайся от них,— кричал он.— Если ты не будешь обращать на них внимания, они тебя не тронут. Вот уж самые безобидные создания!

Оса села к нему на руку.— Ну вот, посмотри, видешь? Я же тебе говорю — совершенно безобидные!

Оса сидела неподвижно, пока Вероника на нее смотрела. И вдруг Арпад вскрикнул.

— Вот гадина!— завопил он и прихлопнул ужалившую его осу другой рукой. Вероника, улыбаясь, взглянула на мужа.

— Вероятно, ее что-то испугало, проклятую,— пояснил Арпад.

Тут оса села на лицо Вероники. Вероника не пошевельнулась. Оса перебралась со лба на переносицу, но Вероника даже не моргнула. Арпад встревожился, но не подавал виду. Оса спустилась на самый кончик носа — Вероника, скосив глаза, следила за шустрой злодейкой, пока оса, то ли удовлетворенная, то ли разочарованная, не улетела прочь.

— Браво! Браво!— вскричал Арпад.— А что я тебе говорил?

Вероника уверяла, будто ей вовсе не было страшно, а сама так и вспыхнула от гордости. Арпад принял это за добрый знак и решил, что она наконец-то оттаяла.

— Давай-ка поищем другое место,— сказал он,— вон их здесь сколько налетело, надоели.

Они пошли через пастбище, поросшее кустиками шиповника и ежевики, и вдруг Вероника вскрикнула и схватила Арпада за руку. Прямо перед ними, медленно извиваясь, ползла змея; голова ее пряталась в густой траве, желто-коричневое туловище было примерно в ярд длиной; змея еще их не заметила.

— Не бойся, не бойся!— успокаивал жену Арпад.— Она не ядовитая, не пугайся, это обыкновенный уж.

Тогда Вероника повернулась и стала разглядывать змею и медленные, волнообразные движения ее желто-коричневого туловища, замиравшие у кончика хвоста.

— У змеи ведь нет ушей,— сказал Арпад.— Они глухие. А эта — неядовитая, ее можно спокойно взять за хвост.

— А ну-ка возьми,— сказала Вероника.

Он покачал головой:— Противно к ней прикасаться.

— Боишься?— спросила она.

— Да, нет, нисколько не боюсь. Она же безвредная. Мне просто внушают отвращение такие твари, как мыши, уховертки, лягушки. И змеи. Они такие гнусные.

— Мне хочется ее хорошенько рассмотреть,— прошептала Вероника.

— Боюсь, что тебе не удастся,— сказал Арпад.

И вдруг Вероника нагнулась, схватила змею за хвост и подняла ее в вытянутой руке.

— Боже! Брось, брось сейчас же!— закричал Арпад, пятясь от нее. Змея, повисшая в воздухе, судорожно извивалась, а Вероника, улыбаясь, смотрела на нее. Змея, как ни корчилась, не могла достать до ее руки. Вероника подержала ее несколько секунд, потом швырнула и с улыбкой повернулась к мужу. Змея исчезла с быстротой молнии.

— Уйдем отсюда, ты просто не в своем уме!— кричал Арпад, и они поспешили назад к лодке. Когда они отчалили, Арпад заметил, что Вероника сидит бледная как мел.

— Что с тобой? Тебе дурно? — спросил он.

— Я... меня немножко тошнит,— призналась она.

Арпад сердито взмахнул веслами.— Естественная реакция. Незачем было трогать змею!— огрызнулся он.

— Но ты ведь сказал, что она безвредная.

— Все равно, нелепо так вести себя.

— Почему?

— А вдруг бы она оказалась ядовитой. Никогда нельзя быть уверенным. Я ведь не знаток в змеях.

Они больше не говорили на эту тему, и он продолжал грести в полном молчании, до бешенства раздраженный происшествием. Ведь это с ее стороны не бравада. Нет, он не сомневался, что она поступила так просто назло ему, просто чтобы досадить. Значит, она все еще злится. Вот такую же штуку могла бы выкинуть и Анна Каренина, все они такие...

Они молча плыли все дальше по течению, среди пастбищ, заросших кустарником, и скошенных лугов с высокими стогами. Мягкий теплый ветерок лениво замирал в густой листве деревьев; время тихо покачивало свою шелковую колыбель, и Вероника нежилась в ней в полудреме. Вдруг, безо всякой видимой связи со всем предыдущим, Арпад сказал очень громко:

— А в Китае больше нет драконов!

Но Вероника думала о своем ребенке, который никогда не лежал у ее груди. Он теперь в Италии. И она тихонько запела:

Хлоп в ладошки, хлоп в ладошки,
Папочка принес лепешки...

Арпад с силой рванул веслами, они заскрипели в уключинах, и вода забурлила под рассекавшими ее лопастями; а жена сидела против него и покачивалась взад и вперед при каждом мощном рывке.

— Куда же девались драконы?— спросила она.

Вероника, к сожалению, совсем не интересовалась новыми соседями. Да и они тоже были люди равнодушные, холодные, и, повидимому, у них был свой круг друзей, и они вполне им довольствовались. Арпада это не смущало; ведь он-то находил себе где угодно друзей. Зимой и летом у него всегда была компания. Бесспорно, эта новая Вероника приводила его в недоумение, и нередко он испытывал раздражение и досаду. Но никогда еще он не испытывал такого чувства досады, как в тот злосчастный осенний, надолго запомнившийся ему день. Все было затянуто туманом — дороги, поля, дома и железнодорожные станции. Люди задыхались в тумане, земля и все живое над ней и под ней притаилось в ужасе, потому что небо стало какой-то пустыней, птицы умолкли, деревья плакали, а от мостовых поднимался пар. К вечеру туман рассеялся, но небо на западе, освещенное закатным светом, пробившимся сквозь сердитую тучу, казалось багровой раной; так живой раной и остался навсегда этот день в памяти Арпада.

Вероника пошла на станцию, взяв с собой маленький чемоданчик. И зачем только она пошла? Зачем? Она стояла на перроне, и каким-то непостижимым образом ее сшиб подходивший поезд, и она погибла. Несчастный случай, ужасный и необъяснимый, таинственный и трагический, но, конечно, это просто случай, несчастный случай.

Куаес был потрясен до глубины души этим страшным известием.

— Ах... проклятье!.. Вероника! Во всем виноват Толстой!

Это было первое, что он сказал.

Ёко Ота

До каких пор?

Перевод с японского И. Львовой и Б. Бейко

Необычное то было время. Томительно, напряженно тянулись дни. Война была в самом разгаре. Но и в эту тревожную пору выдавались минуты, когда в ином доме, в семье царил покой и порядок.

Человеку не дано знать заранее, что может случиться с ним через час. И в это утро никто не думал о беде в доме Мацута Огава.

Шестилетняя Юкико — дочка Огава — подбежала к туалетному столику, стоявшему в уголке на веранде. Девочка откинула вышитую шелковую накидку, которой мать прикрывала зеркало, и уселась перед туалетом. Юкико пристально рассматривала свое отражение, придвинувшись к зеркалу так близко, что ее челка почти касалась стекла. Ну, конечно, волосы на лбу стали длинные-предлинные! Юкико быстро выдвинула ящичек и маленькой своей ручонкой схватила большие блестящие ножницы.

Никого нет поблизости. Из кухни доносится плеск воды: мама моет посуду после завтрака. Папы не видно, он в комнатах на втором этаже. Юкико слышит голос Итта — старшего брата; он играет с соседними мальчишками за забором их садика.

Юкико принимается за дело — подстригает челку. Не спуская глаз с зеркала, подносит ножницы к волосам, но в зеркале все отражается как-то наоборот, и Юкико не удается подцепить прядку ножницами — они только скользят по лбу. Но Юкико добивается своего — две-три пряди падают на ее круглые голые коленки. Вместо аккуратной челки на лоб свисают неровные вихры волос.

Послышался шум, будто кто-то с размаху налетел на забор. Стукнула калитка. Это вернулся Итта. Девятилетний мальчик взглянул на сестренку, и его глаза округлились от удивления.

— Опять шалишь, Юкико!— И он одним прыжком очутился у туалета и вырвал ножницы из ручонки Юкико.— Мама! Посмотри, что опять натворила Юкико! Ругаешь ее, ругаешь, а она все торчит перед зеркалом, только и знает, что безобразничает!

— Отдай ножницы, Итта! — просила Юкико. — Я подстригаю волосы!

— Да ведь ты не умеешь! Искромсаешь волосы, все смеяться станут! Ага, слышишь, папа идет? Ну и задаст же он тебе!

— Волосы у меня отросли, в глаза лезут... Отдай ножницы, ну, отдай же!

К детям подошел Мацута. На голове у него фуражка военного образца, на ногах гетры. Из кухни попрежнему слышался плеск воды, стук кухонного ножа — мать, как всегда, была занята, не могла оторваться

от работы и продолжала хлопотать по хозяйству. В эту пору люди чувствовали себя поспокойнее — в эти часы дня не бывало ни тревог, ни воздушных налетов.

Мацута присел на корточки перед дочкой.

— Ведь я обещал, Юкико, что сегодня вечером подстригу тебе волосы. Разве ты можешь сделать это сама? Ну, посмотри, что у тебя получилось? Не челка, а вихры!..— журил он девочку, поглаживая ее по головке.

В комнату вошла мать — Кадзуе, вытирая полотенцем руки.

— Что еще за новости, Юкико! Только отойдешь от этой девчонки, и она тут же хватает пудру или помаду... Мама думает, что она спокойно играет, а дочка, оказывается, уже успела напроказить! Целый день сидит дома и балуется!

Кадзуе проворно опустила на зеркало вышитую накидку, взяла из рук Итта ножницы и, положив их на место, плотно задвинула ящичек. Это была женщина лет тридцати, пожалуй, слишком полная для своих лет, с милыми ямочками на пухлых руках. Глаза у нее смеялись, даже когда она отчитывала детей. А сейчас ее красивые глаза — у Итта были совсем такие же — с ласковой укоризной остановились на муже.

— Не думаешь ты ни о жене, ни о детях. У других женщин мужья после службы копают убежище, работают в огороде — стараются помочь в хозяйстве. А тебя это как будто и не касается. Трудно мне одной везде поспеть. А ты не выберешь минутки, чтобы подстричь ребенку волосы...

— Ой-ой!.. Вот и мне досталось... Ведь ты знаешь, Кадзуе, что мне приходится копать щели и ухаживать за огородом в больнице. Не могу я разорваться на части... А волосы доченьке я подстригу сегодня же вечером.

Мацута служил фармацевтом в городской больнице. Он обязан был являться туда по сигналу воздушной тревоги в любое время суток. В последние месяцы войны людям ежеминутно грозила опасность — все жили в вечном напряжении, и бывало не успеет Мацута переступить порог дома, а уже снова надо бежать в больницу, так как в городе объявили тревогу. Он и в самом деле не мог помочь жене, на плечах которой лежали все домашние дела. Мысль о том, что щель, которую он начал копать возле дома, все еще не закончена, беспокоила не одну Кадзуе — его самого это тоже тревожило. Кадзуе хотелось, чтобы убежище было сделано в виде тоннеля с двумя выходами и прочным перекрытием, и она постоянно твердила об этом мужу. Но построить такое убежище было им не по средствам. Мацута и сам давно мечтал о надежном, прочном укрытии, но для покупки необходимых материалов не хватало денег, не было времени и на постройку. Да и, кроме того, Мацута в глубине души считал, что никакое убежище в дни войны не бывает по-настоящему надежным. Вот почему он никак не мог согласиться с женой, когда она обвиняла его в равнодушии к семье. Вырыл ли он щель, чтобы прятаться от воздушных налетов, развел ли огород, ничего ли не сделал — да разве этим измеряется его любовь к жене и детям? Так думал Мацута. Но хоть он и знал, что никакие убежища не помогут, а все же надо было вскопать грядку, показать, что он тоже заботится о семье. И Мацута улыбнулся жене.

— Сегодня займусь нашим убежищем. Если каждый день рыть понемногу, незаметно получится щель. Итта, наверное, мне поможет?..

— Конечно, папа, помогу! — живо откликнулся мальчик.

— Я вовсе не хочу, чтобы ты принимался за убежище сию же минуту. Всю ночь ты провел в больнице, вернулся домой только утром. Даже не отдохнул толком... Когда будет время, тогда и возьмешься... А сейчас иди приляг, слышишь?

Глаза их встретились. Мацута вдруг засмеялся, лукаво посмотрел на жену.

— Ну что ты! Разве сейчас время?..

Отец с сыном обулись и вышли за ограду палисадника. Кадзуе вышла за ними следом.

— Как тебе не стыдно... Я совсем не то хотела сказать! .. — крикнула она вдогонку мужу, перегибаясь через ограду.

Отец и сын усердно копали землю. Вдруг Мацута взглянул на часы.

— Ого, уже девятый час! Пора на службу.

— Я провожу тебя, папа!

— Ты и так каждое утро провожаешь... Не надоело?

— Что ты, папа! Ведь мне уже девять лет, а ты за все это время пробыл с нами три года. Послушай, папа, если тебя опять возьмут в армию, то больше никуда не отправят из Японии, нет?.. Знаешь, нам без тебя так плохо.

Они не торопясь зашагали по дороге к железнодорожной насыпи. Их догнала Юкико, одетая в коротенькое розовое платьице.

— И я с вами. Итта, почему ты уходишь с папой, а мне не скажешь? Юкико будет плакать!

— Ты сама себе волосы стрижешь! Мы не берем с собой девочек с такими безобразными космами! — пренебрежительно бросил Итта, оглядываясь на сестренку.

Юкико уцепилась за руку отца. Ее маленькие крепкие ножки, обутые в красненькие лакированные гэта, торопливо переступали — девочка старалась не отставать. Не было большей радости для детей, чем побыть с отцом. Мацута дважды призывали в армию: во время японо-китайской войны и когда началась война на Тихом океане. В первый раз он пробыл на фронте почти три года. Потом его демобилизовали, и он вернулся к семье. Не прожил он с Кадзуе и года, как снова был призван в армию. В ту пору у них было двое детей; Юкико родилась, когда отец уехал. Ей минуло три года, и отец ненадолго вернулся домой, но вскоре снова уехал — девочке еще не было и четырех лет. И вот только в январе этого года Мацута снова возвратился к семье. За весь свой коротенький век шестилетняя Юкико провела с отцом лишь последние семь месяцев, но она уже была в том возрасте, когда дети понимают, что такое родительская любовь.

— Папа, ты правда подстрижешь меня вечером? А то дядю парикмахера убили на войне, и теперь его нигде нет, — жалобно проговорила Юкико, глядя снизу вверх на рослую фигуру отца.

— Хорошо, хорошо. Подстригу.

— Правда, пап? Непременно подстрижешь?

— Непременно.

У насыпи Мацута попрощался с детьми. Отсюда через железнодорожное полотно вела тропинка — самый короткий путь к больнице.

— Ну, вот и дошли. Ступайте домой. Дальше идти нельзя. Не началась бы воздушная тревога.

— Возьми меня с собой, папа! — просила Юкико.

— Мы только поднимемся с тобой на насыпь, можно, папа? — сказал Итта.

Послышался стук колес — приближался поезд. Огромный черный паровоз, волоча длинный состав, стремительно несся по рельсам. Мацута перешел путь и уже спускался с насыпи. Дети заглядывали под вагоны, катившиеся мимо, — хотелось им еще разок увидеть отца в просвете между колесами.

— До свиданья, папа, счастливого пути! Папочка, до свиданья!

И вдруг за черными вагонами, мчавшимися мимо, вдали блеснуло

какое-то странное зеленоватое слепящее пламя. Итта инстинктивно прижал к себе Юкико.

— Что это, не паровоз ли загорелся! — вырвалось у него.

Не успел он договорить, как страшный грохот потряс воздух. Невидимая сила бросила детей на землю, швырнула вниз, под насыпь. Они долго лежали без сознания, оглушенные взрывом.

2

Город пылал. Кадзуе с детьми, спасаясь от огня, всю ночь провела у реки, под мостом, на окраине города. Они почти не спали. Лицо и руки Кадзуе были в ожогах — она обожглась, когда выбиралась из-под обломков горевшего дома.

— Вы хорошо видели, в самом деле видели, как папа спустился с насыпи и успел пройти чуть вперед? — то и дело спрашивала она детей и наконец сказала, что пойдет на поиски.

Рассветало. В белесоватом свете занимающегося дня виднелись мертвые тела — они лежали на песчаном берегу у реки, под мостом. Окровавленные, обезображенные до неузнаваемости люди ползли к реке, падали у воды и умирали.

— Мама, я боюсь... Не уходи... — со слезами на глазах лепетала Юкико, цепляясь за мать. Девочка была так подавлена, ошеломлена, что не могла даже громко плакать.

— Я иду искать папу. Ждите меня здесь. Никуда отсюда не уходите. — Кадзуе взглянула на девятилетнего сына, словно взглядом поручая ему сестренку. Веки у Кадзуе распухли, и глаза казались узкими щелками. Она начала взбираться на крутой берег реки.

— Мама! — крикнула Юкико и заплакала, прижавшись к брату.

— Не плачь, Юкико, не плачь, слышишь? А то папа не придет... — уговаривал девочку Итта.

Не прошло получаса, и Кадзуе вернулась.

— Близко подойти невозможно. В центре города все так раскалилось, что и ступить нельзя.

И вторую ночь мать и дети снова провели под мостом. А вокруг все так же падали и умирали люди. Рано утром Кадзуе опять отправилась в город. Она возвратилась к вечеру одна.

— А где же папа? — спросил Итта.

— Папы нет.

— Ты заходила домой? Дома его тоже нет?..

— Дом сгорел дотла. Нигде нет папы. Ходила я и на то место, где вы его видели в последний раз. Там лежали кости. Много костей лежало... Чьи они — не знаю. Но все равно... Я несколько косточек принесла. Больница тоже сгорела. Была я и на пожарище, спрашивала о папе, но никто его не видел... Сколько народу погибло! Почти никого в живых не осталось...

На утро Кадзуе опять пошла в город. Она добралась до центральных улиц. Собственно говоря, искать здесь Мацута было бесполезно — он никак не мог сюда забрести. Именно здесь взорвалась бомба. Тогда жителям города и в голову не приходило, что после взрыва атомной бомбы все вокруг несколько дней бывает заражено радиоактивностью. Люди, раненные легко, приходили сюда искать родных, заболевали лучевой болезнью и умирали. Но откуда могли они знать об этом заранее?

На четвертый день Кадзуе почувствовала, что смертельная усталость охватила все ее тело. Просто не было сил снова пойти на поиски мужа.

— Мам, есть хочется, — говорила Юкико.

— Ох, да. Но пока в городе пожар, придется потерпеть, ничего не

поделаешь. Вот пойдем к дедушке... Там наверняка беспокоятся, думают, что нас и в живых нет.

«Ничего не поделаешь...» — сказала Кадзуе. Действительно, слова эти как нельзя лучше определяли положение, в котором очутилась семья. Приходилось возвращаться в родную деревню... При этой мысли Кадзуе показалось, будто в ее душе раскрылись старые, зарубцевавшиеся раны.

Кадзуе и Мацута родились в деревне на острове Этадзима, где в годы войны находилось военно-морское училище. Кадзуе была дочерью бедного деревенского священника, обремененного большой семьей. Родители Мацута Огава занимались и земледелием и рыбной ловлей. Впрочем, на острове Этадзима рисовые поля не возделывают, поэтому все хозяйство семьи Огава сводилось к небольшой плантации мандариновых деревьев да огороду на склоне горы. Теперь старики Огава перебрались с Этадзима — вся территория отошла во владение военно-морского училища. Они теперь жили по другую сторону горы, жили одиноко в прибрежном поселке. Почти вся плантация цитрусовых была реквизирована на военные нужды, и родители Мацута, жившие прежде довольно зажиточно, превратились в бедняков. Но Кадзуе пугало не то, что она возвращается в разоренную семью — к бедности привыкла она с детства. Мучило и страшило ее другое.

Один из старших братьев Кадзуе — Тацуити — уклонился от мобилизации. Скрылся, получив призывную повестку. Случилось это вскоре после начала войны с Китаем. Глухой ночью Тацуити выкрал чужую лодку и перебрался на соседний остров, где жила его невеста, дочь священника местного храма. Некоторое время он прятался в храме, под самой крышей, но военные власти вскоре выследили его. Ходили слухи, что Тацуити расстрелян. Никто не знал, справедливы ли эти слухи. Достоверно было одно — никто из родных больше не видел Тацуити. Судьба его так и осталась неизвестной.

Кадзуе в ту пору была уже замужем за Мацута Огава. У них только родился сын — Итта. Кадзуе без памяти любила своего чудесного крепыша-мальчика, но старики Огава требовали, чтобы Мацута развелся с женой, оставив ей ребенка. Дело в том, что поступок Тацуити покрыл его семью несмываемым позором, и старики Огава не желали пятнать свою честь, быть в родственных отношениях с сестрой отщепенца.

— Я — муж Кадзуе, а она — моя жена, не стану я с ней из-за Тацуити разводиться. Мы любим друг друга, у нас уже есть сын, — ответил тогда Мацута и наотрез отказался от развода. А полгода спустя наступил черед Мацута — его тоже призвали в армию. Служил он впервые. Мацута с красной лентой на рукаве, с походным мешком в руках отправился на пристань в сопровождении целой толпы односельчан. Несколько человек вызвалось проводить его до железнодорожной станции; все сели на пароход. Кадзуе с малышом за спиной стояла рядом с мужем. На платформе в местечке Удзина собрался народ — молодые парни с красными лентами на рукавах, родственники, провожающие. Лицо Мацута против его воли выражало страх. Он вошел в вагон и высунулся из окна. Мацута пытался улыбнуться Кадзуе и землякам, но лицо у него было бледное и улыбался он криво, казалось, вот-вот заплачет. Кадзуе было ясно, что муж ее растерялся. Не стерпев, она вскочила в вагон.

— Я провожу тебя до вокзала в Хиросиме! — сказала она.

Пронзительно зазвенел звонок — поезд отправлялся. «Бандзай!», «Бандзай!» — закричали провожающие, обращаясь к Мацута, стоящему у окна. «Бандзай! Бандзай!» — откликнулись сотни голосов из всех окон вагона. Оглушительный гул прокатился над платформой. Мацута все пытался изобразить на лице улыбку, но голова его в рамке окна вдруг поникла, ноги подкосились; он бессильно опустился на скамью.

Испуганная Кадзуе обеими руками обхватила мужа и, упершись плечом в его спину, старалась поддержать его.

— Кланяйся, ну, кланяйся же! Рукой махни, слышишь! — шепотом твердила она на ухо мужу. Но провожающие отлично поняли, что Мацута на ногах не стоит от страха перед фронтом. Так трусит, что не может прямо держаться.

Кадзуе видела лица односельчан: одни сдерживали улыбку, старались не рассмеяться, глядя на необычайную картину, на то, как жена сзади поддерживает мужа, обессилевшего от страха, заставляет его кланяться и махать рукой в знак приветствия; другие с кислой миной, с осуждающим и хмурым видом смотрели в сторону. В те времена Кадзуе больше беспокоило, что в деревне начнут судачить и злословить о ее муже, а не то, какие мучительные переживания владеют им в минуту отъезда, — тогда она еще не могла их хорошо понять. Ее удручала мысль, что муж ее слаб духом.

Рассказ о том, что Мацута, отправляясь на войну, от страха не стоял на ногах, обошел всю деревню. Рассказывали об этом, как о чем-то очень смешном. Конечно, Мацута не совершил преступления, как, например, Тацуити — он все же отправился воевать, — но его поведение нарушало неписаный закон того времени, гласивший, что мужчина, отправляясь на фронт, должен проявлять величайшую радость, бодрость духа. Многие односельчане осуждали Мацута, опасались, как бы его поведение не оказало дурное влияние на тех, кому в недалеком будущем предстоит призываться. Поведение Мацута осуждали, и это сказывалось и на Кадзуе — к ней тоже относились враждебно. И вот теперь Кадзуе предстояло искать пристанища на острове, с которым у нее было связано столько тяжелых воспоминаний. Приходилось возвращаться туда с двумя детьми, оборванной, изголодавшейся. Не удивительно, что в душе ее поднимались разноречивые, горькие чувства.

— Пойдемте, дети, все будет хорошо... Итта, Юкико, возьмите меня за руки... Меня почему-то шатает... Сама не знаю отчего...

— Мамочка, я буду держать тебя за руку!

— Я понесу тебя на спине, мама. Вот, смотри!

Итта перекинул руки матери через свои плечи и, сгибаясь под тяжестью ее тела, пошатываясь и оступаясь, побрел по дороге.

3

На склоне горы, террасами сбегая вниз, зеленели плантации мандариновых деревьев. Здесь, в тихом уголке, приютилось семейное кладбище Огава.

Бабушка Токи, Итта и Юкико зажгли перед одной из могил курительные палочки; сложив руки ладонями, все трое молились и плакали. Юкико еще не понимала, что такое смерть. В могиле, принявшей кости отца, покоилось теперь и тело матери, но в головке Юкико никак не умещалось понятие «смерть». Девочка не могла уяснить себе, что отец и мать исчезли навеки. Она воображала, что если вот так, каждый день приходить на могилу и молиться, то папа и мама скоро вернутся.

— Люди говорят, будто все, кто был в тот день в Хиросиме, непременно умрут, все до одного умрут... Только вы уж не умирайте, живите, родные мои. Хорошо? — говорила бабушка. Слезы катились у нее по лицу; она крепко держала внуков за руки, спускаясь с ними вниз по тропинке, сбегавшей по ступенчатым уступам плантации. Итта и Юкико сразу же отправились на берег залива. Дети вошли в воду — у берега было совсем мелко — и, нагнувшись, принялись усердно собирать ракушки. Они набрали полные пригоршни и вернулись домой. Бабушка Токи, сгорбившаяся от старости, сварила ракушки.

— Что, хочешь отнести ракушки на могилу? Завтра успеешь... А то устанете оба... — сказал дед, удерживая Итта. У мальчика на глаза навернулись слезы. — Ну-ну, ступайте! Только поскорее возвращайтесь!..

Итта и Юкико снова взобрались вверх по тропинке. День клонился к вечеру, на глади синего моря отражались алые отблески заката. Над могилами, заслоненными мандариновыми деревьями, еще носился аромат недавно сожженных курений. Итта посмотрел на кучки пепла, оставшиеся на земле от курительных палочек, и опять заплакал. Дети положили вареные ракушки на могилу. Встали рядом, низко поклонились могиле. Они не замечали, что плачут. Немного погодя они снова спустились вниз по тропинке.

— Мама ведь не болела, почему же она умерла, Итта? — спросила Юкико.

— Сам не знаю.

— А как это — когда человек умирает?

— Это значит, что человека нигде больше нет.

— А куда ушли папа с мамой? Когда же они вернутся?

— Никогда не вернутся. Это и значит умереть.

На небе алела вечерняя заря. Брат и сестра молча шли по деревенской улице.

А на другой день кончилась война. Вечером, впервые за долгое время, во всех домиках деревни загорелся электрический свет. От дома к дому цепочкой загорались, вспыхивая и мерцая, яркие огоньки. Итта и Юкико стояли перед домом и удивленно смотрели, как весело мигали огоньки: они загорались повсюду — и в домиках, лепившихся на дальних горных склонах, и внизу, на берегу залива.

— Война кончилась!.. — будто ни к кому не обращаясь, с волнением шепнул Итта. Он тяжело вздохнул. — Папа, нет больше войны... Возвращайся домой!.. — все так же шепотом добавил он.

— Теперь, Итта, никто не станет ругать, если зажечь свет, правда? А почему?

— Потому что война кончилась. Видишь, сколько кругом горит лампочек. Теперь уже никто за это не рассердится! Как же я рад! Война кончилась!

— Какие красивые электрические огоньки! Как цветы красивые! Ведь я их никогда не видела!

И в самом деле, девочка впервые увидела свет электрических лампочек, открыто, смело лившийся из окон. Юкико прыгала от радости и хлопала в ладоши. Итта, склонив голову, плакал. Война кончилась, и тихая светлая радость спустилась на деревню. Люди чувствовали, что освободились от угрозы смерти, нависавшей над ними, и чувство это — простое, человеческое — было сильнее, чем трагедия капитуляции. Но хоть война и была окончена, а люди умирали от лучевой болезни. Погибали даже те, кто уцелел в день взрыва: умирали потому, что ходили в центр города, соприкасались с зараженными радиоактивностью предметами.

Итта понял, отчего умерла мать. «Если бы мама все время была с нами, под мостом, если бы не ходила разыскивать отца, она осталась бы жива», — думал он. И какое-то неизъяснимое чувство, похожее на благодарность к умершей матери, не покинувшей отца даже в смерти, ширилось в душе мальчика. Итта не отдавал себе ясного отчета в своих переживаниях. Но эти мысли, будто чистый родник, струившийся где-то в глубине его сознания, владели душой Итта.

И вот шестнадцатого сентября над префектурой разразился ливень. Дождь не прекращался ни на минуту. Двое суток ураган яростно хлестал землю. Деревню, где жили Итта и Юкико, тоже заливал дождь. Лил

он с такой силой, словно хотелось ему смыть все дома. С крыши дедовского дома сорвало черепицу. Дождь потоками низвергался на землю.

— Сожгли дотла Хиросиму, так что и небо обгорело, потому и льют теперь такие дожди!... — сказал семидесятилетний дед Хисата. Он велел испуганной бабке Токи одеться и одеть детей. Было это глубокой ночью семнадцатого сентября. Дед, бабушка и внуки оделись, собрали вещи. Люди боялись, что вода хлынет с моря. Звонил колокол — сигнал бедствия. Буря завывала, почти заглушая зловещий звон, раздававшийся в поздний ночной час. Вдруг к громкому шуму дождя стали примешиваться какие-то странные звуки.

— Дедушка, слышишь, что-то грохочет... Что это такое? — спросил Итта.

— Наверное, поток несет с гор камни и деревья... Плохо дело! Бабка, бери Юкико на спину, да поживее!

Юкико одели и привязали к спине бабушки Токи. А дед с внуком вылезли через потолок на крышу и осмотрелись. Приближался рассвет. В полумраке Итта еле различил очертания ворот соседнего храма. И внезапно он увидел огромную волну — высокая была волна, выше ворот. Дом всплыл и зашатался. Старая Токи с Юкико за спиной никак не могла вскарабкаться на крышу. Дед и Итта помогли ей.

— Держитесь крепче! Вода с гор хлынула! — крикнул дед Хисата.

А дом уже плыл. Вода относила его все дальше и дальше. Огромная волна хлынула не с моря, как боялись люди, а совсем с другой стороны — с гор, она затопила центр деревни. Вода смывала людей и постройки, мчала их к морю. Все четверо — старик, старуха, мальчик и девочка — сидели на крыше дома, их тоже уносило течением. В слабом предутреннем свете видно было, как плывут дома; на крышах толпились люди. Вода вынесла домик деда в море. Неожиданно Итта свалился в воду. Он и сам не мог бы сказать: нарочно ли прыгнул, чтобы спастись вплавь, упал ли нечаянно — просто не удержался на крыше. Итта умел плавать — он привык к морю с четырех-пяти лет, но сейчас, всплыв на гребень волны, обмер — такие большие были волны, так разбушевалось море. В этот короткий миг Итта увидел страшное зрелище. Он увидел, как дом их, за крышу которого они только что цеплялись все вчетвером, раскололся пополам, будто вместо одного дома вдруг стало два. На крыше одной половины темнела фигура деда; на другой половине без движения, вероятно потеряв сознание, лежала бабушка Токи с Юкико за спиной. Домик, разрушенный волнами, бессильно качался, его уносило все дальше и дальше... Больше Итта ничего не помнил...

4

Дедушка с внуком поселились в сарае у знакомого крестьянина, дом которого не пострадал от наводнения: он стоял на высоком месте. Наступила осень. В центре деревни не осталось ни одной постройки. Холмами вздымался песок, нанесенный волнами и перемешанный с грудами краснозема, кругом царило полное запустение. Кое-где из песка торчали стволы могучих деревьев, которые вода принесла с гор, да остовы разбитых лодок.

Итта пошел в лес собирать каштаны. Угрюмое лицо мальчика словно застыло, но он прилежно собирал каштаны, поднимая с земли даже самые маленькие. Набрав полную сумку, он вернулся в сарай. Дед Хисата растопил очаг хворостом и сварил каштаны. Итта выбрал из кучки горячих каштанов самые крупные, глянцевитые — нужно было отнести их на могилы. Мальчик положил каштаны в корзиночку. Дед и внук сидели

друг против друга и ели вареные каштаны, старательно счищая с них кожуру.

— Весь день ходим голодные... Совсем голод замучил. Никуда это не годится, Итта! — заговорил старик. — Давай лучше будем делать, как все: станем варить водоросли в морской воде и продавать горожанам вместо соевой приправы... Говорят, они охотно это варево разбирают. На этом деле, слышал я, порядком можно заработать!

Итта промолчал.

— Дед будет варить, а ты, Итта, доставай с гор дрова! — продолжал старик.

— Чужие дрова?

— Все так делают...

— Не буду воровать лес. Давай лучше рыбу ловить. Станем продавать рыбу в городе. Пожалуй, вдвоем прокормимся, а, дедушка?

Но Хисата был слишком стар, не мог он выезжать на рыбную ловлю. Да и лодки не было — ее унесло во время наводнения. Сидеть целый день с удочкой на берегу тоже было ему не под силу...

Итта поднимался в гору по ступенчатым террасам мандариновых плантаций и нес корзиночку с вареными каштанами. Он так часто приходил сюда, что ему казалось, будто он возвращается домой, к родителям и сестренке. С переполненным сердцем подошел он к могиле и, встав на колени, сложил руки. И, как всегда, заплакал. Плача, он разделил каштаны на четыре маленькие кучки и разложил их на могильном камне.

— Мама, война давно кончилась... Теперь я больше ничего не боюсь... — тихо говорил Итта. Слезы неудержимо катились из его глаз. Ему хотелось посоветоваться с отцом и матерью, спросить, можно ли воровать чужой лес и готовить на украденных дровах варево из водорослей? «Могила похожа на немого, от нее ни слова не дождешься», — думал мальчик.

Поздней осенью Итта вместе с другими стал ходить в горы за дровами. Надо было как-нибудь просуществовать, и люди кипятили бесплатную морскую воду на бесплатных дровах. Морскую воду заправляли водорослями, слегда подкрашивали и готовили варево — его продавали вместо соевой приправы для пищи. Иные, пользуясь ночной темнотой, подплывали на лодках к безлюдным островкам и собирали там хворост, сучья, словом, всякое топливо. Бездомные дети, скитавшиеся среди обгорелых руин Хиросимы, тоже нищенствовали, тоже воровали и тоже отправлялись на островки варить приправу из водорослей.

Каждый день Итта с дедом кипятили морскую воду на очаге, сложили они его из камней за сараем, заменявшим им дом.

— Знаешь, дедушка, кругом на островах дров совсем не осталось. Все подобрано дочиста, хоть шаром покати... — сказал однажды Итта.

— Потому что лезет всякий, кому не лень, вот оно так и получается... — проворчал старик.

— Давай и мы бросим это дело, а, дедушка?

— Бросишь и бродягой станешь, да?

— Нет, бродяжничать я не стану. Буду работать. Хорошо бы поступить мальчиком в рыбную лавку...

— Там тоже работа не легкая... И что ты придумал? — удивился дед Хисата.

— С рыбой работа честная. А приправа, которую мы варим, — один обман... Противно даже... — проговорил мальчик.

Весной на улицах сожженного города начали продавать — правда, пока еще понемногу — настоящую приправу из сои. Кроме того, полиция стала следить, чтобы лес на безлюдных островках не расхищали; впро-

чем, валежника и деревьев уже на всех не хватало — ведь каждый стремился украсть хоть немного.

— На рынке дрова стоят дорого... А варить водоросли на покупных дровах, знаешь ли, Итта, один убыток... Надо нам придумать другое занятие, — сказал как-то дед Хисата. Старик почернел от солнца, одряхлел, его лицо избороздили глубокие морщины; он не мог теперь прожить без помощи Итта.

На окраине города Хиросимы, у шоссе, которое тянулось вдоль берега моря, стояла рыбная лавка. Владелец лавки, некий Хидэкити Такада, с давних пор любил провести денек-другой в деревне на острове Этадзима, где жил дед Хисата. Такада останавливался у старика и с увлечением проводил время за рыбной ловлей. Недавно Такада сказал, что может взять Итта к себе. Предложение звучало неопределенно; Такада говорил, что детей у него нет и что ему хочется усыновить какого-нибудь мальчика. Итта — так ему кажется — послушный, тихий мальчуган. Вместе с тем торговец говорил, что Итта пригодится ему как мальчик при лавке.

Но деду Хисата не хотелось расставаться с Итта. Жить в разлуке с внуком было бы слишком тоскливо, да и трудно было бы старику прокормиться без помощи Итта.

...Итта в задумчивости стоял за сараем, в котором они жили с дедом. Сразу за сараем отвесной стеной поднимался вверх горный склон. Перед глазами Итта по-весеннему зеленела трава, воздух был напоен ее свежим запахом. Итта прижался лицом к склону горы, вдыхая запах земли и трав. Потом оглянулся, в каменном очаге горел огонь. Дед Хисата, сидя на корточках, следил, как закипает морская вода. Лицо у него было печальное.

— Последние дрова горят... Больше нет ни щепки.

— Знаешь что, дедушка, давай бросим, наконец, варить эту противную приправу!

— Бросим, бросим... А что будем делать?

— Пойду вместе со всеми продавать по деревням посуду...

— Вот что надумал! — оживился дед. — Это ты хорошо сообразил. А я хотел было об этом с тобой поговорить. Сейчас все торгуют по деревням — и старый, и малый, даже солдатские вдовы с ребятишками за спиной — и те ходят... Как пойдешь в горы, еще издали видишь — бредут по дорогам люди, несут на головах тазы, кастрюли... Сковородки так и сверкают на солнце...

Старик говорил о дорогах, которые вели к деревням, расположенным в глубине гор. Жители прибрежной полосы и маленьких островов — а там невозможно было возделывать рисовые поля — доставали в Кобэ и Осака кастрюли, котелки и другую утварь и меняли посуду на рис по деревням, расположенным в глубине гор, где крестьяне разводили рис. Цены на рис на черном рынке росли бешеным темпом. По извилистым горным тропинкам с самого утра тянулись вереницы людей, кастрюли и сковородки, висевшие у них за спиной, ярко сверкали на солнце. Странное это было зрелище! Однажды Итта и дед Хисата тоже стали участниками этого шествия. У них тоже висели за спиной новенькие котелки и кастрюли — старик и мальчик не видели, что и у них металлическая посуда ослепительно горит на солнце. Издали людей было не видно, казалось, будто светящиеся точки, вспыхивая металлическим блеском, вереницей движутся по горным дорогам.

Немало мук пришлось принять всем этим людям. А на обратном пути полиция устроила на дороге засаду и отобрала у них рис, вымененный на кастрюли и сковородки. Задержали и деда Хисата с внуком. Так по-

вторялось не раз, и в конце концов старого Хисата приговорили к штрафу.

И вот как-то дед Хисата сказал, обращаясь к внуку:

— За что ни возьмемся, во всем от других отстаем... Вот оно и выходит, что другие наживают хорошие деньги, а у нас с тобой прибыли ни на грош... Не везет нам, Итта! Вот что я надумал: пожалуй, надо тебе пойти в приемные сыновья к Такада, если ты хочешь...

— Дедушка, но ведь тебе будет скучно одному? Не уйду я от тебя. Буду ловить рыбу удочкой, продавать и кормить тебя, дедушка! — ответил Итта.

Увы, нет еще такого закона, который охранял бы счастье детей... А Итта был ребенком... Но люди еще не изобрели закона, обеспечивающего человеку право на счастье...

5.

— Когда на дедушку штраф наложили, совсем невозможно стало прожить! — жалобно говорил Итта, глядя на Хидэкити Такада. Голос у него дрожал. Это было год спустя после неудачных походов в деревню за рисом. Итта остался в лавке у Такада.

Прошло около двух с половиной лет. Наступил 1949 год.

Каждую осень Итта обступают воспоминания. Ему вспоминаются отец, мать, сестренка, бабушка. С каждым годом воспоминания эти становятся глубже и острее. Когда ему хочется плакать, он уходит в лес, на гору. Лавка Такада стояла почти на самом берегу моря, но стоило пересечь шоссе, залитое асфальтом, и сразу же начинался крутой подъем. По узенькой тропинке, на которой валялись куски полуразвалившегося бамбукового желоба, устроенного для стока воды, можно было подняться в горы...

Часто, стоя у дверей рыбной лавки, выходившей фасадом на шоссе, Итта подолгу смотрел на горы, высившиеся напротив. Листва в лесах уже поредела; красные кроны кленов, покрывавших склоны гор, потемнели; увядшие, сухие листья медленно падали на землю.

— Что, Итта, хочешь пойти погулять в лес? Ступай, каштанов наберешь, — обычно говорил в такие минуты Такада, покуривавший в комнате трубку. — Поздней осенью даже взрослого тоска берет. Это, брат, никуда не годится. Ступай, ступай, развлекись немного... Каштаны пособирай. Я разрешаю...

— Тебе хочется побыть одному и поплакать, да, Итта? Ну, поплачь, поплачь... А потом собери каштаны: принесешь, я сварю, а после ужина поедим все вместе... — говорила жена Такада, сидевшая с ним рядом. Итта стал их приемным сыном. И муж и жена так привязались к мальчику, что ни за что не согласились бы с ним расстаться. Бывало Итта загрустит, на ресницах у него блеснут слезы, а Такада и его жена делают вид, будто ничего не заметили, не расспрашивают, не утешают мальчика.

— Можно, я пойду ненадолго? — спрашивал Итта.

Худенький, высокий мальчик — ему уже исполнилось тринадцать лет — легкой, быстрой походкой пересекал шоссе и уходил в горы. Подолгу сидел он на пологой вершине невысокого холма, смотрел вниз на шоссе и море.

Берега Внутреннего Японского моря славятся красотой, а здешние края особенно хороши. Но Итта не замечал, как прекрасен открывавшийся перед ним вид. Он смотрел на шоссе — там непрерывной вереницей мчались джипы и другие машины иностранных марок. По шоссе, пролегавшему между морем и высокими горами, точно в веселой игре, мча-

лись наперегонки джипы и лимузины, развивая предельную скорость. Они мчались, исчезая вдали, а позади них на шоссе оставались искалеченные детские тела, трупы раздавленных собак. Однажды там, на шоссе, сошла с ума женщина, прижимая к груди изуродованное тельце своего ребенка. Она через несколько дней умерла... Когда под колесами машин погибло несколько ребят, окрестные жители поставили на повороте шоссе статую Будды — покровителя детей. Она стояла как воплощение безмолвной мольбы о том, чтобы люди на шоссе не состязались в быстрой езде, чтобы ездили с обычной скоростью. Несчастные случаи ненадолго прекратились.

И сейчас по шоссе мчались машины самых разнообразных расцветок: белые, светлозеленые, яркие, ослепительные машины проносились мимо и исчезали, вновь появлялись и вновь скрывались из вида. Итта вошел в лес и принялся собирать каштаны. Круглые блестящие каштаны совсем уже созрели, там и сям лежали они на земле, прячась в траве.

Вдруг у Итта потемнело в глазах. Ему вспомнился лес, где был погребен прах его родных, там тоже, как здесь, росли каштановые деревья. Он представил себе деда, такого одинокого — где ему прокормиться рыбной ловлей! От жалости и любви к деду больно сжалось его сердце.

— Нет! — Итта резко встряхнул головой.

Вспоминать нельзя. Стоит только что-нибудь вспомнить, как чередой проходит столько воспоминаний, что от тоски, пронизывающей душу, не знаешь куда деться...

Послышались чьи-то шаги. Шаги приближались. Сквозь ветви выглянуло смуглое краснощекое лицо Такада.

— Пора тебе домой. Давай помогу собирать каштаны? Мать беспокоится и ждет.

Такада нагнулся и тоже стал собирать каштаны. Он высыпал их полными пригоршнями в сумку Итта.

...Прошло еще несколько дней. Как обычно после полудня в лавку доставили рыбу, и в доме наступило оживление. То и дело входили покупатели. А мимо лавки, по шоссе, все также мчались лимузины и джипы.

Вот на пороге показалась покупательница с девочкой. На руке у нее висела корзинка.

У женщины, одетой в порванное кимоно, вид был жалкий. Девочка лет четырех-пяти была обута в красненькие лакированные гэта. Девочка выдернула ручонку из руки матери.

— Осторожней! — крикнул кто-то. Но девочка уже выбежала на дорогу, залитую солнцем. Дети часто ходили через дорогу напиться воды из желоба, устроенного у подножья горы. Внезапно из-за поворота дороги выскочила машина, сверкавшая черным лаком. Девочка растерялась, остановилась, потом заметалась из стороны в сторону.

В какую-то долю секунды Итта увидел, как свалился с ножки маленький красный гэта.

— Берегись, задавят!

Одним прыжком Итта очутился на шоссе. Телом своим он загородил девочку от машины.

Жизнь девочки была спасена. Машина остановилась. Из нее вышел высокий, долговязый иностранец. Такада и его жена склонились над телом Итта, лежавшим посреди шоссе. Глаза мальчика были закрыты, тело превратилось в кровавый комок. А рядом стояли женщина, которая пришла покупать рыбу, и девочка в красных лакированных гэта, стояли неподвижно, словно застывшие.

Николаус Ленау

Стихи

Перевод с немецкого В. Левика

Николаус Нимбш фон Штреленау (писавший под псевдонимом Николаус Ленау) — крупнейший поэт Австрии.

Австрийская литература, общностью языка связанная с немецкой, в то же время носит на себе достаточно четкую печать национальной самобытности. Политическое, экономическое и культурное развитие Австрии, ее долгое — вплоть до 1918 года — существование в качестве страны, первенствовавшей в лоскутной империи Габсбургов, привело к заметному сближению австрийской литературы с литературами народов, некогда входивших в состав Австро-Венгрии. Это особенно ясно видно как раз на примере Ленау, в поэзии которого так ярко выражен венгерский, а в некоторых произведениях (к примеру, в «Польских песнях») и славянский колорит.

Николаус Ленау родился в 1802 году и умер в 1850 году. Но он не был сознательным свидетелем Мартовской революции 1848 года и предшествовавших ей крестьянских восстаний (1846—1847 гг.), так как уже в 1842 году заболел тяжелым душевным расстройством. Таким образом, вся жизнь крупнейшего австрийского лирика протекала в мрачную полосу европейской реакции — в эпоху «священного союза» европейских монархов, поклявшихся покончить с «гидрой революции». Вдохновителем и энергичным поборником идей «священного союза» был австрийский канцлер Меттерних («князь тьмы», как называли его в свободолюбивых кругах Австрии и далеко за ее пределами).

Ленау не видел и не мог видеть выхода из тупика кровавой реакции. Отсюда мрачная окраска многих его стихотворений. Но вместе с тем в вольнолюбивом поэте никогда не угасала вера в конечную победу народов над их поработителями — вера, так гордо звучащая в последних строках его поэмы «Альбигойцы»:

Сетями зла не будет мир опутан!
За муки всех, кто Церковью убиты,
За альбигойцев мстить идут гуситы.
Был Гус, был Жижка, были Лютер,
Гуттен,
Мятеж крестьян, севеннский бунт,
сверженье
Бастилии, — и будет продолженье!

Ленау — тончайший лирик, автор замечательных поэтических пейзажей, где человек и природа как бы сливаются воедино. Это делало его столь близким Тютчеву, который был одним из первых русских переводчиков австрийского поэта. Но истинная оригинальность поэзии Ленау — не в таком «очеловечивании природы» (здесь он только талантливый продолжатель Гете-лирика), а в мятежном самоутверждении неукротимой свободы человеческой личности в эпоху, когда полицейский режим Меттерниха беспощадно убивал *человека в человеке*.

ФОРМА

Если форма и готова,
знай, поэт, слова пусты
до тех пор, покуда ты
мыслью не наполнил слово.

Есть слова — как облаченье,
под которым тела нет.
Сердце дрогнет им в ответ,
но, увы, лишь на мгновенье.

Наподобие трещотки
стих по рифмам застучит,
и хоть он «мастеровит»,
жалок век его короткий.

РОДИНЕ

Какой далекой стала ты,
о родина моя,
как сердца юные мечты,
как утро бытия!

Сижу печальный на корме,
затерян в бездне вод,
и предо мной в полночной тьме
минувшее встает.

Но странно! Как шумит волна!
То выразить нет слов.
Не о тебе ль поет она,
не твой ли слышу зов?

Я слышу рощи смутный шум,
где, баловню судьбы,
мне навевали столько дум
священные дубы.

Я слышу, как с крутых высот
несется твой поток,
как беглецу вдогонку шлет
он горестный упрек.

И трав альпийских аромат,
и дальний звук рожка,
и бубенцы овечьих стад,
и песня пастушка,

и нежный смех румяных уст,
и щебет птичьих стай,
и каждый лист, и каждый куст
твердят: не забывай!

Когда прощался я с тобой,
когда в немой тоске
я обнял клен последний твой,
сходя к чужой реке, —

не удержав горючих слез,
уже у корабля
я клятву верности принес
тебе, моя земля.

И вот гляжу в ночной туман,
и, волю дав мечте,
лечу туда, за океан,
и плачу в темноте.

ТРИ ИНДЕЙЦА

Буря в небе мчится черной тучей,
крутит прах, шатает лес дремучий,
воет и свистит над Ниагарой,
тонкой плетью молнии лиловой
люто хлещет вал белоголовый,
и бурлит он, полон злобы ярой.

Три индейских воина у брега
молча внемлют реву водобега,
озирают гребни скал седые.
Первый — воин, много испытавший,
много в жизни бурь перевидавший,
рядом с ним — два сына молодые.

На сынов глядит старик с любовью,
с тайной болью видит мощь сыновью, —
в гордом сердце та же мгла и буря.
Словно туча, что чернее ночи,
дико блещут молниями очи.
Говорит он, гневно брови хмуря:

«Белые! Проклятье вам вовеки!
Вам проклятье, голубые реки,
вы дорогой стали нищей своре!
Сто проклятий звездам путеводным,
буйным ветрам и камням подводным,
что воров не потопили в море!

Их суда — отравленные стрелы —
вторглись в наши древние пределы,
обрекли свободных рабской доле.
Все, чем мы владели, им досталось,
нам лишь боль и ненависть осталась.
Так умрем, умрем по доброй воле!»

И едва то слово прозвучало,
отвязали лодку от причала,
отгребли они на середину,
обнялись, чтоб умереть не розно,
и запели песню смерти грозно,
весла кинув далеко в пучину.

Гром гремит и молния змеится,
лодка смерти по реке стремится —
то-то чайкам-хищницам отрада!
И мужчины, гибели навстречу,
с песней, будто в радостную сечу,
устремились в бездну водопада.

МОНОЛОГ ИНВАЛИДА

(из баллады «Роберт и инвалид»)

Ты говоришь — псы лают на луну!
Да лучше бы я сам отрезал ногу
и кинул псу, когда, трубя тревогу,
рог возвестил проклятую войну,
и ногу эту ради чьей-то славы
я поволок на жертвенник кровавый
или на кухню дьявола, скорей,
которой стало Лейпцигское поле:
кровь, дым, огонь, проклятья, крики боли

отчаянье сирот и матерей,
и груды тел, и вихрем непогоды
гонимый, словно дичь, Наполеон,
и мразь, опять воссевшая на трон,
и торжество «спасителей свободы»,
встречающих роскошным блюдом знать,

что вновь слетелась жирно пировать,
оставив искалеченным солдатам
одно лишь право — кланяться богатым!
Взять хоть меня: оттяпали кусок
и голоду швырнули остальное!
И ради них я обнажал клинок,
навек утратил все мне дорогое,
чтоб мучиться от незаживших ран,
твой хлеб жевать, слоняться отупело,
твоей одеждой прикрывая тело,

и ждать, чтоб этот грустный барабан
отбарабанил жизнь, и ветер вьюжный
развеял прах, забытый и ненужный.

ПРОТЕСТ

Пусть мерзостна в моих глазах порода
убийц и заговорщиков, пускай
во мне лишь ярость будит негодяй
под маскою спасителя народа,

пусть наравне с небесными дарами
мы ставим троны, стран своих оплот, —
не думайте, что мне по нраву тот,
вернее те, кто управляет нами.

Не думайте, что промолчу я в страхе,
что не отдам святому гневу дань,
когда захочет царственная рвань
народ увидеть распростертым в прахе.

Нет, бог свидетель, я в одра хромого
не превращу крылатого коня!
И пусть рука отсохнет у меня,
коль в честь князей я напишу хоть слово.

А. Елистратова

Новаторство Говарда Фаста

Многостороннее дарование Говарда Фаста свидетельствует о том, как богаты творческие возможности передовой демократической литературы США, обобщающей исторический опыт американского народа и предвещающей его будущее. Лучшие национальные традиции американской литературы — традиции Уитмена и Твена, Джона Рида и Драйзера — живут в его произведениях новой жизнью. Суровая правдивость в изображении действительности пронизана в его книгах романтической взволнованностью: владея искусством сатирического разоблачения, иронии, сарказма, хорошо зная цену убедительной, типической бытовой детали, он вместе с тем стремится придать американскому роману характер героического, эпически широкого повествования.

Показать в свете национально-исторических традиций американского народа процесс приобщения простых людей к освободительной борьбе человечества — такова одна из основных эстетических задач, выдвигаемых Фастом. С этим связано его представление о воинствующем и действенном характере, каким должен обладать метод передового современного искусства — метод социалистического реализма. Новаторский характер этого метода Фаст мотивирует новым существом самой современной общественной жизни, новой расстановкой сил в мире, где треть человечества сбросила с себя гнет капиталистической эксплуатации. Он предостерегает от унылого представления о реализме, как о неизменном, банальном копировании лежащих на поверхности явлений жизни. Задача передового реалистического искусства современности заключается в том, чтобы вмешаться в самую гущу жизни, понять и показать то, что умирает, и помочь родиться на свет тому, что рождается.

Эстетическое достоинство передовой национальной литературы американского народа неотъемлемо для Фаста от борьбы за достоинство человека-труженика, попранного капиталистической эксплуатацией, оклеветанного и приниженного реакционным лжеискусством.

Тема будущего недаром с такой силой звучит и в теоретико-эстетических работах, и в художественном творчестве Фаста, возникая даже в его исторических романах, посвященных прошлым революционным традициям народа. Именно с движением вперед, к будущему, связано для него восстановление достоинства человека в настоящем. Процесс «выпрямления» человека, его духовного роста, его активного преобразующего воздействия на мир раскрывается в книгах Г. Фаста в многообразных формах, на разном жизненном материале, служа смелым и убедительным отрицанием той принижающей, оскорбительной трактовки освободительных стремлений простых людей, которая типична для современной упадочной реакционной литературы. Ее отвратительным «уравнениям»: «человек — таракан» или «человек — свинья» он противопоставляет свой призыв: «видеть человека во всей его славе — в его сегодняшней славе и в его потенциальной славе завтрашнего дня».

В понимании Фаста метод социалистического реализма предполагает новое истолкование отношений между человеком и окружающей средой. Это новаторство проявляется и в уяснении активной роли

личности в развитии общественной жизни, и в раскрытии самого процесса развития человеческого характера под влиянием обстоятельств. Социалистический реализм кладет конец и механическому представлению о фатальной зависимости человека от обстоятельств среды, воспитания, наследственности (доводимому до предела в эстетике натуралистов, но нередко дающему себя знать и в критическом реализме); он кладет конец и идеалистическому волюнтаристскому восхвалению произвола личности, составляющему другую типическую антиреалистическую тенденцию буржуазной литературы.

Для реализма Фаста характерно стремление возвыситься над снисходительной и деморализующей жалостью буржуазного гуманизма к простым людям, изображаемым в виде «маленьких людей» — беспомощных и бессильных жертв обстоятельств или судьбы. Это стремление американского писателя находит поддержку в творческих достижениях советской литературы.

Советская литература во главе с Горьким, как видно из многих теоретико-эстетических суждений Фаста, помогала ему в его поисках нового метода реалистической типизации — такого метода, который мог бы позволить художнику воспроизвести революционное развитие современной действительности, поставив частные судьбы людей в связь с широкими и могучими прогрессивными движениями нашей эпохи.

Если в современной американской декадентской литературе поступки людей представляют собой обычно бессвязную и бессмысленную цепь случайных актов, ничего не меняющих в конечном счете в ходе общественной жизни, то Фаст и в своих теоретико-эстетических работах, и в лучших художественных произведениях подчеркивает обратное: как ни скромны и незаметны, казалось бы, действия человека, к какому печальному концу ни приводит его судьба, как ни ограничивают обстоятельства общественный диапазон его деятельности — все же, если деятельность эта совпадает с ходом исторического развития, с общим движением человечества по пути прогресса,— то ничто им сделанное не пропадает даром.

Понятие трагического в эстетике Фаста приобретает принципиально новый для американской литературы смысл, поскольку трагедия личности, гибнущей в силу тех или иных исторических условий, оценивается и осмысляется художником не только в пределах данных конкретных обстоятельств, но в гораздо более широкой перспективе, в свете всей истории освободительной борьбы народов. Фаст настаивает на том, что писатель-реалист, правдиво воспроизводя общественный опыт своего героя, вправе, однако, внести в истолкование его судьбы и свой, иногда неизмеримо более широкий общественный опыт. Так,— указывает он,— гибель первых рабочих повстанцев-чартистов, описанная в историческом романе английского писателя Гвина Томаса «Листья на ветру», обретает подлинный смысл и подлинное величие постольку, поскольку писатель рассматривает ее в свете современности, как часть неуклонно и победно развивающейся борьбы трудящихся масс за свое освобождение.

Фаст ссылается в этой связи и на пример собственного творчества. «Вся правда образа Гидеона Джексона в «Дороге свободы» не может быть понята, если автор ограничится лишь изображением его личной трагической смерти; поэтому я попытался описать его борьбу так, чтобы подразумевать при этом и конечное освобождение его народа, остающееся еще делом будущего»,— замечает он в «Литературе и действительности». Точно так же трактуются Фастом и другие эпизоды истории освободительной борьбы человечества, к которым он обращается в своих книгах последних лет.

Характерны самые эпиграфы его романов и повестей, как бы вводящие сюжет и образы героев произведения в широкое русло истории освободительной борьбы народов мира. Роман «Последняя граница», воскрешающий один из эпизодов неравной борьбы индейцев за свои попранные права, Фаст посвятил памяти своего отца, который, по словам писателя, научил его «любить не только ту Америку, которая была в прошлом, но и ту Америку, которая будет». «Дорогу свободы» Фаст посвящает «всем мужчинам и женщинам, черным и белым, желтым и коричневым, всем тем, кто отдал свою жизнь в борьбе с фашизмом». Тем самым писатель устанавливает внутреннюю связь между разыгравшейся много десятилетий тому назад в захолустье Южной Каролины трагедией бе-

лых и черных земледельцев, попытавшихся отстоять свое право на свободный и мирный труд на свободной земле, с великой антифашистской борьбой народов в годы второй мировой войны Свою недавнюю повесть «Подвиг Сакко и Ванцетти» автор посвятил «тем мужественным американцам, которые сегодня, как и вчера, предпочитают тюрьму и даже смерть измене принципам, в которые они верят, земле, которую они любят, и народу, который вручил им свои надежды». Так всюду, последовательно и неизменно, писатель стремится показать связь частных судеб, страданий, подвигов и самой гибели своих героев-борцов с великим делом свободы.

Понимание того, что каждое поколение борцов за свободу вкладывает свою долю участия в историческое развитие народа, оставляя тем самым свой неизгладимый след в жизни общества, отражается во всей структуре художественных произведений Фаста — и в их композиции, и в сюжете, и в системе образов. В этом смысле есть нечто принципиально эстетически общее, несмотря на различные фабулы и разницу эпох, к которым относится действие, в столь несхожих произведениях Фаста, как «Американец» и «Спартак», «Подвиг Сакко и Ванцетти» и «Сайлас Тимбермен». Всюду автор подчеркивает, что его герои оказали огромное, не поддающееся даже, может быть, вполне точному определению, влияние на ход и направление общественного развития. Общественная среда воздействовала на их характеры, но и они, в свою очередь, наложили свой отпечаток на эту среду, формировали и изменяли ее, настолько ощутимо, что после их ухода с исторической сцены мир уже никогда не будет таким, каким он был до их вступления в жизнь.

Интересно в этом отношении построение романа «Американец». В центре этого романа Фаст ставит так называемую «Хеймаркетскую трагедию» — нашумевший судебный процесс восьми рабочих лидеров Чикаго, павших жертвой обдуманной полицейской провокации. «Хеймаркетская трагедия» вошла в историю американского рабочего движения как веха, открывающая период бурных и напряженных классовых боев. Всем построением романа Фаст стремится показать огромное значение связанных с нею событий, выходящее далеко за пределы восьмидесятых годов прошлого века, когда она разыгралась. Парсонс, Шпис и другие обвиняемые Чикагского процесса формально не принадлежат к числу главных героев романа. Они появляются в нем лишь через восприятие других людей — и врагов, и друзей, и тех, кто до поры до времени пытается еще сохранить позицию нейтрального наблюдателя конфликта между трудом и капиталом. Но и таким «опосредствованным» изображением вожаков рабочего движения, пожертвовавших жизнью во имя раскрепощения народных масс, Фаст достигает того, к чему стремится. Он показывает, что даже и после своей смерти Парсонс и его соратники продолжают участвовать в борьбе народа, попрежнему вселяя страх в сердца буржуазии, попрежнему воодушевляя рабочих. «Хотя Парсонс и умер, но он продолжал попрежнему жить в Чикаго. Парсонс жил в каменно-серых лицах людей, которые шли за его гробом; он жил в плохо напечатанных листовках; он жил в пикетах, которые становились все более и более обычными в Чикаго; он жил также в своей жене». Вся эволюция характера главного героя романа — судьи Альтгельда — определяется, по замыслу Фаста, именно его отношением к «Хеймаркетскому делу». Гибель Парсонса и его товарищей, с которой Альтгельд первоначально пытался примириться, как с неизбежностью, постепенно раскрывается перед ним, как акт вопиющей социальной несправедливости, настоятельно требующей его вмешательства. Судебный произвол, столь явно проявившийся в легальном убийстве Парсонса и его соратников, заставляет Альтгельда не только задуматься над существом противоречий между интересами правящих финансовых магнатов и интересами трудового народа Америки, но и в корне переломить собственную жизнь. Ставя на карту свою репутацию, карьеру и будущее, он в качестве губернатора штата Иллинойс задним числом восстанавливает справедливость, объявляя незаконным вынесенный по «Хеймаркетскому делу» приговор и освобождая из тюрьмы трех еще оставшихся в живых «сообщников» Парсонса. Так казнь маленькой группы рабочих, над которыми злорадно издевалась желтая буржуазная печать, объявляя их выродками и убийцами, оказывает могучее воздействие на последующие десятилетия американской

политической жизни, способствуя прояснению действительных общественных отношений между противостоящими друг другу классами и заставляя «нейтральных» определять свое место в борьбе.

Еще более последовательно отразилась эта мысль о том, что подвиг никогда не напрасен, если совершен в борьбе за правое дело, в повести Фаста о Сакко и Ванцетти. Композиция этой книги чрезвычайно показательна для литературного новаторства Фаста. Подвиг Сакко и Ванцетти — двух безвестных итальянских тружеников-иммигрантов, поставленных в центре повести, словно невидимыми, расходящимися во все стороны лучами, воздействует могущественным образом на жизнь миллионов людей и в Америке, и за ее пределами. И хотя действие повести сосредоточено автором в пределах одного дня — последнего дня перед казнью героев,— читатель с первой до последней страницы повести ощущает, что перед ним развертывается событие, значение которого не померкнет многие годы.

Писатель переносит действие из Бостона, где ждут своего конца Сакко и Ванцетти, в Нью-Йорк, где на широкой площади Юнион-сквер собрались огромные толпы народа, заряженные потенциальной энергией возмущения и гнева, ищущей выхода. Он показывает демонстрации трудящихся Москвы, Берлина, Парижа, Лондона, Токио, объединяющие людей разных национальностей, различных воззрений в последней попытке отстоять жизнь Сакко и Ванцетти; он ведет читателя и в мир «защитников порядка» — в кабинет судьи и губернатора штата Массачузетс, в Белый дом, в приемную президента Соединенных Штатов Америки, и во дворец итальянского дуче, который, лицемерно обманывая простых людей Италии, делает вид, что намерен ходатайствовать перед правительством США об отсрочке казни двух итальянских революционеров. Повесть развертывается, таким образом, как широкая панорама; различные стороны основного конфликта двух борющихся лагерей предстают в новом свете в связи с делом простого сапожника и разносчика рыбы, безвестные имена которых стали священным символом международной солидарности трудящихся. Эти труженики, на которых реакция попыталась сорвать свою бешеную ненависть к рабочему движению, вместо того чтобы оказаться лишь жертвами буржуазного правосудия, оказались сами судьями и обвинителями осудившего их на смерть строя. Этот мотив проходит через всю книгу Фаста и с особой силой звучит в финале, в описании смерти Бартоломео Ванцетти, поразившего самих исполнителей приговора своим героическим величием.

На авансцену своей повести Фаст выводит несколько персонажей, судьбы которых призваны в обобщенной форме отразить огромное историческое воздействие подвига Сакко и Ванцетти на дальнейшее развитие американского общества. Это люди различных профессий, различного социального положения, различных политических убеждений. Каждый из них поразному вступает в соприкосновение с делом Сакко и Ванцетти. Но, как бы ни были различны пути, которые привели каждого из них так или иначе к участию в этой исторической трагедии, ни один из них в дальнейшем уже не может остаться тем, чем он был ранее, до того, как соприкоснулся с нею. Фаст как бы нарочито «освобождает» этих персонажей своей повести от излишнего груза частно-бытовых, индивидуальных примет и особенностей. Он даже не называет их собственными именами,— хотя за многими из них стоят реальные исторические прототипы. Ему важно показать, что эти его персонажи — Профессор уголовного права, Писатель, Тюремщик, Подметальщик-негр с текстильной фабрики, Судья — все они, хотя и поразному, изменяются в самом своем существе и в своем отношении к жизни под влиянием дела Сакко и Ванцетти. Для одних, как, например, для Профессора, эти перемены, знаменующие глубокую внутреннюю ломку сложившегося годами мировоззрения, означают начинающееся просветление, более ясное понимание того, как ложны были руководившие им ранее иллюзии относительно буржуазной законности и буржуазного гуманизма. Другие, как Судья и Губернатор, оставаясь у кормила правления, чувствуют растущий страх перед будущим, внушаемый им и непонятной с их точки зрения стойкостью Сакко и Ванцетти, и той бурей сочувствия, которую вызвали эти «преступники» в миллионных массах народа. Третьи, такие, как рабочий-негр, приехавший в Бостон, повинуясь смутному, но непобедимому жела-

нию сделать хоть что-нибудь для спасения осужденных и зверски избитый полицией за свое участие в пикетировании суда, начинают ясней, чем прежде, понимать, что только в солидарности и совместной борьбе может заключаться залог их будущего освобождения.

И здесь, как и в «Дороге свободы», Фаст подводит читателя к выводу, что гибель его героев — это не конец, а начало, не только смерть, но и рождение нового. На заключительных страницах повести он сталкивает между собою в споре двух участников борьбы за спасение Сакко и Ванцетти, два взгляда на жизнь. Мировоззрение буржуазного гуманизма, которым Профессор уголовного права руководствовался в своих попытках восстановить попранную законность, оказывается совершенно несостоятельным перед бессмысленной и несправедливой смертью двух невинных людей. Его собеседник коммунист смотрит дальше в будущее. За двумя погибшими борцами он видит встающие в строй миллионы. Спор этих двух собеседников позволяет Фасту не в дидактической, а в живой, непосредственной форме довести до читателя основную, жизнеутверждающую, полную глубокого исторического оптимизма идею книги.

«— Теперь они умрут, — говорит Профессор.— ...Я знаю, что эти люди невиновны, а все же они должны умереть. Вместе с ними умрет моя вера в человеческую порядочность.

— Легко же умирает ваша вера,— сказал коммунист.

— Вот как? А ваша сильнее? Во что же вы верите, сэр?

— В рабочий народ Америки,— ответил коммунист».

В романе «Сайлас Тимбермен» (1954 г.) Фаст проводит ту же мысль. Она выражена с наибольшей силой в кульминационном эпизоде, где Сайлас Тимбермен, приговоренный к тюремному заключению по обвинению в клятвопреступлении, произносит на суде свое последнее слово. Отзвуки горьковской «Матери», горьковского изображения Павла Власова и его товарищей, из подсудимых ставших обвинителями, — изображения, реалистической силой которого восхищается Фаст в «Литературе и действительности»,— слышны здесь с совершенной очевидностью.

Провинциальный преподаватель американской литературы, еще недавно не желавший ни заниматься политикой, ни даже думать о ней, Сайлас Тимбермен вырастает на протяжении романа в мужественного и решительного гражданина-борца. Суд приговаривает его к трехлетнему заключению; против него и подкупленные лжесвидетели и заранее предрешенный приговор. Он находится в четырех стенах почти пустой судебной камеры, где, если не считать его жены и адвоката, слова его могут слышать только заведомые враги. И все же его заключительная речь на суде — это не возглас отчаяния, не крик затравленного одиночки — это гордый и полный достоинства голос человека, который знает, что в конечном счете победа будет на стороне его дела.

Сайласа Тимбермена, уволенного с работы, публично опозоренного, брошенного в тюрьму, его жену Майру, их детей, из которых младший, шестилетний Брайен, едва не ослеп, став жертвой нападения ку-клукс-клановцев, ждут еще многие тяжелые испытания. Фаст не подслащивает жизнь; он показывает, как трудно положение честных и мужественных друзей мира и демократии в условиях империализма. Но вместе с тем и в этом романе Фаст изображает своих героев не побежденными, а победителями. За ними будущее. И самая разлука Сайласа и Майры, как говорит в заключительных строках романа писатель, оказывается для них «не концом, а новым началом».

Так, по-новому рассматривает Фаст соотношения между героем и обстоятельствами, человеком и обществом. Ему удается воплотить в образной ткани своих произведений те эпические тенденции искусства, о возрождении которых около двух десятилетий тому назад мечтал в книге «Роман и народ» Ральф Фокс.

Говард Фаст достигает глубины своих художественных обобщений благодаря тому, что показывает характеры своих героев, при всей их неповторимости и своеобразии, в теснейшей связи с жизнью народа, представителями и выразителями которого они становятся.

При этом важной особенностью реализма Фаста является стремление показать в той или иной форме самый процесс этого становления — показать постепенное, все более глубокое и органическое приобще-

ние человека к борьбе народных масс, все более глубокое понимание и осознание личностью общественных интересов, которые делаются для нее ее собственными, кровными интересами.

В этом смысле в творчестве Фаста получают отражение общественные тенденции, прямо противоположные тем, которые по преимуществу лежали в основе изображения жизни у его предшественников, представителей критического реализма в американской литературе. В лучших произведениях американских критических реалистов, включая и значительнейшие художественные произведения Теодора Драйзера, отразился процесс «разобществления личности» (как определял его Горький). Трагическое одиночество человека в условиях буржуазного общества служило темой «Сестры Керри» и «Дженни Герхардт», «Гения» и «Американской трагедии» Драйзера. В своем предисловии к избранным рассказам Драйзера (1947) Фаст говорит о том мастерстве, с каким воспроизвел Драйзер и в своих новеллах судьбу множества людей, «которых общество растоптало, чью жизнь оно исковеркало и извратило». В творчестве Драйзера, однако, уже намечалось плодотворное и много обещавшее на будущее стремление писателя возвыситься над этим изображением трагического одиночества людей в буржуазном мире. Даже изображая «развалины людей», Драйзер, как справедливо подчеркивает Фаст, стремится показать вместе с тем на их же примере достоинство и красоту, которые при других обстоятельствах могли бы отличать их жизнь. При этом залогом восстановления этого попранного достоинства и оскверненной красоты человека для Драйзера было осознание людьми общности их интересов; «тема братства проходит как постоянный мотив через все его рассказы,— пишет Фаст о Драйзере в том же предисловии. Он не допускал возможности одинокого существования людей; человек был для него частью целого, а если это оказывалось отнятым, то у человека оставалось мало оснований, чтобы жить». Счастье для себя, наедине с собой для Драйзера никогда не представлялось идеалом. Драйзер писал, что в Советском Союзе «ощущение национального товарищества» вытеснило «чувство индивидуального одиночества». Попытки показать, как эта мечта о братстве и товариществе людей в борьбе за общее дело воплощается в жизнь и у него на родине, были предприняты и в некоторых произведениях Драйзера. Такова его «Эрнита» — рассказ об американской коммунистке. Такова намеченная в заключительной, незавершенной части романа «Стоик» эволюция героини, Беренис, в которой крепнет «желание стать как-то полезной людям», найти свое счастье в заботе о счастье миллионов. Но то, что для Драйзера по преимуществу оставалось в условиях американской действительности, говоря его собственными словами из предисловия к книге «Говорят горняки Харлана», «мечтой о подлинной демократии, о товарищеской взаимной поддержке в этой слишком безотрадной борьбе за существование», то для Фаста предстает уже находящим себе — хотя и в муках и в борьбе — реальное жизненное воплощение.

Высказанное Горьким в «Моих университетах» положение, согласно которому, «человека создает его сопротивление окружающей среде», служит подтекстом изображения героев в большинстве лучших произведений Фаста. В критическом реализме взаимоотношения среды и героя чаще всего рассматривались как процесс губительного воздействия неблагоприятных внешних обстоятельств на судьбу неплохой по задаткам, но постепенно извращаемой этим пагубным воздействием натуры героя. У Фаста на авансцену его романов выдвигается другая закономерность. Борясь с обстоятельствами, стремясь видоизменить их, герой и активно воздействует на окружающую жизнь и сам видоизменяется, не мельчая, а, напротив, внутренне обогащаясь, двигаясь вперед.

При этом столкновение героя с окружающей средой выражается не в форме хищнической схватки, не в виде одного из тех поединков, какие нередко представали перед читателем в романах критических реалистов прошлого (так, например, бальзаковский Растиньяк высокомерно грозил помериться силами с собственническим Парижем, а Каупервуд из «Трилогии желания» увидел прообраз своего отношения к людям в жадности омара, пожирающего каракатицу). В тех поединках всякая победа, одержанная героем, означала вместе с тем и потерю каких-то человеческих ценностей: достигнутый успех дорого опла-

чивался ценою совести, чести, компромиссов с самим собою.

В произведениях Фаста история сопротивления человека среде развертывается по-иному. В центре внимания писателя не эгоистическое одиночество человека, сознающего свою отчужденность от общества и стремящегося либо приспособиться к нему, либо бросить ему свой злобный вызов. Художник стремится показать типичный для нашей эпохи — эпохи вовлечения широчайших народных масс в освободительную борьбу — процесс постепенного расширения общественных связей героя, осознающего себя борцом за общенародное дело, все более последовательно отдающего себе отчет в том, за что он борется, во имя чего жертвует он своим покоем, свободой, иногда — самой жизнью. Таким образом, борьба героя с обстоятельствами, как бы неблагоприятны они ни были и как ни трагичен иногда ее исход, предстает в произведениях Фаста как процесс внутреннего роста человека, обогащения его духовного мира по мере упрочения и расширения многообразных отношений, связывающих его с народом. Этот лейтмотив звучит с большой силой в заключительных строках одного из лучших романов Фаста «Дорога свободы». Умирающий Гидеон Джексон даже в последнюю минуту, когда, казалось бы, вместе с ним гибнет и дело его жизни, не поддается отчаянию, а, напротив, с гордостью думает о своем народе, о той массе, которая выдвинула его как своего вождя и которую он достойно защищал. «Последняя его мысль была о силе этих людей, черных и белых, силе, которая помогла им выдержать долгую войну и на развалинах взрастить первые ростки будущего — более прекрасного, чем все прежние мечты человечества...»

Аналогичные мотивы проходят в той или иной форме и через большинство других произведений Фаста, написанных после войны. Это отнюдь не означает монотонности, однообразия в выборе художником сюжетов и персонажей своих книг. Лица, которые он ставит в центре своих романов, повестей, очерков, очень непохожи друг на друга. Это Гидеон Джексон, вчерашний раб с плантации, становящийся государственным деятелем, членом конгресса. Это американский коммунист Сидни Гринспен, выросший в нью-йоркских трущобах, прошедший трудную школу классовых боев в США тридцатых годов, фронты республиканской Испании, плен и франкистскую тюрьму и погибший во время второй мировой войны. Это волонтер американской армии в войне за независимость, бедный ремесленник Джеми Стюарт, один из вожаков восстания Пенсильванских полков, успешно решающий сложную задачу организации повстанцев. Это легендарный гладиатор Спартак, вождь восстания рабов, которое потрясло до основания могущество Рима. Это рядовые участники обороны в Пикскилле, мужественно противостоящие бандам оголтелых фашистов, и среди них сам Говард Фаст, правдиво и точно изобразивший самого себя и свою роль в эти незабываемые дни. Это, наконец, скромный лектор провинциального колледжа Сайлас Тимбермен, который на глазах читателя из кабинетного, наивного книжника вырастает в гражданина-патриота, отважного политического борца. Таким образом, перед нами бесконечное разнообразие форм, избираемых писателем для воспроизведения типического процесса духовного и общественного роста человека, который приобщается к народной борьбе и сам становится участником исторического движения человечества к свободе и счастью. Для Фаста важен не только конечный результат этого процесса Независимо от того, строит ли он свой роман, повесть или очерк, начиная с первых шагов своего героя, по принципу биографического повествования или же концентрирует действие в пределах одного дня, как это имеет место, например, в повести «Подвиг Сакко и Ванцетти», он стремится показать или непосредственно, или путем обращения вспять, в прошлое, через воспоминания участников действия,— как шел этот внутренний процесс становления Человека-героя, обретающего свое место в борьбе, понимающего, какому делу он себя посвящает.

В большинстве романов Фаста значительное место занимают картины общественной преобразовательной деятельности народных масс. Обращается ли Фаст к восстаниям рабов в древнем Риме, к американской войне за независимость в XVIII веке и так называемой «Реконструкции», последовавшей за гражданской войной Севера и Юга, или к современности — всюду он стремится обнаружить, уловить и вос-

произвести данные, свидетельствующие о потенциальной созидательной, творческой энергии народных масс, позволяющей им при первой благоприятной возможности взять в свои руки общественную инициативу и политическую власть. Так, в романе Фаста «Гордые и свободные», посвященном солдатскому восстанию в американской армии в период войны за независимость, с особенным подъемом и волнением написаны эпизоды, рассказывающие, как повстанцы, ненадолго захватив власть, организуют новые формы самоуправления, новые формы быта, как жадно тянутся они к образованию. Восстание предано и подавлено. Но эта недолгая вспышка созидательной энергии масс выглядит в романе Фаста как дальний отблеск грядущей зари.

Ту же роль играют в романе «Дорога свободы» и замечательные сцены заседаний первого после гражданской войны конгресса штата Южной Каролины.

Плантаторы решили бойкотировать выборы, и подавляющее большинство делегатов состоит из негров и «белых бедняков». Они впервые приобщились к политической власти, у них еще нет, к радости их врагов, никакого государственного опыта,— и тем не менее они поразительно мудро и чутко откликаются своими первыми законодательными решениями на самые острые нужды своих сограждан, трудящихся Юга. Такова в том же романе и история общественных начинаний, предпринимаемых членами Карвельской общины, которые совместно, в складчину, приобретают на аукционе землю бывших плантаторов, в надежде осуществить здесь новое, справедливое, трудовое хозяйственное устройство. Мечта карвельских земледельцев наивна и ей не суждено было бы сбыться ни при каких обстоятельствах в условиях капиталистической Америки. Но важно то, что Фаст настойчиво и убедительно показывает, как могут быть преодолены в ходе борьбы за общие интересы еще недавно казавшиеся непроходимыми расовые барьеры и предрассудки, как могут быть побеждены совместными усилиями невежество, суеверие и собственнический эгоизм. В том подъеме, с каким он изображает трудовой энтузиазм еще недавно порабощенных, забитых, всецело зависимых от своих хозяев — плантаторов людей, теперь почувствовавших себя свободными в своем труде, отчасти сказывается, повидимому, переносимый писателем в прошлое социалистический опыт современности (так же, как, по сообщению самого Фаста, в образе Гидеона Джексона косвенным образом отразились черты характера видного современного политического деятеля США — коммуниста Бена Дэвиса).

Радость познания и изменения жизни, радость исторического созидания, радость борьбы, даже борьбы неравной, составляют богатое эмоциональное содержание произведений Фаста.

Ставя себе задачу изображения роста человека в борьбе с общественной средой, стремясь охватить действительность во всем богатстве и многообразии ее внутренних взаимосвязей и противоречий, развитие которых составляет основу исторического прогресса человечества, Фаст достигает отсутствовавшей еще недавно в американском реалистическом романе цельности и поэтичности в изображении мира. Детали жизненного окружения героя, его отношения с другими людьми приобретают эмоциональную значительность, оказываются лирически окрашенными, подчиняясь внутренней закономерности развития сюжета. Можно сказать, что Фаст преодолевает тот культ случайности, который был характерен для натуралистических тенденций в американском критическом реализме. Случайное в лучших его произведениях перестает быть в собственном смысле слова случайным. Частные детали приобретают внутренний смысл, становясь формой проявления типических закономерностей народной жизни, проявляющихся в развитии характера и судьбы героев. Так, например, дешевая рыночная матерчатая роза с «натуральной» росинкой клея, которую Гидеон Джексон приносит из города, с первых выборов, в подарок своей дочке Дженни, без всяких дидактических комментариев автора служит трогательным и типичным поэтическим символом той долгой и мучительной многовековой мечты о счастье, радости и красоте жизни, которую носил в себе порабощенный негритянский народ.

Так и в романе «Сайлас Тимбермен» и интерьер, и пейзажи, и диалоги, затрагивающие даже, казалось бы, частные, случайные темы,— все это становится особо важным и внутренне осмысленным, будучи связано с постепенным расширением и обогащением внутреннего мира героя. Убеди-

тельным примером художественного эффекта, которого достигает в своем романе Фаст, может служить замечательная сцена массового студенческого митинга в защиту Айка Амстердама, заслуженного профессора астрофизики, уволенного из университета за антивоенную деятельность. На этом митинге Сайлас Тимбермен впервые в жизни выступает перед студентами не с академической лекцией, а с горячей, взволнованной речью, которая выливается из самой глубины его существа. Внутренне потрясенный, еще не вполне отдающий себе отчет в том, куда приведет его путь борьбы с общественной несправедливостью, он с особенной остротой воспринимает все подробности окружающей его обстановки. Лица студентов кажутся ему не такими, какими он привык их видеть в стенах аудитории; что-то тревожное и волнующее чувствуется и в пронизывающем осеннем ветре, сметающем опавшие листья и несущем клочья рваных облаков. Даже самый памятник ветеранам гражданской войны, возвышающийся посреди университетской площадки, казалось бы, столь привычный, мимо которого он проходил, не думая о нем, каждый день, теперь вырастает в символический прообраз всего, что пережил уже, отстаивая свою свободу, американский народ, и того, что еще предстоит ему пережить. Этот памятник, на котором мужественный бородатый человек средних лет, простой человек из народа, поддерживает юношу-солдата, раненного в борьбе за освобождение негров и единство союза штатов, как бы напоминает без слов о былых революционных традициях американских трудящихся и подчеркивает контраст между интересами простых людей США и теми, кто, выступая в обличии «патриотов», в действительности отстаивает лишь интересы клики империалистов. Так реалистическая деталь вырастает в значительный, богатый содержанием поэтический образ, делающий излишними какие-либо прямые дидактические отступления и рассуждения автора. Очень большую роль играет в «Сайласе Тимбермене» и лирический пейзаж, раскрывающий настроения героев и создающий в романе ту поэтическую «атмосферу», которой придавал такое значение в своей творческой программе возрождения обновленного, эпического, реалистического искусства прозы Ральф Фокс.

Та же эмоциональная роль реалистической детали характерна и для множества других эпизодов романа. Когда конфликт между Сайласом Тимберменом и реакционными заправилами университета достигает наибольшей остроты, он чувствует, что даже обычные официальные приветствия, которыми обменивается он со своим начальством, звучат как выражение вражды и даже самая мебель в кабинете ректора — все эти надменные, чванно выстроившиеся в ряд туго набитые кресла, отполированные шкафы и монументальные столы — выглядят как зловещие чудовища, узурпировавшие свое место в храме науки.

Внешний «фон», на котором развертывается сюжет, таким образом, пронизывается эмоциональным лирическим подтекстом, сам вовлекается в действие и участвует в нем. Благодаря этому синтезу лирического и эпического начал роман обогащается новыми возможностями для изображения и деятельности человека в обществе и его внутреннего мира, которые предстают перед читателем в своем единстве и взаимодействии.

Та смелая, пытливая и напряженная работа мысли, та радость борьбы и исканий, открытия и защиты истины в искусстве и жизни, которыми пронизаны и теоретические, и художественные произведения Фаста, выходят по своему значению за пределы его личной литературной биографии. В них нашли себе выражение живые, творческие, созидательные силы американского народа.

Екатерина ЦОЙ

Творчество Ли Ги Ена

Недавно общественность Кореи вместе с прогрессивной общественностью многих других стран отметила шестидесятилетие со дня рождения Ли Ги Ена — выдающегося писателя современной Кореи, видного общественного деятеля и активного борца за мир и дружбу между народами. Ли Ги Ен является депутатом Верховного Народного Собрания, членом Президиума Верховного Народного Собрания КНДР, председателем Корейского общества культурной связи с СССР.

Ли Ги Ен (литературный псевдоним — Мин Чон) родился 29 мая 1895 года в деревне Хверенри, в провинции Южный Чунчен. Отец его был бедным крестьянином. Ли Ги Ен не смог получить систематического образования. Он учился в сельской школе, затем поступил в городскую начальную школу, но вскоре принужден был покинуть ее из-за отсутствия средств. Когда мальчику было пятнадцать лет, он стал свидетелем захвата Кореи японскими империалистами. Ли Ги Ен уходит из родной деревни. В течение нескольких лет он скитается по югу Кореи, обходит многие города и села и убеждается, что всюду царит нищета, везде трудовой народ страдает от двойного гнета — помещиков и колонизаторов.

Первое восстание корейского народа против японских захватчиков — первомартовское движение 1919 года — застает Ли Ги Ена в этих скитаниях. Он собственными глазами видит мужество миллионных крестьянских масс, их самоотверженную борьбу за свои права, он собственными глазами видит, как японские жандармы бесчеловечно расправляются с корейским народом, убивая тысячи невинных людей Эти дни оставляют глубокий след в сознании Ли Ги Ена. Он решает во что бы то ни стало получить образование и быть полезным своему народу. Ли Ги Ен перебирается в Японию и поступает на курсы английской литературы. Самостоятельно занимается он изучением литературы русской. В нем окончательно созревает желание посвятить себя писательской деятельности, но путь к ней оказывается сложным и трудным. Впоследствии Ли Ги Ен вспоминал: «После знакомства с русской литературой я почувствовал, что выбрался наконец из запутанного лабиринта, понял истину, и перед моими глазами открылся новый мир».

В 1923 году, когда после токийского землетрясения реакционные правящие круги Японии устроили погромы, направленные против корейских рабочих и студентов, Ли Ги Ен, уцелев благодаря счастливому случаю, вернулся на родину и поселился в своей родной деревне, недалеко от живописного залива Асан, на западном побережье Кореи. Здесь он создал свой первый роман «Беспросветный мрак», посвященный жизни корейской деревни. В 1924 году он едет в Сеул, чтобы опубликовать свою книгу, но все попытки его оканчиваются провалом.

Удача пришла с другой стороны. Однажды в журнале «Гэбек» он прочел объявление о конкурсе на лучший рассказ. Ли Ги Ен написал рассказ «Тайная переписка брата». Он оказался одним из лучших на конкурсе и был отмечен третьей премией. За тридцать лет литературной деятельности Ли Ги Ен создал более ста пятидесяти рассказов и повестей, свыше десяти рома-

нов. Но о первом своем опубликованном произведении писатель вспоминает с особым чувством. «Именно этот небольшой рассказ, — говорил Ли Ги Ен автору этих строк в ноябре 1953 года, — решил мою судьбу. Благодаря ему я стал писателем-профессионалом. Ли Ги Ен примкнул к литературной группе «Новое направление» (Сингенхянпха), а затем принял деятельное участие в организации Корейской ассоциации пролетарских писателей, возникшей в 1925 году.

В его ранних произведениях, таких, как рассказы «Бедные люди», «Сказка мыши», «Деревня», «Крестьянин Тен До Рен», повести «Вон Бо», «Сохва» и другие, воспроизведена бесправная, нищая жизнь корейской деревни. В 1933 году Ли Ги Ен заканчивает большой роман «Родина» — произведение, полное революционных идей национального освобождения. Роман печатался частями в газете «Чосен ирбо» с ноября 1933 года, а затем вышел отдельной книгой. Он быстро разошелся и снискал себе широкую известность и любовь в корейском народе. За короткое время он выдержал семь изданий. Ни одно произведение в Корее не пользовалось тогда такой популярностью.

Роман «Родина», созданный на материале корейской действительности тридцатых годов, явился правдивым художественным изображением жизни корейских крестьян под японским игом. Основные события в романе развиваются в Южной Корее, в деревне Вонтхо. Главные герои — жители этой деревни, нищие и обездоленные корейские крестьяне, страдающие под гнетом японских захватчиков и своих помещиков.

Роман начинается с описания знойного летнего дня: под палящим солнцем на полях помещиков работают арендаторы, оставив дома голодных детей. И тут же автор показывает другую картину: на веранде богатого дома сидит разодетый в шелка Ан Сын Хак — управляющий хозяйством крупного сеульского помещика Ли. Обмахиваясь большим веером, он разговаривает с пришедшим к нему полицейским, который интересуется настроениями крестьян и поведением только что вернувшегося из Японии интеллигента Ким Хи Дюна, главного героя романа. Так в самом начале романа перед читателем отчетливо возникают два мира — мир нищеты и мир богатства, поддерживаемого штыками японцев-оккупантов. Ли Ги Ен, глубоко сочувствуя бедняцко-батрацким слоям деревни, раскрывает причины обезземеливания крестьян, их бедственного положения в условиях колониальной Кореи. Он не раз ставит вопросы: почему у крестьян нет земли? Почему они бедствуют? Кто виновен в их страданиях? И дает ответ с глубоким знанием социально-политической жизни страны.

Когда-то помещик Ан Сын Хак работал конторщиком в маленьком уездном городке, но с приходом японских оккупантов его дела пошли в гору. Он поступил на двухгодичные курсы, где научился говорить по-японски, а главное — предавать интересы своего народа и грабить его. Ан Сын Хак обкрадывал крестьян, участвуя в жульнических махинациях во время так называемой «переписи земли», не брезговал и шантажом, лишь бы, как он говорил,— «дело было прибыльное». Внешний вид Ан Сын Хака смешон своей претенциозностью, неумелым подражанием и японской моде и моде буржуазного Запада. «С утра пораньше, завязав на ногах гапкан (японская повязка для ног. — Е. Ц.), Ан Сын Хак вышел в поле; на нем очки в золотой оправе, в руке черный зонт; на пальце у него блестело золотое кольцо. Он одевался по-европейски: городской костюм, на жилете — длинная напоказ золотая цепочка карманных часов, европейское пальто, а на голове — соломенная шляпа» *.

Другой представитель господствующего класса, выведенный Ли Ги Еном,— это крупный ростовщик Куон Сан Чер. Он давал в долг деньги и землю под такие высокие проценты, что крестьяне становились его неоплатными должниками и никогда уже не могли встать на ноги. Крестьянин Пак Со Бан, взяв взаймы деньги у этого ростовщика под залог дома, единственного достояния всей семьи, не мог уплатить в срок. Пак Со Бан в отчаянии бросился в пруд, оставив после себя семью в нужде и в долгах.

Писатель показывает, что представители буддийской церкви являлись такими же эксплуататорами-кровопийцами, как помещики и японские империалисты. Бедняк

* Цитаты приводятся по книге: Ли Ги Ен, Родина, Сеул, 1936—1937.

приходил в храм, чтобы найти помощь, а «святые отцы» обманывали очередную жертву и брали с нее за «труд» столько, что бедняку за это «утешение» приходилось расплачиваться всю свою жизнь. «Священник этого храма,— пишет Ли Ги Ен,— живет только в надежде на несчастья других. Он, как паук, плетет паутину, ожидая несчастную жертву, чтобы полакомиться ею».

Страстно ненавидя угнетение, деспотизм и произвол, Ли Ги Ен призывает крестьян бороться за свои права. Не имея возможности в условиях японской цензуры сказать это в полный голос, Ли Ги Ен подчас прибегал к иносказательной форме.

Вот один характерный эпизод из «Родины». Как-то вечером крестьяне рассказывают друг другу старинную басню: долгое время тигр прожил в клетке, но однажды ему удалось бежать. Вырвавшись на свободу, он возликовал, но вдруг заметил ограду, за которой жили свиньи. Вспомнив про свою неволю, про ненавистные решетки, тигр решил выпустить свиней. К великому его удивлению, свиньи не убежали, а стали возвращаться обратно.

Басня кончается моралью: те, кто покорно и тупо живут за решеткой, не смея сказать слова протеста,— те, как свиньи, не понимают, что такое свобода.

Создавая острую сатирическую басню о тигре и свиньях, писатель ставил себе цель пробудить в крестьянстве стремление к действиям, к борьбе за освобождение.

Крестьяне деревни Вонтхо при поддержке рабочих шелкопрядильной фабрики поднимаются на борьбу. Ее возглавляет Ким Хи Дюн, интеллигент из крестьянской среды, связанный с рабочим классом и революционным центром. Это новый положительный герой в корейской литературе тридцатых годов вообще и в произведениях Ли Ги Ена в частности. Он ясно представляет трудный путь борьбы, но вступает на него с радостью и отдает все свои знания и силы благородному делу освобождения народа. Ли Ги Ен подчеркивает в нем характерные черты нового героя корейской действительности — умение подчинить интересы личные интересам коллектива, общества, народа. Противопоставляя феодально-буржуазную мораль — стремление к наживе и к личному благополучию — новому принципу революционной морали, Ли Ги Ен показывает, что подлинное человеческое счастье возможно только на основе общего блага народа.

Волнующие картины растущего возмущения народа, нарисованные Ли Ги Еном в романе «Родина» на материале одной деревни Вонтхо, были типичны для всей порабощенной японским империализмом Кореи. Заслуга писателя заключается в том, что он не только показал горе и страдания корейских бедняков — арендаторов и батраков, но и силу народного гнева. Герои романа — работницы на шелкопрядильной фабрике, бедняки в деревне, революционеры-подпольщики. Трудящиеся массы поднимаются на борьбу, веря, что наступит день, когда Корея станет свободной не только от иноземных поработителей, но и от своих собственных помещиков.

Роман «Родина» увлекает читателя живостью изложения и меткостью характеристик, созданных на основе богатого жизненного опыта. Писатель любовно отобрал и воплотил в образах своих положительных героев лучшие, наиболее типические черты корейского национального характера.

В те годы в Корее развертывалось национально-освободительное движение против японских колонизаторов. Встревоженные успехом романа революционного писателя, власти занесли «Родину» в список запрещенных книг, а Ли Ги Ен вместе с другими прогрессивными писателями был брошен в тюрьму. Ли Ги Ен пробыл в тюрьме до 1936 года, а потом жил под надзором полиции в Сеуле. Японская администрация не оставляла его в покое: требовала от него публичных выступлений с восхвалением «деяний» микадо, заставляла переменить свою фамилию на японскую. Ли Ги Ен не смог больше оставаться в Сеуле и был вынужден переселиться со своей семьей в одну из глухих деревушек провинции Канвон. Лишенный возможности продолжать литературную деятельность, он стал заниматься земледелием. Только после освобождения страны 15 августа 1945 года Ли Ги Ен вернулся в ряды активных борцов за народно-демократическую власть.

Корейский народ начал новую жизнь. В марте 1946 года была проведена аграрная реформа, которая осуществила то, о чем мечтали герои произведений Ли Ги Ена. После долгого вынужденного молчания Ли Ги Ен спешит по горячим следам запечатлеть революционный переворот в деревне. Грандиозные исторические собы-

тия он отражает сначала в «Возрождении», небольшом рассказе о земельной реформе, а затем и в других рассказах.

В 1949 году Ли Ги Ен создает одно из лучших своих произведений — роман «Земля» (известный советскому читателю по русскому переводу), в котором рассказал о проведении земельной реформы и новой жизни корейской деревни. Читая роман «Родина», словно видишь образ народного богатыря, скованного цепями рабства: таким скованным богатырем кажется его герой Куак Чем Ди. Герой «Земли» Куак Ба Ви — это богатырь освобожденный; даже имя Ба Ви («утес», «скала») символизирует мощь и силу народа. Куак Ба Ви — один из лучших образов, созданных Ли Ги Еном. Этот человек, девяти лет начавший работать батраком, испытавший много страданий, проживший в полном смысле слова мученическую жизнь, смело включается в строительство новой Кореи. Жизненный путь Куак Ба Ви от темного, забитого батрака до государственного деятеля, депутата Народного собрания, правдив и типичен в условиях народно-демократической Кореи. Роман «Земля», ставший одной из самых любимых книг корейского народа, популярен не только в Корее, но и далеко за ее пределами. Он переведен на русский, китайский, украинский, эстонский, румынский, венгерский, японский, переводится на немецкий и другие языки.

Японский перевод вышел под названием «Обновленная земля» («Емигаэру дайти») и был радостно встречен японскими патриотами.

Об обновленной земле мечтают и корейские крестьяне за 38-й параллелью, которые все еще находятся под гнетом лисынмановской клики. В ноябре 1953 года на встрече деятелей литературы и искусства Киева с делегацией Корейского общества культурной связи с СССР Ли Ги Ен сказал: «Если вы в моей «Земле» почувствуете хотя бы немного запах земли корейской, то я как писатель буду вполне удовлетворен... Я к вам приехал пока с книгой о половине Кореи, но надеюсь, что в недалеком будущем молодые писатели моей страны посетят вас с книгой обо всей нашей земле...» *. Ли Ги Ен горячо стремится к объединению своей страны.

В народно-демократической Корее Ли Ги Ен стал видным и уважаемым общественным деятелем.

В период мирного строительства Кореи раскрылся выдающийся публицистический талант Ли Ги Ена. На простом и ясном, доступном широкому кругу читателей языке он рассказывает о великих переменах в политической, экономической и культурной жизни корейского народа, которые произошли при народно-демократическом режиме под руководством Трудовой партии. В 1946 году осуществилась мечта Ли Ги Ена: во главе первой делегации посланцев освобожденного корейского народа он приехал в Советский Союз. «Советские люди,— пишет он в своих путевых заметках «Наи сорен гихэн» («Путешествие по СССР»),— встретили нас, как встречают родных после долгой разлуки».

Ли Ги Ен является руководителем одной из самых массовых и популярных организаций в Корейской Народно-демократической республике — Корейского общества культурной связи с СССР, объединяющего несколько миллионов человек.

В тяжелые годы Отечественной войны корейского народа голос писателя Ли Ги Ена зазвучал с новой силой. Полная горячей любви к Родине публицистика Ли Ги Ена сыграла огромную роль в деле духовной мобилизации корейского народа на борьбу за свою независимость. В то же время Ли Ги Ен не прекращал творческой работы. Он задумал и начал создавать большую трилогию, действие которой будет охватывать период с конца XIX века, когда слабая, феодальная Корея стала яблоком раздора между империалистическими хищниками на Дальнем Востоке, и до освобождения страны — 15 августа 1945 года. Трилогия должна показать жизнь и борьбу корейского народа на примере трех поколений крестьянской семьи Пак Ком Сона.

Первая часть трилогии — «Река Туманган» — вышла в 1954 году. Действие ее происходит в конце прошлого и начале нашего века, в то время, когда японские империалисты, готовясь к захватам в Азии, стали строить в Южной Корее железную дорогу большого стратегического значения.

Ли Ги Ен создал правдивый образ крестьянина-бедняка Пак Ком Сона — смелого, активного борца против произвола японских оккупантов и корейских помещи-

* Ли Ги Ен, Светит солнце коммунизма. Путевые заметки. Пхеньян, 1954, стр. 105—106.

ков. Свой непокорный характер Пак Ком Сон унаследовал от деда, который был участником крестьянского бунта против помещиков. Отец его умер на принудительных работах в Сеуле при постройке королевского дворца «Кенбокун». После смерти отца Пак Ком Сон пошел батрачить. Однажды Пак Ком Сон вместе с другими бедняками ценою упорного труда превратил часть речной поймы в рисовые поля. Теперь у Пак Ком Сона своя земля! Его радости не было предела. Однако в деревню переселился сеульский чиновник — янбан, ушедший в отставку. Используя власть и связи с японскими империалистами, янбан бесцеремонно отнимал у крестьян землю. Пак Ком Сон не избежал общей участи: клочок земли был у него отобран. Пак Ком Сона, не желающего подчиниться насилию, бросают в тюрьму. Крестьяне поднимают бунт и освобождают своего односельчанина. Борьба крестьян деревни Сонвольдон постепенно вливается в общенародное движение против угнетателей.

Начинается русско-японская война. Япония устанавливает над Кореей протекторат. В главе, посвященной русско-японской войне, описывается героический подвиг моряков русского корабля «Варяг».

Корейские патриоты во многих районах организовали народное сопротивление захватчикам; движение за свободу и независимость родины принимает форму вооруженной борьбы, получившей название «Ибен» — движение «Армии справедливости».

Захватчики усиливают карательные отряды и устанавливают свирепый террор. Чтобы сохранить основную силу, партизаны решили перенести центр своей деятельности из Кореи в Цзяндао — пограничный с Кореей район современного Северо-Восточного Китая. Из деревни Сонвольдон первой уходит семья Пак Ком Сона, которому дано боевое поручение — связаться с корейцами, проживающими в Китае. Но на границе японская полиция арестовывает Пак Ком Сона; его жестоко избивают. Пак Ком Сон не в состоянии идти дальше, он прикован к постели. Он посылает через границу своего сына Си Дона. Си Дон переходит пограничную реку Туманган и благополучно добирается до Цзяндао.

Таково вкратце содержание первой книги трилогии «Река Туманган». Новый роман — большая творческая удача писателя. Особенно удались писателю образы героев — сознательных и активных борцов за интересы народа: крестьянина Пак Ком Сона, Ким Гван Ира и Ли Чун Сира, являющихся активными организаторами и участниками крестьянских бунтов и партизанского движения. Такого положительного героя мы не находим ни в одном из произведений корейской литературы, вышедших в свет до освобождения страны.

Роман написан с большим художественным мастерством. Он говорит о творческом росте писателя. Он говорит также о том, насколько легче творить в свободной Корее. Сегодня писатель избавлен от нужды прибегать к проклятому «рабьему языку», к завуалированным формам изображения действительности, к маскировке и эзоповой речи.

Язык романа прост, лаконичен. Благодаря выразительности языка писатель добивается четкой обрисовки характеров, внутреннего идейного облика каждого из действующих лиц.

Ли Ги Ен находится в расцвете творческих сил. Весь его жизненный путь — это путь писателя-гуманиста, путь борца за освобождение родины, за ее прекрасное светлое будущее, о котором он мечтал вместе со своими героями в годы колониального рабства и которое он вместе со своими новыми героями строит сегодня.

Лев Никулин

НОВАЯ ВСТРЕЧА С ТАГОРОМ

Рабиндранат Тагор... Это имя много говорит советским людям.

Тагора издавали и в дореволюционные годы; произведения великого писателя Индии привлекли внимание русского читателя. Творения Тагора убеждали нас в том, что литература не ограничивается произведениями европейских и американских писателей и что высокомерие империалистов, их пренебрежение к Востоку, его культуре по меньшей мере не разумно и доказывает их духовную нищету.

Русский читатель впервые познакомился с творчеством Тагора по сборнику стихотворений «Гитанджали». Поэтический дар, благородные мысли и проникновенная лирика художника покорили читателя.

В дореволюционной России творчество Тагора было известно сравнительно узкому кругу передовой интеллигенции. Теперь, когда мы читаем и перечитываем «Рассказы» Рабиндраната Тагора, выпущенные Гослитиздатом, эту ароматную, светлую, поэтичную книгу, мы с удовлетворением отмечаем ее тираж — 240 000 экземпляров! Еще раз можно порадоваться небывалому в истории народов благодетельному перевороту, который произошел в культурной жизни нашей страны. Теперь уже не две-три тысячи избранных читателей, как это было в дооктябрьской России, а миллионы прочтут книгу рассказов Тагора.

Для миллионов зрителей нашего кино индийские фильмы, полные человечности, искренности, поэтичности и суровой правды жизни, оказались радостным открытием. Но когда перечитываешь рассказы Тагора, понимаешь, откуда исходит в этих картинах и поэтичность, и любовь к простым людям-труженикам, светлый юмор и суровая, обличающая правда жизни, откуда «Свет и тени» — ведь именно так называется один из лучших рассказов Тагора.

Автор этих страниц принадлежит к тем литераторам старшего поколения, которые в свое время познакомились с Рабиндранатом Тагором не только по его книгам.

Много лет прошло с тех пор, как мы узнали о приезде Тагора в Москву. Естественно, что мы с глубоким радостным волнением ждали встречи с великим писателем Индии. Эта встреча состоялась в Доме Герцена, в небольшой комнате, где собралась группа прозаиков и поэтов.

Рабиндранат Тагор, в национальной одежде, величавый и прекрасный старец, сидел во главе стола. Нельзя было оторвать глаз от тонких и благородных черт его лица, от глаз его, сияющих мудростью,—именно таким мы представляем себе этого замечательного поэта. Его облик гармонически сочетался с его произведениями. Его тихий голос и музыкальная речь, а главное — доброжелательность к нашему народу и к нашей стране пленили нас... Он говорил именно то, о чем впоследствии писал в своей книге «Письма о России»: «... то, что вижу,— чудесно. Не похоже на другие страны... Если бы я не видел это своими собственными глазами, то никогда не поверил бы тому, что менее чем за десять лет они смогли поднять сотни тысяч людей из глубин невежества и не только научить их грамоте, но и воспитать в них чувство собственного достоинства».

Миллионы людей в нашей стране стали образованными ценителями литературы и искусства, почитателями всего, что создано великими художниками слова во всем мире, и следовательно, стали почитателями таланта Рабиндраната Тагора.

Рабиндранат Тагор. Рассказы. Перевод с бенгальского. Составитель А. Гнатюк-Данильчук. Редактор В. Быкова. Государственное издательство художественной литературы. М. 1955.

Рабиндранат Тагор

Рисунок китайского художника Сюй-Бей-Хуна

Индия прошлого, Индия под властью колонизаторов открывается нам в рассказах Тагора, мы видим свет и тени этой страны. Тагор не только лирический поэт, он поднимает свой голос против суеверий, против темного наследия тысячелетий. Он выступает против кастовых предрассудков в рассказе «Отречение». Он поднимает голос в защиту женщины Индии, отданной в полную власть мужу и его семье: именно об этом написаны рассказы: «Расчеты», «Письмо женщины», «Махамайя». Он обвиняет англичан-колонизаторов — «сагибов», которые считают себя вправе властвовать над индийским народом. В рассказе «Наследство» Тагор обличает скаредность и алчность, которые доводят до сумасшествия скрягу. Писателю близки труженики-крестьяне; индийская деревня с ее суровым бытом ему ближе, чем город. Благородный молодой человек Шоши, герой одного из лучших рассказов Тагора, предпочитает жить в деревне, а не в Калькутте. Здесь в деревенской глуши, он выполняет свой долг перед народом, защищая обиженных и угнетенных; его не устрашила тюрьма.

Поэт, пленяющий читателя лирическими чувствами, художник, тонко описывающий природу Индии, ее обветшалые, полуразрушенные храмы и дворцы, в рассказе «Голодные камни» повествует о том, что проклятия страждущих душ в этих дворцах, их неисполненные желания как бы пропитали эти камни. Здесь перед нами не обычная романтическая новелла о привидениях старого дворца, а рассказ, проникнутый сочувствием к тем, кто жестоко страдали во дворце деспота.

Но не только эти разнообразные, яркие краски есть на палитре Тагора, он владеет острым сатирическим штрихом. В рассказе «Жертвоприношение» он описывает сто жирных брахманов — браминов, которые объедаются у богача в то время, как вокруг умирают от голода тысячи людей; среди голодающих — родной сын богача, о существовании которого не знает отец.

«Почему самым маленьким людям на этом свете живется труднее всех?» — спрашивает Мринал — героиня рассказа «Письмо женщины», и если ответа нет на этот вопрос, то другой вопрос в том же рассказе уже поставлен в упор:

«Неужели победа останется за этой ловушкой страданий, а твой мир радости потерпит поражение?»

Мир радости непобедим, и вместе с поэтессой средних веков Мирабай героиня рассказа «Письмо женщины» восклицает:

«Пусть отвернулись все, она остается тверда...»

Прекрасный дар Рабиндраната Тагора пленяет нас в его лирических описаниях природы Индии, в пейзажах, рисующих далекую от нас страну: поистине это — живопись словом. Вот как рисует Тагор полдень в разрушенном храме:

«Полдень был насыщен множеством неясных, чуть слышных звуков, которые нарушали безмолвие. Медленно качалась от ветра, то открываясь то закрываясь, наполовину сорванная дверь храма, издавая тихие, жалобные стоны; на окне храма ворковали голуби, в ветвях шелковичного дерева монотонно стучал дятел; из кучи сухих листьев, шурша, скользнула ящерица; вот подул с поля легкий ветерок, зашелестев листьями деревьев; разбуженная в реке вода с тихим плеском забилась о ступени полуразрушенной лестницы. Среди всех этих случайно возникающих и ничего не значащих звуков издалека доносился нежный напев пастушьей свирели...»

Широкие круги наших читателей радуются новой встрече с Тагором, заново знакомятся с рассказами писателя, впервые переведенными с бенгальского, а не с английского языка. Наш читатель ждет собрания сочинений Тагора. Уже появился первый том,— роман «Крушение». Предстоит выход других больших романов Тагора — «Гора», «Дом и мир». Об этих произведениях великого писателя Индии речь впереди.

С. Шмераль

„БИТВА" ВАЦЛАВА РЖЕЗАЧА

Пограничный край между Чехословакией и Германией. Мягкие склоны холмов, стремнины и скалы, изумрудные луга и высокие стволы лесных великанов, ручейки и водопады, дороги, исчезающие то за правым, то за левым поворотом, круто сбегающие вниз, бурно устремляющиеся к высокому горизонту...

В чешской пограничной полосе отразилась, как в капле воды, не только природа, но и общественная жизнь, история Чехословакии. В 1938 году по всему Пограничью висели плакаты Генлейна — главаря немецких фашистов в Чехословакии,— призывавшие к верности третьему рейху; в тот год на пражских вокзалах сидели на ступеньках тысячи чешских крестьян и рабочих, немецких антифашистов, бежавших в столицу из Пограничья. Это здесь чешские солдаты, обманутые буржуазией своей страны, отходили от границ, обезоруженные, с отчаянием, с бессильной нена-

Václav Řezač. Bitva. Československý Spisovatel, Praha, 1954.

вистью к фашистскому захватчику. Это сюда подходили десять лет спустя, в 1948 году, поезда с оружием для путча против народной власти. Здесь национализм, искусственно раздуваемый немецкой и чешской буржуазией, был особенно силен.

В чешском Пограничье происходит действие романов Вацлава Ржезача «Наступление» (вышедшего в 1954 году в русском переводе Ю. Молочковского) и «Битва», изданного в Чехословакии в конце 1954 года. Обе книги, составляющие первую и вторую части трилогии, удостоены Чехословацкой государственной премии.

В. Ржезач — писатель, еще до войны широко известный своими романами («Свидетель», «Черный свет», «Перевал» и др.) и повестями о детях. Его новые книги принадлежат к числу наиболее интересных произведений чехословацкой литературы последнего времени.

«Наступление» заканчивалось 1945 годом — уходом из Чехословакии Советской Армии, армии-освободительницы. В романе «Битва» действие происходит в 1947—начале 1948 года, во время бурных классовых боев в Чехословакии.

В борьбе за новую Чехословакию, против агрессивно наступательной реакции Коммунистическую партию поддерживают широкие народные массы.

Буржуазия, действуя в союзе с зарубежными силами реакции, сплачивает свои силы, готовясь к путчу в Чехословакии, она старается закрепить свои позиции в государственном аппарате, получить поддержку народных масс. Враги новой Чехословакии обливают клеветой руководителей компартии, стремятся поколебать веру народа в Советский Союз. Реакционеры, засевшие в государственном аппарате, пытаются вернуть фабрики и заводы их прежним владельцам, крадут и фальсифицируют документы, вывозят продукцию за границу, пытаясь свалить вину за недостаток снабжения на коммунистов, наводняют страну диверсантами, саботируют мероприятия, утвержденные представителями Национального фронта, устраивают диверсии. В дело идут все средства — подкуп, шантаж, ложь, торговые махинации, шпионаж. Но трудящиеся Чехословакии не верят врагам народа. Возмущение действиями реакционеров все растет, и в февральские дни 1918 года строители социализма выступают против них активно и решительно, единым фронтом. Попытка путча проваливается.

То, что происходит во всей стране, происходит в эти дни и в Пограничье.

Багар и Календа, хорошо знакомые читателю по «Наступлению», возглавляют сопротивление рабочих передаче фабрик в частные руки, борются против расхищения государственных земель.

Им помогают, их поддерживают трудящиеся города Поточной. Реакционеры и не замечают, что за ними наблюдают тысячи глаз. Горничная Росмусов Роза сообщает Багару, что ее хозяева спекулируют, крестьянин Варга — о том, что в показательном хозяйстве происходят хищения. Рабочие разоблачают и укрощают наемную банду хулиганов, пытавшихся сорвать собрание.

В засуху молодежь Поточной самоотверженно работает над созданием плотины, чтобы пустить воду на поля. В февральские дни рабочие организуют вооруженные отряды заводской милиции, создают Комитеты действия для чистки кадров. Битва все разгорается. Книга кончается описанием решающих февральских боев трудящихся. Реакционеры изгнаны из государственного аппарата, фабрика в Кадани национализирована, восстановлены земельные госучастки. Воздух Поточной очищен озоном новой жизни.

В повествовании Ржезача очень много захватывающих эпизодов и картин, которые на первый взгляд могут показаться взятыми из детективного романа: ночное нападение на немца — антифашиста Пальме, похищение управляющего показательной фермой Бузека и его убийство, поджог переселенческого учреждения, где хранятся земельные планы, исчезновение Алены Зимовой, обнаружение при обыске тайного склада оружия, смертельная борьба в лесу работника госбезопасности Календы с фашистом — почтальоном Смолой и т. д. Однако все это соответствует атмосфере того времени: опасности повсюду, борьба повсюду. В этой борьбе рождалась победа.

В романе «Битва» появляются новые фигуры из лагеря реакции, которых не было в «Наступлении». Из Англии приезжает бывший офицер Виктор Пюхлер, требующий, чтобы ему, как наследнику, вернули текстильную фабрику. Это молодой сноб, делающий вид, что он, собственно, и не заинтересован в фабрике, а только ищет справедливости. Он хочет казаться «человеком общества», поэтом, пресыщенным жизнью. Он не любит ни свою родину, ни свой народ и вообще не способен никого любить. Это космополит до мозга костей.

Несмотря на то, что Пюхлер пользуется поддержкой в правительстве, несмотря на решение Верховного суда вернуть ему «собственность», рабочие и районное руководство в лице Багара не отдают Пюхлеру фабрику. Проиграв здесь, Пюхлер добивается дипломатического поста за границей. Ему все равно, где жить. Он охотно поехал бы туда с Аленой Зимовой, с которой завязывает роман, но и она видит внутреннюю опустошенность своего возлюбленного и отказывается ехать с ним.

Алена Зимова — один из наиболее сложных образов романа. Дочь влиятельного судьи Зимы, она кажется сперва типичной представительницей буржуазного общества. Она ищет любовных приключений, от скуки работает секретарем-машинисткой Национального комитета, хотя работа ее совсем не интересует; она цинична и холодна. И все же в душе у Алены есть какой-то протест против всего, что она

видит и слышит вокруг. Она влюбляется в Календу. Она видит, что он не таков, как окружающие ее бесчестные люди, и она тянется к нему. Но для Календы Алена — чужая, и он не отвечает ей, уклоняясь от объяснения. Никто не знает, что это Алена посылает Багару анонимные письма, в которых раскрывает происки и злодеяния реакционеров. Алена делает попытку приблизиться к тем, кто борется за новый строй, она даже идет работать на молодежный субботник, но чувствует себя здесь чужой, видит перед собой иной, далекий от нее мир, лишенный привычного комфорта. Она возвращается к своим растерянная. Случайно у нее в сумочке находят готовое к отправке анонимное письмо. Алена бесследно исчезает во время автомобильной поездки: очевидно, ее убивают.

Вдохновителем убийства Алены, как и ряда других преступлений, является Росмусова. В «Наступлении» — это еще просто «дама из общества», а в «Битве»—один из наиболее умных, жестоких и беспощадных врагов нового строя. Супруги Росмусы держат в своих руках нити заговора, который направляется из-за рубежа. Вокруг них сосредоточиваются все силы реакционеров в Поточной: управляющий фабрикой Трнец, рассчитывающий, что сможет стать владельцем фабрики, бывший жандарм и убийца Яноус, вредители и диверсанты, судья Зима, который готов цинично служить любому, кто ему платит. После февральских событий многие из них бегут за границу.

В стане врагов и управляющий государственным имением Тымеш, который пробирается в коммунистическую партию. Тымеш, некогда попавший в концлагерь за спекуляцию, стал там предателем. У Росмуса есть уличающие его документы, и по его приказу Тымеш передвигает границы государственных земельных участков, отрывает угодья у государственных предприятий. Тымеш глубоко ненавидит Росмуса, но бессилен перед ним.

Рисуя классовые бои в Пограничье, В. Ржезач, как и в «Наступлении», на первом плане выводит коммунистов, твердых и убежденных в правоте своего дела В обоих романах самый яркий образ — партийный работник Багар. Багар безгранично предан партии и стране, скромен, честен и тверд. Он человечен, умеет подходить к людям, верит им, любит их, умеет сплотить вокруг себя коллектив. В личной жизни он чист: жена для него — единственная женщина, друг и товарищ. Багар приходит в роман уже сложившимся человеком, новый роман мало что прибавляет к знакомству читателя с ним — он в новой обстановке действует так, как и ждет от него читатель.

Изображая Багара, В. Ржезач не ставил перед собой цель вывести «идеального героя»: Багар делает ошибки, порой мучительно ищет, порой недостаточно решителен. Это живой образ, которому читатель верит.

В. Ржезач — первый чешский писатель, которому удалось после войны нарисовать живой облик коммунистов, непохожих один на другого, пришедших в партию разными путями. Одни из них, кадровые пролетарии, неразрывно связаны с рабочим классом и его освобождением, другие, как Зденек и Анка, принесли в партию весь свой юный пыл, третьи, как Брендль, пришли к идее коммунизма после долгих раздумий.

В конце февраля 1948 года массы в Праге выходят на улицы, на местах рабочие вооружаются, создаются комитеты действия. Президент Бенеш под давлением народа и в страхе перед вызванной им силой сопротивления уступает. Реакционеры изгоняются из правительства и его органов. В романе правдиво передана атмосфера этих дней. Нет сомнения, что многие чешские читатели не раз во время чтения скажут: и у нас так было, и найдут в романе действующих лиц, похожих не тех, с кем они сталкивались в этот период. Но сами события показаны В. Ржезачем очень бегло. Так же как Т. Сватоплук и ряд других авторов, писатель переносит здесь действие в Прагу. События в Поточной — только отголосок событий в Праге. Страх разбитых представителей реакции, их растерянность показаны автором ярче, чем мысли и действия революционных масс.

Враги стремятся сбежать за границу, они проиграли свою игру. Но Тымеш не разоблачен, он маскируется, остается в партии и на работе. Здесь, очевидно, одна из завязок следующей книги трилогии.

В этом романе, как и в предыдущих, В. Ржезач показал себя мастером изображения характеров. Некоторые из героев, как Багар, ясны сразу, другие, как Алена, раскрываются понемногу. Читатель то с напряженным вниманием следит за развитием действия, то тепло улыбается, то представляет себе заранее, как пойдет действие, то поражен неожиданным его поворотом.

Читая увлекательную книгу, мы свыкаемся и сживаемся с ее героями, нам рисуется их дальнейший путь. Так было и при чтении предыдущего романа Ржезача. Однако нам представляется, что путь некоторых героев «Битвы» недостаточно мотивирован.

В «Наступлении» видное место занимал шофер Антош. Там это — веселый, непосредственный юноша, проживший тяжелую жизнь, но не сломленный ею. Багар для него — идеал, он ходит за ним по пятам, готов исполнить любое его поручение, учится у него, сочувствует новому, хотя еще и недостаточно понимает его, подумывает о вступлении в коммунистическую партию Взгляды Антоша укрепляет его молодень кая жена Юльча, активная коммунистка Еще один-два шага, одно-два испытания, кажется, Антош станет активным, сознательным борцом за дело народа.

Во втором романе Антош уже не вызы

вает к себе симпатии. Он стал хозяином автомастерской, совершенно отошел от общественной жизни, его ничто не интересует. Из своей жены Антош стремится сделать всего лишь домашнюю хозяйку и мать своих детей. Несмотря на запрещение мужа, Юльча ходит на фабрику, но дома ей жить тяжело. Антош не хочет новой жизни ни для себя, ни для нее, влияние жены на него прекратилось. И как-то жаль и не хочется верить автору, когда он показывает падение Антоша, ничем не вызванное, ничем не оправданное.

Иным представлялся и дальнейший путь Тымеша. Это человек сильного характера, крайне жестокий, идущий, несмотря ни на что, к своей цели, способный на любую низость — на грабеж, диверсию, убийство. Багар и другие члены партии справедливо, хотя и не имея данных, не доверяют Тымешу, пробравшемуся в ряды партии. А Тымеш в «Битве» боится разоблачения и из страха таскает каштаны из огня не для себя, а для Росмуса. Не верится, чтобы ловкий и умный Тымеш, ненавидящий Росмуса, не нашел случая и возможности с ним расправиться.

Снижен образ Брендля, который был очень хорош в «Наступлении». Брендль, пришедший в коммунистическую партию и на работе показавший свою честность и преданность, Брендль, проникнутый национальными традициями чешского народа, не мог так быстро, всего за год, не только отрешиться от присущего ему наивного прекраснодушия, но и изменить свой язык, стать доктринером.

Заметим также, что в романе не всегда оправдан жертвенный героизм персонажей. Жена Багара Здена в новом романе выросла, она руководит организацией молодежи. Но какая необходимость была Здене незадолго до рождения страстно ожидаемого ребенка рыть землю, таскать носилки с песком на строительстве? Из-за этого Багар со Зденой теряют ребенка. Оправдана ли в романе такая ситуация, нужна ли она?

Но все это не главное. В романе ценно правдивое изображение важнейшего периода истории Чехословакии, живых людей с их поступками и настроениями.

Двумя последними романами Ржезач встал в ряд крупнейших мастеров литературы Чехословакии. Автор их не только говорит о недавнем прошлом, но и помогает яснее представить себе будущее.

З. Потапова

„МЕТЕЛЛО" — РОМАН ВАСКО ПРАТОЛИНИ

В начале 1955 года в Италии вышел в свет роман «Метелло» — новое произведение известного писателя Васко Пратолини, автора многих книг, пользующихся большой популярностью и любовью в среде широких читательских масс Италии. Новый роман Пратолини имел необычный успех: в течение двух месяцев книга вышла четырьмя изданиями, вокруг нее разгорелись споры критиков, посыпались одобрительные письма читателей. Газета «Унита» писала, что «Метелло» принадлежит к числу немногих книг, которые нашли в Италии не узкий круг любителей, а массового читателя; роман покупает трудовой люд — рабочие, ремесленники, ибо они увидели в героях и событиях «Метелло» самих себя, свою жизнь.

Успех «Метелло» и общественный резонанс книги не случайны. Этот роман представляет собой не только крупное достижение писателя, но и новое явление в современной итальянской литературе.

Васко Пратолини — один из наиболее сильных и талантливых романистов Италии. Он родился в 1913 году во Флоренции, в бедной рабочей семье. С девяти лет будущий писатель начал трудовую жизнь, перепробовал самые различные профессии, учился урывками. Писать Пратолини начал в конце тридцатых годов, но во времена фашизма почти не печатался. Талант писателя, активно участвовавшего в движении Сопротивления, развернулся в полную силу после освобождения страны от фашизма. После нескольких повестей автобиографического характера, где писатель рассказывал о жизни родной Флоренции, в 1947 году вышел большой роман Пратолини «Повесть о бедных влюбленных», который по праву считается лучшим его произведением. В этой книге писатель глубоко и сильно поставил ту тему, которая остается центральной и основной в его творчестве — тему исторических судеб итальянского народа.

«Повесть о бедных влюбленных» рассказывает о жизни трудового люда Флоренции в мрачные годы фашистского террора (1925—1927 годы). Жители маленькой улички Виа дель Корно в рабочем квартале города — бедняки, зарабатывающие свой хлеб в поте лица, малообразованные, далекие от политической борьбы,— не приемлют фашизма, хотя и не смеют бороться с ним. В душах этих тружеников, «которым так трудно ставить каждый день на огонь котелок с похлебкой», живет настоящее человеческое достоинство, которое несовместимо с низостью и насилием.

Среди жителей Виа дель Корно Пратолини сумел увидеть и героев более высоко-

Vasco Pratolini, Una storia italiana. I. Metello. Valecchi editore, Firenze, 1955.

го плана. Таков кузнец Мачисте Коррадо, дела, жизнь и смерть которого глубоко значительны; в нем писатель раскрывает лучшие черты народного, национального характера. Мачисте — коммунист, человек большого сердца и твердой воли, не прекращающий борьбы даже в самые мрачные времена. Преданность великому общественному и политическому идеалу делает Мачисте способным на героизм, на прекрасный самоотверженный поступок, которым завершается его жизнь: Мачисте гибнет, спасая друзей во время избиения чернорубашечниками прогрессивных деятелей Флоренции. Сама смерть коммуниста Мачисте Коррадо служит моральному торжеству его дела: пример Коррадо вдохновляет лучших людей с Виа дель Корно, учит их не покоряться, а бороться, быть такими, как их погибший друг.

Талантливый художник сумел создать обаятельные, многогранные человеческие характеры, в которых героическое сочетается со скромным и будничным, глубоко интимные чувства неразрывны с ощущением гражданского долга, лирическая тема дополняет патетику подвига. Если описание смерти Мачисте звучит как торжественный гимн погибшему герою, то самым светлым эпизодом книги является рассказ о том, как молодой рабочий-антифашист Марио и его подруга Милена идут ранним утром по полям и дорогам родной Тосканы. Ласково встречает их родная земля, они всегда с ней, в борьбе и вере. В этом оптимизме Пратолини, в глубокой уверенности писателя в грядущей свободе своего народа — идейный пафос книги, тот ее боевой накал, который делает «Повесть о бедных влюбленных» живой и актуальной, несмотря на то, что роман посвящен событиям тридцатилетней давности.

«Повесть о бедных влюбленных» была важным завоеванием молодой прогрессивной литературы Италии, которая родилась в огне антифашистской борьбы. Всенародное движение Сопротивления в Италии 1943—1945 годов, продолженное в наши дни все нарастающей борьбой за мир и демократию, стало основой создания новой прогрессивной национальной культуры. Это демократическое движение масс помогло лучшим силам итальянской литературы увидеть в народе и его борьбе источник вдохновения, достойный материал для творчества. Так родилось в итальянской литературе и искусстве направление «неореализма», как называют его в Италии, подчеркивая этим его новаторский характер.

Васко Пратолини писал о своем творческом пути: «Мой поворот к реализму под влиянием новой итальянской действительности явился для меня непреодолимой внутренней потребностью».

Живой интерес к судьбам народа, стремление правдиво рассказать о его борьбе, найти верное решение общественных конфликтов — вот что определяет реалистический характер и основное содержание современной итальянской повести, новеллы, романа. Рената Вигано в романе «Аньезе идет на смерть» * (1949) создала образ крестьянки, отдающей все свои силы и самую жизнь делу свободы; Франческо Йовине в «Землях Сакраменто» (1950) показал социальную борьбу в итальянской деревне в начале двадцатых годов; повесть Джузеппе Берто «Разбойник» (1951) рассказывает о жизни и борьбе крестьянства Италии за землю в послевоенный период. Но именно в книге Пратолини «Повесть о бедных влюбленных» впервые в современной итальянской прозе возник образ борца против насилия и угнетения, образ простого человека, который мужает в борьбе, раскрывая в ней свои лучшие душевные качества.

В последующие годы Пратолини пишет роман «Герой нашего времени» (1949), посвященный проблеме тлетворного влияния фашистской пропаганды на молодежь, и небольшую повесть «Девушки из Сан-Фредиано» — эпизод из народного быта послевоенной Италии. Эти произведения Пратолини не достигли широты звучания «Повести о бедных влюбленных». Итальянская критика справедливо писала, что здесь Пратолини сузил поле наблюдения и что читатель вправе ждать от него большего размаха, большей обобщающей глубины.

Роман «Метелло», которому писатель посвятил несколько лет творческого труда, составляет первый том задуманной Пратолини трилогии «Una storia italiana» («Одна итальянская история»). Это история семидесяти лет жизни Италии, с 1872 по 1945 год. Романы трилогии будут связаны между собой не единством героев, а нитью времени, последовательностью описанных в них исторических событий. Историческая тема для Пратолини, как и для многих других прогрессивных писателей Италии, наполнена живым и актуальным содержанием. Обращаясь к событиям прошлого, итальянская литература ставит проблемы нашей эпохи — о путях и движущих силах истории, о причинах, породивших фашизм, о грядущих судьбах итальянского народа.

В «Одной итальянской истории» Пратолини стремится осмыслить ход истории через борьбу рабочего класса. Конфликт между пролетариатом и буржуазией встает в романе как основной конфликт современности. От исхода этой схватки, от роста сознательности рабочего класса зависят судьбы всей нации, всего народа. Такое осмысление исторической проблематики в высшей степени плодотворно. Пратолини хочет рассказать о том, как с первых лет существования единого итальянского государства рабочий класс начинает бороться за свои права, постепенно мужает в этой борьбе, осознает свою роль, свои силы, создает свою партию. И после многих лет

* Вышел в русском переводе под названием «Товарищ Аньезе».

подъема и поражений, успехов и тяжких испытаний рабочий класс Италии встает во весь рост в годы славного Сопротивления фашизму, ведя за собой весь народ, спасая исторические судьбы родины, ее духовное достояние, ее свободу и независимость. Таков общий замысел трилогии, который с достаточной ясностью воплотился уже в «Метелло».

Центральный эпизод романа — мужественная борьба флорентийских строительных рабочих во время забастовки 1902 года. Эта первая всеобщая забастовка во Флоренции, окончившаяся победой бастующих, вошла в историю рабочего движения Италии.

Сюжетная линия «Метелло» очень несложна: книга рассказывает о судьбе флорентийского каменщика Метелло Салани, вступающего в жизнь в последней четверти XIX века. Круглый сирота, сын бедняка, утонувшего в Арно, Метелло провел детство в деревне. Пятнадцати лет он возвращается в родную Флоренцию; он приобретает друзей, становится строительным рабочим, выучивается грамоте.

Идут годы, формируется характер молодого рабочего. Метелло — отнюдь не исключительная натура. Круг его интересов прост и не широк, он молод, полон желания жить, работать, мирно наслаждаться своими скромными радостями в кругу семьи и друзей. Однако, хотя он вовсе не стремится целиком отдать себя профсоюзной или политической борьбе, он не может и не хочет отгораживаться от общественных интересов. Метелло вступает в Палату Труда — так называется объединение рабочих профсоюзов в Италии,— ходит на митинги, читает газету молодой социалистической партии «Аванти». Когда настает решительный момент, Метелло оказывается в рядах тех, кто, выйдя на улицы, протестует против дороговизны, безработицы, снижения заработной платы. Этот первый опыт борца навсегда делает Метелло Салани «красным». Вернувшись в родной город после годичного пребывания в тюрьме и ссылке, он вступает в социалистическую партию. «Факты показали ему, что серединную позицию занимать нельзя... Нет первых или последних, речь идет о том, чтобы быть на той или на другой стороне, ибо мир, говорил Метелло, разделен надвое — на друзей и врагов».

Именно для того, чтобы сохранить свое личное счастье, свое моральное достоинство и честь, Метелло принимает все большее участие в борьбе, оказывая значительную помощь товарищам благодаря своей смелости, энергии, неизменной жизнерадостности. Отказаться от защиты общего дела во имя спокойствия своего домашнего очага — значит потерять навсегда это спокойствие, душевную уверенность, полноту жизни. Таков вывод, к которому подводит нас автор логикой рассказываемых событий.

Метелло встает со страниц романа таким живым и естественным именно потому, что он растет в трезвом опыте трудной жизненной борьбы. Не случайно, что все происходящее в маленькой семье Метелло — его интимные чувства и переживания, его отношения с женой Эрсилией — теснейшим образом связано с его общественной позицией, с его участием в общей борьбе. Роман Пратолини о судьбах рабочего класса есть, прежде всего, история личных судеб героев. В романе живут люди во всей их человеческой полноте, с их привязанностями, наклонностями, надеждами и сомнениями. Книга Пратолини по-настоящему лирична, ибо мир внутренних переживаний простых людей оказывается в изображении писателя полным прекрасных порывов, глубоких и сильных страстей; в простых, обыденных поступках рабочих, их жен и детей проявляются и сила самопожертвования, и мужество, и большой душевный такт. Поэтому-то роман о судьбе молодого рабочего Италии начала XX века есть в то же время роман о «воспитании чувств», о формировании характера человека из народа, обнаруживающего в борьбе лучшие черты национального характера.

В «Повести о бедных влюбленных» Пратолини рисовал своих героев главным образом в бытовом плане, в кругу семьи, соседей. Политическая борьба коммуниста Мачисте Коррадо также разворачивалась в среде жителей родного квартала, он был не заводским рабочим, а ремесленником. В «Метелло» Пратолини пошел дальше; он показал своих героев на строительных лесах, в труде, в дружном коллективе рабочих. Именно отстаивая свои классовые интересы, Метелло Салани проходит настоящую школу, в которой формируются его характер, его личные качества.

Удачен образ молодой жены Метелло — Эрсилии, которая во многом напоминает Милену из «Повести о бедных влюбленных». Писатель рисует свою героиню, эту дочь народа, с большой мягкостью и теплотой, но в то же время без всякой сентиментальности или идеализации.

Жизнь молодых супругов идет дружно и счастливо именно потому, что их сближает не только молодая страсть, но и дружба, взаимное понимание. Часто Эрсилия с ее спокойным мужеством и выдержкой оказывается сильнее Метелло, помогает ему советом, а иногда и ироническим смешком, который оказывается сильнее сочувствия. Метелло не слышит жалоб жены в трудные дни, когда он отдает все силы, чтобы поддержать волю товарищей, продолжать забастовку.

Кульминационным эпизодом романа является тот напряженный момент, когда после сорока шести дней забастовки кое-кто из рабочих, изголодавшись, потеряв веру в успех, решает вернуться на строительные леса. Дети голодают, женщины отнесли в заклад последнее, лавочники больше не дают в долг...

Если штрейкбрехеры выйдут на работу, придется сдаться всем, проиграть первый

бой. Хозяева, прослышав о расколе среди бастующих, уже объявили об увольнении «зачинщиков» — Метелло и старого каменщика Липпи. Но именно в тот момент, когда предприниматели заранее торжествуют победу, сила рабочей солидарности оказывается непоколебимой. Попытка подкупить бастующих, толкнуть их на предательский поступок вызывает прилив новых сил, чувство единства у всей рабочей массы. Плотной стеной стоят каменщики перед воротами стройки; подрядчик окликает их поодиночке, и все они — старые и молодые, застенчивые и смелые — простыми словами говорят об одном: мы не уступим, не оставим товарищей. И видя бешенство подрядчика, старый Липпи гордо говорит:

— Это — новое поколение, синьор инженер.

Хозяевам приходится пойти на уступки: дана незначительная прибавка, отменены увольнения. Жизнь рабочих попрежнему будет нелегкой, но они добились главного — они дали почувствовать силу своей солидарности, своей организации. Отныне их борьба вступила в новый период. «Это одно из тех событий, которые входят в историю, а ведь когда они случаются на наших глазах, то им не придаешь такой важности; понимаешь только потом, прочитав в книгах, через десятилетия. Это — даты побед. Пройдет полвека, мы будем мертвы и похоронены, за это время дела, быть может, пойдут и вспять, но эта дата все равно останется».

В этих словах — пафос повествования Пратолини. Прошлое не мертво, говорит автор, первый опыт борьбы и победы рабочего класса не прошел бесследно.

Прогрессивная итальянская общественность справедливо оценила роман Пратолини как выдающееся достижение автора, как новый этап его творческого пути. Орган компартии «Унита» отметил в своем отзыве, что герои «Метелло» близки и знакомы участникам боев рабочего класса в наши дни. «Метелло стал героем нашего времени, когда крупные общественно-политические события оказывают свое воздействие на формирование людей»,— писала газета. Известный литературовед профессор Карло Салинари на страницах литературно-критического журнала «Контемпоранео» отмечал, что Пратолини сумел показать события в верной исторической перспективе, соединить в своем изображении судьбу простого человека с судьбой общественного класса, обрисовать этого человека «изнутри» без всякой примеси декадентского психологизма, который до сих пор еще оказывает свое воздействие на реалистическую литературу Италии. Пратолини, указывал Салинари, продолжает и творчески развивает большую реалистическую традицию итальянской литературы прошлого.

В своем интервью корреспонденту «Унита» автор «Метелло» следующим образом сформулировал задачи, которые стояли перед ним при создании романа о рабочем классе: «Я хотел показать, что итальянское единое государство никогда не развивалось идиллически, что в нем с самого начала шла социальная борьба... Я хотел изобразить типические события и персонажи на историческом фоне... Я пытался сделать героев этой трилогии не абстрактными персонажами, созданными по заранее установленным схемам, а живыми людьми, взятыми из настоящей жизни, с их достоинствами и недостатками».

Эти принципы подлинного широкого реализма, воплощенные в произведениях Пратолини, привели писателя к созданию новых героев, к показу того, как возникают в обществе новые силы, неотделимые от жизни и борьбы рабочего класса Именно поэтому герои «Метелло» оказались подлинными положительными героями современной Италии.

С. Розанова

НОВОЕ ИЗДАНИЕ КЕЛЛЕРМАНА

Имя Бернгарда Келлермана хорошо известно советскому читателю. Его книги не раз переводились на русский язык, издавались и много читались. Эта известность сыграла в жизни писателя особую роль. В тот весенний день, когда у домика Келлермана в небольшом провинциальном городке Вердере (где писатель в глухом молчании прожил мрачные годы нацизма) произошла его встреча с советским офицером-танкистом, который узнал и радостно приветствовал автора «Туннеля», Келлерман почувствовал, что разомкнулся круг его одиночества, что годы не стерли в памяти людей ни его имени, ни его книг. С тех пор для старого писателя началась новая, настоящая жизнь. Он вернулся к творчеству, к активной созидательной деятельности, он вошел в ряды борцов за единую миролюбивую Германию. Келлер-

Б. Келлерман, «Девятое ноября», «Пляска смерти», перевод с немецкого. Послесловие М. Маркушевича. Редакторы Б. Арон, Н. Высоцкая. Государственное издательство художественной литературы, М. 1955.

ман стал одним из организаторов и деятельных участников демократического «Культурбунда»; особенно велика была его роль в работе Общества культурной связи с Советским Союзом. Мне довелось в эти годы часто встречаться с Келлерманом в Берлине. Я помню, с какой огромной радостью встретил он в 1948 году приглашение вместе с делегацией немецких писателей совершить поездку по Советской стране, я помню, с какой готовностью и приветливостью он после своего возвращения откликался на многочисленные просьбы интеллигенции, рабочих, школьников, желавших услышать его живой рассказ об увиденном за время своей поездки. Келлерман был одним из членов учрежденного в Москве Комитета по международным Сталинским премиям «За укрепление мира между народами». Вплоть до самой смерти писателя осенью 1951 года не прекращалась его общественная деятельность, его живое участие в движении за мир.

Келлерман рано начал свой литературный путь. Им написано несколько больших романов, повестей, путевых очерков. Он принадлежал к тем художникам нашего века, которые шли к реализму трудными и извилистыми дорогами.

Келлерман никогда не был апологетом буржуазного общества и всегда чувствовал, насколько оно враждебно поэзии и подлинной человечности; но в то же время он длительное время не мог отрешиться от многих буржуазных иллюзий, освободиться от влияния декадентской эстетики. Его ранние романы («Иестер и Ли», «Ингеборг», «Море» и другие) написаны в изысканно импрессионистической манере. Интерес писателя здесь был сосредоточен главным образом на переживаниях и ощущениях душевно опустошенных, безвольных людей. В других произведениях Келлермана, где ставились социальные проблемы эпохи,— таких, как роман «Тунель», «Братья Шелленберг», «Песнь дружбы»,— глубокому и критическому освещению действительности мешали то иллюзорная вера во всемогущество техники, то наивное убеждение, что инициатива творческих личностей способна преодолеть пороки социального устройства. Естественно, что не все произведения Келлермана, как и многих других его сверстников, выдержали испытание временем. Государственное издательство художественной литературы поступило правильно, когда оно, решив после длительного перерыва снова дать Келлермана нашему читателю, выбрало роман «Девятое ноября» и последнее произведение художника, созданное уже после второй мировой войны,— роман «Пляска смерти».

Роман «Девятое ноября», написанный в 1920 году, явился страстным обличительным документом против германского милитаризма, выступлением в защиту революции и справедливого миропорядка. В 1946 году, готовя первое послевоенное издание своей книги, которую нацисты сжигали на своих кострах вместе с другими творениями прогрессивной культуры, Келлерман написал к ней предисловие. Он сжато и убежденно раскрыл здесь идейную направленность своей книги, как бы для того, чтобы показать, что его гуманная и справедливая мысль сохранила свою жизненность. «Я ставил себе целью,— писал он,— во весь рост показать кровавый призрак милитаризма, встающий на черном фоне войны; я хотел, чтобы он послужил грозным предостережением для немецкого народа».

Действительно, роман насыщен жгучей ненавистью к войне и ее вдохновителям, величайшим сочувствием к ее жертвам; в нем с большим пафосом и силой осуждается политика крови, насилия и захвата, бесчеловечность немецкой военной машины. Сквозь весь роман как символ бессмысленности и жестокости войны проходит образ господина Хербста, «человека в крылатке», потерявшего в сражении своего единственного сына и обезумевшего от горя. Писатель создает картины фронтового быта, рисует окопы, землянки, поля сражений, где в муках гибнут сотни тысяч людей. Воссоздавая Берлин военного времени, улицы, по которым бредут «калеки, точно собаки с перерезанными на задних лапах жилами», и женщины, изнуренные скорбью о погибших,— он подчеркивает резкие социальные контрасты. В то время как рабочие и ремесленники изнывают в борьбе с голодом, трудностями военного времени, аристократические круги заняты пиршествами, празднествами, не чувствуя тяжести военных годин.

На этом этапе своего идейного развития Келлерман еще не вполне ясно представлял себе, какие социальные силы несут всю ответственность за эту бойню, не смог конкретно обозначить всех ее виновников. Эпизодической фигурой, не раскрытой во всех ее связях с авантюристской политикой германского милитаризма остается банкир Ольсен, который «не разговаривал о войне, не рассказывал об окопах, не читал никаких сводок и не ломал голову ни над какими концепциями», а «изучал только биржевые бюллетени и скупал немецкую валюту, если это сулило выгоду». С точки зрения Келлермана главными виновниками только что затихшей битвы являются германские милитаристы с их шовинистической идеологией, честолюбивыми устремлениями, карьеристскими помыслами. Поэтому главное место в романе отведено генералу фон Гехт Бабенбергу, чванливому аристократу, с презрением и отвращением относящемуся к «толпе», «массе». Для него война — это профессия, нужное и осмысленное дело. Умно и тонко разоблачается в романе и этот генерал, и силы, стоящие за ним. Келлерман обнажает гнилость и растленность того мира, интересы которого представляет и защищает фон Гехт Бабенберг. Все, что есть чистого и порядочного, не может дышать в этой разложившейся цинически-грязной атмосфере;

так, от генерала уходит его единственная дочь Рут, которая хочет сражаться за новую жизнь. Тема революционной борьбы и рождения нового мира органически входит в книгу, переплетаясь с темой обличения войны и милитаризма. Из всех немецких писателей, не принадлежавших к пролетарскому лагерю, лишь один Келлерман создал художественное произведение о революции 1918 года, к которой он отнесся с величайшим сочувствием. И хотя революция в его представлении — только результат народных страданий, вызванных длительной и изнурительной войной, он воспринимает ее как великую общественную справедливость, как очистительную грозу, призванную уничтожить грязь и неправду собственнического общества. Эпизоды, связанные с революцией 1918 года, сцены выступлений рабочих на улицах Берлина передают напряженность и величие классовой битвы, утверждают правоту масс, выступивших на защиту своих интересов.

Книга писалась по свежим следам событий; писателю еще не все было понятно в том, что происходило в его стране. Поэтому его трактовка революции содержала элементы пацифизма, а программу ее он истолковывал в христиански-социалистическом духе. Это особенно сказалось в созданном им образе революционного вождя, студента Аккермана, юноши в «развевающейся шинели» и с «лицом монаха, поэта или иного мечтателя», противопоставленного сухому, чопорному, подтянутому генералу. Образ революционного вождя далеко не во всем удался романисту. Аккерману нехватает ясности идеалов, воли и дара организатора и вожака масс; его философия окрашена в религиозно-нравственные тона, его идеи выспренны и отвлеченны. Но Аккерман полон любви к людям, он мечтает о всеобщем братстве людей и народов, о жизни, в которой не будет войн и взаимной вражды, классового гнета, слез и страданий. Он не только мечтает, но и стремится претворить свою мечту в реальность, он — один из энтузиастов, которые готовят революционное восстание своего народа. Все это придает образу Аккермана поэтичность и величие.

Роман «Девятое ноября» был одним из немногих произведений немецкой литературы того времени, в котором открыто и прямо заявлялось о симпатиях к Великой Октябрьской революции, признавалось ее всемирно-историческое значение. Поэтически вдохновенно говорит писатель о красном знамени, развевающемся в Берлине над зданием советского посольства. Это знамя становится символом свободы, обещающим избавление от тирании господ и от угрозы новых смертоносных битв. Келлерман верит и мечтает, что «молодое солнце», которое «поднялось из далекой России, омытое кровью и слезами... перешагнет Рейн, перешагнет Ламанш... и в пламени его расплавятся стальные сейфы небоскребов».

Несмотря на непоследовательность взглядов писателя, на некоторую устарелость формы, книга Келлермана, написанная более чем три десятилетия тому назад, и сейчас вдохновляет на борьбу за мир, за жизнь, обновленную на началах равенства и справедливости.

В конце романа, после поражения генерал фон Гехт Бабенберг говорит: «На сей раз не вышло! Свернем знамена... до следующего раза. Еще более кровавого, еще более ужасного...» Верный своим гуманистическим убеждениям, Келлерман, как бы продолжая повествование «Девятого ноября», четверть века спустя создал произведение о фашизме, развернувшем эти свернутые милитаристские знамена,— роман «Пляска смерти».

В немецкой антифашистской литературе «Пляска смерти» занимает особое место. Это не книга о мужественных борцах, томившихся в концлагерях, противопоставивших кровавому разгулу нацистов свою стойкость и величие; это не один из тех исторических романов, в которых потрясенные совершившейся национальной катастрофой писатели стремились понять и осмыслить социальные и идеологические корни фашизма, противопоставить маразму и одичанию гитлеровского «порядка» боевой гуманизм прошлых лет. В книге Келлермана раскрывается повседневная обыденная жизнь людей в условиях нацистского режима, характеризуются правящие круги, короче говоря, фашистское общество изображается глазами очевидца. И в этом, несомненно, особая ценность романа. Келлерман видел безудержный произвол фашистских властей, деморализацию верхов, сам пережил весь ужас каждодневного существования под диким гнетом страха. Пережитое оставило глубокий след в его сознании. В эти трудные для него, долгие дни, когда он в глубоком одиночестве переживал трагедию своего народа, когда он раздумывал над причинами случившегося, по-новому мужал его талант, выковывалось и крепло его демократическое мировоззрение. Это помогло ему создать значительную реалистическую книгу, в которой затрагиваются большие проблемы народной жизни.

В романе необычайно конкретно воспроизведена атмосфера «третьей империи» с ее диктатурой грубой силы, беззастенчивым подавлением элементарных гражданских прав, демагогией и ложью. Келлерман показывает духовное и моральное убожество нацистских главарей, обнажает наглость их поведения, прожектерские и милитаристские черты в их политике. Яркий тип нацистского правителя — гаулейтер Румпф, который всем своим поведением подчеркивает антинародный характер нацистского государства. Этот грубый и примитивный человек, вознесенный на высоту большой власти, отличается крайней беспринципностью, хищническим своекорыстием, аморальностью, переходящей в разнузданность, тупой жестокостью, показным добродушием и абсолютным пре-

небрежением к народным интересам. Образ Румпфа вылеплен Келлерманом многогранно: он показан и в служебной обстановке, где его малейшая прихоть воспринимается как непреложный закон, и в частной жизни, где царит разврат, циническое надругательство над женщинами. Румпф воспринимается как жизненно правдивый, художественно завершенный социальный тип, порожденный всем антидемократическим строем нацистского «рейха».

Широкое изображение фашистской Германии было необходимо писателю, чтобы остро и темпераментно поставить проблему ответственности средних слоев немецкой интеллигенции за судьбы своей родины и своего народа. В этом смысле поучительна история центрального персонажа романа Франка Фабиана. Преодолевая скрытое отвращение к делам и словам гитлеровцев, Фабиан, подгоняемый страхом за себя и свою карьеру, вступает в национал-социалистскую партию и становится на путь активного сотрудничества с новыми «хозяевами». Пресмыкательство Фабиана мстит за себя. Его сыновья гибнут — один под бомбами в родном городе, другой в Сталинграде; гитлеровский режим быстро идет к краху, и Фабиан, поняв всю ложность избранного им пути, кончает с собой. В этом образе писатель обличает ту «несопротивляемость», бесхребетность, беспринципность, которую проявили многие представители немецкой интеллигенции в дни решающих боев с наступавшим фашизмом и особенно после того, как гитлеровцы пришли к власти и установили свой «новый порядок».

Иначе складывается судьба брата Франка, ваятеля Вольфганга. Автор скульптуры с девизом «Лучше смерть, чем рабство», он и в жизни остается верен этому девизу. Вместе со своим другом учителем Глейхеном он под влиянием исторических уроков освобождается от пассивности, общественной индиферентности и включается в борьбу подпольных групп сопротивления. Не став рабами, они оба сохранили и свою жизнь и чистоту своей совести.

Не все безупречно и в этом романе Келлермана. Безвкусна и фальшива история «любви» Румпфа и красавицы-еврейки Марион; неубедительна попытка автора включить в антифашистский фронт семью Лерхе-Шелльмахер, принадлежавшую к монополистическим кругам; недостаточно освещены процессы, происходившие в среде трудящихся масс. Однако принципиально важен тот факт, что старый мастер культуры после долгих исканий полностью отошел от позиций буржуазного индивидуализма, от беспочвенного эстетства и стал художником-реалистом. Последний роман Келлермана — большое и серьезное произведение, зовущее к мужественной борьбе против империалистической реакции, за мир. Это — достойное завершение пути писателя-гуманиста.

Новый перевод романа «Девятое ноября», сделанный И. Горкиной, хорошо передает своеобразную и сложную стилистическую манеру автора, отличается лексическим богатством и воспринимается как новое и свежее прочтение Келлермана. Б. Арон и А. Ариан в общем удачно донесли до читателя роман «Пляска смерти», впервые переведенный на русский язык. Правда, иногда кажется, что манера писателя кое-где упрощена.

Непонятно, почему так грубо и безвкусно оформлена книга, почему для нее выбран такой громоздкий формат, почему ее одели в такой мрачный серый переплет?

Хочется надеяться, что эти промахи не омрачат новой встречи читателя с любимым и знакомым автором.

В. Лимановская

„МОЛОДАЯ КРОВЬ"

Юноша-негр Джо Йангблад, круглый сирота, несколько лет копивший по центу, чтобы вырваться из «черного пояса» и уехать куда-нибудь на Север, наконец дождался своего часа. Билет в кармане — и ликующий Джо сидит в отведенном для негров старом, грязном вагоне. Родная Джорджия позади, поезд несется по территории другого южного штата. На какой-то станции в негритянский вагон вваливаются вооруженные белые. Они выгоняют пассажиров вон — велят им идти на близлежащую плантацию убирать хлопок. Один из едущих, студент-негр, пытается протестовать — его ранят выстрелом из винтовки. А когда Джо Йангблад могучим ударом выбивает винтовку из рук стрелявшего, белые бандиты бьют юношу смертным боем.

И вот Джо — сборщик хлопка. Но через несколько дней он делает попытку бежать. Его снова зверски избивают. Все же Джо удирает с плантации. Исполосованному и дочиста ограбленному юноше ничего не остается, как вернуться «домой», в Джорджию.

Так начинается молодость главного героя романа американского писателя-негра Джона О. Килленса «Йангблад». Действие его развертывается не во времена «Хижины дяди Тома», а в двадцатом веке, между первой и второй мировыми войнами. Страш-

John O. Killens, Youngblood. The Dial Press, Inc. New York, 1954.

ной показывает Килленс жизнь «цветного» человека в современной Америке.

Но Килленс не просто рассказывает о муках негров. На первых же страницах он раскрывает в своих основных персонажах — Йангбладе и его будущей жене Лори-Ли — такие качества, которые не могут не вызывать уважения. Это гордая ненависть к поработителям и органическое стремление всегда и повсюду давать им отпор. Совершенно очевидно, что эти качества чрезвычайно дороги самому автору. Джо и Лори-Ли, а затем и их дети, которых родители учат жить «с поднятой головой», их ближайшие друзья, да и большинство других негров, все сильнее проникаются непримиримой враждебностью по отношению к тем, кто держит их на положении полурабов.

Книга Килленса сразу же приковывает внимание страстностью воплощенных в ней чувств. Вся она пронизана единым настроением, одной ведущей идеей. Килленс упорно показывает, что негритянский народ в Америке больше не может и не хочет существовать так, как существовал до сих пор.

Идея эта порождена самой жизнью. Непосредственно от действительности идет эмоциональная напряженность, так остро ощущаемая в романе. Килленс рисует жизнь негритянского народа такой, как есть, позволяет увидеть быт современных американских негров и глубоко заглянуть в души простых людей с кожей черного или коричневого цвета.

Джо Йангблад работает грузчиком на скипидарном заводе. Человек незаурядного ума, больших способностей, отец семейства, Йангблад не только обречен на неквалифицированный и низкооплачиваемый труд, но в глазах больших и малых хозяев он — лишь «рабочие руки». Его кличут «мальчик», над ним измываются, и он знает, что при малейшей попытке протеста будет подвергнут немилосердной расправе.

Образ Джо не одинаково полно раскрывается в разных частях этого большого романа. По существу Килленс заставляет Джо Йангблада как бы «обрамлять» книгу. В начале подробно рассказывается о первых шагах его самостоятельной жизни, о неудачной попытке бежать с Юга, о женитьбе и тяжелом труде, затем автор переключает внимание на жену Йангблада, на детей его, на учителя Майлса. Но в конце книги Джо снова становится главным героем.

Во время кризиса Джо, долгое время бывший безработным, возвращается на скипидарный завод под начальство надсмотрщика Мака. С этим человеком у него давние счеты. Когда-то этот белый попытался прикарманить часть заработка Джо. И тот не смолчал, а потребовал у Мака, что ему причиталось. Дерзость негра вызвала тем большее удивление, что Джо Йангблад уже как-будто получил «урок»: одна его попытка отстоять свои права в споре с надсмотрщиком окончилась тем, что его жестоко избили и перевели на невыносимо тяжелую работу.

И вот Джо снова попадает к Маку. В первую же получку тот нагло присваивает часть причитающихся негру денег. Но Джо не хочет позволить вору, пользующемуся тем, что он белый, надругаться над его достоинством труженика. Тогда другой белый стреляет в Джо и смертельно ранит его. Негритянское предместье превращается в вооруженный лагерь — люди «гетто» собираются должным образом встретить нападение ку-клукс-клановцев. Похоронами Джо завершается роман, и автор дает понять, что дело Йангблада будут продолжать другие.

Своим духовным ростом Джо был во многом обязан влиянию жены. Лори-Ли — это, пожалуй, наиболее обаятельный и художественно выразительный образ романа. С любовью раскрывает писатель внутренний мир девушки, а затем матери семейства, которая всеми своими мыслями и поступками воплощает гнев порабощенного народа, его мужество и стойкость. Боевой дух этой женщине завещала еще ее бабка, испытавшая на себе ужасы рабства. «Помни, внученька,— наказывала она двенадцатилетней Лори-Ли,— никогда не позволяй им унижать себя! Давай им отпор, детка, давай отпор на каждом шагу, особенно богатым... Пока вы, молодые негры, не соберетесь вместе и не вправите им мозги, ничего не изменится. Так и знай, родненькая моя, с ними надо драться!».

Это обращение к «молодым неграм» служит в романе своего рода лейтмотивом. Недаром в одной сцене незнакомый негр, которому понравился сын Джо Йангблада Робби, ласково назвал его «молодой кровью». Сама фамилия «Йангблад», означающая «молодая кровь», порою начинает звучать в романе символически.

Благородный характер Лори-Ли с наибольшей силой проявляет себя в том, как она воспитывает своих детей. Лори-Ли внушает мальчику Робби и девочке Дженни-Ли любовь и уважение к своему народу, презрение к тем, кто пресмыкается перед белыми угнетателями. Подавляющая часть романа посвящена тому, как росло и поднималось молодое поколение Йангбладов.

С самого юного возраста родители учат Робби не хныкать, а «давать сдачи» обидчикам. Однажды на глазах у Робби на его сестру нападают белые хулиганы, и он защищает Дженни-Ли от насильников Его арестовывают за то, что он поднял руку на белого. Полицейские грозят мальчику «кандальной командой» — мать знает, что исправительный дом искалечит и навсегда погубит Робби. В виде милости полицейские предлагают Лори-Ли исхлестать собственноручно сына плетью в их присутствии. В душе мать одобряет действия Робби — он поступил благородно, поступил так, как она его учила. Но для того, чтобы уберечь Робби от страшной судьбы,

вольнолюбивая Лори-Ли берет плеть и сечет сына.

Мальчик не может этого понять. Он до глубины души оскорблен «предательством» матери и решает убежать из дому. В тоске и одиночестве бродит он в окрестностях города и случайно попадает к своему учителю Роберту Майлсу. Эпизод в полиции, бегство Робби, возвращение его домой и начало большой дружбы с Майлсом — все это принадлежит к лучшим страницам романа.

Образ Роберта Майлса тоже чрезвычайно интересен. Это негр, который вырос на Севере, в Нью-Йорке. Отец его выбивался из сил, чтобы дать сыну образование. Но любовь Роберта к работнице Хэнк, активной участнице пролетарской борьбы, и смерть ее многому научили Майлса. Он отказывается от выгодной карьеры и отправляется учительствовать далеко на Юг, где негры особенно бесправны.

Став учителем в Кроссроудзе, Майлс вызывает ярость расистов. Конфликт между Майлсом и местными заправилами, а также подхалимами из числа самих негров очень живо показан в эпизоде «вечера негритянской песни». Такие «фестивали» устраиваются в негритянской школе ежегодно, и белые «отцы города» милостиво слушают песни на религиозные темы, демонстрируя этим свое благорасположение к «смирным чернокожим». Но Майлс решает провести вечер по-новому. Он пишет объяснение к песням и поручает прочитать его Робби Йангбладу. Этот текст, раскрывающий смысл негритянских народных песен, как песен протеста и борьбы против рабовладельцев, вызывает у большинства почетных гостей бешеную злобу. Майлс лишь чудом вырывается из рук линчевателей, его хотят лишить места в школе. Но он остается верен интересам негритянского народа. Именно он пытается внушить Джо Йангбладу и другим рабочим мысль, что необходимо бороться совместно с белыми рабочими против общих угнетателей.

Килленс не скрывает того, какие трудности встают на пути единения трудящихся в южных — и не только южных — штатах США для общей борьбы. Местами он чрезмерно акцентирует враждебность белых рабочих ко всем неграм, как и недоверие негров ко всем белым. Впрочем, в конце романа рассказывается о том, как Робби Йангблад стал организатором профсоюза, участниками которого будут и белые и негры.

Килленс не обладает таким ясным и передовым мировоззрением, как, например, Ллойд Браун, написавший известный советскому читателю роман «Железный город». Браун говорит о дружной совместной борьбе всех трудящихся, вне зависимости от цвета их кожи, под руководством рабочего класса (в этой связи стоит вспомнить превосходный портрет коммуниста-негра Зэкери в «Железном городе»).

И в «Йангбладе» также порой возникают образы передовых людей: Майлса, Хэнк, профсоюзного организатора Коллинса, но все это либо эпизодические фигуры, либо люди, еще не поднявшиеся до высот политического сознания. Это становится очевидным, если сопоставить, например, образ того же Майлса с образом негра Пледжера Мак-Адамса в романе Сакстона «Большая Среднезападная», ставшего смелым борцом за пролетарские идеалы.

Все это определяет некоторую ограниченность рецензируемого романа. Одним из наиболее сознательных выразителей чувств негритянского народа Килленс делает священника Ледбеттера. Единственным белым, питающим искреннее расположение к неграм, он рисует Оскара Джефферсона, человека малоразвитого, неяркого.

И все же роман является одним из самых сильных, правдивых произведений литературы США за последние годы. Немного найдется писателей в Америке, которые с таким мужеством, с такой непримиримостью осуждали бы расовый гнет, с такой любовью рисовали живые, привлекательные фигуры трудящихся — негров.

В среде негритянского народа в последнее время происходят процессы, имеющие немалое значение. Негров волнуют насущные проблемы их настоящего и будущего. Об этом свидетельствует, в частности, появление большого числа новых романов, стихов и пьес на негритянскую тему, пронизанных демократическими устремлениями и откликающихся на актуальные вопросы современности. Книга Джона Килленса занимает видное место среди этих произведений.

Герои этой книги — Лори-Ли, Джо и Робби — не вожаки (впрочем, Робби показан лишь в начале своего многообещающего жизненного пути), но им присуще большое чувство человеческого достоинства, большая воля к борьбе за права негритянского народа.

Насколько нам известно, «Йангблад» — первое крупное произведение Джона Килленса. Роман этот, написанный поэтичным народным языком, пронизанный фольклорными мотивами, задушевным, а часто горьким юмором, свидетельствует о незаурядном мастерстве писателя, о его умении создавать правдивые, психологически тонкие образы. Книга получила заслуженно высокую оценку в прогрессивной печати США.

А. Чичерин

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ТВОРЧЕСТВА ИНОСТРАННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

В самых широких кругах советского народа непрерывно растет интерес к художественной литературе, в частности — к литературе за рубежами нашей родины. Популяризация передовой иностранной литературы является важной общественно-политической задачей.

Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний выпускает брошюры о зарубежной литературе, рассчитанные на массового читателя. За последние годы вышли брошюры о Гюго, Золя, Лу Сине, Го Мо-жо, Барбюсе, Фучике, Назыме Хикмете, Анне Зегерс и других крупных писателях разных народов. Такие книжки, как правило, проходят незамеченными в нашей печати. А ведь популярные брошюры — это очень важный, очень ответственный жанр литературной критики. Они выходят большими тиражами — пятьдесят, сто, а иногда и более тысячи экземпляров. Понятно, сколь многое спросится с авторов таких брошюр; ведь это самый массовый вид издания литературоведческих работ на зарубежные темы. В маленькой книжке можно сказать очень много, отбирая то *главное,* что следует знать читателям по данному вопросу, отвечая на запросы читателей общедоступно, точно, живо. Но это не легко сделать. Тут очень важно уметь изложить факты и мысли просто по форме — но *без упрощения.*

Рассмотрим брошюры, появившиеся в течение последнего года.

В Ленинграде к десятилетию со дня смерти Ромена Роллана вышла брошюра Г. Рубцовой. Эта работа имеет определенные достоинства. Автор дает обзор жизни и творчества писателя, внося ряд ценных замечаний. Хорошо, что отмечена взаимосвязь деятельности Роллана как историка музыки, театрального критика и драматурга, что уделено внимание эстетическим взглядам Роллана, что обрисована творческая обстановка в издательстве, созданном Пеги и Ролланом. Характеризуя героическую борьбу Роллана против империализма и политики блокады СССР, Г. Рубцова приводит интересные, далеко не общеизвестные факты. Несомненную ценность представляют мысли о музыкальных принципах композиции романа «Жан-Кристоф» (эти положения были обоснованы несколько лет назад в исследовательской работе того же автора, посвященной «Жан-Кристофу»).

Самостоятельные наблюдения над творчеством писателя придают некоторым страницам короткого популярного очерка свежесть и интерес. Но, к сожалению, в других разделах брошюры многое высказано торопливо и небрежно.

«Не имея возможности,— говорит Г. Рубцова о Жан-Кристофе,— найти такой образ в буржуазной Франции начала XX в., Роллан создает его биографию, как мозаику из биографий великих музыкантов прошлого» (стр. 14). Во-первых, речь идет явно не о том, что Роллан не находил «такого *образа*» в буржуазной Франции, а о том, что не было реальных *людей,* знакомство с которыми послужило бы основой для создания такого образа. Автор говорит не то, что хочет сказать. Во-вторых, соотношение реальной жизни, окружавшей Роллана, и тех великих деятелей прошлого, которые воодушевляли его, представлено здесь неверно. Как можно утверждать, будто во Франции какой бы то ни было эпохи совсем не было талантливых и сильных людей? Не только в Оливье, но и в Кристофе много личного, много таких черт, которые выражают духовные стремления автора. Ведь идейный пафос VII книги романа — «В доме» — в страстном утверждении, что Франция — не только ярмарка на площади, что есть другая, *настоящая* Франция людей мыслящих, талантливых и честных. То же самое утверждает Роллан и в отношении Германии: есть Германия надменных герцогов и пошлых буржуа и другая Германия — дяди Готфрида, Шульца, Кристофа... Нет, Жан-Кристоф — не мозаика образов великих музыкантов прошлого, а конкретное выражение тех тенденций современной Роллану жизни, жизни двух стран, которые этому писателю были хорошо известны, дороги и близки.

Роль Бетховена, Моцарта, Вольфа, Вагнера, а также не названных Г. Рубцовой Микельанджело и Толстого в формировании образа Кристофа совсем не в том, что Роллан будто бы брал по крошечному кусочку от каждого из них, а в том понимании труженика и вдохновенного художника, которое слагалось у него при изучении их творчества. Сравнение с мозаикой совершенно не подходит к цельному, живому образу Жан-Кристофа.

Упрощенно истолкована в брошюре последняя книга романа «Жан-Кристоф». На стр. 10 мы узнаем, что «Грядущий день» звучал примиренчески, приглушенно...» На стр. 12 снова внушается читателю, что «в двух последних книгах... звучит тема примирения с жизнью». На стр. 18 все то же: «Последняя часть романа «Грядущий день» показывает Кристофа смирившимся...» Вместо таких повторений было бы гораздо полезнее сказать, что и в последней книге романа-эпопеи наряду с моти-

---

Г. В. Рубцова, Творчество Ромен Роллана. Ленинград, 1955.

И. В. Головня, Великий просветитель и гуманист Генри Фильдинг. Издательство «Знание», М., 1954.

А. С. Погодин, Классик датской литературы Ханс Кристиан Андерсен. Издательство «Знание», М., 1955.

В. Н. Кутейщикова, Жоржи Амаду. Издательство «Знание», М., 1954.

вами олимпийской отрешенности немало критического и острого (в частности — образ молодого Жаннена).

В брошюре, рассчитанной на десятки тысяч читателей, особенно важна ясность мысли, продуманность формулировок. Этих качеств мы часто не находим в брошюре Г. Рубцовой. Автор постоянно выдает неточность своих выражений повторением *«как бы»*: «Роллан как бы хотел показать...» (стр. 10), «особое звучание, как бы подчеркивающее...» (12), «...несколько как бы борющихся тем...» (12), «Роллан... как бы предсказал его будущее» (16), «В ней как бы подводится итог...» (26), «В первой книге как бы противопоставлены...» (28), «Аннета, по замыслу Роллана,— как бы французская сестра Ниловны...» (29), «Очарованная душа» явилась, таким образом, как бы дневником...» (31).

Неточность языка брошюры связана с тем, что в некоторых частях приблизительны и смутны мысли и факты. Разве «случайные» обстоятельства вынуждают Кристофа бежать из Германии, как об этом говорит автор? Нельзя понять, о какой это «гибели творческих замыслов», о какой «преждевременной смерти» (стр. 13) говорится в отношении Кристофа. Как известно, этот герой Роллана — хотя его жизненный путь и закончился идейным спадом — умел осуществлять свои самые смелые творческие замыслы и умер, дожив до старости, выполнив все, что мог.

Итак, Г. Рубцова, взявшаяся со знанием предмета за создание брошюры о Ромене Роллане, отнеслась к этому большому делу без достаточной взыскательности.

Гораздо более тщательно написана брошюра «Великий просветитель и гуманист Генри Фильдинг». И. Головня в своем коротком очерке рассказывает о жизни Фильдинга, довольно подробно характеризует его эстетические идеи как идеи новатора-реалиста и обличителя нравов буржуазно-аристократического общества. В ясной и стройной форме дан обзор двух периодов творчества Фильдинга — первого, когда он посвящал себя драматургии, и второго, когда обратился к роману. Скупо, но точно сказано об особенностях композиции и языка произведений Фильдинга, и этот анализ тесно связан с анализом идей и образов.

В работе, предназначенной для массового читателя, очень важно показать связь большого художника слова с литературой его страны, его место в литературном процессе. В этом смысле работа И. Головни не вполне удовлетворяет. Из брошюры не ясно, что Фильдинг входит в историю литературы не только как замечательный романист XVIII в., но и как предшественник Диккенса и Теккерея. Стоило бы (за счет большей сжатости раздела, посвященного драматургии) шире показать Фильдинга в ряду других романистов, его современников, прежде всего сопоставить его со Смоллетом.

Независимо от этого брошюра И. Головни отвечает задаче, поставленной Венской сессией Всемирного Совета Мира,— популяризировать творчество одного из великих писателей прошлого, являющихся крепкой связующей нитью для всего человечества, борющегося за мир.

Этому же служит и брошюра А. Погодина «Классик датской литературы Ханс Кристиан Андерсен». В целом она дает довольно полное и верное представление о деятельности великого датского писателя. Но она страдает одним распространенным и существенным недостатком: раздробленностью содержания.

В маленькой по объему книжке, адресованной широким массам, от автора требуется большое умение — выделить основное, найти наиболее важные для данного писателя произведения, образы и показать их крупным планом. А здесь автор поставил перед собою задачу — назвать возможно большее количество сказок и обо всех поговорить поровну, уделяя каждой сказке по две-три строки: «...В «Снежной королеве» (1846) чистая, искренняя любовь побеждает злые чары застывшего в мрачном оцепенении царства снежной королевы; в «Диких лебедях» (1838) борются любовь и ненависть, добро и зло» (стр. 11). «Жестокость мещан показана в сказке «Утиный двор» (1861). Антиобщественный, паразитический характер буржуазной идеологии, презрение буржуазии к честным труженикам — все это разоблачается в сказке «Улитка и розовый куст» (1861)» (стр. 24).

Каждому лектору понятно, что такую дробную скороговорку никакая аудитория усвоить не может. Между тем так написана значительная часть брошюры. Конечно, есть в брошюре и обобщения, характеризующие социальный и воспитательный смысл сказок Андерсена, есть верные замечания об изображении природы, о понимании Андерсеном задач искусства, о народности его творчества. Но, растратив столько места на беглый перечень множества сказок, автор не дал глубокого и полного анализа ни одного из произведений, ни одного из образов, созданных Андерсеном.

Скороговорка обозрения порождает в речи автора штампы, которые особенно коробят, когда речь идет о сказке: «изображено», «показано», «разоблачается»... На стр. 24 мы читаем: «Твердость и устойчивость паразитических принципов жизни буржуа-слизняков Андерсен подчеркивает заключительной фразой сказки». Эти строки не только стилистически неудачны, но вызывают возражение и по существу. Ведь раньше автор сам очень хорошо разъяснил, что «идея сказок Андерсена глубоко вплетена в самую ткань повествования...» Сказки Андерсена, как отметил еще Добролюбов, «не нуждаются в нравоучительном хвостике» (стр. 12). Нет такой нарочитой «подчеркнутой» концовки и в той сказке, о которой здесь говорит А. Погодин. Между тем и дальше, в полном противоречии

с совершенно верным положением о непринужденности выражения мысли в сказках Андерсена, А. Погодин, следуя за привычными штампами, говорит об Андерсене так, будто бы он постоянно, назойливо что-то подчеркивает: то *«подчеркивает* главные определяющие *черты»* (стр. 25), то *«подчеркивает* типический характер» (стр. 29), то *«подчеркивает* жадность, хищничество» (стр. 23) и т. п.

Совершенно верно, что в сказках Андерсена — богатейшее и доныне совершенно живое критическое содержание, что на деле Андерсен отрицает собственнический мир и загорается самыми светлыми чувствами при мысли о тех, кто совершает подвиги в борьбе против законов и нравов этого мира. Но неверно, будто бы мысли такого рода Андерсен выражает в нарочитой «подчеркнутой» форме.

А. Погодин очень хорошо говорит в самом конце своей работы о том, что многое в сказках Андерсена превратилось в крылатые слова и пословицы. Но это — неожиданность для читателя! Прочитав столько мелочного и лишнего, он ничего не узнал о языке, о стиле Андерсена, не почувствовал, что это — обаятельный писатель и человек, мастер тонкого, одухотворенного выражения мысли.

В этом отношении можно противопоставить брошюре об Андерсене появившуюся в 1952 г. брошюру Ю. Данилина о Викторе Гюго. Разве не трудно было вложить в тридцать страниц долгую, многообразную и противоречивую деятельность великого французского поэта? В брошюре Ю. Данилина присутствует и политическая борьба, породившая идеи, воплощенные в лирике, в романах, в драматургии Гюго, и сжатый очерк творчества, и образ живой, прекрасной личности художника.

Очень нелегкие задачи стоят перед авторами брошюр о прогрессивных писателях наших дней. Тут популяризатору почти всегда приходится быть исследователем, собирать и освещать факты, о которых еще не писали другие. И тут особенно важно не впасть в сухость и штамп, дать живой образ писателя.

Удачным примером такой работы является брошюра В. Кутейщиковой «Жоржи Амаду». Она написана свежо и убедительно. Это живая страница из истории Бразилии в наше время. Становится совершенно ясным, почему борьба и противоречия в стране богатой и нищей, зажатой в тисках империалистических хищников, породили таких политических деятелей, как Луис Карлос Престес, и таких писателей, как Жоржи Амаду. Совершенно закономерно, что героическая поэма в прозе, горячо и призывно обращенная к читателю («Рыцарь надежды»), и социальный роман с резким противопоставлением двух миров, с изображением угнетенного народа и его угнетателей становятся характерными жанрами, в которых проявляется оригинальность бразильского писателя. Следовало бы только яснее показать национальный колорит в языке и стиле романов «Земля золотых плодов» и «Красные всходы».

Брошюры, выпускаемые издательством «Знание», в большинстве случаев — юбилейные. Однако они появляются в свет и доходят до читателя, до лектора, когда уже прочитаны юбилейные доклады, когда в газетах уже промелькнули статьи. Это — скорей напоминания о том, что была когда-то такая-то памятная дата, чем реальная помощь, приходящая во-время. Конечно, интерес к выдающимся писателям не угасает. Но юбилеи великих писателей — не такая уж неожиданная и непредвиденная вещь. К ним следует готовиться заблаговременно и без спешки. А главное — необходимо выпускать *больше* брошюр о крупных писателях зарубежных стран — и о классиках, и о наших современниках; таких брошюр пока выходит в свет очень мало. Можно и нужно освещать значительные литературные явления, не ожидая никакого внешнего повода, сообразуясь только с запросами советского читателя.

Владимир Полянов

В Родопах

(ОЧЕРК)

Родопский горный массив расположен на юге Болгарии. Этот край богат полезными ископаемыми — полиметаллами, железной рудой, углем. Но до освобождения Болгарии в 1944 году они почти не разрабатывались, и Родопский край был самой отсталой частью страны. Здесь царил застойный, патриархальный быт.

Публикуемый с сокращениями очерк Владимира Полянова был напечатан в болгарском журнале «Септември» № 5 за 1955 год. В нем рассказывается о тех глубоких изменениях, которые произошли в экономической и культурной жизни Родопского края за годы народно-демократической власти, как изменился облик людей, населяющих эти до недавнего времени дикие горы.

В нашем автобусе заняты все сидячие места. В проходах, держась за поручни, стоят, слегка покачиваясь, пассажиры, которым не хватило места на скамейках.

До Асеновграда мчимся вдоль бескрайних полей, зеленеющих по обе стороны дороги. Рядом со мной сидит парень в голубой рубашке и черных шевиотовых брюках. Спрашиваю, куда он едет.

— В Бориево.

Впервые слышу такое название — оно ровно ничего не говорит мне. Но я все же не из праздного любопытства завел этот разговор. Дело в том, что я и сам еду в эти места для ознакомления со строящимися шахтерскими городами в Рудоземе и Мадане, в этих самых отдаленных, самых глубинных пунктах Родопского горнорудного бассейна. Первую остановку я решил сделать в Мадане. Признаться, мои сведения о Маданском бассейне довольно скудны. Знаю, что там заканчивается гигантское строительство; приходилось слышать, что туда изо дня в день стекаются массы людей со всех концов страны; что там ощущается острый недостаток в жилье, нет водопровода, а запасы продовольствия быстро истощаются. И мне не терпится узнать от очевидца, от живого свидетеля, насколько эти слухи верны и что ждет меня в этих местах. Но я, видимо, не на того напал.

И, глядя на горные вершины, на которых раскинулся Асеновград, любуясь на чистенькие домики города, купающиеся в солнечных лучах, я задаю соседу еще несколько вопросов.

— Бориево,— отвечает на мой вопрос юноша,— конечная остановка нашего автобуса.

А я-то думал, что последняя остановка — Мадан.

— А до этого приходилось тебе бывать в Бориево? — спрашиваю я.

— Да, я там работаю. Сейчас возвращаюсь из отпуска.

— Так ты, стало быть, проезжал мимо Мадана?

— Как же! Сперва я даже работал в Мадане. А потом уже переехал в Бориево, всего год назад.

— А кем ты там работаешь?

— Теперь я шахтер.

— Да неужто в Бориево имеется шахта?

Юноша усмехнулся.

— В этих краях, куда ни кинешь глазом, всюду рудники да шахты. Но лучше, чем в Бориево, мне нигде не было.

— Это почему же?

— Хорошо живется там нашей бригаде. Работа у нас спорится. Все — земляки, дружные ребята, ловкие, умелые.

— Хорошо зарабатываешь?

— Ниже полутора тысяч левов в месяц не спускался.

С передней скамьи к юноше обратился пассажир, который во время разговора молча и не шевелясь глядел в окно.

— А принимают еще на работу в Мадане? Как думаешь? — спросил он, с напряженным интересом ожидая ответа.

Теперь только я мог разглядеть его лицо. Посмотрел на пальцы его руки, которую он, повернувшись к нам, положил

на спинку скамьи. С первого взгляда можно было определить — нет, это не шахтер и не кузнец. На слегка обросшем лице — ни малейших следов рабочего загара. Бледные нежные пальцы свидетельствуют скорее о нервности их обладателя, чем о силе руки и упругости мускулов.

— Принимают, отчего же! — словоохотливо отозвался юноша.— На подземные работы всех принимают.

— На подземные работы,— полушопотом повторил про себя пассажир и, сняв руку со спинки скамьи, снова повернулся к окну.

Больше он не задавал никаких вопросов.

Лицо этого человека показалось мне знакомым. Я старался припомнить, где я мог его видеть. На нем была спортивная сильно поношенная и полинялая куртка с потертым воротником, но она ладно облегала его фигуру. Он сидел прямо, словно всадник на коне, и едва касался спинки сидения. Как и прежде, он молча глядел в окно, задумчивый, весь ушедший в себя.

Автобус миновал Асеновград и въехал в узкий горный проход вдоль берега речки Чая, совершенно пересохшей с тех пор, как воды ее были отведены в новое русло для нужд местной электроцентрали. Вдали перед глазами на вершине высокой горы мелькала Асенова крепость. Здесь начинается вход в Родопский лабиринт.

Лихой, веселый, задорный ритм хороводной песни внезапно оживил всех пассажиров. Это какой-то юноша заиграл на аккордеоне. По отдельным долетавшим до слуха словам, которыми гармонист обменивался со своими спутниками, можно было заключить, что они едут со свадьбы. Действительно, сидевшие позади меня молодая женщина и паренек оказались молодоженами. А рядом, на другой скамье, по другую сторону прохода, сидел брат молодожена со своей женой. Играл на аккордеоне брат, широко растягивая меха и умильно улыбаясь.

Обе парочки все время обмениваются шутками и остротами, задевают друг друга, и из их слов вырисовывается картина пиршества. Ели, пили, веселились. Словом, был пир на весь мир. Оба брата работают в Рудоземе — один шахтером, другой электромонтером. Молодуха тоже будет там работать, пока не надвинется другая забота. Невестка давно работает на обогатительной фабрике и уж несколько лет является ударницей. В Рудоземе ее мужу дали хорошую квартиру в одном из новых жилых корпусов. Теперь дадут отдельную комнату и молодожену,— этот вопрос уже согласован с начальством. Конец холостяцкому прозябанию в общежитии!

Гармонист снова растянул меха, и разливно заиграл аккордеон. Молодожен слушал-слушал, глядя на брата и блаженно улыбаясь, и вдруг запел с неподдельной задушевностью сельского парня, который не поет, а изливает все свои сокровеннейшие чувства в незатейливом напеве.

Автобус несется между высящимися по обе стороны шоссе склонами гор. Давно уже миновали нареченские целебные источники, промчались мимо Хвойны. Под нами журчат серебристые воды речки Чая, которая в этом месте вьется в своем старом русле. Временами горный проход раскрывается шире, и перед глазами расстилаются тучные луга, а местами и огражденные деревянными заборами сады и огороды; кое-где на склонах приютились одинокие домишки, крытые каменными плитами; далеко-далеко чернеют сосновые рощи, а на горизонте открывается взору кусок голубого неба.

Молодожен все поет да поет старую родопскую песню, слова и мелодия которой так гармонично сливаются с местным пейзажем, так чудесно отражают настроения и старый быт этого края, испытавшего всю горечь векового рабства и безысходного мрака. В песне юноша призывает девушку налить полные чаши вина и выпить вместе, а потом рассказать «балносу», то есть поведать свою скорбь, чтобы видно было, чья му́ка сильнее, потому что обоих постигла та же горькая недоля: они любили друг друга, крепко любили, но не могли соединиться, потому что на пути стал проклятый ворог — злой разлучник...

В проходе стоит, вытянувшись во весь свой богатырский рост, уроженец села Бяла Слатины Никола. Он временами добродушно подпевает молодожену, повторяя за ним те слова, которые его больше всего волнуют. Свою землю он отдал в распоряжение ТКЗХ * и получает за нее установленную арендную плату. Сам он вернулся к своему старому шахтерскому ремеслу, которому обучился в Димитрове. Теперь он возвращается в Рудозем из отпуска. Когда певец и гармонист, усталые от бессонной ночи, прекращают музыку и начинают клевать носом — один, склонив голову на аккордеон, другой — на плечо жены, Никола тоже умолкает и внимательно глядит в окно на расстилающуюся перед взором панораму. Бедна и неплодородна земля на горных склонах этого края, скудны плоды трудов земледельца. И Никола сочувственно улыбается, глядя на бедняг крестьянина, засеявшего свою ниву чуть ли не на самой вершине высокой горы.

— Глянь-ка, глянь, как высоко забрался бедняга!

В другом месте, глядя на поникшие стебли пшеницы, Никола сострадательно вздыхает:

— Эх, неважны твои дела, браток!

Горный проход снова широко раскрывает свою пасть. Леса, холмы, горные вершины отодвигаются куда-то далеко-далеко, а впереди, по ту сторону реки, зеленеют просторные луга. Чем ближе к Чепеларе, тем более культурный и обжитой вид приобре-

* Сокращенное название Трудового кооперативного земледельческого хозяйства.

тает горный ландшафт. Деревянные ограды опоясывают луга, предохраняя их от потравы. Там и сям мелькают перед глазами огороды, засеянные картофелем, кукурузой, подсолнухом; отливают серебром канавки для искусственного орошения.

Большинство пассажиров глядит в окна. Какая-то толстуха, всем своим тучным, расплывшимся телом усевшаяся на своих чемоданах в проходе, с трудом подымается с места и тоже любуется в окно на расстилающийся перед глазами пейзаж.

— Видать, приближаемся к Чепеларе. Там луга так живописны!

Она не сказала, где была, но по тому, как нежно и мечтательно глядела она на окружающую природу, можно было догадаться, что она отдыхала на даче в одном из живописнейших уголков Родопского края.

Автобус выехал на улицу, по обе стороны которой красовались опрятные каменные дома. По улице маршировали нынешние дачники Чепеларе — сотни пионеров в коротких штанишках и майках. Другая группа детей собралась у автобусной станции с чемоданчиками и котомками в руках в ожидании отправки. Миновав главную улицу, наш автобус снова очутился среди лугов, садов, огородов, сосновых лесов и горных вершин.

Неожиданно одна женщина воскликнула:

— Смотрите, смотрите! Что он там делает?

На лугу за рекой какой-то человек быстро хватал камни, которые подавала ему пожилая женщина. Она выбирала их из валявшейся поблизости кучи камней, поднятых со дна близлежащего ручья. Он относил камни подальше и аккуратненько ставил их возле деревянной ограды луга. Пассажиры старались отгадать, что делает этот человек и зачем ему понадобилось окружить камнями деревянную ограду.

— Колдует, наверно,— пошутил кто-то.

— Физкультурой занимается! — острил другой.

— Межу обозначает! — высказал догадку шахтер Никола.

Грянул оглушительный смех, который убедительнее всяких слов говорил о том, как далеко эти люди — в прошлом, быть может, такие же собственники, как этот крестьянин,— ушли в своих взглядах. Люди наперерыв бросали шутки и насмешливые замечания по адресу рьяного собственника, окружающего свой луг двойной оградой.

— Мало ему деревянного забора! Каменную стену воздвигает!

— Пусть, мол, все знают, что это его луг!

— Глянь-ка, он сейчас свалится под тяжестью камня, а крепко держит его, не выпускает из рук.

— Здесь у него болит! — высказал уверенность Никола, указывая рукой на свое сердце, где, весьма возможно, в сокровенной глубине все еще таилась та же боль.— Ничего, пройдет! — закончил он, сочувственно улыбаясь.

Дорога круто взвилась вверх. Автобус тяжело запыхтел. Вода в радиаторе кипит. Теперь шоссе будет подыматься все выше вплоть до Рожена — наиболее высокой точки на этом пути. У Рожена начинается перевал, за ним дорога начнет спускаться к селам Устово, Райково и Смолян — этим старейшим и крупнейшим населенным пунктам в Родопах. Кое-где шоссе либо ремонтируется, либо вообще до того узко, что две встречные машины с трудом могут разминуться. Еще издали шоферы обеих машин переговариваются при помощи жестов и, после молчаливого соглашения, сразу, не теряя ни минуты, старательно маневрируя, ловко проводят свои машины, почти вплотную соприкасающиеся одна с другой.

У одной чешмы * автобус, пыхтя, остановился. Водитель вылез из кабины, чтобы набрать воды и успокоить кипящий радиатор. Вывалила из автобуса и бо́льшая часть пассажиров. Низко над обрывом нависли телеграфные провода. На них сидели бесчисленные стаи ласточек. Каждая птичка щебеча садится на проволоку, покачается на ней немного, вспорхнет и улетит, чтобы снова вернуться назад.

Я взглянул на своего знакомца в потертом пиджаке,— того самого, которого я никак не мог узнать. Он стоял в сторонке, устремив глаза на реку и не принимая никакого участия в разговоре. В его позе, в его манере держаться было что-то такое, что неожиданно напомнило мне, кто этот человек.

Он недавно вышел из тюрьмы. Молодой, богатый наследник крупного отцовского предприятия, он после революции 9 сентября 1944 года запутался в сетях какой-то контрреволюционной организации и был осужден на десять лет тюремного заключения. Помилован и выпущен досрочно. С тех пор жил в Софии, продавая остатки былого богатства.

— Все еще чувствуешь себя преступником? — спросил я.

Он отрицательно покачал головой.

— Важно не то, что я сидел в тюрьме. Хуже всего, что у меня почва под ногами провалилась, что я морально опустошен!

Я не спросил его, почему он считает себя морально опустошенным,— это можно было понять и без объяснений. Для меня важно было узнать, что этот когда-то молодой прожигатель жизни, не знавший нужды и лишений и бездумно наслаждавшийся всеми радостями бытия, теперь о чем-то задумывается, рассуждает, переоценивает старые ценности, по-новому судит о людях и прежде всего о себе самом.

— Куда теперь? — спросил я, предлагая ему сигарету.

От сигареты он отказался. Взглянул на ласточек.

---

* Чешма *(турецк.)* — источник, из которого вода вытекает через специально сделанную трубу.

— В Мадан. Хочу начать жить сызнова... Не знаешь, набирают там рабочих? — И, не дожидаясь моего ответа, твердо добавил, словно оспаривая мое невысказанное еще мнение: — Я обязательно поступлю на работу. Надо будет — и в подземные рабочие пойду.

— А почему именно в Мадане? — спросил я.— Неужто в Софии работы нет?

Он с минуту молчал, как бы взвешивая слова, потом серьезно, сосредоточенно промолвил:

— Там можно начать жить сызнова... подальше от всего старого...

Я и раньше знал, что в Мадане имеются все условия для того, чтобы начать жить заново, вдали от всего, что напоминает прошлое. Случайная встреча в автобусе подтвердила мое представление об этом далеком новом городе.

Водитель дал сигнал, и пассажиры заторопились занять свои места.

После Рожена начался спуск в Устово, Райково и Смолян, расположенные в широкой котловине на расстоянии трех-четырех километров друг от друга. Лет двадцать тому назад это были глухие, заброшенные пастушеские и табаководческие деревушки. Великолепная природа этих мест с их красочным, подлинно народным укладом не радовала ничьего постороннего взора. Девушки носили длинные тяжелые платья, украшали лбы золотыми пендарами *. Мужчины — пастухи и землеробы — носили изодранные широкие турецкие шаровары. В каждом селе была только одна, от силы две чешмы. Женщины ходили за водой с коромыслами, на которых висели тяжелые медные котлы. Домики на горных склонах (каменный низ с деревянными надстройками наверху) со стороны улицы возвышались на один-два этажа, а со стороны долины — на три-четыре. На верхних этажах жили люди, чуть пониже хранились продукты и разный скарб, в самом низу содержался скот. Улицы были узкие и кривые, домишки вплотную примыкали друг к другу, самая большая площадь не превышала размеров обычного крестьянского двора. Несколько ветхих лавчонок, одна полутемная столовая да корчма обслуживали местное население и проезжих людей. Оторванные от Эгейского моря, которое в прошлом было для местного населения единственной отдушиной, единственной возможностью искать заработков на стороне, отрезанные от матери-родины стеной Родопского горного массива, люди в этом краю при буржуазном режиме жили в ужасающей нищете и были обречены на беспросветную нужду, голод, лишения.

Эти три городка и доныне сохранили свой старинный стиль, свои исконные архитектурные формы, свой особый колорит. Но это уже не обреченные на отчаяние селения. Была найдена такая чудодейственная разрыв-трава, которая с магической силой преобразила облик этих глухих уголков. Прямые мощеные улицы, широкие площади, светлые веселые дома с водопроводом и электричеством; несколько чистых, светлых ресторанов, столовые, кондитерские, большие библиотеки-читальни с просторными чистыми залами, в которых нередко гастролирует Народный театр из Смоляна и демонстрируются кинофильмы. Городской автобус регулярно курсирует между Устовом и Смоляном через Райково. Несколько автобусных линий связывают эти городки с Пловдивом и Кырджали. В каждом городке имеется хорошо оборудованная больница. Новые школы, большие табачные склады, здания рабочих кооперативов. И — что важнее всего! — непрерывный поток грузовых машин, связывающих этот заброшенный ранее край с матерью-родиной, доставляющих населению все нужные ему товары и отвозящих в обратном направлении продукты местного производства. Теперь на улицах, у дверей домов, у входа в магазины не встретишь праздных людей, торчащих здесь от нечего делать. Тут работа кипит, всякий занят своим делом, всякому обеспечены заработок и благосостояние — это бросается в глаза с первого взгляда. Пендары вышли из употребления. Не видно ни широких турецких шаровар, ни коромысел с медными котлами, преобразились и сами люди. Среди них и теперь еще немало скотоводов и табаководов, но возможности у них теперь не те, что были раньше, да и чувствуют они теперь себя совсем, совсем по-другому.

Чепеларе, Устово, Райково и Смолян стали подлинными культурными и хозяйственными центрами Родопов...

Миновав мост через реку на окраине Райкова, продолжаем наше путешествие в далекий Мадан. Время перевалило за полдень. Автобус снова пыхтит на крутом подъеме. Кругом тишина, неподвижность! Въезжаем в глухой лес, такой густой, что нигде не видно просвета. До этих мест все встречавшиеся на пути населенные пункты были расположены либо в равнине, либо на склонах холмов, а чаще всего их белые домишки, как стаи птиц, гнездились на вершинах гор. А в этой части горного массива селения совершенно скрыты от человеческого глаза,— они притаились в глубоких и недоступных дебрях, вдали от шоссе. Да и селения-то совсем крохотные. Вот на высоком утесе ютится десяток домиков, а где-то в глубине, в густой лесной чаще, столько же сиротливых избушек, прилепившихся друг к другу, погруженных в вековое одиночество, в тишину и безмолвие.

Подымаемся в Серафимово, где высится памятник героям Балканской войны, борцам за освобождение края от турецкого ига. При виде этого памятника у одного молчаливого пассажира нашего автобуса развязался язык. Это был пожилой человек лет под пятьдесят, в старой форменной куртке почтового чиновника, высокий, худой, костлявый. За всю дорогу он не

* Пендары *(греческ.)* — большие золотые монеты, служившие украшением.

проронил ни слова. Теперь он заговорил пламенно, с воодушевлением. Ему было лет десять-двенадцать, когда разразилась война. Жил он тогда в том самом селе, которое теперь носит название Серафимово. Трехсоттысячная турецкая армия начала широкое наступление, отдельные части приближались уже к селу. Размещенные здесь болгарские войска под командованием полковника Серафимова получили приказ отступить. Население, лишь неделю тому назад освобожденное болгарскими войсками и бурно переживавшее эту радость, впало в уныние. Жители хорошо знали, какая участь ждет их, если они останутся на территории, занятой врагом. Некоторые грузили в телеги свой скарб и уезжали, бросая оставшееся имущество на поток и разграбление врагу. Но большинство населения не могло уехать. И вот к полковнику обратились с мольбой женщины, старики, дети, целовали полы его плаща и заклинали всем святым не оставлять их без помощи и защиты. Полковник заколебался. С одной стороны, воинский долг требовал беспрекословного исполнения приказа об отступлении, а с другой — сердце болгарина не позволяло ему оставить на произвол судьбы людей и их имущество. И он решил рискнуть своей головой: если он выиграет бой, то спасет людей, а если проиграет — потеряет собственную голову. Полковник начал тонко рассчитанный маневр. Он расположил свою артиллерию так искусно, что после первых же залпов турки решили: против них действует не один полк, а целая армия. И начали отступать. А полковник продолжал ловко маневрировать, появляясь со своими отрядами то тут, то там, быстро перемещая артиллерию с места на место. Турки потеряли голову. И вдруг совершенно неожиданно в тылу турецких войск заревела труба и грянуло громовое болгарское «ура». Турецкие солдаты тотчас подняли руки и начали сдаваться. Таким образом полковник не только спас жителей села, но и взял в плен большую группу солдат противника и фактически решил исход боевых операций в пользу Болгарии. И доныне еще благодарное население Серафимова каждый год справляет поминки по павшим в этом бою воинам.

Впечатление от этого рассказа было потрясающее. С особенным волнением было выслушано описание ловких маневров полковника, имевших целью ввести в заблуждение турок. Затаив дыхание, слушали люди рассказ о том, как народ, целуя полы плаща полковника, умолял его о помощи. Надо, впрочем, сказать, что рассказчик рисовал все эти картины живо, наглядно, увлекательно и сам с трепетным волнением переживал это событие давно минувших дней — может быть, самое значительное событие в его жизни...

Миновав Серафимово, мы начали спускаться вниз по очень извилистой дороге, держа путь в самые глухие, непроходимые, пустынные дебри Родопов. Тут уж не увидишь ни одной деревушки, ни одной встречной машины, никаких стад. Одни лишь молчаливые холмы, покрытые буковыми лесами, да одинокие камни и унылые телеграфные столбы на дороге. Лишь изредка взрытые клочки земли да разбросанные там и сям материалы какой-нибудь изыскательской геологической экспедиции напоминают о том, что где-то, далеко отсюда, имеются города, селения, бьет ключом жизнь.

Внезапно на крутом повороте перед глазами развертывается самая неожиданная, самая невероятная, самая фантастическая картина — открывается вид на вполне современный город. Что это? Мираж, мелькнувший перед утомленным взором, игра воображения или подлинная действительность? Не жалкие хижины, крытые каменными плитами, не приютившаяся в долине деревня с церковкой или джамией * в центре, а подлинный город, пересекаемый широкой, полноводной рекой, воздвигнутый на равнине, опоясанной холмами и лесами! Город, не отмеченный еще ни на одной географической карте, но, однако же, город современного типа, с несколькими кварталами многоэтажных жилых домов и с рядами индивидуальных двухэтажных домиков. Здесь и огромные, широко раскинувшиеся заводские корпуса, и электростанция, и общественные учреждения, и управление рудниками. Намечено место для строительства стадиона, начертана карта будущих улиц и площадей города, который должен быть изрезан вдоль и поперек геометрически правильными линиями прямых, как стрелы, улиц.

Все четверо свадебных гуляк прильнули к окну.

— Рудозем!— крикнул молодожен.

— Наша квартира! Вон она, гляди! Вон в том большом белом корпусе! — ликующе воскликнула невестка.

— Где? Где? Тут все корпуса белые,— сказала молодица.

На каждом повороте город открывается взору с разных сторон, и перспектива становится все шире, все величественнее. Сверху, словно с низко парящего самолета, можно явственно разглядеть не только отдельные дома, но и людей, шагающих по улицам.

— Вон там Парк Свободы,— объясняет гармонист.

— Где? Тут никакого парка не видно,— волнуется молодица.

— Да его и нет еще. Будет. Вот на этом пустыре. А завод как тебе нравится? — спросил он с таким радостным волнением, точно бы он показывал свой собственный завод.

— Большой! Громадина! — восхищается молодица.

---

* Джамия — мечеть. Значительную часть населения Родопов составляют турки и помаки-болгары, далекие предки которых были насильственно обращены в магометанскую веру турецкими завоевателями.

Молодой супруг кладет руку на ее плечо.

— Наша квартира будет вон там, в другом квартале, где строятся индивидуальные домики. Нравится тебе?

— Очень. А что еще здесь строят? Как много домов строится!

— Новые жилые корпуса, больница, дом культуры, детский сад... родильный дом,— закончил он с улыбкой и потянул молодую жену к себе.

Она молча глядит широко открытыми глазами на город, в котором ей предстоит начать новую жизнь.

По главной улице Рудозема снуют толпы людей. С завода, со строек, с шоссейных дорог несутся грузовики. У моста перед красным корпусом заводского здания стоит автобус для перевозки в соседние села кончивших свою смену рабочих. Над заводом по проводам воздушной дороги проносятся вагонетки, разгружаются там и возвращаются обратно в далекие горы. На спортплощадке молодежь играет в волейбол.

Автобус остановился. Первыми выходят свадебные гуляки. Никола, высокий, осанистый шахтер из Бяла Слатины, вскидывает на плечи котомку и прощается с нами. Из моих попутчиков в машине остаются только сын бывшего богача Киров да парень, едущий в Бориево. Я знаю, что в Рудоземе гораздо легче найти ночлег, чем в Мадане, и все же продолжаю путешествие. Неприятно, конечно, оставаться ночью на улице, но надо пережить эту неприятность.

— Для чего едешь туда? — спрашивает меня Киров.— Тоже работу ищешь?

— Да! — недолго думая подтверждаю я, внезапно решив, что недурно бы и самому пережить радость человека, нашедшего работу, чтобы во всей полноте увидеть подлинное лицо Мадана.— Хочешь составить мне компанию?

— С удовольствием! — согласился тот.

Едем дальше.

* * *

Уже несколько лет в Родопском крае, как и по всей стране, разведывательные геологические отряды ищут богатства в недрах земли. Здесь приведены в действие огромные силы, под натиском которых люди, селения, вся природа, пережившие века неподвижности и полного застоя, претерпевают сложные изменения, быстро меняют свой облик и раскрывают глубоко таящиеся в них ценности и богатства.

Метко Османов из села Вырбины, Маданской околии, недавно еще работал шахтером, а теперь он — председатель окружного комитета профсоюзов Мадана. Когда Османову было десять лет, Среднегорцы, Бориево и Рудозем были еще обычными селами. Мадан также был типичной родопской деревней, населенной болгарами-магометанами. В этой деревне было лишь несколько десятков покривившихся избушек, построенных в незапамятные времена на горных кручах по обе стороны реки; избушки потемнели от времени, и между каменными плитами их крыш проросла трава.

Через реку перекинуто несколько мостиков с каменными сводами причудливой архитектуры. На единственной площади высилась джамия и широко раскинула свои ветви над чешмой густолиственная чинара; на этой же площади под тенью чинары местными владельцами кофеен были расставлены скамьи, на которых посетители пили кофе. Вокруг села — табачные поля, между избами — клочки земли, засеянные картофелем и кукурузой. Голые холмы без единого деревца. Палящий зной летом и лютый холод в зимнюю метель.

Маленький Метко, белокурый мальчонка с зелеными глазами, в широких шароварах и кафтанчике с широкими рукавами поверх грубой холщовой рубахи, жил в селе Вырбина в ветхой избушке отца на крутом обрыве. Кроме него у родителей был еще маленький сынок Раиф и только что родившаяся дочка Фатме. У них было семь декаров * земли, засеянных табаком, корова, осел. Перейдя в четвертое отделение местной начальной школы, Метко бросил ее и стал помогать родителям по хозяйству: пас корову и осла, работал в поле, резал и нанизывал на шпагат табак. Предоставленный самому себе, он вскоре забыл все, чему учился в школе, и не умел уже ни читать, ни писать.

В селе жил лавочник, копивший деньги и все время расширявший свою деятельность, арендуя у других землю. Семейство Османова жило в постоянной нищете. Продажей табака трудно было обеспечить себе даже хлеб насущный. И старик отдал мальчика Метко в услужение лавочнику. Метко с рассвета и до ночи работал у торговца в доме, в лавке, в поле и на огороде и за все свои труды получал десять левов в месяц. На эти деньги едва можно было купить две буханки черного хлеба.

А ходжа ** изо дня в день после захода солнца глядел на деревню с высоты минарета и громко взывал: «Будьте смиренны и не ропщите, правоверные!» По праздникам же он читал проповеди в джамии: «По божьему соизволению человек должен работать в поте лица на полях и в огороде; бог повелел, чтобы были богатые и бедные; богу угодно, чтобы люди безропотно переносили все страдания, ибо господь уготовил им блаженство в царстве своем на том свете».

Валясь с ног от усталости, Метко часто лежал в хлеву рядом с хозяйским ослом, слушая голос ходжи, и никак не мог понять своим детским умом: отчего же добрый, милосердный бог завел такие странные порядки на земле?

Как-то раз в 1942 году в деревню нахлынули полицейские, схватили всех молодых и наиболее здоровых людей и по-

* Декар — 0,1 *га*.

** Ходжа — магометанский священник.

слали на принудительную работу в Бориево.

Метко впервые услышал тогда, что в Бориеве открыт рудник, а в Средногорцах — фабрика. О Рудоземе и Мадане еще ничего не было слышно. Все представления не искушенного жизнью мальчика о руднике ассоциировались тогда с плеткой и кулаками стражников, и он с ужасом думал о работе на шахте. В скором времени многие насильно мобилизованные парни бежали с рудника и своими рассказами подтвердили все страхи, о которых наслышались раньше жители деревни. Ребята рассказывали, как трудна и опасна работа под землей.

С десяток мобилизованных мужчин все же задержалось на шахте и продолжало там работать, в их числе шутник и остряк Хамди. Временами он с котомкой на плече наведывался в родное село.

— Рабочему человеку всюду нелегко,— говорил он собравшимся в кофейне землякам.

В то время во всем Родопском горнорудном бассейне действовали только два немецко-болгарских предприятия. Они разрабатывали лишь два рудника и по воздушной дороге перебрасывали руду в Кырджали для переработки на фабрике. Тогда же новые рудные залежи были открыты каким-то инженером и писателем, за которыми были закреплены соответствующие площади для разработок. В течение многих лет они боролись за свою самостоятельность, оказывая героическое сопротивление хищным акулам, пытавшимся за бесценок скупить их участки, и выбивались из сил, чтобы на свои скудные средства построить предприятие по добыче руды. Они даже открыли в Средногорцах флотационную фабрику — деревянное здание, оборудованное устарелой техникой.

Однако как они, так и богатые капиталисты на деле как бы «ковыряли иголкой» в земле среди богатейших залежей руды и, естественно, добывали лишь горстки металла. Подлинные богатства недр оставались нетронутыми. Капиталисты, разумеется, меньше всего заботились о рабочих, об условиях их труда. Их прибыли в большей своей части основывались на обворовывании рабочих, на несоблюдении элементарных правил техники безопасности, на отсутствии всяких забот о создании нормальных условий труда.

Спустя несколько лет после 9 сентября 1944 года Хамди прикатил в родное село на грузовике. Тотчас же по селу разнеслась весть, что Хамди перевозит семью и все свои пожитки в Бориево. Он получил от управления рудников квартиру и переселяется туда навсегда. Это было неслыханно! Покинуть отцовский дом, родную среду, выставить свою правоверную жену и весь свой правоверный уклад мусульманина на показ чужим людям! Но умного Хамди, видимо, не очень-то смущали эти предрассудки, эти твердо укоренившиеся в быту пережитки старины, которые веками тяготели над сознанием болгарина-магометанина. Хамди уже давно не носит ни широких турецких шаровар, ни кафтана с широкими рукавами поверх грубой холщовой рубахи; на нем — ватные штаны и синяя блуза — спецовка. Вместо царвулей * — толстые резиновые туфли с ремешком и пуговицей. Он сбросил феску и нахлобучил на голову какой-то странный, невиданный в селе головной убор — синий берет. Весело улыбаясь, грузил он на машину свой домашний скарб. Всегда скупой на слова, он и на этот раз лишь коротко бросил:

— Начинается лучшая жизнь!

В селе, собственно говоря, еще до этого знали, что лучшая жизнь уже началась. Люфти, недавно еще последний бедняк, а теперь рабочий рудника, в один прекрасный день появился в селе и начал строить новый дом. Другой рабочий той же шахты Салю, глава многочисленной семьи, состоявшей из жены, четверых детей, отца и матери, на свои заработки не только сумел прокормить, одеть и обуть всю семью, но и привез строительный материал для нового дома.

В то же время люди рассказывали чудеса о той колоссальной работе, которая развернулась во всем Родопском крае. Если совсем еще недавно здесь было всего-навсего два рудника, то теперь повсюду открыты новые рудники с богатыми залежами цветных металлов, и, как в волшебной сказке, каким-то чудом вырастают новые фабрики, новые поселения. Отовсюду съезжается народ на работу. Такие села, как Бориево, Страшимир, Средногорцы, Мадан, Рудозем, перестали существовать, и на их месте возникли города невиданной красоты...

Вот Метко исполнилось шестнадцать лет. Он полюбил девушку первой юношеской любовью и спешит жениться. Но у него нет денег. И он с десятком юношей-земляков решает отправиться в Бориево на заработки. Мысли Метко просты: он поработает немного на шахте, скопит побольше денег и вернется домой, чтобы жениться и навсегда уже остаться в селе. Отец и мать всячески отговаривают его. Они свято верят всем россказням ходжи о рудниках и дрожат за судьбу своего сына. Отговаривает Метко и его юная невеста. Ее отец обещал после свадьбы дать им полоску земли и часть своего дома. Разве этого недостаточно, чтобы строить свою жизнь? Но Метко хорошо понимает, какую жизнь можно построить на маленьком клочке земли,— нищенская жизнь в доме отца многому его научила. Он по мере сил старается успокоить девушку и своих родителей и отправляется в путь.

В Бориево Метко на первых порах работает под землей как подсобный рабочий. Затем долгое время работает откатчи-

* Царвули — плетеная обувь из сыромятной кожи.

ком — толкает вагонетки из забоя, где они нагружаются рудой, в подъемник, откуда они возвращаются разгруженные, пустые. В руднике он встречает земляков, знакомится с новыми людьми. Свободные часы он проводит с ними в общежитии или в близлежащем селе. В первое время Метко частенько пересчитывает свои деньги, горя нетерпением поскорее собрать нужную сумму, чтобы можно было вернуться в село. Но деньги накапливаются гораздо медленнее, чем бы хотелось. А в сердце юноши между тем все большее место занимает дружба с новыми товарищами, с которыми он вместе живет и работает, все с большим увлечением втягивается он в работу. Он решает начать учиться заново. На эту мысль наталкивают его друзья, узнавшие, что он когда-то занимался в начальной школе, и настоятельно советующие ему восстановить свои знания. Его учителями становятся старый шахтер Дурев и рабочий Васил Петров Карастоянов. Они первые заговаривают с ним об РМС *, о партии.

Когда Метко восстановил свои школьные познания, его назначили на должность сигнальщика. Теперь он работает под землей на глубине ста метров у подъемника, который подымает вверх и спускает в шахту людей, вагонетки и инструменты. Тут часто бывает столько работы, что голова идет кругом. Бежит вагонетка за вагонеткой, и надо их быстро подымать и спускать; надо без задержек обслуживать рабочие смены, выходящие из шахты, и новые смены, приходящие на их место. Но бывают и довольно продолжительные минуты затишья, когда сигнальщику делать нечего. На сырой подземной площадке возле подъемника светится сигнальная доска и дежурная лампа, со стен каплет вода, откуда-то издалека, из подземных галерей, слышится визг компрессоров и скрежет вагонеток. В такие минуты Метко раскрывает какую-нибудь книжку, полученную от одного из своих учителей, и, сидя в стороне на куче рудничных стоек, принимается за чтение, интересуется новыми сведениями о жизни, о людях.

Проходит год за годом. Метко давно уже забыл, что пришел сюда временно на заработки, что главной мечтой его жизни было скопить побольше денег и вернуться в село на постоянное жительство. Он женился, и жена живет с ним здесь же, в небольшом домике, полученном от бориевского рудничного управления. Но не это семейное благополучие крепкими нитями привязывает Метко к работе. Конечно, как всякий живой человек, он стремится к лучшей, более зажиточной жизни и радуется всякому своему успеху на жизненном пути. Но то новое, что открылось молодому человеку как главный смысл человеческого труда, делает для него особенно привлекательной его работу, доставляет ему огромное удовлетворение. Метко уже член РМС, и на него возлагают работу по сбору членских взносов и распространению газеты «Труд». Он усердно выполняет все задания РМС. Его учитель, старый шахтер Дурев, очень доволен своим воспитанником. По его рекомендации Метко командируется на двухмесячные профсоюзные курсы в Димитрово *. По возвращении с курсов молодого человека переводят на наземную работу — он обслуживает машину, приводящую в движение подъемник. Тогда же его избирают в члены местного профкома.

Маленький пастушок из темного родопского села, познавший всю горечь беспросветной жизни бедняка, понял теперь все свои прежние заблуждения. С большой страстностью защищает он интересы бедняка, когда тот приходит на шахту, и одновременно старается расширить его кругозор, приобщить его к новому быту, к тому новому укладу, с которым он неизбежно должен столкнуться. Эта работа доставляет бывшему пастушку огромную радость, и он работает с любовью и упоением. В этом и состоит смысл его труда — не личное благополучие, а счастливая жизнь для всех тех, кто жил во мраке, нищете и невежестве.

В 1949 году рабочие Бориевских рудников избирают Метко председателем профкома, а в 1950 году его посылают на должность секретаря окружного комитета...

Джамия и несколько старых домишек до сих пор остались в Мадане. Стоит на месте и старая чинара и чешма с тремя кранами. Но Мадан уже не то бедное, заброшенное, глухое село, каким оно было еще не так давно. Здесь обнаружены богатейшие залежи руды, и Мадан включен в перспективный план разработки и использования родопских полиметаллических месторождений. Мадан преобразился. Он уже не похож на былое захудалое село. Но он все же еще не тот, каким должен быть в скором будущем!

Жилые корпуса, отдельные домики, деревянные бараки, рабочие столовые, павильоны, рестораны, фабрики, мосты, под которыми медленно течет загрязненная фабричными отбросами река,— все это представляется глазу беспорядочным нагромождением зданий и сооружений, ничем между собою не связанных, как не связаны между собою на первый взгляд и люди, каждый из которых работает как будто только для себя. Задуманный план будущего города можно лишь угадать, да и то с большим трудом, сквозь это нагромождение разнообразных строек, точно так же, как и взаимосвязь между людьми не

* РМС — Рабочий молодежный союз — прежнее, сохранившееся со времен революционного подполья наименование болгарского комсомола. Впоследствии РМС был переименован в ДСНМ — Димитровский союз народной молодежи.

* Димитрово (бывший Перник) — центр каменноугольной промышленности Болгарии.

так-то легко разглядеть сквозь кажущуюся их разрозненность.

Идем с комендантом «Горубсо» — так называется предприятие, объединяющее и руководящее с 1948 года всеми работами по изысканию, изучению и эксплуатации рудных залежей Родопского бассейна. Направляемся с площади на берегу реки к площадке № 25, где расположен квартал с деревянными домами. Ни улицы, ни дороги. Прыгаем через лужи и ямы, закрываем глаза, когда навстречу, блестя своими фарами, несутся грузовики, и отскакиваем в сторону, когда они налетают на нас сзади.

— Вот здесь будет дом культуры,— объясняет комендант, указывая пальцем на стройку за рекой.— А там — он делает жест в пустое пространство — будет Дом советов... Вон там будет раскинут Парк Свободы, а вот здесь, где мы шагаем, бульвар имени Г. Димитрова...

Комендант ясно видит будущий город. Он помнит то недавнее время, когда здесь против убогих сельских хижин и старенькой джамии был пустырь. И в течение короткого срока на этом месте, словно по мановению волшебной палочки, возникли огромные фабричные корпуса, здание рудничного управления, электроцентраль, больница, целые кварталы домов для рабочих, рестораны, кино, танцевальная площадка... А сколько новых зданий еще строится! Теперь и мне Мадан кажется другим — стройным шахтерским городом с ясными очертаниями, будущим центром Родопского горнорудного бассейна, центром новой жизни, которая создается здесь теперь.

Таков Мадан — город, много обещающий в грядущем, город, в будущее которого всякий горячо верит!

Уйдя в свою скорлупу, отгородившись ветхими стенами своих стареньких домишек и глухой стеной вековых предрассудков от новых веяний, кучка старожилов Родопского края осталась в стороне от бурно клокочущей жизни. В предутренних сумерках садится старый родопчанин на своего ослика, которого с робким понуканием подводит к нему закутанная в чадру жена, и отправляется в поле. Весь день копается на клочке сухой земли, засеянной табаком, либо окапывает кукурузу. К вечеру пригоняет домой утомленного осла и, сам изнемогая от усталости, с трудом садится за низенький столик. Поев мамалыги, он валится в своих грязных лохмотьях на рогожку. Во сне слышится ему грохот далекой фабрики и громкий говор скопившейся здесь людской массы; он внезапно пробуждается, ослепленный блеском фар, встревоженный песнями гуляющих шахтеров. В его душе зарождается какая-то смутная тревога. Его вера в справедливость и непогрешимость заведенного богом порядка поколеблена. Но годы, прожитые в невежестве и тьме, под гнетом диких предрассудков и суеверий, сделали его нерешительным, и он очень робко и медленно приобщается к новому.

И все же огромная часть местного населения, особенно молодежь, уже решительно стала на новый путь. Метко Османов не исключение. Из одного только его села Вырбины на руднике работает 160 человек. Вслед за прозорливым Хамди и старым опытным шахтером Дуревым, вслед за взрывщиком Ахмедом Бекировым на рудники, на флотационные фабрики, на строительство новых городов стекаются родопчане.

Переход от старого быта к новому — дело нелегкое. Сначала люди уходили сюда только на время, на заработки, а мысли их все время были дома, на ниве, в джамии, возле своего ослика и своей коровы. Часто они бросали работу и уезжали домой, чтобы посеять табак, окучить картофель, отпраздновать байрам. Но мало-помалу их отъезды в село становятся все более редкими, все регулярнее работают они на своем предприятии, повышают квалификацию, овладевают мастерством, увлекаются своей работой и даже становятся отличниками.

Али Мурадов Ходжов из села Жылтуши работает шахтером на руднике «Петровица» и уже восемь лет подряд является ударником. Здоровый, крепкий, выносливый, он упорно долбит породу и старается овладеть всеми тонкостями шахтерского мастерства. После поездки в Советский Союз он вместе с Махмедом Махмедовым Садыковым из села Вехтина работает в самом трудном забое — на прокладке вертикальной шахты. Успешно применяя советские методы, бригады обоих передовиков закончили работу досрочно — за три года вместо пяти лет по плану.

Фронт работ в Родопском бассейне растет и ширится с невероятной быстротой.

В прошлом открытие двух рудников не оказало никакого воздействия на жизнь родопчан и на развитие Родопского края. Теперь идет строительство двух современных городов, свыше пятнадцати старых, захудалых, жалких деревушек преобразованы в благоустроенные села. Вырос, поднялся на более высокую ступень исконный житель Родопов, вся жизнь населения этого края слилась со стремительным потоком новой жизни. И если учесть быстрые темпы работ, проводимых уверенно, по ясно начертанному плану, то можно себе представить, каково будет ближайшее будущее этого края! Стена вековых предрассудков, косности, застоя пробита. Этот прорыв в самом сердце Родопов нацелен на то, чтобы изменить облик селений, изменить самую природу и перестроить жизнь и быт людей, перед которыми открываются величайшие возможности.

Нет, не только перед населением Родопов — перед всей страной бурный рост Родопского горнорудного бассейна открывает колоссальные возможности!

* * *

...Вечером шагаю по улицам Рудозема. Различие между Маданом и Рудоземом

бросается в глаза. Мадан пока еще — кипучая стихия, город со смутными очертаниями, хотя задуман он в более крупном масштабе и размах строительства там гораздо шире. Рудозем производит впечатление большей завершенности и большего спокойствия. Да и природа здесь другая. Зеленая лента цветущих холмов опоясывает город, посреди которого течет полноводная река.

Тут все здания, все дома — новые, построенные несколько лет назад или еще строящиеся. Старый Рудозем, состоящий из нескольких ветхих домишек и широкого сводчатого каменного моста, приютился где-то далеко за рекой.

Кругом на холмах, куда ни кинешь глазом, работают геологические отряды. В Рудоземе уже действует один рудник, возвышающийся над флотационной фабрикой, но геологи обещают еще немало ценных находок.

Деревянные двухэтажные жилые дома на площади рассчитаны на две-три семьи каждый и очень удобны. В каждом доме имеется водопровод, канализация, электричество. Возле дома — площадка, на которой предполагается разбить маленький сквер. Квартал с большими жилыми корпусами расположен несколько ниже, под шоссе. У самого шоссе строится больница и новый жилой квартал. Рядом с фабрикой — электростанция и фабричное управление — большое трехэтажное здание.

На другой день я встал рано утром, чтобы успеть на автобус, отправляющийся в Пловдив...

Машина подымается вверх по направлению к Серафимову, и я снова оглядываю Рудозем с высоты. Солнце всходит из-за горы и осыпает золотом своих лучей красные стены фабрики и белые жилые кварталы. В новом городе забился живой пульс наступающего рабочего дня, кипучего, полного энергии, вносящего ликующие тона в тишину дремавшей веками величественной горы.

Дж. Бернал

Новые перспективы науки

Я очень рад, что имею возможность рассказать советским читателям об опасениях и надеждах ученых других стран и, в первую очередь, Англии. Именно сейчас следует подвести некоторые итоги, ибо никогда еще в научном мире не было такой атмосферы неопределенности и ожидания, в какой мы живем сегодня. Это объясняется частично печальным осознанием огромных возможностей науки в подготовке еще более разрушительных видов атомного оружия, а частично тем, что наконец-то, кажется, появляются некоторые признаки понимания грозящей человечеству опасности и делаются шаги к ослаблению напряженности и созданию условий для обеспечения прочного мира. Во всех странах люди начинают понимать, что наука не является каким-то украшением или чем-то таким, к чему можно обратиться лишь в редких случаях, что она стала существенной частью производства. Это уже очевидно не только в индустриальных, но и в слаборазвитых странах, которые все еще находятся под колониальным гнетом или только недавно от него избавились. Для вас, советских людей, это, конечно, не новость: использование науки в производстве было одним из основных факторов повышения технического уровня вашей страны до одного из самых высоких в мире. Масштабы ваших научно-исследовательских работ могут сейчас равняться с американскими и в несколько раз превосходят английские. Что касается широкого развития науки в Англии и Америке за последние двадцать лет, то это развитие было не результатом продуманной политики, а главным образом результатом требований войны. Да и сейчас наука используется для военных целей больше, чем для любых других. В связи с этим возник ряд проблем и трудностей; на некоторые из них вы в Советском Союзе уже нашли ответ. Я уверен, однако, что в развитии и использовании науки мы также имеем кое-какой опыт, и советским ученым будет весьма полезно познакомиться с ним.

Наша первая проблема возникает как прямое следствие расширения научных исследований, которые в Англии после войны увеличились в шесть раз по размерам затрат и в три раза по количеству занятых ими людей. Речь идет о проблеме подготовки кадров научных работников. Наша старая система образования строилась целиком на гуманитарной классической основе, и ее трудно было приспособить к требованиям нового века науки. Даже сейчас только около трети студентов высших учебных заведений изучают точные и естественные науки (в США — около одной десятой). А это означает, что лишь два процента английских юношей и ничтожное количество девушек имеют возможность серьезно заниматься наукой. Но и этот процент находится под угрозой уменьшения из-за нехватки преподавателей точных наук в средней школе, где этим наукам уделяется чрезвычайно мало внимания. Такое положение не мешает, конечно, появлению блестящих ученых, которые в конце концов были и тогда, когда вообще не существовало какого-либо научного образования в подлинном смысле этого слова. Но существующее положение приводит к недостатку в стране большой вспомогательной армии рядовых научных работников и технологов, что замедляет темп научного и технического прогресса. Для многих моих соотечественников результаты такого положения остаются неизвестными. Они полагаются на наши блестящие традиции технического мастерства, которые породили иллюзию, будто наука не так уж и нужна промышленности и сельскому хозяйству. Ваш опыт, известный мне по печатным источникам и по нескольким посещениям вашей страны, говорит о том, что для развития современной экономики и даже просто для обеспечения ее суще-

---

Профессор Дж. Бернал — видный английский ученый-физик и общественный деятель. Статья написана до Международной конференции по мирному использованию атомной энергии.

ствования необходимо, чтобы по крайней мере пять процентов молодежи занималось основными и прикладными точными и естественными науками. Я убежден, что именно внимание к подготовке научных кадров, а не создание новых водородных бомб обеспечит быстрое повышение уровня жизни и всестороннее развитие культуры.

Сейчас очень важно проникнуться сознанием того, что новые силы, которыми мы только еще начинаем овладевать, потребуют от нас не меньших, а гораздо больших теоретических и технических усилий, чтобы научиться ими управлять. Если такие усилия необходимы, когда целью развития новых сил науки является разрушение (а огромные затраты на производство бомб и отравляющих веществ служат тому доказательством), то они тем более необходимы, когда эти новые силы нужно направить на созидательные цели.

В первом случае все, что от нас требуется,— это высвободить большое количество энергии моментально и в ограниченном пространстве. Во втором случае та же энергия должна высвобождаться в разных местах и в течение длительного времени, причем мы должны уметь управлять освобожденной энергией и контролировать ее. А это гораздо более трудная проблема. Но именно она должна в скором времени непосредственно встать перед учеными всего мира, как она уже стоит перед советскими учеными. Мы должны быть готовы к тому, чтобы в ближайшие годы научиться пользоваться без опасности для себя и с максимумом эффективности почти беспредельным источником энергии, которую можно будет получить от медленной термоядерной реакции. И хотя для овладения этим источником энергии потребуется довольно много времени, у нас уже есть реально действующая сила — энергия, получаемая от тяжелых атомов урана и тория, которые безусловно пополнят существующие источники энергии — воду, уголь и нефть. Однако неограниченные запасы энергии — это лишь один из ценнейших даров, которые принесла человечеству современная наука. Другой дар — электроника, создавшая новые тончайшие и искуснейшие приборы, с помощью которых человек сможет управлять комплексными технологическими операциями.

Советский Союз был пионером автоматики и телемеханики; настало время самого широкого их использования. Изобилие энергии и управляемые машины в своей совокупности могут обеспечить равномерный поток продукции и неуклонный рост промышленного производства. И что еще важнее, они помогут избавить людей от тяжелых и неприятных видов труда и тем самым привести к осуществлению одной из основных предпосылок коммунизма — к сокращению рабочего дня. За этими двумя достижениями и частично опираясь на них лежит третья, буквально неограниченная возможность, заключающаяся в силе организованного научно-исследовательского труда.

Результаты научных исследований уже сейчас оказались достаточными, чтобы изменить весь облик современной жизни. Но это, очевидно, лишь капля по сравнению с морем новых сил, которые можно привести в действие, когда благодаря изобилию ядерной энергии человек освободится от материальных забот. Так, мы безусловно могли бы в очень короткие сроки добиться больших успехов в биологии и, особенно, в области сельского хозяйства и здравоохранения, попросту умножив масштабы исследовательских работ. Причем здесь необходимы не столько исследования с целью практического применения биологии, сколько исследования с целью проникновения в основы ее основ, изучение строения и жизнедеятельности клеток и более мелких живых частиц, митохондрии, пластидов или хромосом, находящихся внутри клеток. Эволюция, наследственность и вся теория возникновения жизни на Земле и на других планетах должны быть раскрыты с помощью хорошо обоснованных исследований, использующих все последние достижения физики и химии. Чтобы добиться этого, надо полностью изменить направление человеческих усилий в сторону изыскания новых методов, а не усовершенствования старых и испытанных. А для этого, в свою очередь, необходимо, чтобы все больший и больший процент молодежи занимался научно-исследовательской работой и развитием техники, а не простым производством. Вы это достаточно хорошо понимаете, но даже у вас, в Советском Союзе, этот процент должен быть поднят в ближайшие годы с 2—3 процентов до 10. Я уверен, что вы это сделаете и тем самым установите определенные темпы развития науки и промышленности, темпы применения научных открытий, которым для сохранения своего экономического положения будут вынуждены следовать и все остальные страны, даже если это потребует глубоких изменений их социальных систем. Будет недостаточным подготовить несколько десятков тысяч новых научных работников. Нужно будет, чтобы все трудящиеся понимали смысл проводимых исследований и принимали в них непосредственное участие. Новой, сложной, тонкой и быстро развивающейся техникой могут управлять только хорошо подготовленные люди. В такой обстановке продолжать использовать дешевую рабочую силу будет безумием. Поэтому поднятие уровня научно-технического образования всех рабочих становится необходимостью. Вы это осуществили в Советском Союзе, но этого очень трудно добиться в капиталистических странах.

Перспективы, открываемые новой технической революцией, очень соблазнительны для ученых. Мы все предпочитали бы думать и работать над проблемами применения науки в созидательных целях, в особенности над проблемами мирного исполь-

зования атомной энергии. Но если бы мы занимались только этим и ничем другим, мы бы лишь обманывали самих себя как ученые и вводили бы в заблуждение людей, верящих в благотворное применение науки. Видеть только хорошие стороны и не видеть плохих значит в конце концов поверить, что если мы не занимаемся плохими сторонами, то они вряд ли и существуют. Такая позиция лишь облегчает их рост, если наше внимание концентрируется на других вопросах. Пока не будет достигнуто соглашение о разоружении, бо́льшая часть атомной энергии будет и впредь направляться на военные цели. Ненасытные требования новых исследований и материалов для новых видов оружия являются реальными факторами, ограничивающими развитие исследований в области мирного использования атомной энергии, точно так же, как концентрация усилий на усовершенствовании радарных установок и управления на расстоянии полетами препятствует промышленному использованию электроники.

Английские ученые начинают осознавать эти противоречия, но в первую очередь они хотят добиться запрещения применения водородной бомбы. Они считают, что несут как ученые если даже и не прямую, то во всяком случае особую ответственность за производство этой бомбы. Кроме того, они могут лучше, чем большинство остальных членов общества, представить себе размеры угрожающей опасности. Это обстоятельство, а также тот факт, что для уничтожения Англии достаточно всего лишь нескольких бомб, вынудило многих наших ученых обратиться к действиям. Среди них следует отметить директора научно-исследовательского института рака профессора Хэддоу, который был поражен размерами радиоактивного отравления в результате взрывов водородных бомб, а также выдающегося ученого в области ядерной физики — профессора Ротблата, занимающегося исследованием воздействия радиации на живые организмы. Известный во всем мире философ Бертран Рассел также присоединил свой голос к голосу протеста английских ученых. Еще совсем недавно он был ярым сторонником «холодной войны», но то, что он узнал о разрушительной силе водородной бомбы, заставило его открыто выступить против возможности возникновения войны, которая привела бы к ее применению.

Активно выступают против водородной бомбы и организации ученых. Организация «Наука за мир», объединяющая сотни ученых, которые уже давно поняли опасность современной войны, выпускает брошюры и проводит собрания, подвергая реалистическому анализу опасности атомной войны и обсуждая возможные пути ее предотвращения и установления контроля над использованием атомной энергии. Ассоциация научных работников выступила против политики английского правительства, решившего начать изготовление водородной бомбы, и призвала возобновить усилия с целью добиться ее запрещения путем международного соглашения. Наиболее компетентная в вопросах атомной энергии организация — Ассоциация ученых-атомников, включающая почти всех выдающихся ученых, занимающихся атомной физикой, еще не высказала своего отношения в такой же решительной форме, но члены Ассоциации серьезно обсуждают вопрос об ответственности и обязанностях ученых в связи с производством атомного оружия и ищут пути для предотвращения его применения. В августе этого года созывается важная встреча ученых и политических деятелей, посвященная вопросам об опасности применения атомного оружия. Встречу организует «Всемирная ассоциация парламентских деятелей — сторонников всемирного правительства», почетным президентом которой является лорд Бойд Ор.

Все группы ученых и отдельные лица, которых заставила действовать угроза водородной бомбы, сходятся во мнении по основному вопросу: водородная бомба не должна никогда быть применена. Но в вопросе о том, какими средствами добиться этого, мнения расходятся. Некоторые видят выход в соглашении о запрещении всех средств массового уничтожения под строгим контролем и инспекцией в рамках общего значительного сокращения вооружений. Другие стоят за односторонний отказ Англии от производства такого оружия. Третьи находят, что запретить только ядерное оружие недостаточно. Они сомневаются в действенности запрещения этого оружия в случае возникновения войны и поэтому считают, что единственно возможным решением вопроса является запрещение самой войны, для чего, по их мнению, необходимо создание в какой-либо форме всемирного правительства. Два последних предложения из-за малой вероятности их осуществления рискуют отложить на неопределенное время всякое эффективное действие. Тем не менее многие ученые, придерживающиеся этих точек зрения, готовы, не отказываясь от своих идеалов, выступать за запрещение атомного оружия, рассматривая это как важный шаг к ослаблению международной напряженности.

Ученые начинают действовать и в международном масштабе. Всемирная федерация научных работников, куда входят наша Ассоциация научных работников и ваш профсоюз работников культуры, пытается сейчас организовать международную дискуссию компетентных ученых об опасностях атомной войны. В то же время во всех частях света: в Индии, Японии, Франции, Германии, в Соединенных Штатах предпринимаются шаги к созыву широкопредставительной конференции ученых, на которой они смогли бы высказать свое продуманное мнение и сделать полезные рекомендации.

Все это свидетельствует о глубокой встревоженности научного мира в связи с проводимыми испытаниями водородной бомбы, об осознании опасности, которую

наука принесла человечеству, и о необходимости совместной деятельности для предотвращения этой опасности. В настоящее время еще слишком рано говорить о том, будут ли успешными шаги, направленные на разоружение и запрещение атомного оружия, но благодаря последней инициативе Советского Союза перспективы снова стали обнадеживающими. (Имеются в виду предложения Советского правительства по вопросам сокращения вооружений, запрещения атомного оружия и устранения угрозы новой войны, внесенные 10 мая 1955 г. на рассмотрение подкомитета Комиссии ООН по разоружению. — *Прим. ред.)*

Однако потребуется предпринять еще большие усилия, в том числе усилия ученых, чтобы найти удовлетворительное решение вопроса. Добиваясь этой цели, ученые будут постоянно помнить о более оптимистических сторонах науки и о необходимости противопоставить ее созидательные достижения тем силам, которые сейчас направлены на подготовку войны.

Один побочный аспект науки — военный — служит мерилом, показывающим, сколько общество могло бы тратить на науку. В Англии и Америке сокращение расходов на военные нужды позволило бы сразу же удвоить масштабы научных работ в созидательных целях и открыло бы новые большие перспективы. Вы в Советском Союзе также могли бы обойтись без военных ассигнований, хотя бремя военных расходов у вас легче, чем у нас. В международном плане выигрыш был бы еще больше. Чем меньше уделяется внимания военной науке, тем меньше оснований для взаимного недоверия ученых различных стран, тем меньше секретности, тем меньше необходимости в мерах внутренней безопасности. Вместо этого возникли бы большие возможности для научного обмена, переписки и взаимных посещений. По своему, правда небогатому, опыту поездок в Советский Союз и Китай я знаю, как много дает такой обмен. Международное сотрудничество ученых совершенно необходимо, если мы хотим решить великие проблемы созидательной науки: проблемы энергии, механизации, продовольствия и здравоохранения. Теперь, когда все люди на земле начинают испытывать тягу к хорошей жизни, которая до сих пор была привилегией лишь немногих, решение этих проблем нельзя больше предоставлять случаю или отдельным лицам. Мы не можем находиться в бесконечном ожидании. Мы должны ради этого общего дела проявить героизм и готовность идти на жертвы, то есть те качества, которые в прошлом вызвала в нас война, но растратила их впустую.

Я уверен, что ученые смогут это сделать и сделают. И возможно, что сознание общей опасности послужит основой для их совместной деятельности, несмотря на различие мировоззрений и социальных систем. Мы, безусловно, имеем сейчас возможность положить конец разделению науки, которое только способствует увеличению опасности войны.

Лондон.

Александр Абуш

За единство немецкой культуры

После ратификации парижских соглашений борьба за единство немецкой культуры вступила в новую фазу. Парижские соглашения, способствующие возрождению милитаризма в Западной Германии и усугубляющие раскол страны, направлены непосредственно и против единства немецкой культуры. В противовес этому фактору действует другой — необычайно возросшее за последние полтора года в народных массах вообще и, в частности, среди западногерманских ученых, педагогов, писателей и художников стремление к демократическому и мирному воссоединению Германии, к укреплению культурных связей между обеими ее частями. Несмотря на предпринимаемые некоторыми кругами упорные попытки затормозить растущий обмен культурными делегациями между Германской Демократической Республикой и Федеральной Республикой, обмен этот превратился в поистине широкое движение. Усиление несоответствия между политическим курсом, связанным с парижскими соглашениями, и ростом движения за единство немецкой культуры в Западной Германии как раз и знаменует собой наступление новой фазы в идущей борьбе.

Новым стимулом в этой борьбе за единство немецкой культуры явилось обнародованное 25 ноября 1953 года правительством Германской Демократической Республики предложение о свободе распространения всех немецких книг, газет, кинофильмов и произведений искусства по всей Германии

Александр Абуш — немецкий литературовед, заместитель министра культуры ГДР.

с единственным ограничением: имеется в виду запрет распространять произведения, пропагандирующие войну и разжигающие ненависть между народами. Одновременно с этим был выдвинут проект создания общегерманского союза, куда вошли бы наиболее известные писатели-гуманисты, издатели, художники и ученые из Западной и Восточной Германии. Правительство Германской Демократической Республики выразило готовность считать для себя обязательными решения, принятые по вопросам культурного обмена таким союзом. Это предложение вызвало живейший отклик у многих деятелей культуры Западной Германии. Оно как нельзя более соответствовало их желанию, поскольку заветной их мечтой в это трудное время раскола страны является стремление хотя бы с помощью широкого культурного обмена между Западом и Востоком обеспечить сохранение единства немецкой культуры.

О глубоком впечатлении, произведенном предложением правительства ГДР, свидетельствует тот факт, что в январе 1954 года, во время Совещания министров иностранных дел четырех держав в Берлине, более двух тысяч западногерманских деятелей культуры подписали петицию с требованием мирного воссоединения Германии, установления взаимопонимания между Германской Демократической Республикой и Федеральной Республикой, быстрейшего заключения мирного договора с Германией. В последующие месяцы еще пять тысяч западногерманских профессоров, писателей, педагогов, врачей, художников, инженеров, артистов, учителей, священнослужителей, журналистов поставили свои подписи под той же петицией.

Новый мощный подъем движения в пользу единства немецкой культуры был отмечен в последующие месяцы. Этому способствовало создание 7 января 1954 года министерства культуры в Германской Демократической Республике. Новым в данном случае было то, что при создании министерства Совет министров Германской Демократической Республики предложил считать борьбу за единство немецкой культуры его первостепенной общенациональной задачей. Министром культуры был назначен выдающийся немецкий поэт Иоганнес Бехер.

Создание министерства культуры ГДР и проводимое им тесное сотрудничество со всеми деятелями культуры в Германской Демократической Республике и во всей Германии привлекли живейшее внимание и вызвали оживленные дискуссии в Федеральной Республике. Когда же министерство культуры в марте 1954 года опубликовало программное заявление «В защиту единства немецкой культуры» и внесло конкретные практические предложения по вопросу о культурном сотрудничестве между Западом и Востоком, многочисленные западногерманские газеты писали о «культурном наступлении Германской Демократической Республики». Деятельность министерства явилась новым фактором во всей политике, проводимой в области культуры: впервые было создано центральное германское министерство культуры, которое не только опубликовало программу достижения единства немецкой культуры, но и обязалось руководствоваться этой программой на практике. Министерство призвало всех деятелей культуры Германии вносить свои предложения, направленные на осуществление тесного взаимного сотрудничества.

Программное заявление «В защиту единства немецкой культуры» содержало множество предложений, совпадавших или схожих с теми, какие в свое время были уже сформулированы западногерманскими деятелями культуры. Некоторые из этих предложений были, например, выдвинуты для обсуждения на общегерманской встрече деятелей культуры в Байрейте, созванной в октябре 1952 года, но за несколько часов до открытия запрещенной полицией. Вполне естественно поэтому, что на состоявшихся впоследствии общегерманских встречах деятелей культуры — «Немецкой встрече» в Берлине (ноябрь 1954 года) и позже во время «Дня немецкой культуры» в Гейдельберг-Шветцингене (апрель 1955 года) — представители интеллигенции из Федеральной Республики и Германской Демократической Республики выразили свое согласие с провозглашенными в программе министерства культуры предложениями. Именно эти встречи, на которых присутствовали многие деятели культуры Западной Германии, придерживающиеся самых различных политических взглядов, показали, что в программном заявлении министерства культуры ГДР четко сформулированы также и их мысли и чувства. Содержание этого заявления было поставлено на массовое обсуждение немецкой интеллигенции. Оно обсуждалось при участии министра культуры Иоганнеса Р. Бехера и сотрудников министерства на съезде представителей евангелической церкви в Лейпциге, состоявшемся в июле 1954 года. Свою точку зрения высказали также представители интеллигенции Западного Берлина на проходивших подчас весьма бурно дискуссиях, состоявшихся как в прошлом, так и в этом году. Основные положения программного заявления успешно отстаивались на многочисленных собраниях представителями демократических кругов, отражавшими нападки врагов единства немецкой культуры.

Все эти весьма важные события в области борьбы за единство немецкой культуры неразрывно связаны с неуклонным расширением практического обмена культурными делегациями между ГДР и Западной Германией, наблюдающимся за последний год благодаря усилиям и поддержке министерства культуры ГДР.

Ныне уже может идти речь о действительно широком культурном обмене, особенно в области литературы и искусства. Если говорить о театре, то в этом обмене приняли участие коллективы Штуттгарта, Мангейма, Галле, Касселя, Нюрнберга,

Шверина, Ростока, Гамбурга, Эйзенаха и Лейпцига. Следует отметить также тесное сотрудничество мастеров народного искусства, выражающееся в форме фестивалей, регулярного ознакомления с творческими замыслами и т. д. Так, в Рудольфштадте недавно — с 24 по 26 июня 1955 года — проходил «Фестиваль танца». Он проводился совместно с западногерманскими ансамблями. А осенью этого года в Вартбурге должен состояться общегерманский праздник песни. В нем ожидается участие двадцати тысяч певцов из Западной Германии. В области музыкального искусства активный культурный обмен происходит в форме поездок целых оркестров и хоров, гастролей известных артистов, а также путем совместно проводимых «Дней немецкой музыки» в Веймаре, дней чествования Баха в Лейпциге, организации фестиваля имени Генделя в Галле, совместного издания классических произведений Баха и Генделя.

В области изобразительного искусства также отмечается некоторое оживление. Оно выразилось, например, в том, что несколько видных западногерманских художников приняли участие в традиционной весенней выставке немецкой Академии искусств в Берлине. Но особенно ярко проявляется оно в росте реалистических тенденций, который наблюдается сейчас в творчестве мастеров изобразительного искусства Западной Германии.

Между университетами и другими высшими учебными заведениями, между библиотеками, как и на других участках культурного строительства, за последний год также отмечается все более крепнущее сотрудничество.

Теснее становятся и литературные связи. Произведения таких выдающихся писателей-гуманистов, как Томас Манн и Леонард Франк, выходят в Германской Демократической Республике в лучших изданиях и бо́льшими тиражами, чем в Западной Германии; помимо этого в течение последнего года ряду других западногерманских писателей предоставлена возможность издавать свои книги в ГДР. При этом, разумеется, особое предпочтение оказывается тем писателям, чьи произведения носят прогрессивный характер, хотя их авторы и не являются марксистами. Широкому обсуждению в печати Германской Демократической Республики подверглись книги таких западногерманских писателей, как Ганс Гельмут Кирст, Карл Людвиг Опитц, Герд Ледиг и Герберт Отто. В произведениях этих литераторов хотя и не совсем еще ясно, а порою и вовсе незрело, но все же отражено их несогласие с политикой возрождения германского милитаризма и империализма. Отношение литераторов Германской Демократической Республики к появлению этих новых антиимпериалистических, до известной степени реалистических тенденций в литературе Западной Германии явится одним из важных вопросов, который подвергнется обсуждению на предстоящем в ноябре 1955 года в Берлине съезде писателей, где будет проведена дискуссия о современных путях развития реалистической немецкой национальной литературы.

Борьба за единство немецкой культуры ознаменовалась в прошлом году рядом успехов в области литературы. Это проходившие в Вартбурге первая и вторая совместные встречи писателей обеих частей Германии, где состоялся плодотворный обмен мнениями и были приняты решения, проникнутые духом примирения и взаимопонимания. Крупнейшим событием в той же области стали всегерманские юбилейные шиллеровские торжества, проведенные в Веймаре. Они объединили бо́льшее чем когда-либо до того число писателей, поэтов, литературоведов из Западной Германии с их собратьями по перу из Германской Демократической Республики. Торжества в Веймаре произвели столь большое впечатление, что даже ряд западногерманских газет вынужден был признать подлинно общенациональный и интернациональный характер этих празднеств в честь Шиллера.

Укрепление взаимных культурных связей сказывается не только при решении литературных проблем сегодняшнего дня, но и в возрождении национальных гуманистических традиций классической литературы.

Таков беглый и, конечно, отрывочный, неполный обзор, посвященный росту культурного обмена, который можно было бы дополнить многочисленными примерами из области науки, а также деятельности германских университетов. Значение содержащихся в этом обзоре фактов удастся оценить по достоинству, если учесть следующее дополнительное обстоятельство: новым в этом процессе укрепления культурных связей, под знаком которого прошли последние полтора года, является и то, что интеллигенция Западной Германии получает возможность правдивого ознакомления с поистине историческими достижениями Германской Демократической Республики в области культуры.

Где бы ни встречались деятели культуры из обеих частей Германии, где бы они ни получали возможность свободного обмена мнениями, всюду ложное и бессмысленное представление о положении в ГДР, которое свойственно еще части населения Западной Германии, рассеивается и — более того — заменяется совершенно противоположным: люди постигают правду.

Деятели культуры и науки из Западной Германии с удивлением узнают о том, как велики в ГДР творческие возможности науки в целом и ее представителей, принимающих участие в строительстве социализма, насколько серьезно ведется борьба за повышение качества и мастерство в литературе, как заботливо воспитывается в Германской Демократической Республике новая смена во всех областях духовной жизни.

Осенью 1954 года было опубликовано второе программное заявление министер-

ства культуры ГДР о плане развития народной культуры; в нем были представлены заманчиво смелые перспективы, претворение которых в жизнь должно завершиться во второй пятилетке, оканчивающейся в 1960 году. Факты, приведенные в этом заявлении, стали известны во всей Германии, они помогли многое прояснить в умах интеллигенции западной части страны. Отнюдь не преувеличивая значения этого события, нельзя все же не отметить, что оно способствовало важным переменам, знаменовавшим продвижение вперед.

Борьба за единство немецкой культуры, как и борьба за единство Германии вообще, является длительной, упорной, многообразной, она ведется в различных формах во всех областях культурной жизни. Для Германской Демократической Республики решающее значение имеет тот факт, что создаваемые там произведения искусства и литературы, как и вся сумма творческих достижений вообще, имеют общегерманское значение; они служат примером для всей страны и, таким образом, практически помогают осуществлению гуманистической роли культуры и борьбе против тенденций буржуазного декаданса, против человеконенавистнической империалистической «культуры».

Выполнение такой задачи требует чрезвычайных усилий, постоянной заботы о развитии критики и самокритики, поддержания настоящей творческой атмосферы, неуклонного стремления к процветанию реалистического немецкого искусства и литературы с многогранной, отвечающей всему богатству жизни тематикой и разнообразием формы, стремления к искусству и литературе, проникнутым идеями мира, демократии и социализма.

Чем успешнее выполняется эта задача в Германской Демократической Республике, тем действеннее становится также и борьба за единство немецкой культуры, проводимая под знаменем подлинного гуманизма.

Те самые реакционные круги, которые на все практические предложения о защите единства немецкой культуры в прошлые годы отвечали лишь воплями о «культурном наступлении со стороны Германской Демократической Республики», ныне, после ратификации парижских соглашений, перешли к более активным методам противодействия всем, кто борется за это единство.

Если, однако, принять во внимание изложенные выше факты, то станет ясным, что для этих реакционных кругов попросту уже невозможно более придерживаться прежней политики официального запрета культурного обмена между ГДР и Западной Германией. Вот почему теперь эти круги применяют несколько иную тактику: они официально требуют «аполитичного» культурного обмена и категорически настаивают на том, чтобы в нем не принимали участия некоторые демократические организации, в частности,— СЕПГ.

Смысл этого маневра сводится к следующему: прикрываясь туманными рассуждениями о намерении бороться за единство культуры, попрежнему действовать в духе той политики, какая лежит в основе парижских соглашений.

Требование о неучастии в культурном обмене демократических организаций означает не что иное, как борьбу против всех подлинно демократических сил, выступающих за национальные традиции немецкой культуры и содействующих дальнейшему ее развитию в духе нашей эпохи; борьба против этих сил ведется потому, что они стоят за культурный обмен, построенный на подлинно гуманистических, миролюбивых началах, а это не может не противодействовать целям парижских соглашений.

Назначение агрессивных методов политики в области культуры и всех маневров вокруг так называемого «аполитичного» культурного обмена сводится к тому, чтобы превратить этот обмен в орудие, направленное против интересов Германской Демократической Республики, против успехов, достигнутых ею во всех областях культурной жизни. Для этого и создана специальная организация, инспирируемая и финансируемая реакционными кругами монополистического капитала. Мы имеем в виду так называемый «Кураториум Неделимая Германия». На состоявшемся 11 и 12 июня собрании этой организации было принято решение распространить проводимую ею борьбу против воссоединения Германии на миролюбивой демократической основе также и на все области культуры.

Но реакционеры располагают сейчас весьма и весьма ограниченными возможностями для маневрирования в данном отношении: слишком быстро обнаруживается расхождение между их словами и делами. Таким образом, становятся очевидными и их действительные намерения. Так, например, когда в апреле 1955 года в Берлине собрались на конференцию министры культов западногерманских земель, им был сделан министром культуры, министром народного просвещения и государственным секретарем по вопросам высшего образования ГДР ряд совершенно обычных, понятных всякому немцу предложений, предусматривающих укрепление совместной деятельности Запада и Востока в области культуры. Западногерманские министры отклонили эти конкретные предложения.

Осенью 1954 года юбилейный комитет Шиллеровского общества в Штуттгарт-Марбахе высказался за проведение совместного национального торжества. Но он подвергся впоследствии столь сильному нажиму со стороны всей реакции, что был вынужден отказаться от своего предложения. Такие откровенно агрессивные действия, направленные против единства немецкой культуры, наглядно показывают всей германской интеллигенции, в чем истинное назначение комедии, разыгрываемой реакционными кругами.

И все же опыт последних полутора лет неопровержимо свидетельствует о том, что всяческие маневры реакционных кругов вокруг так называемого «аполитичного» обмена в конечном счете обернутся против тех, кто эту игру ведет. Борьба за единство культуры получает новый стимул. В нее включаются все новые и новые представители западногерманской интеллигенции, чувствующие себя неразрывно связанными с деятелями культуры Германской Демократической Республики на почве защиты гуманистического характера культуры немецкого народа, на почве сопротивления возрождению ненавистного также и для них германского империализма.

Следовательно, предпринимаемые реакционерами новые маневры являются не результатом силы, а свидетельством бессилия. Развитие внутреннего положения Германии заставило их прибегнуть к таким маневрам. Что касается ослабления международной напряженности, вызванного мирной политикой Советского Союза, то оно еще более подорвало позиции непримиримых раскольников немецкой культуры. Интеллигенция Западной Германии ощущает себя в авангарде борьбы за ослабление международной напряженности. Это ощущение особенно усилилось и окрепло теперь, после того, как правительство Советского Союза предложило установить дипломатические отношения с правительством Западной Германии. Усилилось потому, что западногерманская интеллигенция борется за установление тесных связей между Востоком и Западом, за единство немецкой культуры. Те же круги западногерманской интеллигенции выступают, естественно, и за установление культурных и политических отношений между Германской Федеральной Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик, находя активную поддержку у части западногерманских капиталистов, заинтересованных в нормальных экономических отношениях с СССР.

Так одно влечет за собой другое: ослабление международной напряженности содействует успешной борьбе за единство немецкой культуры; борьба за единство немецкой культуры, как и вообще борьба за мирное демократическое воссоединение Германии, является, в свою очередь, существенным вкладом в дело ослабления международной напряженности, а, следовательно, и в дело укрепления мира во всем мире.

Берлин.

ЛАУРЕАТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕМИЙ МИРА

Э. Араб-Оглы

Жозуэ де Кастро

На северо-востоке Бразилии находятся сертаны — расположенная на плоскогорье засушливая область тропических степей. Это один из наиболее обездоленных районов страны. Каменистая малоплодородная земля, которая к тому же часто принадлежит помещику, скупо вознаграждает тяжелый труд крестьянина. Даже в хорошие годы жители сертан с трудом сводят концы с концами.

Тысячи истощенных людей устремляются в поисках работы и пищи в прибрежные города и на юг страны, и тогда на дорогах звучит страшная песня:

Идем навстречу
тридцати тысячам болезней —
простуде, водянке,
которых никто не избежит.
Те, кто идет в долины,
умирают от болезней;
те, кто остается в сертанах,
умирают от голода.

В этом районе страны, в городе Ресифе, столице штата Пернамбуку, родился в 1908 году будущий борец против голода и нищеты, поборник социальной справедливости Жозуэ де Кастро.

Безотрадные картины человеческого горя были с детства знакомы де Кастро, и, движимый чувством служения народу, он после окончания гимназии в родном городе решил стать врачом. Профессия врача, исцелителя человека, — одно из самых благородных и гуманных поприщ деятельности, особенно в такой стране, как Бразилия, где один врач приходится на три тысячи жителей и где детская смертность, смертность от туберкулеза, малярии и других инфекционных болезней чуть ли не высшая в мире. Но молодой врач очень скоро убедился, что медицина бессильна там, где самое необходимое для здоровья человека — пища недоступна людям. Это стало для него совершенно ясно во время страшного голода 1932 года, когда «трупы умерших от голода усеивали обочины дорог от самых сертан до моря», а по этим дорогам

отчаяния брели бесконечные вереницы мужчин, женщин и детей, «обезображенных болезнями, лишенных мышц, с костями, обтянутыми кожей».

В своих многочисленных книгах и статьях, в лекциях и докладах Жозуэ де Кастро привлекает внимание общественности к проблеме голода и обличает лицемерие привилегированного меньшинства общества.

Имя молодого и страстного профессора физиологии Ресифского университета, а с 1936 года профессора антропологии университета в Рио-де-Жанейро получает широкую известность не только в Бразилии, но и за ее пределами.

Но империалистическим правительствам было не до борьбы с голодом, их помыслы были целиком поглощены подготовкой к надвигающейся войне. «Пушки вместо

масла!» — этот предельно выразительный лозунг лежал в основе политики империалистических держав, и его приветствовали финансисты и предприниматели, которые заранее подсчитывали свои прибыли от военного бума. Они ничего не имели против голода как весьма действенного оружия в борьбе со своими конкурентами и как средства обогащения при взвинчивании цен на продовольствие.

Развязанная империалистами вторая мировая война обрушила на человечество неисчислимые бедствия и страдания. К миллионам погибших на полях сражений присоединились миллионы умерших голодной смертью, к десяткам миллионов раненых — десятки миллионов потерявших здоровье от недоедания. Война обострила продовольственную проблему во всем мире. Свободолюбивые народы, поднявшиеся на борьбу против фашизма, сражались одновременно и против голода.

В эти годы Жозуэ де Кастро усиленно занимается исследованием продовольственных вопросов в руководимом им Бразильском институте питания. Он настойчиво занимается проблемами физиологии питания человека, сельского хозяйства, экономическими и социальными вопросами производства и распределения продовольствия в различных странах. В те же годы он изучает произведения К. Маркса. Де Кастро начинает работать над многотомным трудом «География голода», в котором предполагает воссоздать картину продовольственного положения во всем мире, вскрыть причины голода.

Когда в 1946 году вышел в свет первый том этого исследования — «Голод в Бразилии», мир переживал состояние хозяйственной разрухи, мировое производство продовольствия находилось на самом низком уровне за последние полвека. Голод свирепствовал в ограбленной гитлеровцами Европе, на опустошенном войной Дальнем Востоке, в закабаленных колонизаторами Индии, Африке и Латинской Америке. Сначала делегат Бразилии, а вслед затем и председатель Исполнительного комитета Организации ООН по вопросам продовольствия и сельского хозяйства (ФАО), Жозуэ де Кастро принимает самое активное участие в борьбе с голодом и как ученый и как общественный деятель. Он посещает на трех континентах районы наиболее острого голода, организует сбор информации и руководит работой специальных комиссий по изучению продовольственного положения и помощи голодающим, созданных ФАО для различных районов мира. Он резко осуждает те круги, которые стремились использовать поставки продовольствия нуждающимся странам в своих политических целях. Он приветствует успехи стран народной демократии в проведении аграрных реформ, разрешении продовольственных трудностей и подъеме уровня жизни трудящихся. Он выступает с гневной и уничтожающей отповедью человеконенавистнической пропаганде неомальтузианцев, пытавшихся спекулировать на голоде и нищете, от которых страдает человечество. В печати появляются статьи де Кастро, в которых бразильский ученый убедительно вскрывает несостоятельность утверждений последователей Мальтуса о мнимой «неустранимости» и «естественности» голода и нищеты трудящихся и показывает реальную возможность для человечества, опираясь на достижения науки и техники, обеспечить обилие продуктов питания. «Мы оптимисты,— заявляет он,— ...человечество, несомненно, одержит трудную победу над голодом — победу, имеющую важнейшее значение для общественной стабильности всех групп населения».

В условиях резкого обострения политической и идеологической борьбы вокруг социальных проблем, в том числе и голода, Жозуэ де Кастро не мог отделить своей общественной деятельности от научной работы. Он отказывается от первоначального плана исследования проявлений голода по континентам, рассчитанного на много томов, а главное — на много лет, отдает все силы и энергию его быстрейшему завершению и в 1952 году публикует книгу «География голода».

Говорят, что ученый должен быть бесстрастен. Беспристрастен, да. Но как может оставаться бесстрастным наблюдателем человеческих бедствий ученый, человек, посвятивший свою жизнь и свои знания борьбе против социальной несправедливости! «География голода» явилась документом колоссальной обличительной силы против голода, порожденного хищнической эксплуатацией и природы и человека ради обогащения кучки монополистов. Эта книга сочетает в себе глубокое научное исследование, подводящее итог двадцатилетней работы, и публицистическую страстность, объяснение которой дает сам автор: «Если порой кажется, что я рисую довольно мрачную картину — а моя книга сама по себе является хроникой бедствий,— то пусть читатель знает, что это результат работы в той тяжелой атмосфере, в которой мир живет последние десять лет. Воздух, которым мы дышим, насыщен ядом разложения, разочарованием и страхом; нас душили дымом бомб и снарядов, нас давили цензурой, и наши голоса тонули в ропоте жертв войны и стонах голодающих».

Опираясь на огромный фактический материал, Жозуэ де Кастро нарисовал в своей книге потрясающую картину голодного существования трудящихся во многих странах Америки, Азии, Европы и Африки. Разоблачая мальтузианцев, де Кастро отмечал, что они цепляются «за лживую идею, будто экономическая жизнь — это своеобразная игра, в которой одни должны неизменно проигрывать, чтобы обеспечить выигрыш другим. Борьба за благосостояние людей должна начаться с разоблачения этой несостоятельной концепции; экономическая наука должна стать инструментом равномерного распределения даров земли, наукой, которую бы уже никогда не

называли «наукой о человеческой нищете». Во власти человека устранить как войну, так и голод — этот основной тезис де Кастро проводит через всю свою книгу. Он подробно рассматривает безграничные перспективы увеличения производства продовольствия путем расширения посевных площадей и роста урожайности. Ссылаясь на успехи сельского хозяйства СССР и ряда других стран, бразильский ученый заключает: «Сейчас, когда на месте снежных пустынь и непроходимых джунглей возникают фруктовые сады и огороды, когда земли, которые мы обрабатываем, и растения, которые мы выращиваем, умножают свою урожайность, когда мы только учимся тому, как использовать неисчерпаемые ресурсы морей, дикой флоры и химического синтеза, мальтузианцы продолжают запугивать нас своими зловещими пророчествами. Но что нам до них, раз у нас нет оснований их бояться». И недалеко то время, когда не география голода, а география изобилия, которого только и достоин человек, станет единственной полноправной географией земного шара.

«География голода» была переведена на все важнейшие языки мира. Злобные нападки, которым подверглись и автор и его книга в реакционной печати, свидетельствовали о том, что задача, поставленная перед собой де Кастро, достигла цели: виновники голода и нищеты трудящихся масс были пригвождены к позорному столбу. И вместе с тем, что может быть дороже для ученого, чем сознание полезности своего труда для народа и всеобщая признательность прогрессивного человечества, которую Жозуэ де Кастро приобрел своей неутомимой и последовательной борьбой против голода, против социальной несправедливости.

Эта борьба привела выдающегося бразильского ученого в лагерь сторонников мира. Весь опыт ученого и многолетняя общественная деятельность убедили его в том, что только прочный и справедливый мир между народами может создать условия для устранения нищеты. Природа таит в себе неисчерпаемые богатства, которые современная наука и техника могут поставить на службу человечеству.

В своем докладе, присланном им в 1954 году в адрес Международной конференции по ослаблению напряженности в международных отношениях, Жозуэ де Кастро подчеркивал необходимость ликвидации экономической отсталости колониальных и зависимых стран, ограбленных империалистами, и оказания экономической, финансовой и технической помощи их народам, отстаивающим свою национальную независимость. «Сознание существующего в мире экономического и социального неравенства вместе с правильным пониманием того, какие силы это неравенство создают и поддерживают, представляет собой главную двигательную силу пробуждения национального чувства, восстаний и войн за экономическое освобождение — этих самых бурных форм происходящей на наших глазах социальной революции. Так называемые отсталые народы уже поняли, в каком глубоком противоречии находятся моральные принципы равенства, братства и человечности, провозглашаемые и проповедуемые апостолами христианской цивилизации Запада, с бесстыдной и циничной погоней за прибылями капиталистических групп, властвующих над высокоразвитыми капиталистическими странами».

Несправедливо, заявляет де Кастро, чтобы народы колоний и зависимых стран влачили голодное существование ради обогащения монополистов империалистических стран. Несправедливо, когда трудящееся большинство человечества, создающее своим трудом все материальные блага, прозябает в нищете, тогда как паразитическая кучка эксплуататоров захлебывается в роскоши. Надо изготовлять не танки, а трактора, строить не военные базы, а гидроирригационные сооружения, производить не взрывчатые вещества, а минеральные удобрения, воспитывать не будущих убийц, а агрономов! Надо, чтобы атомная энергия служила не войне, а миру!

«Мы переживаем в настоящее время решающий час, — пишет Жозуэ де Кастро.— На весы положены хлеб и золото, мир и война. Для меня выбор бесспорен, и я говорю людям: либо мы дадим хлеб голодным и спасем наш мир, либо все то золото, которое мы накопили ценой голода и нищеты двух третей человечества, падет на наши головы и раздавит нас».

Обращаясь к ученым и политическим деятелям, рабочим и крестьянам, Жозуэ де Кастро призывает их отдать все силы делу мира, чтобы приблизить время, когда будет одержана решающая победа над голодом и нищетой. «Много говорят о том, что земля должна служить человеку. Но нужно сделать так, чтобы она действительно принадлежала людям, всем людям,— заявляет он в журнале «В защиту мира».— Должно, наконец, проснуться сознание того, что пора, когда бедняки вынуждены довольствоваться лишь благами царства небесного, тогда как всеми благами царства земного пользуются одни богатые, безвозвратно канет в вечность».

Присуждение Всемирным Советом Мира выдающемуся бразильскому ученому и общественному деятелю Международной премии мира является новым свидетельством непоколебимой решимости прогрессивного человечества отстоять мир и навсегда покончить с голодом и нищетой трудящихся масс.

И. Самойлов

По страницам журнала „Прит-Лари"

Крепнущая дружба народов Советского Союза и Индии — одно из знаменательных явлений наших дней. Происходит замечательный процесс глубокого знакомства советских людей с индийской культурой, искусством и литературой. За последние годы в Советском Союзе опубликован целый ряд произведений как индийских классиков, так и представителей современной литературы индийских народов. Совсем недавно вышел сборник рассказов великого индийского писателя, публициста и философа Рабиндраната Тагора. Началось издание восьмитомного собрания сочинений Тагора. Отдельной книгой переиздано творение замечательного индийского драматурга пятого века Калидасы — «Сакунтала». Советские читатели познакомились с прозой Мулка Раджа Ананда, Кришана Чандара и Бхабани Бхаттачария, с поэзией Валлаткола и Харинdраната Чаттопадхайя.

Своеобразная и богатая литература Индии становится достоянием постоянно растущего круга советских читателей.

Если и в прошлом наша страна славилась глубоким изучением истории и культуры Индии, то в настоящее время советские люди получают новую возможность еще глубже познакомиться с различными сторонами жизни индийского народа.

Этим мы обязаны прогрессивным писателям современной Индии. Выходцы из народа, они, каждый на своем языке, рисуют огромное реалистическое полотно разноликой и многоязычной Индии. Они хорошо знают нужды народа, его заботы, его гнев и его мечты. О чем бы они ни писали, несмотря на известное различие в их взглядах и убеждениях, они пишут о народе и для народа.

Одним из интереснх изданий прогрессивной индийской литературы является пенджабский журнал «Прит-Лари» («Нить любви»), издающийся в городе Притнагаре, в штате Восточный Пенджаб.

Пенджаб — район Пятиречья, один из очагов национально-освободительного движения в Индии. Здесь больше, чем в некоторых других местах Индостана, проявились социальные, религиозные, кастовые и другие противоречия индийской жизни. Прогрессивная литература Пенджаба не проходит мимо острых проблем современности и неизменно верна демократическому общественному идеалу.

Пенджабские поэты (конца XIX — начала XX века) — Бхаи Вир Сингх, Пуран Сингх, Кирпа Сагар и другие писали стихи, далекие от жизни народа. Их занимали этическо-моральные темы и отвлеченные абстракции. На смену им пришли писатели — борцы за счастье народа — И. Нанда, Джошуа Фазалдин, Нанак Сингх.

К тридцатым годам относится начало деятельности Гурбакша Сингха и Мохана Сингха. В начале второй мировой войны в литературу Пенджаба пришло новое поколение: прозаики Сант Сингх Секхон, Картар Сингх Дуггал, Сариндар Сингх Нирала, Суджан Сингх, Навтедж Сингх, Кулвант Сингх Вирк; поэты Амрита Притам, Шила Бхатиа, Пиара Сингх Сахраи, Даршан Сингх Авара; драматурги Балавант Гарги, Харчаран Сингх и другие. Необходимо указать и на известного советскому читателю Мулка Раджа Ананда. М. Р. Ананд пишет по-английски, но он пенджабец, и в его произведениях ярко отражена жизнь народа.

Борьба с колонизаторами, выступление прогрессивных сил против фашизма, движение в защиту мира — вот что помогло идеологическому становлению молодой плеяды демократических пенджабских писателей. В числе лучших произведений, созданных ими в этот период, следует назвать драмы Балаванта Гарги «Хищники» — о голоде в Бенгалии и «Могха» — о борьбе пенджабских крестьян за землю, рассказы Санта Сингха Секхона, Картара Сингха Дуггала и других.

Мулк Радж Ананд

Раздел бывшей британской колонии — Индийской империи — на два государства — Индию и Пакистан, — произведенный в 1947 году без учета экономических, национальных, этнических особенностей страны разорвал и Пенджаб на две половины. Западный Пенджаб вошел в состав Пакистана, Восточный Пенджаб — в состав Индии.

С тех пор пенджабская литература в Индии и Пакистане развивается параллельно. В этом трудности ее роста. Одна из проблем, которые осложняют развитие литературы Пенджаба,— вопрос шрифта. Мусульмане пользуются арабским шрифтом, индусы — древнеиндийским слоговым письмом деванагари, а сикхи — шрифтом гурмукхи, созданным на основе деванагари. Враги индийского и пакистанского народов стремятся еще более усилить эти различия, разжигая религиозную рознь. Однако вопреки этим попыткам пенджабская литература неуклонно растет как в Индии, так и в Пакистане, где писатели группируются вокруг журнала «Пенджаби», издаваемого доктором Факиром Мухаммадом.

Пенджабские писатели не раз проявляли инициативу в деле укрепления дружеских связей между народами Индии и Пакистана. Так, в марте этого года в Лахоре (Западный Пенджаб, Пакистан) состоялась мушаэра — интереснейшее состязание индусских, сикхских и мусульманских поэтов-пенджабцев, все участники которого дали торжественную клятву дружбы.

Журнал «Прит-Лари», издающийся уже 22 года, находится в самой гуще жизни своего народа. Журнал развивается вместе с пенджабской литературой, отражая этапы ее развития. Его главный редактор, Гурбакш Сингх,— старейший писатель Пенджаба, очеркист и исследователь, давно связавший свою жизнь с народом. Он прошел большой и сложный путь, не лишенный противоречий. Жизнь привела его в передовой лагерь. По профессии Гурбакш Сингх—инженер. «Я писал и раньше, когда был инженером,— рассказывает он.— Я написал произведения «Голодная душа», «Пратима» и другие. Я и в повседневной жизни применяю свои познания инженера. Быть инженером и писателем — две разных ветви моего основного желания. Это желание — чтобы моя деятельность делала жизнь более красивой. Писатель тоже может стать инженером человеческих душ. Ради чего я стал инженером, ради того я стал и писателем».

Гурбакш Сингх — не коммунист, но когда один читатель журнала спросил его, почему писатель предпочитает коммунизм гандизму, поскольку Махатма Ганди верил в справедливость, мир и народную собственность, он ответил: «Если вера в справедливость, мир и народную собственность есть гандизм, то я уважаю эту веру. Но коммунизм есть борьба за установление справедливости, мира и народной собственности — я весь, телом и душой, принадлежу этой борьбе».

Заместитель главного редактора журнала «Прит-Лари» — Навтедж Сингх, сын Гурбакша Сингха, заместитель председателя Всеиндийского Совета Мира, писатель и очеркист. Оба они, отец и сын, бывали в Советском Союзе. Балавант Гарги, драматург, один из постоянных сотрудников журнала, был гостем на Втором съезде советских писателей.

Высокий, подлинный гуманизм пронизывает прозу «Прит-Лари». Маленький человек с его скромной жизнью, с его горестями и надеждами находится в центре внимания писателей. К какому бы рассказу в журнале мы ни обратились, мы чувствуем, как в каждой строке бьется пульс народной жизни. Писатели отличаются друг от друга по степени зрелости, по манере выражения, по остроте политического взгляда, их интересуют разные социальные группы населения. Но всех авторов, объединившихся вокруг «Прит-Лари», связывает бескорыстная любовь к народу, жизнеутверждающее мировоззрение, вера в то, что в жизни народа наступят лучшие дни.

Вместе с родителями, спасаясь от страшной чумы, свирепствующей в их деревне, переселяется в город маленький мальчик из рассказа «Чума» Картара Сингха Дуггала. Жестокая дискриминация, которой подвергают индийцев англичане, действует на мальчика подавляюще. А тут еще случилось страшное событие: молодая индийская девушка, служившая нянькой в английской семье, везла в коляске ребенка.

Внезапно налетевший грузовик опрокинул коляску. Нянька успела спастись, но ребенок погиб. Мальчик узнает от матери, что хозяева готовят для девушки страшное наказание. Ее зароют по пояс в землю и спустят на нее голодных собак. Мальчик в ужасе. Он не может больше и дня оставаться в соседстве с этими людьми. Он убегает назад, в чумную деревню.

Колониальное рабство хуже чумы — вот вывод, к которому приходит автор. Но рассказ Картара Сингха Дуггала направлен не только против недавнего колониального гнета. Рассказ устремлен в будущее. Мальчик, ушедший в чумную деревню, на всю жизнь возненавидит угнетателей-чужеземцев.

Величавым покоем, чудесным ароматом яркой индийской природы веет от рассказа одного из крупнейших деятелей индийской литературы Гурбакша Сингха «Анджху Гару». Это рассказ о маленьком певце из бедной крестьянской семьи. Никто не учил одиннадцатилетнего мальчика петь. Он поет, как птица — с раннего детства. «Он словно бы обладал сокровищницей песен,— рассказывает писатель, ведущий рассказ от первого лица. — Одна песня кончалась, слушатели просили следующую... Я чувствовал, что это не избитые мелодии... в них была чистота, как в священных гимнах, в них воспевалась любовь от сердца, любовь навеки».

Сурова судьба мальчика. За свое пение он собирает жалкие гроши, ему не придется совершенствовать свой замечательный дар под руководством опытных педагогов. Писатель чувствует, как связана его собственная судьба с судьбой мальчика. Ведь он сам вышел из народа. А сколько одаренных людей вынуждено трудиться за жалкие гроши, не надеясь выбраться из нужды. «Ты певец, Гару, а я писатель,— говорит Гурбакш Сингх.— Наш народ борется за свою судьбу. Ты получишь полную оплату за свои песни, а я — за свои рассказы тогда, когда народ завоюет счастливую жизнь».

Так звучит оптимистическая концовка рассказа. Так искусство включается в общую борьбу народа за его лучшее будущее. Только тогда, когда люди будут жить богаче и счастливее, народный певец получит полное вознаграждение за свой талант, за свои песни.

Не лишен социальной мотивировки и другой рассказ Гурбакша Сингха — «Святая мать». Это повествование о женщине, живущей в храме на берегу Ганга. Она хочет найти правду в религии, в единении с богом, в уходе от мирской жизни. Но путник, пришедший к храму, понимает, что на одиночество ее обрекла социальная несправедливость. Мы видим, как суровая жизнь вторгается даже в тихую религиозную обитель, даже в рамки рассказа, несколько отягощенного абстрактными поисками морально-этического идеала.

Положению трудящейся женщины посвящен рассказ Гуршарана Сингха «Одно стремление, одно желание».

Навтедж Сингх

Девушка Таран выходит замуж. Она живет в грязном дымном чулане с мужем Моханом, работающим на фабрике. Жизнь ее убога и безрадостна. Муж груб и жесток с нею. Однажды он даже избил ее. Но когда молодая женщина очнулась, то увидела столько доброты, столько чувства в глазах мужа, что поняла: это тяжелая, темная жизнь превращает его в злого необузданного человека, причинявшего ей боль и страдания.

Начало их новой жизни совпало с забастовкой, которую вели рабочие фабрики. Мохан тоже принимал в ней участие. Теперь Таран увидела в глазах своего мужа новый блеск. Его взгляд больше не был похож на взгляд грубого и бесчеловечного существа. А в день победы рабочих, когда везде зажгли «дипмала» (иллюминацию), Таран кажется, что над рабочим поселком взошло яркое солнце.

Следует отметить, что действие большинства рассказов передовых пенджабских писателей часто начинается в узком семейном кругу, но затем расширяется и захватывает мир больших событий, в котором частные интересы людей получают удовлетворение только через разрешение общих интересов коллектива.

Социальным протестом проникнута пенджабская художественная проза, в журнале за последнее время она представлена, в

Балавант Гарги

частности, рассказом Балаванта Гарги «Капля воды». В нем повествуется о том как борьба за трудовые интересы индийских трудящихся сливается с общей борьбой народов всех стран в защиту мира.

Бедный крестьянин Манса Сингх услышал, что на Тихом океане взорвалась бомба и вода вокруг загорелась... Подробности о водородной бомбе, которые Манса Сингх узнает от людей, заставляют его задуматься и о последствии взрыва, и о всей своей жизни, и о том, может ли загореться «капля воды». Тревога и страх овладевают сознанием крестьянина. Он не может отделаться от неотвязной мысли об ужасном взрыве. Но Манса Сингх преодолевает свой страх. Старый солдат, он собирает всю свою волю, и разум указывает ему спасение. Движение за мир, миллионы подписей под Воззванием... Голос человека может заглушить марш армий, голос человека может предотвратить взрывы бомб.

Большой интерес представляют и статьи на литературные темы, печатаемые в журнале. Так, в номерах за март и апрель 1955 года напечатана большая статья, посвященная творчеству выдающегося пенджабского поэта Дхани Рама Чатрика, умершего 18 декабря 1954 года.

Творчество Чатрика знаменует определенный этап в развитии пенджабской поэзии. Оно представляет собой связующее звено между пенджабской классической поэзией, народным эпосом и современной прогрессивной поэзией. На творчество Чатрика оказал влияние крупнейший пенджабский поэт — Бхаи Вир Сингх. Но в отличие от поэзии Бхаи Вира Сингха, посвященной темам религии, морали, духовного самосовершенствования, поэзия Чатрика обращена к жизни, к человеку. Человек, его радости и печали, любовь к родине — вот главные темы его стихов. Об этом красноречиво говорят сборники его стихов: «Чанданвари» (1931 год), «Кесар Киари» (1940 год), «Наван джахан» (1942 год), «Суфихана» (1953 год).

Чатрик — один из создателей современного пенджабского поэтического языка. Он первый приблизил язык пенджабской поэзии к разговорному. В пенджабской поэзии и до Чатрика существовало много жанров, но преобладали большие по размеру произведения. Чатрик утвердил в пенджабской поэзии жанр короткого стихотворения. Он обращался к живому народному языку. Его стихи понятны всем пенджабцам — и мусульманам, и сикхам, и индусам, и христианам. «Мы все можем учиться у Чатрика яркости языка»,— пишет автор статьи.

Поэзия Чатрика рисует яркую картину пенджабской жизни последних десятилетий. Чатрик писал, что у него три матери: богиня Лакшми, давшая ему разум, «мать-Индия» и родной язык.

Хотя Чатрик не понимал социально-экономической структуры общества, движущих сил его развития, он всегда был с передовыми художниками, выступавшими против насаждаемой англичанами религиозной розни, с художниками, ратовавшими за единство Индии, разоблачавшими лозунг «искусство для искусства», боровшимися за счастье людей на земле.

В своем последнем сборнике «Суфихана» Чатрик писал:

Пишу стихи для страны...
Пусть бог и велик, но постичь его
я не сумел.
Я не смог разгадать его тайну
и объяснить ее миру.
Меня не увлекли религия
и сектантство,
Я не смог дойти до небес;
я — существо земли.

Статья, анализирующая творчество Дхани Рама Чатрика, помогает оценить стихи и других современных пенджабских поэтов, богато представленных в журнале. Тематика стихов крайне разнообразна, от большой общественной темы борьбы за мир до интимной лирики.

Красочные стихи Гулчарана Рампури «Единение Азии». Они посвящены новой Азии, ставшей оплотом мира в борьбе против поджигателей войны. Автор кончает эти стихи следующими строками:

Единение Азии — гарантия мира,
никто не сумеет сжечь наше будущее.
Наша жизнь засверкает солнечными
красками,
никто не сумеет подмешать яд
в амриту *.

* Амрита — нектар, напиток бессмертия, традиционный образ индийской поэзии.

Интересны в журнале отделы критики, рецензий, переводов, публицистики, читательской почты.

Вопросам литературы посвящена большая редакционная статья «Задачи писателя», помещенная в апрельском номере журнала за 1955 год. «Писатель не может удовлетвориться только регистрацией отрицательных и положительных явлений, — читаем мы в статье «Задачи писателя».— Писатель не только адвокат жизни, он и солдат жизни... Он не может пройти мимо несправедливостей, насилия, вредных тенденций, уродливых сторон жизни... Священный долг писателя — бесстрашно бороться со всем, что мешает счастью людей».

Творчество писателя, утверждает автор статьи, должно быть устремлено в будущее. «Писатель не только эмоциональный историк прошлого, не только защитник лучшего в настоящем и соратник своих современников, но и живописец будущего». Такой четкий, такой целеустремленный взгляд на задачи писателя мог родиться только у талантливой, сильной литературы.

Среди рецензий следует отметить статью Навтеджа Сингха о пьесе драматурга Балаванта Гарги «Колос пшеницы».

Драматургический жанр до последнего времени отставал от других жанров пенджабской литературы. Рецензент отмечает, что Гарги хорошо знает законы сцены, пьесы его сценичны. «Колос пшеницы» — реалистический рассказ о жизни пенджабских крестьян. Автор рецензии указывает, что новая пьеса — серьезный шаг вперед в творчестве драматурга, отмечает поэтичный и художественный язык автора.

Журнал «Прит-Лари» приветствует дружбу Индии с Советским Союзом. На странице мартовского номера, рассказывая о строительстве Советским Союзом металлургического завода в Индии, журнал подчеркивает, что условия соглашения не включают в себя каких-либо пунктов, ущемляющих права Индии.

В заключение журнал пишет: «Верно, что сейчас Англия и Германия (имеется в виду Западная Германия. — *И. С.*) готовы построить для нас фабрики. Но встает вопрос: почему же Англия не сделала этого раньше, в течение последних пятидесяти лет? Сейчас Англия, видя наши связи с Россией, недовольна. Если теперь и Англия, и Германия построят для нас фабрики, то по сути дела все равно нужно считать, что эти фабрики построила нам Россия».

Журнал стремится удовлетворить интерес пенджабцев к жизни в Советском Союзе и странах народной демократии. На его страницах были напечатаны интересные статьи об этих странах.

«Прит-Лари» публикует и статьи советских авторов. Печатая статью И. Соловьева о ликвидации в Советском Союзе неграмотности, журнал говорит об этом, как о «золотом подвиге» советского народа, великом достижении советского общественного строя. Журнал указывает, что подобная задача стоит и перед Индией.

Большое внимание к русской литературе характерно для «Прит-Лари». На страницах журнала переводятся как произведения современных советских писателей, так и произведения русских классиков. Нужно отметить мастерски переведенный рассказ А. Чехова «Ванька».

Наряду с точным переводом с других языков на страницах «Прит-Лари» печатаются и такие, где в соответствии с национальными традициями индийского перевода действие произведения перенесено в Индию с использованием характерных черт индийского быта, переменой фамилий и так далее. Таким образом писателем Гурвелем Сингхом переведен чеховский «Унтер Пришибеев». Рассказ называется по-пенджабски: «Джамадар Хакам Сингх». Джамадар — офицерский чин; имя героя переводчик подобрал удачно: Хакам — «приказывающий».

Трудно исчерпать в коротком обзоре богатое содержание журнала «Прит-Лари». В заключение хочется сказать, что целеустремленность общественного направления журнала, широта интересов сотрудников его редакции, талантливый авторский коллектив и, наконец, преданность родному народу, чьи интересы выражает журнал,— все это обеспечивает ему хорошую, большую будущность.

ГРАФИКА ЭДВАРДА БИБЕРМАНА

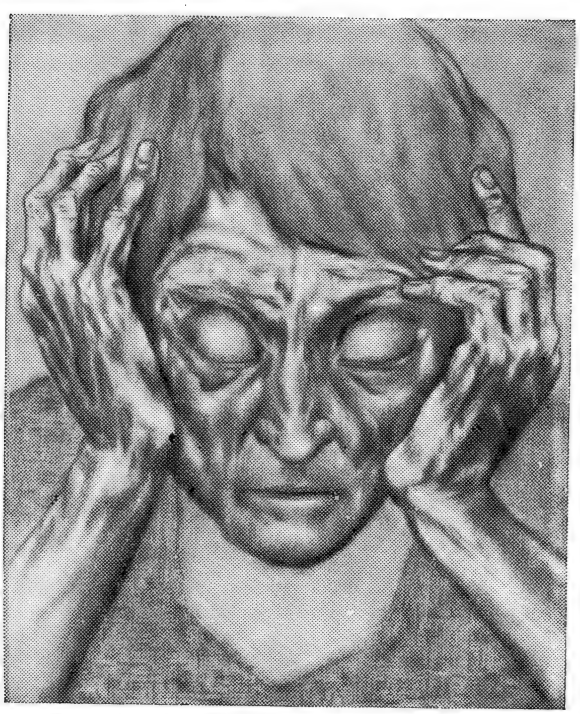
Во многих местах земного шара царит голод

Картины Эдварда Бибермана не только поистине превосходны — они отображают историю времени, в которое мы живем, они являются в подлинном смысле слова иллюстрацией нашей жизни, смелой, широкой иллюстрацией самых благородных стремлений, страданий и надежд человечества.

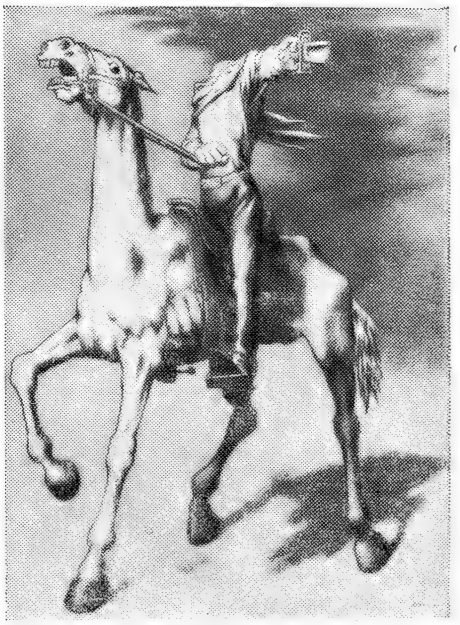
Как указывает сам художник, эти картины составляют часть его работ за время с 1937 по 1953 год. Поразительно, что они представляют собой такой законченный и впечатляющий рассказ, и следует воздать должную дань автору за его удивительную способность чувствовать и уметь передать виденное. Ни в одной из этих картин не указано время происходящих событий, но каждая из них отображает определенный этап продолжающейся борьбы, и те несколько слов пояснения, которые Эдвард Биберман дает каждой картине, просты и выразительны. Его надписи к ним немногословны, так как тема широко раскрывается в самих картинах, и более пространный текст являлся бы излишним.

Произведения Бибермана не являются слепой копией натуры, нет в них нарочитой неясности. Они реалистичны в самом высоком смысле этого слова. Он избрал своей задачей отображение насущных требований своей эпохи, и в этом отношении художник проявил себя как социальный комментатор, не как карикатурист или сатирик, а как зрелый мастер, стоящий лицом к жизни, вникающий в ее сущность. Именно поэтому произведения Эдварда Бибермана являются высоким актом мужества и надежды.

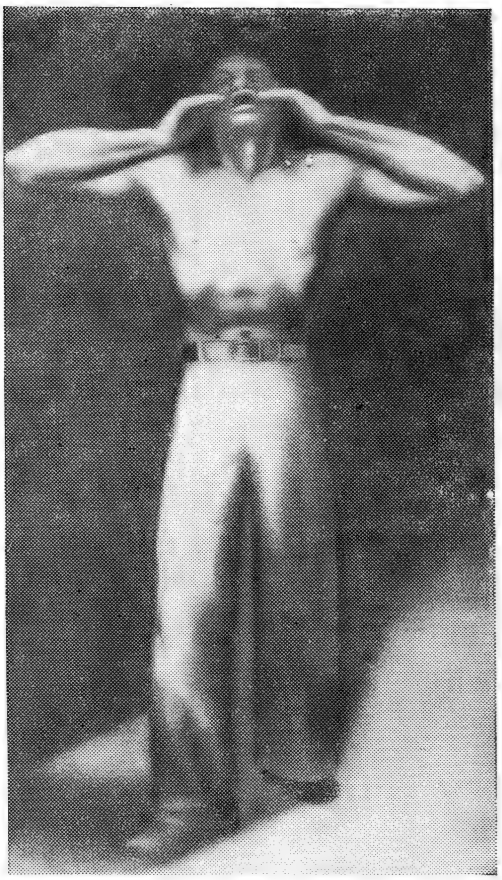
Говард Фаст



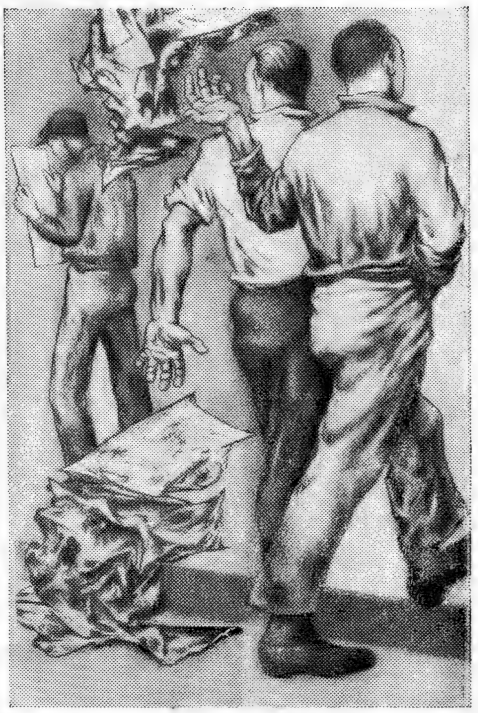
... слишком много женских слез ...



... чтобы снова не был
выпущен на землю
безголовый всадник —
война!



Человечество взывает
об опасности...

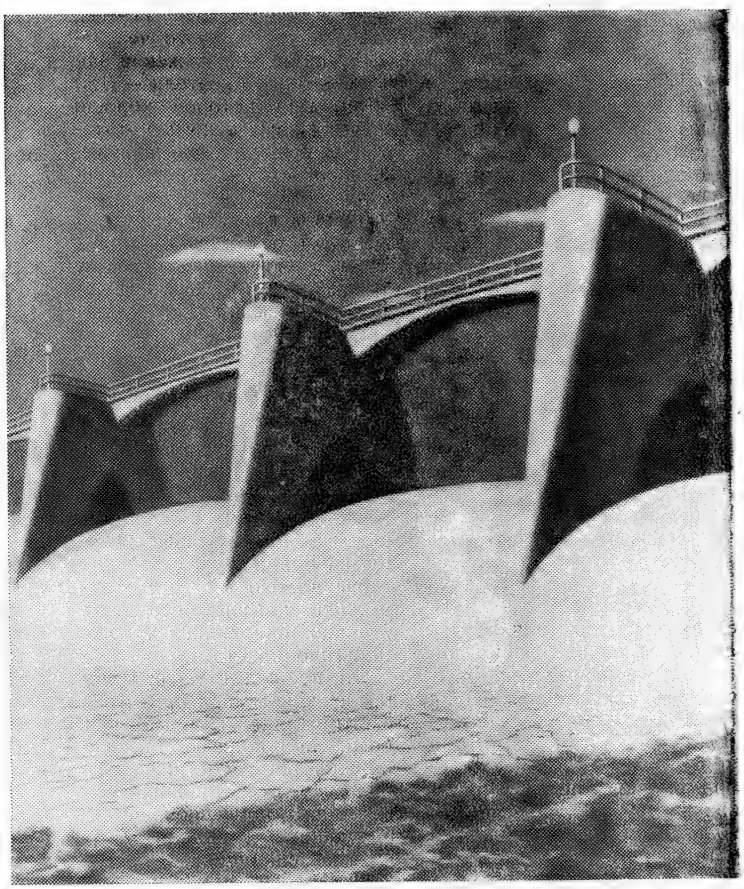


Печать, призывающую
к войне, отвергнуть!

Книгу, зовущую к миру, принять!

Люди хотят жить
в мире и дружбе...

Они поют песни мира ...



...и способны создать
много прекрасного.

СРЕДИ КНИГ

ПОВЕСТИ ПИСАТЕЛЯ-РЕВОЛЮЦИОНЕРА

□

胡也頻
小說選集
人民文學出版社
一九五四年
北京

□

7 февраля 1931 года в гоминдановском застенке был казнен талантливый писатель-коммунист Ху Е-пинь. Наследие писателя невелико — он погиб очень молодым. Вместе с ним были расстреляны революционные писатели — Бай Ман (Инь Фу), Жоу Ши, Фын Кэн и Пи Вэй-сэнь. О них писал в одной из своих статей Лу Синь:

«В тяжелом горе почтим мы вечную память павших в строю и крепко запомним, что первая страница истории революционной пролетарской литературы Китая написана кровью наших товарищей».

Сборник избранных повестей Ху Е-пиня открывается большой статьей «Жизнь настоящего человека», написанной женой погибшего писателя — Дин Лин, имя которой хорошо известно советскому читателю. В сборнике две повести. Первая — автобиографическая — «В Москву», законченная в мае 1929 года, повествует о путешествии автора в Советский Союз и о жизни в Москве. Вторая повесть — «Свет перед нами» — наиболее интересное произведение Ху Е-пиня. Это книга о революционной китайской молодежи двадцатых годов, о его современниках, многие из которых, как и он, пали в борьбе за дело, начатое ими и победно завершенное в наши дни.

В феврале будущего года исполняется двадцать пять лет со дня смерти Ху Е-пиня и его боевых товарищей, о творчестве которых советский читатель, к большому сожалению, почти ничего не знает. Думается, что настало время познакомить советского читателя с лучшими произведениями Ху Е-пиня, Жоу Ши, Инь Фу и других революционных писателей Китая, отдавших жизнь ради счастья своего народа.

Т. Александров.

„ВОДЫ ОРАВЫ"

□

Ladislav Mňačko, Vody Oravy, Praha, Mladá Fronta, 1950.

□

Так называется книга словацкого писателя Ладислава Мнячко, вышедшая в Праге в переводе на чешский язык, сделанном Иржи Пиларжем.

Несколько лет назад мне пришлось вместе с Мнячко бродить по берегам Оравы, вьющейся среди лесистых холмов Словакии, заходить в бревенчатые крестьянские хаты и в придорожные «крчмы», подниматься на бетонную кладку плотины. И теперь, читая очерки, я вновь пережил наше путешествие, снова увиделОраву, изображенную с той достоверностью и поэтичностью, которые отличают Мнячко, одаренного художника-публициста.

Он пришел в литературу после войны из партизанского отряда. Пришел как боец. За подписью Мнячко появляются то острое сатирическое стихотворение, то газетная корреспонденция, бичующая неполадки, то пьеса, славящая строителей «дороги дружбы», соединившей Чехословакию с Советским Союзом. Нет в стране уголка, где бы не побывал Мнячко. На Ораве Мнячко — особенно частый гость. Орава, в прошлом самый заброшенный, бедный край Словакии, «первозданной страны пастырей», как писал о ней Карел Чапек, переживает сегодня поистине чудесные перемены. Новое выступает там с особенной, резкой контрастностью.

На Ораве электричество не вырабатывалось вовсе — сообщает книга. Теперь на каждого жителя Оравы приходится 5000 киловатт-часов

в год. Вообще в Словакии электроэнергии на душу населения приходится больше, чем в Соединенных Штатах.

Пытливо и радостно вглядывается писатель в сегодняшнюю Ораву. Она широко известна, но не рекордным в Европе числом эмигрантов, как было прежде, а плотиной — самой мощной в средней Европе. Привольно раскинулось Оравское море, в нем живая вода, несущая довольство и счастье. Словацкая легенда о чудесной воде — ей Мнячко посвятил несколько страниц большого лирического звучания — стала явью. Оравское море питает каскад электростанций, а они зажгли свет в хатах, дали ток десяткам предприятий, возникшим в последние годы. Чудо случилось на Ораве! Она похорошела, стала богатой и доброй к людям. И скитальцы из самых дальних стран возвращаются к ее берегам.

Мнячко наблюдателен. Он умело отбирает внешние детали быта, но не ограничивается этим. Куда больше влекут его судьбы людей. Ораване во многом стали иными. По всей республике прогремело имя Тоно Загора, который отважился класть бетон зимой, при шестнадцатиградусном морозе. Кто воспитывал таких, как Загора? Партия. Петр Дзурошка, парторг на строительстве плотины, сумел повлиять даже на инженера Крауса. Талантливый специалист, Краус, однако, стоял первое время в стороне от общественной жизни, не видел в рабочих товарищей по творчеству, не мог понять — какое дело парторгу до проектов и технических расчетов? Зачем он всюду сует нос? Писатель обрисовал этот весьма характерный конфликт очень выразительно и интересно.

Мнячко не обходит конфликты, не закрывает глаза на трудности. Его книга лишена той парадности, какая — увы! — подчас присутствует в наших собственных очерковых произведениях и произведениях наших зарубежных друзей.

Пережитком прошлого еще гнездится на Ораве невежество. Писатель не стесняется напомнить, как совсем недавно мужики гнали с поля топографов, вымерявших участок для будущей фабрики, как под воздействием кулацкой пропаганды родители не хотели отпускать дочерей на производство. Вековая нищета порождала недоверие к будущему. Мнячко говорит в своей книге о сложности переделки сознания. Очерки проникнуты заботой о человеке, о его просвещении, о его духовном росте.

Мнячко сам — умелый агитатор. Я помню его беседующим с крестьянами. Помню, как он горячо рассказывал им об Ораве завтрашней. О лесных богатствах, еще не используемых полностью, о пастбищах, способных прокормить множество овец, о невиданных урожаях. Читая книгу, я снова слышу писателя-агитатора, живущего нуждами народа. Он нарочно ищет встреч с отстающими, с сомневающимися, чтобы убедить, увлечь.

Книга «Воды Оравы» стоит того, чтобы познакомить с ней и советского читателя. Он запомнит прекрасную Ораву, запомнит героев очерков, в том числе самого автора, который изображает свою родину и как влюбленный поэт и как требовательный, рачительный хозяин, запомнит Ладислава Мнячко, рабочего-строителя и партизана, ставшего в новой Чехословакии писателем.

В. Дружинин.

НОВОЕ ИЗДАНИЕ Л. КАРАВЕЛОВА

□

Любен Каравелов Избрани произведения. Първи том. Повести и разкази. Български писател. София. 1954.

□

Софийское издательство «Болгарский писатель» выпустило в свет первый том трехтомного собрания избранных произведений классика болгарской литературы Любена Каравелова. В первый том вошли широко известные рассказы: «Турецкий паша», «Воевода», «Дончо», «Неда», редко издававшиеся повести «Узник», «Богатый бедняк», а также незаконченная повесть «Дети не похожи на своих отцов» и очерк «Воздастся ли им?». В этих произведениях, написанных в шестидесятые-семидесятые годы прошлого века, отражена жизнь болгарского народа и его борьба против турецкого ига. С их появлением связано утверждение в болгарской литературе критического реализма. Произведения Л. Каравелова сохраняют силу и свежесть и сегодня; они имеют не только историко-познавательное, но и идейно-воспитательное значение. Образы болгарских патриотов, созданные писателем, волнуют нас своим героизмом, высокими патриотическими идеалами.

Большинство рассказов и повестей, вошедших в первый том, печаталось впервые в шестидесятые годы XIX века на русском языке в России (где Каравелов учился и работал почти десять лет), а затем вошло в сборник, отпечатанный типографией Московского университета, под выразительным названием «Страницы из книги страданий болгарского племени». В посвящении автор писал: «Эти слабые очерки быта несчастной моей родины писаны мною на Руси, и теперь я братски посвящаю их тем русским людям, сердцу которых близко великое дело славянской свободы».

Произведения Л. Каравелова в таком значительном

объеме выходят в народно-демократической Болгарии впервые. Надо надеяться, что составители включат в трехтомник не только рассказы и повести замечательного писателя, но и его лучшие стихи, публицистические статьи и литературно-критические работы, которые игнорировались буржуазным литературоведением. Издание выходит под редакцией историка проф. А. Бурмова и литературоведов С. Божкова и Ц. Минкова. Первый том открывается содержательной статьей Ц. Минкова, рассказывающей о жизни и творчестве Л. Каравелова. Выход первого тома «Избранных произведений» Л. Каравелова — знаменательное явление в культурной жизни народно-демократической Болгарии.

В. Злыднев

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ИРЖИ ВОЛЬКЕРА

□

Jiří Wolker. Próza a divadelní hry Státní nakladatelství krasné literatury, hudby a umění. Praha, 1954.

□

Отличительной чертой книгоиздательского дела в Чехословакии является обилие постоянных книжных серий. Вот некоторые из них: «Библиотека классиков», «Клуб читателей», «Жатва», «Цветы чешской поэзии», «Национальные классики», «Источники», «Бессмертные», «Чешские стихотворения» и др. Продуманный отбор произведений и высокое качество полиграфического исполнения делают книги этих серий любимыми чехословацким читателем.

В серии «Библиотека классиков» вышел второй том собрания сочинений выдающегося чешского поэта Иржи Волькера «Проза и пьесы». Собрание сочинений Волькера, издаваемое Институтом чешской литературы Чехословацкой академии наук, будет включать все художественные произведения поэта. Во второй том вошли рассказы, сказки, записки, все три написанные им пьесы («Больница», «Могила», «Высшая жертва»), теоретические статьи по искусству, рецензии на книги, статьи по театру и музыке. Кроме того, в этот том включены варианты ряда произведений поэта. Книга снабжена подробным комментарием и послесловием исследователя и знатока творчества Волькера, личного друга поэта — А. М. Пиши, содержащим анализ прозаического и драматургического наследия Иржи Волькера. А. М. Пиша особо привлекает внимание читателей к теоретическим статьям Волькера; он заключает послесловие словами: «Многие годы эти работы считались второстепенными, почти случайными в его творчестве и были оценены только теперь, когда наша литература, видя в Иржи Волькере пример и предшественника, развивается в духе принципов, которые он провозгласил и осуществлял в своем творчестве».

Ю. Гаврилов.

КНИГА О „ЮМАНИТЕ"

□

Hélène Parmelin, Noir sur blanc. Roman. Paris, ed. Julliard, 1954.

□

Герои книги Элен Пармелен «Черным по белому» — люди, ежедневно вступающие в бой с пропагандистами реакции; люди, в рядах которых ранее находились Поль Вайян-Кутюрье и Габриэль Пери; люди, которых объединяет всему миру известное, славное имя — «Юманите».

Мы помним те эпизоды «Коммунистов» Арагона, в которых изображена героическая борьба «Юманите» за национальную независимость и свободу в годы, предшествовавшие Сопротивлению. Роже Вайян в одной из глав романа «Твердая поступь, верный глаз» создал типичную для жизни современной Франции реалистическую жанровую зарисовку: коммунист разносит по квартирам «Юманите» и прогрессивные журналы, и его, как долгожданного друга, встречают рабочий, профессор, мелкий торговец. Теперь Элен Пармелен написала произведение об энтузиастах, создающих, распространяющих и отстаивающих от врагов свою «Юма» — смелую, правдивую газету самой правдивой и самой смелой партии.

Бóльшую часть книги составляет точная картина жизни коллектива «Юманите» и еженедельника «Юманите-диманш» в первые три недели после начала интервенции в Корее, летом 1950 года. Автор превосходно воссоздает атмосферу непрестанного редакционного аврала: все вновь и вновь перестраивается первая полоса; сегодняшний номер придирчиво критикуют, для того чтобы завтрашний был более удачным; нужно с поистине молниеносной быстротой подобрать материал для неоспоримо документального разоблачения виновников войны в Корее; срочно выпускается специальное издание взамен конфискованного номера... Э. Пармелен увлекательно рассказала о деле, которое она любит и хорошо знает. В ее публицисти-

ческом по характеру повествовании лиризм и юмор сочетаются с патетикой. И если созданные ею образы не оказались развернутыми, многосторонними, то все вместе они образуют реалистический образ коллектива передовых журналистов, талантливых, изобретательных и самоотверженных, занимающих передовую линию борьбы за мир.

Несомненно удался автору образ директора издательства. Это порожденный самой жизнью характер: в «Юманите» такой администратор должен быть талантливым организатором масс, без помощи которых газета не могла бы преодолевать искусственно создаваемые реакцией материальные трудности. А из многоликой массы трудящихся, читателей, друзей и защитников газеты, выделяются образы милой Агаты Лоливье, ее двух братьев рабочих и молодого душой старика-отца.

Значительная часть книги посвящена памфлетно-публицистическому разоблачению сил, противостоящих рабочему классу — реакционных газет, их хозяев — крупных капиталистов и их «покровителей» — эмиссаров агрессивных сил. Писательница попыталась претворить этот публицистический материал в систему художественных образов. Для этого она применила технику «романа тайн» (книга начинается таинственным убийством в музее восковых фигур). Для этого она старательно обыгрывает несколько искусственные сюжетные ходы. Но эта конструкция не выдерживает тяжести материала. Отрицательные персонажи книги (капиталисты Сен-Жермены, журналист-фашист Шатийон-Колинья, живущий под фальшивым именем и оправдываемый военным трибуналом и др.) — типы, встречающиеся в жизни; но они, хотя и выглядят эффектно, напоминают искусно сделанные восковые фигуры. А публицистические отступления звучат, как газетные статьи, вставленные в художественное произведение; они далеко не во всем удачны, нередко растянуты.

Вряд ли нужно было придавать такой книге внешнюю занимательность. Жизненный материал романа сам по себе увлекателен. Книга Пармелен представляет бесспорную ценность именно как правдивый рассказ о делах и днях «Юманите».

В. Федоров.

ПИСЬМА РОМЕНА РОЛЛАНА К МАТЕРИ.

□

Printemps Romain. Choix de Lettres de Romain Rolland à sa mère (1889—1890). Cahiers Romain Rolland, Cahier 6. Paris. Édition Albin Michel, 1954.

□

1889 год. Двадцатитрехлетний француз, только что окончивший Эколь Нормаль, послан для изучения итальянского искусства в Италию — Милан, Неаполь, Рим... Искусство итальянского Возрождения... Музыка, архитектура, скульптура, живопись... Интересные люди, памятные встречи, роскошная природа Юга... На молодого искусствоведа нахлынуло море ярких впечатлений. Он ощущает потребность поделиться с кем-нибудь своими новыми мыслями; он должен рассказать о той огромной внутренней работе, которая будоражит его ум и сердце. Как никогда, необходим ему умный и чуткий собеседник, близкий человек, друг. Такой друг у него есть: мать. Именно ей привык поверять он свои самые сокровенные мысли. И он почти каждый день пишет матери письма, страницы своеобразной лирической исповеди и, вместе с тем, точный отчет о виденном, дневник путешествия в солнечный мир искусства Ренессанса...

Поражает огромный диапазон интересов молодого Роллана. Проблемы античного искусства — и реализм Толстого; особенности манеры Рубенса и Рембрандта — и полотна Верещагина; оперное мастерство Вагнера — и деятельность Герцена; восхищение якобинским террором — и возмущение контрастом между богатыми и бедными кварталами Рима; мысли о сходстве творческого облика Рафаэля и Моцарта — и осуждение натурализма в романах Золя...

В этих письмах обнаруживаются истоки многих литературных оценок Роллана, его социальных и эстетических взглядов, которые впоследствии были выражены зрелым Ролланом — художником и мыслителем.

Письма Ромена Роллана к матери, написанные в 1889—1890 годах, вышли недавно в Париже отдельной книгой под названием «Римская весна». Они составили шестой выпуск «Тетрадей Ромена Роллана» — серии, выпускаемой издательством Альбен Мишель. В предыдущие выпуски «Тетрадей» вошли письма Роллана к Мальвиде фон Мейзенбург (1), переписка с Луи Жийе (2), Рихардом Штраусом (3), студенческий дневник 1886—1889 годов (4), а также письма Андре Сюареса к Роллану (5).

М. Ваксмахер.

250-я ТЫСЯЧА

□

Françoise Sagan, Bonjour, tristesse. Roman. Paris, Julliard, 1954.

□

На обложке книги написано: «250-я тысяча». Это — тираж, которым она была издана. Произведения Бальзака во Франции не издаются в столь большом количестве экземпляров. Этот успех выпал на долю маленькой книги восемнадцатилетней Франсуазы Саган «Здравствуй, печаль». В чем его секрет?

Есть люди, которые, улыбаясь, любуются пятилетней девочкой, подражающей взрослым: «Как мила эта малютка!» Подобно такой малютке, вошла в литературу Франсуаза Саган. Повествование ведется в романе от имени семнадцатилетней Сесиль, деловито рассказывающей о том, какая она испорченная девчонка; это получается так умело и «мило», что многоопытный автор «Имморалиста» Андре Жид поставил бы дебютантке Саган четверку с плюсом. В юной героине уживаются импульсивность и холодная рассудочность, откровенность и бессовестное притворство, наивность и бездушный цинизм. Этот пряный аромат, вероятно, щекочет нервы любителей легкого чтения. Обратившись к изношенной схеме любовного треугольника, Ф. Саган нашла «пикантную» комбинацию: школьница не хочет, чтобы ее распутный отец женился и стал добродетельным.

Сесиль выросла без матери; выйдя из пансиона, она два года «учится жить» у своего веселого отца, сорокалетнего дон-жуана, привыкшего каждые три месяца менять даму сердца. В этом легкомысленном, бездумном порхании, в отсутствии моральных устоев и отец и дочь видят идеал... И вдруг отец решает жениться на женщине строгих правил, серьезно относящейся к жизни.

Теперь уж придет конец беззаботному существованию. А как хорошо быть стрекозой — изнеженной, богатой! Как удобна снисходительность отца! Отец не заставляет Сесиль прилежно учиться, он говорит, что она обойдется без диплома, ей не нужно будет работать — всегда найдутся мужчины, которые предоставят ей возможность хорошо жить. А будущая мачеха уже сейчас, летом, у солнечного моря безжалостно заставляет ленивую девушку готовиться к экзаменам. Можно ли с этим примириться? Необходимо помешать отцу совершить роковую ошибку и отстоять свое право на жизнь без труда и скучного слова «долг». Сесиль коварно и изобретательно подстраивает разрыв отца с Анной. Для Анны этот разрыв — катастрофа; она умирает.

Таково содержание этого романа, имеющего столь большой успех на французском книжном рынке. Краткий пересказ сюжета дает возможность судить о том, каков идейный и нравственный уровень этого сенсационного произведения.

Французские газеты нередко сообщают о неблаговидных поступках и даже преступлениях молодых людей, выросших в богатых семьях Парижа. Психология Сесиль и ее отца дает некоторое представление об аморальной атмосфере, в которой возникают подобные происшествия.

Н. Миловидова.

НАЙДЕННЫЙ ПУТЬ

□

Peter Martin Lampel, Wir fanden den Weg. Verlag der Nation, 1954.

□

Издание новой книги Петера Лампеля «Мы нашли путь» совпало с пятидесятилетием этого своеобразного писателя и драматурга. Симптоматично, что книга посвящена центральной теме творчества П. Лампеля — борьбе против морального растления молодежи в условиях буржуазного государства. Многие помнят постановку его пьесы «Бунт в воспитательном доме» в 1930 году в Москве, во время гастролей немецкой «Группы молодых актеров». В дальнейшем тема судьбы молодого поколения прозвучала в таких вещах П. Лампеля, как «Газовая атака на Берлин», «Бегство от самих себя» и некоторых других.

После долгих лет эмиграции П. Лампель вернулся в Гамбург. Писатель много пишет о будущем немецкой молодежи. Его искренне тревожит судьба молодых немцев в условиях милитаризации Западной Германии, Петер Лампель горячо стремится к сохранению мира. В пьесе «Борьба за Гельголанд» он нарисовал самоотверженную борьбу юных патриотов против бесчинств оккупационных войск.

Повесть «Мы нашли путь» — это горький и правдивый рассказ о трудной жизни в Западной Германии сотен тысяч бездомных и безработных юношей, морально искалеченных войной. Найти для них путь к радостной и мирной трудовой жизни — эту задачу автор считает важнейшей.

Уже сосчитано, говорит герой книги, что для того, чтобы убить человека на войне, нужно затратить 55 тысяч долларов; каждая из новых дивизий вермахта обходится в миллионы; стоит сравнить, какие суммы тратятся на спасение че-

ловека и на его уничтожение!

Но автор не только критикует, он ищет выход из создавшегося положения, он ищет тот правильный путь, которым должна пойти немецкая молодежь на Западе и на Востоке Германии. И в поисках этого общего демократического пути важное место занимает проблема взаимного доверия. Да, доверие и добрая воля — вот что может помочь решить самые трудные задачи сегодняшнего дня. Доверие, подчеркивает автор, возможно между разными людьми, различных взглядов и убеждений. «Ограничение свободы, в котором мы упрекаем Восток, встречается именно у нас, ежедневно и на каждом шагу»,— сознается один из героев книги, руководитель детского дома Шмидт.

«В каждом из нас живет стремление к добру, законное желание лучшей жизни и сердце, полное надежды на добрую волю другого. Только взаимное доверие поведет нас по правильному пути». Этим светлым призывом заканчивает автор свою книгу, проникнутую горячей любовью и большой тревогой за судьбу молодежи.

Новая книга Петера Лампеля — отрадное явление в литературе Западной Германии.

В. Девекин.

РОМАН О ТУРЕЦКОЙ ДЕРЕВНЕ

□

Orhan Haçerlioğlu. Karanlık dünya varlık yayınlari. Istanbul, 1952.

□

Для турецкой литературы крестьянская тема давно стала привычной, традиционной.

Быть может, в силу именно этого обстоятельства без осложнений и громких последствий вышел в свет роман Орхана Ханчерлиоглу «Мир тьмы». Опубликованный в 1952 году, этот роман остается одной из самых значительных книг послевоенного времени о турецкой деревне. Действие его происходит в наши дни. Молодой адвокат Ахмет по окончании Стамбульского университета едет на практику в захолустную деревню Мазылык, в Анатолию. Здесь впервые ему приходится увидеть духовную скудость жизни турецкого крестьянства, его нищету и невежество.

В своей судейской практике Ахмет встречается с фактами эксплуатации бедноты богатеями села, кровавых крестьянских стычек за землю и пастбища, попрания человеческого достоинства женщины, он всюду сталкивается с жизнью, которую писатель выразительно назвал «мир тьмы».

Движимый желанием облегчить страдания крестьянства, Ахмет с другими сельскими интеллигентами затевает строительство электростанции на реке Соугпынар. Нелегко было Ахмету доказать крестьянам пользу сооружения общественной электростанции. Однако более серьезной преградой явились местные власти. Председатель муниципалитета Хаджи Якуб — типичный демагог, доверенное лицо высших властей — искусно держит в узде эксплуатации крестьянскую массу. Пользуясь своим служебным положением, он посылает в министерство благоустройства донос, обвиняя Ахмета и его товарищей в вымогательстве денег у крестьян и присвоении их. После длительного расследования министерство вынуждено было разрешить строительство электростанции. Одержав победу, Ахмет, тем не менее, не удовлетворен; он чувствует, какого ничтожно малого результата он добился.

Автор романа — Орхан Ханчерлиоглу — видный турецкий прозаик, один из руководителей Союза турецких писателей. Он не придерживается передовых взглядов, надеется на переустройство жизни деревни путем реформ. Однако ценность романа состоит в том, что он правдиво говорит о тяжелой жизни турецкого крестьянства.

В. Легентов.

АНГЛИЯ

РОМАН О „БРИТАНСКОМ ОБРАЗЕ ЖИЗНИ"

Новый роман английского писателя Джека Линдсея «Час выбора» является, по отзывам критики, одним из немногих вышедших за последнее время произведений, правдиво показывающих жизнь простых людей Англии. Книга издана в серии «Романы о британском образе жизни» и, как отмечает печать, представляет собой попытку показать сегодняшний день Англии сквозь призму фактов обыденной жизни.

Действие романа происходит в одном из текстильных городков Йоркшира в период с апреля — мая 1950 по апрель 1951 года.

Название книги «Час выбора» отнюдь не является случайным, броским заголовком, избранным автором для привлечения внимания и интереса читателей. Оно рождено основной идеей книги: для каждого человека (в данном случае для каждого из героев книги) наступает решающий момент, когда он должен окончательно определить, избрать свой путь, свое место и свои цели в жизни — словом, решить свою судьбу в самом широком смысле этого понятия.

Итак, час выбора настает для всех. Женщины, жены рабочих, должны побороть свой страх перед необеспеченностью и поддержать забастовку рабочих-текстильщиков. Для Джэн, жены сына фабриканта Кита, час выбора наступает тогда, когда она присоединяется к движению сторонников мира.

Один из наиболее ярких персонажей книги — Джилл, работница-текстильщица, которую предприниматели в наказание за ее политические взгляды заносят в «черные списки». Разносторонняя характеристика образа Джилл дает возможность Линдсею показать роль деятельности компартии в рабочем движении Англии.

Ныне, когда в текстильных районах Англии, особенно в Ланкашире, снова свирепствует безработица и когда значительные отряды рабочего класса страны, объявляя длительные забастовки, демонстрируют тем самым решимость отстаивать свои жизненные права, книга Линдсея приобретает особую актуальность и злободневность.

„ЗОЛОТАЯ ПРИНЦЕССА" АЛЕКСАНДРА БЭРОНА

Александр Бэрон — талантливый писатель, автор романа «Из городов, из деревень», вышедшего семь лет назад и отобразившего события второй мировой войны.

Посвятив несколько своих произведений современной Англии, Бэрон в своем новом романе обратился к исторической теме.

Это — «Золотая принцесса», произведение, посвященное походу Кортеса в Мексику (1519 год), когда испанские военные отряды покорили и разрушили древнее царство ацтеков.

Английская и американская прогрессивная печать считает роман большой удачей писателя. Газета «Пиплз уорлд» пишет о том, что Бэрону удалось правдиво и реалистично показать интересную и яркую страницу истории, обычно изображаемую буржуазными писателями в идеализированном, нарочито романтическом свете.

Кортес и его приспешники в романе Бэрона — это подлинные завоеватели, вероломные и жестокие, колонизаторы, стремящиеся замаскировать знаменем христианской религии проводимую ими политику хищнического истребления и порабощения индейских племен.

Героиня книги — индианка Марина, переводчица Кортеса, ставшая его подругой и советником. Сложный характер этой незаурядной женщины, память о которой и доныне сохранилась в Мексике, раскрыт писателем, по отзывам газет, с большим искусством.

Марина принимает христианство, видя в этом учении нечто более широкое и гуманное, чем свирепые языческие обряды ацтеков. Но поняв истинный харак-

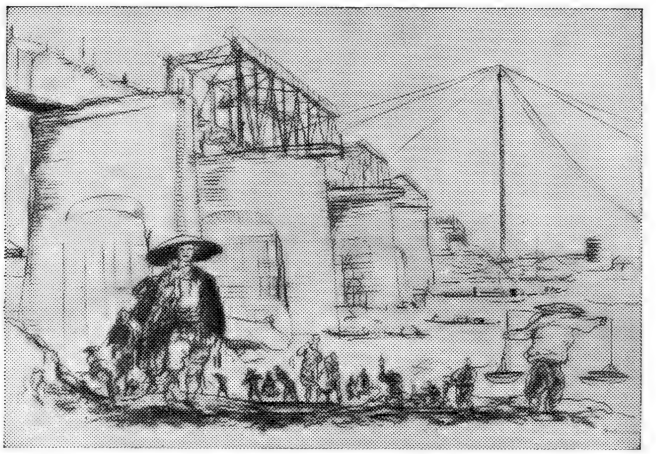
тер «христианской миссии» посланцев Испанской империи, Марина покидает Кортеса в момент его наивысшего могущества и становится на сторону своего народа.

НОВЫЕ РИСУНКИ ПОЛЯ ХОГАРТА

Известный английский художник Поль Хогарт создал ряд новых рисунков во время своей поездки по Китайской Народной Республике. Хогарту удалось в своих рисунках отобразить могучий созидательный порыв народа этой великой и замечательной страны. Находясь в Китае, художник зарисовал с натуры картины повседневной жизни, героические эпизоды трудовых будней, кипучий быт новостроек, а также городов и сел.

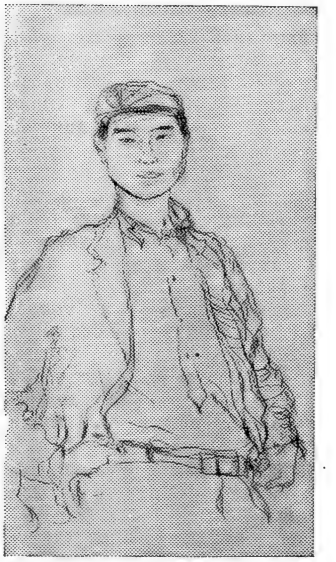
Рисунки Хогарта будут показаны на выставке, устраиваемой в декабре этого года в Лондоне.

Вместе с тем художник работает над новой серией рисунков, посвященной жизни и быту лондонского Ист-Энда. Они войдут в число экспонатов выставки, организуемой группой профсоюзов этого рабочего района Лондона и намеченной к открытию в 1956 году.



Ханькоу. Новый железнодорожный мост. (Из китайских зарисовок.)

Деревня около Пхеньяна. (Из корейских зарисовок.)



Молодой рабочий. (Из корейских зарисовок.)

ТЕАТР В ШАХТЕРСКОМ ПОСЕЛКЕ

Английская актриса Пэтришия Лайон рассказывает на страницах «Дейли уоркер» о том, как ей довелось участвовать в спектаклях маленькой передвижной труппы, выступавшей перед шахтерами отдаленного уэльского поселка. Играть приходилось в довольно необычных и достаточно трудных условиях — в неприспособленном помещении с примитивными декорациями; к тому же на протяжении недели труппа давала семь различных спектаклей, включая эстрадное представление.

Но актриса с благодарностью вспоминает ту тесную связь, которая с самого начала установилась между актерами и аудиторией, внимательное и чуткое отношение рабочего зрителя к искусству. Репертуар этого маленького теат-

ра состоял в основном из непритязательных старинных мелодрам; однако, говорит Лайон, «хотя пьесы были старомодны, а сцена оборудована самым причудливым образом, мы все же в какой-то мере знакомили людей, не посещающих даже кино, с настоящим театром. И я вовсе не уверена в том, что показанные нами мелодрамы не были по содержанию своему гораздо более прогрессивными, чем множество пьес, с успехом идущих на лондонских сценах... Героями и героинями наших спектаклей были простые люди труда, а в качестве злодея обычно фигурировал богатый помещик».

В эстрадных представлениях этого коллектива нередко участвовали и зрители — на сцену поднимались местные любители, чтобы спеть старинную уэльскую песню, рассказать занятную историю.

Пэтришия Лайон обращается к театральным работникам Англии с призывом помочь созданию подлинных театров, театров для народа.

БРАЗИЛИЯ

ИЗДАНИЕ РУССКИХ КЛАССИКОВ

По сообщению журнала «Болетин библиографико Бразилейро», издательство «Мелораментос» (гор. Сан-Паоло) выпустило в свет «Шинель» Гоголя. Тот же журнал сообщает, что в Рио-де-Жанейро изданы «Анна Каренина» Льва Толстого, а также «Униженные и оскорбленные», «Вечный муж» и «Игрок» Достоевского.

ВЕНГРИЯ

НА СЕССИИ АКАДЕМИИ НАУК

В конце мая в Венгрии проходила годичная сессия Академии наук. Работа сессии протекала под знаком укрепления международных научных и культурных связей, плодотворного сотрудничества венгерских ученых с учеными других стран.

На заседании отделения литературы и языка с большим докладом «Значение Петефи в мировой литературе» выступил академик Йожеф Туроци-Троштлер. В оживленных прениях, развернувшихся после доклада, принял участие член Словацкой академии наук Андрей Мраз. На заседаниях других отделений выступили член Польской академии наук Станислав Мазур, член Академии наук Чехословакии и президент Словацкой академии наук Иозеф Васатко. Почетными членами Венгерской академии наук были избраны многие ученые Советского Союза и стран народной демократии.

БЛИЖЕ К СОВРЕМЕННОСТИ

Под таким заглавием венгерская газета «Сабад неп» поместила в разделе «Заметки о культуре» статью критика Иштвана Вешпреми, посвященную «Дешевой библиотеке». «Дешевая библиотека» — это серия произведений венгерских и зарубежных писателей, выпускаемых большим тиражом по широко доступной цене. Вместе с тем «Дешевая библиотека» — одно из самых популярных и самых полезных начинаний венгерского книгоиздания.

Однако, как отмечает Вешпреми, тематика этой массовой по своему назначению серии страдает одним существенным недостатком. Из 68 произведений, которые частью уже вышли в свет в 1954—1955 годах, а частью должны выйти до конца текущего года, лишь 10 посвящены современности. Семь из них еще только печатаются.

Вешпреми горячо призывает «смелее издавать наиболее удачные произведения венгерской литературы истекшего десятилетия», посвященные современности; он указывает на большую популярность у читателей книг прогрессивных зарубежных писателей (Амаду, Стиля), а также писателей стран народной демократии (например, Садовяну) и Советского Союза (А. Толстого, Шолохова, Фадеева, Фурманова, Катаева и других). «Если издать все эти произведения в серии «Дешевая библиотека»,— пишет Вешпреми,— ее идейно-художественное значение во много раз возрастет».

РЕПЕРТУАР ТЕАТРОВ В НОВОМ СЕЗОНЕ

Как сообщает печать, театры в новом сезоне покажут много новых пьес современных венгерских драматургов. Крупнейший театр Будапешта — «Национальный театр» — предполагает поставить в 1955—1956 гг. историческую драму Дьюлы Ийеша «Дожа», пьесы: Дьюлы Хая («Правда Гашпара Варро»), Ференца Каринти («Тысяча лет»), Эндре Веси («Секретарша»). Будапештский театр им. Мадача покажет новые пьесы Имре Шаркади и Петера Халаса. В театрах им. Петефи и им. Иокан пойдут новые пьесы Пала Сабо, Имре Кеси.

Кроме того, в репертуаре важное место займут произведения венгерских классиков: Чоконаи, Катоны, Жигмонда Морица.

Венгерские театры включили в текущий репертуар пьесы советских авторов: Погодина («Кремлевские куранты»), Тренева («Гимназисты»), Софронова («Сердце не прощает»). Будет возобновлена пьеса «На дне» Горького. Предполагается также поставить пьесы Чехова, Островского.

Намечены к постановке произведения Шекспира, Гольдони, Шоу, Гюго, Мольера, Шиллера, а также современных зарубежных авторов (Хикмета, Артура Миллера, Сартра).

ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

В ближайшем будущем, как сообщает «Иродалми Уйшаг», издательство «Уй

мадьяр кёньвкиадо» предпринимает выпуск многотомной серии избранных произведений советских писателей. В состав редакционной коллегии этого издания входят известные писатели, переводчики и литературоведы: Пал Алпари, Петер Вереш, Ференц Каринти, Эмиль Мадарас, Эстер Урбан, Иштван Шётер.

ВЕНГЕРСКОЕ ИСКУССТВО ВО ФРАНЦИИ

Прогрессивная интеллигенция Франции неизменно проявляет большой интерес к литературе и искусству Венгрии. За последние несколько лет во Франции неоднократно издавались произведения современных венгерских писателей в переводе на французский язык (например, «Испытание» Петера Вереша).

В текущем году во Франции с большим успехом выступал Венгерский ансамбль песни и пляски. Французские музыканты нередко включают в программу своих выступлений произведения выдающихся венгерских композиторов. В марте в Париже оркестром Ламуре был дан концерт венгерской музыки. Исполнялись произведения Эркеля, Бартока, Кодаи и других венгерских композиторов (дирижировал Жан Мартинон). В концерте приняла участие пианистка Элен Боши.

До конца 1955 года французские издательства намечают выпустить в свет избранные произведения трех венгерских поэтов. В переводе и с предисловием профессора Марсенака издаются стихи выдающегося прогрессивного венгерского поэта начала XX столетия Эндре Ади (1877—1919). Французский критик Гошерон переводит лучшие стихотворения Аттилы Йожефа (1905—1937). Издаются также стихотворения одного из современных венгерских поэтов, дважды лауреата премии имени Кошута Дьюлы Ийеша.

ГЕРМАНИЯ

ГЕРМАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕМИИ ОБЪЕДИНЕНИЯ СВОБОДНЫХ НЕМЕЦКИХ ПРОФСОЮЗОВ

В середине июня, накануне открытия четвертого съезда Объединения свободных немецких профсоюзов (ОСНП), на торжественном заседании в берлинском Доме профсоюзов были впервые вручены литературные премии ОСНП за лучший роман этого года, посвященный современной немецкой действительности.

Председатель ОСНП Герберт Варнке в своем выступлении подчеркнул, что вручение премий по литературе от имени ОСНП должно способствовать установлению еще более тесной связи между рабочим классом и писателями и знаменует успехи их совместной плодотворной работы на благо народа и социалистического строительства в ГДР.

Сегодня, сказал Варнке, в условиях нового общественного порядка в ГДР перед писателями стоит благородная задача со всей силой и правдой реализма отразить жизнь народа. Варнке призвал писателей к дальнейшему укреплению творческого содружества с рабочим классом, что обеспечит в будущем новые достижения немецкой реалистической литературы.

Премия первой степени присуждена Эдуарду Клаудиусу за его роман «Люди на нашей стороне».

Премия второй степени присуждена Вольфгангу Нейхаузу за роман «Зарницы над Вадриной».

Премий удостоены также Дитер Нолль за книгу «Г-жа Перлон и другие репортажи», Ганс Герт Ланге за книгу «Горняк Зепп Вениг» и Ян Копловиц за книгу «Наш товарищ Макс Великан».

„МОЛОТ И ПЕРО"

«Молот и перо» — так озаглавлен недавно изданный сборник, в котором тридцать восемь известных немецких писателей рассказывают о том, как они начинали свою творческую деятельность.

В очерках и рассказах, помещенных в сборнике, предстает перед читателем путь прогрессивных писателей, писателей-борцов, умевших держать в руках и молот и оружие, а ныне столь же уверенно владеющих пером.

ВЫСТУПЛЕНИЕ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОГО ПИСАТЕЛЯ В ВЕЙМАРЕ

Западногерманский писатель Людвиг Бэте, как сообщила газета «Зоннтаг», сделал в Веймаре доклад о Фридрихе Шиллере. «Людвиг Бэте,— писала газета,— который... выступает как сторонник мирного объединения Германии, подчеркнул, что в интересах общегерманского взаимопонимания чрезвычайно важными являются поездки театров и оркестров по всей Германии, выступления писателей и взаимный обмен литературой, журналами и газетами».

НЕМЕЦКО-ЧЕХОСЛОВАЦКОЕ КУЛЬТУРНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Народы Германии и Чехословакии непрерывно укрепляют свои культурные связи. Недавно дирижер пражского Национального театра Зденек Халабала руководил немецкими музыкантами и певцами при подготовке передачи оперы Сметаны «Проданная невеста» по берлинскому радио.

Весной этого года чехословацкий режиссер К. Л. Захар и автор первой современной словацкой оперы «Крутнява» Евгений Сухонь приняли участие в ее постановке на сцене театра в Карлмарксштадте. Опера была горячо принята зрителями; печать отмечает,

что дирижер Мартин Эгелькраут и режиссер В. Брункен, отказавшись от излишнего увлечения элементами фольклора, сумели выдвинуть на первый план драматический конфликт оперы, отчего она значительно выиграла.

В свою очередь чехословацкие зрители проявляют большой интерес к немецким классикам и к современному искусству Германии. Центральный театр чехословацкой армии в Праге поставил «Дон Карлоса» Шиллера в новом переводе В. Фельдштейна. В Чехословакию неоднократно приезжали и неизменно пользовались успехом немецкие музыканты и артисты.

В этом году в Германской Демократической Республике и в Чехословакии была проведена «Неделя дружбы народов Чехословакии и Германии»; обе страны обменялись делегациями, куда входили представители культуры, искусства и рабочих Чехословакии, Германской Демократической Республики и Западной Германии.

«Неделя дружбы» открылась концертом, на котором была исполнена симфоническая поэма Сметаны «Лагерь Валленштейна», написанная по мотивам трагедии Шиллера. В Чехословакию приехал из Германии и дал ряд концертов пианист лауреат государственной премии Амадеус Веберзинке; в Германию выехал ансамбль песни и пляски «Ясенка».

Чехословацкие зрители знают и высоко ценят германское киноискусство. Из семидесяти фильмов, выпущенных в ГДР, две трети демонстрировались на экранах Чехословакии.

ГЕРМАНСКАЯ ФЕДЕРАЛЬНАЯ РЕСПУБЛИКА

„ОБ ЭТОМ СТОИТ ПОГОВОРИТЬ"

Журнал «Ди культур», издающийся в Штутгарте, опубликовал статью под заглавием: «Нейе дейче литератур»: программа Востока — а что делаем мы?» Приводим выдержки из этой статьи.

«Даже с чисто внешней стороны «Нейе дейче литератур» вызывает чувство зависти у западногерманских писателей. Подобного печатного органа, который стоял бы приблизительно на таком же уровне в освещении вопросов нашей жизни и творчества, наших нужд и желаний, у нас, писателей, нет.

Насколько мне известно,— подчеркивает автор статьи, — в Федеральной республике ни разу нигде не было упомянуто об этом сравнительно молодом журнале. И это неправильно! Ибо название журнала все же программно, он публикует или хочет публиковать произведения новой немецкой литературы; это означает, что журнал не ограничивается только произведениями восточногерманской литературы. Об этом уже стоит поговорить.

Почему? Позволю себе воспользоваться случаем и указать на другой образчик восточногерманской журнальной продукции, а именно — на издаваемый на чрезвычайно высоком уровне столь же объемистый двухмесячник «Зинн унд форм». Этот журнал, который редактирует относительно молодой, известный также и в Западной Германии поэт Петер Хухель, к сожалению, почти совершенно незнаком нашим широким кругам».

Далее в статье перечисляются произведения западногерманских писателей, рецензии и статьи о книгах западногерманских авторов, опубликованные в журнале «Нейе дейче литератур».

«Итак, первые попытки, эксперименты и выступления соответствуют программному названию журнала «Нейе дейче литератур»,— говорится далее в статье.— То, что они удались не сразу, понятно.

...Но тот факт, что такие попытки вообще предпринимаются и не у нас, а опять по ту сторону злосчастной зональной границы, показывает, как мало проявляется у нас подлинной инициативы в немецком духе, будь то в области литературы или в других областях, имеющих попрежнему самое существенное значение для всей Германии.

Пример «Нейе дейче литератур» свидетельствует, что игнорировать эти явления и не принимать их к сведению значило бы быть узколобым. Необходимо поэтому... чтобы хотя бы наши солидные западногерманские газеты и журналы обращались к восточногерманским писателям, призывали их высказать свою точку зрения на все актуальные вопросы немецкой литературы и искусства, знакомить нас с образцами их произведений, с их творчеством. Наше незнакомство с их творчеством — сознаемся в этом — является ужасающим и едва ли может быть оправдано. Такая неосведомленность — сознаемся и в этом — может стать опасной, если не губительной. То, что я говорю об этом со всей определенностью — подчеркиваю во избежание абсурдных подозрений, — вовсе не означает, что я пытаюсь заниматься политическими фокусами. Я говорю обо всем этом в интересах немецкого искусства и литературы. Мы имеем право быть всесторонне и полностью ориентированными. Наша разделенная ныне надвое литература — это наша национальная нелепость, национальное несчастье. Я убежден в том, что прежде всего молодые писатели по ту сторону зональной границы, о которых мы почти ничего не знаем, едва ли хотят давать нам «политические разъяснения» и едва ли в состоянии это сделать. Но они очень хотят стать известными во всей Германии и показать нам, на что они способны и чего мы можем от них ожидать. В этом сходятся наши интересы, здесь нужно проявить инициативу. Это нужно сделать, чтобы не оставаться — извините за

резкое выражение, но оно уместно — круглыми невеждами, какими ныне является большинство из нас в отношении немецкой литературы».

ДАНИЯ

НЕУСТРАШИМЫЙ БОРЕЦ ЗА ДЕМОКРАТИЮ

В издательстве Клаусена (г. Копенгаген) вышла книга «Торгни Сегерштедт», написанная Ингрид Сегерштедт Виберг.

Торгни Сегерштедт — шведский журналист. Он был долгое время редактором крупной газеты в Гётеборге — «Хандельс ог Шёфартстиднинг». Своей неустанной борьбой против нацизма Сегерштедт вызывал восхищение не только у всех патриотически настроенных людей Швеции, но и далеко за пределами своей страны.

3 февраля 1933 года, то есть спустя четыре дня после захвата власти нацистами в Германии, Сегерштедт поместил гневно-ироническую статью, в которой писал: хотя господство гитлеровцев «едва ли продолжится слишком долго, — но каждый день — лишний день».

Вскоре после опубликования статьи Сегерштедта Геринг прислал в Гётеборг возмущенную телеграмму; в ней он заявил протест против помещения статьи и запрашивал, намерена ли газета в дальнейшем публиковать подобные высказывания. На это Сегерштедт со свойственной ему непоколебимостью ответил: «Мы симпатизируем немецкому народу, но не тем, кто приведет немецкий народ к новым несчастьям».

Газета «Ланд ог фольк», сообщая о выходе книги, посвященной памяти Сегерштедта, пишет: «Статьи Сегерштедта часто напоминали прокламации. Боровшиеся против него влиятельные силы пытались доказать, будто Сегерштедт наносит ущерб «истинным интересам страны», но он оставался верен своим взглядам: он не стал наемным писакой. Несмотря на неоднократные репрессии, обрушиваемые на его газету, несмотря на запрет помещать объявления, несмотря на бойкот, он ни на иоту не отступил от своих убеждений. В книге, написанной его дочерью, перед нами встает замечательный образ честного и вдохновенного журналиста и демократа».

Ингрид С. Виберг приводит в своей книге выдержки из нашумевших в свое время статей Сегерштедта. Они и сейчас звучат злободневно и воспринимаются как страстный и убежденный призыв к борьбе за мир и демократию.

* * *

В дни празднования десятой годовщины со дня освобождения Норвегии от нацистской оккупации в Университетском парке города Осло был открыт в торжественной обстановке памятник Торгни Сегерштедту, как одному из лучших друзей норвежских патриотов, поднявшихся на борьбу против фашистских захватчиков.

„ПЯТЬ ЛЕТ"

Поставленный в Дании кинофильм «Пять лет» посвящен тяжелым годам немецко-фашистской оккупации страны (1940 — 1945 годы), борьбе сил Сопротивления и освобождению страны весной 1945 года.

В фильме использованы кадры из немецкой кинохроники военных лет, а также материалы киносъемок, произведенных датскими патриотами с опасностью для жизни. Несмотря на жестокие преследования со стороны немецко-фашистских оккупантов, датским патриотам удалось полностью сохранить все заснятые ими кадры.

Фильм был выпущен к десятой годовщине со дня освобождения Дании от немецкой оккупации. Он создавался при активном участии бывших подпольных групп и тайно работавших кинооператоров.

Большую помощь в создании кинофильма «Пять лет» оказал киноархив Национального музея, а также общество «Данск культурфильм». Главный консультант фильма — профессор Йёрген Хеструп. Музыка написана композитором Свендом Эриком Тарпом. Большую часть дикторского текста читает известный датский актер Могенс Виит.

«Несмотря на ряд недостатков, — пишет автор рецензии в газете «Ланд ог фольк»,— фильм «Пять лет» имеет огромное значение, так как он напоминает о великой борьбе датского народа против ненавистного фашизма».

ЕГИПЕТ

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ ОТВЕРГАЮТ ТУРЕЦКО-ИРАКСКИЙ ПАКТ

Египетские писатели и деятели культуры, представители самых различных направлений и политических взглядов, выступили в печати с совместным заявлением, в котором осуждают турецко-иракский пакт и политику империализма.

В заявлении, в частности, говорится:

«Египетские литераторы и деятели культуры считают, что расцвет культуры связан с сохранением всеми странами своей независимости и с мирной созидательной жизнью, основанной на уважении национального суверенитета и расширении свободного культурного обмена между всеми народами. Вот почему египетские писатели и деятели культуры решительно отвергают пакт Нури — Мендереса [то есть турецко-иракский пакт.— *Ред.*], который втягивает Ирак и арабские страны в военные авантюры империализма, так же как единодушно отвергают все военные блоки, которые прямым или косвенным образом привязывают арабские страны к колеснице империализма».

резкое выражение, но оно уместно — круглыми невеждами, какими ныне является большинство из нас в отношении немецкой литературы».

ДАНИЯ

НЕУСТРАШИМЫЙ БОРЕЦ ЗА ДЕМОКРАТИЮ

В издательстве Клаусена (г. Копенгаген) вышла книга «Торгни Сегерштедт», написанная Ингрид Сегерштедт Виберг.

Торгни Сегерштедт — шведский журналист. Он был долгое время редактором крупной газеты в Гётеборге — «Хандельс ог Шёфартстиднинг». Своей неустанной борьбой против нацизма Сегерштедт вызывал восхищение не только у всех патриотически настроенных людей Швеции, но и далеко за пределами своей страны.

3 февраля 1933 года, то есть спустя четыре дня после захвата власти нацистами в Германии, Сегерштедт поместил гневно-ироническую статью, в которой писал: хотя господство гитлеровцев «едва ли продолжится слишком долго, — но каждый день — лишний день».

Вскоре после опубликования статьи Сегерштедта Геринг прислал в Гётеборг возмущенную телеграмму; в ней он заявил протест против помещения статьи и запрашивал, намерена ли газета в дальнейшем публиковать подобные высказывания. На это Сегерштедт со свойственной ему непоколебимостью ответил: «Мы симпатизируем немецкому народу, но не тем, кто приведет немецкий народ к новым несчастьям».

Газета «Ланд ог фольк», сообщая о выходе книги, посвященной памяти Сегерштедта, пишет: «Статьи Сегерштедта часто напоминали прокламации. Боровшиеся против него влиятельные силы пытались доказать, будто Сегерштедт наносит ущерб «истинным интересам страны», но он оставался верен своим взглядам: он не стал наемным писакой. Несмотря на неоднократные репрессии, обрушиваемые на его газету, несмотря на запрет помещать объявления, несмотря на бойкот, он ни на иоту не отступил от своих убеждений. В книге, написанной его дочерью, перед нами встает замечательный образ честного и вдохновенного журналиста и демократа».

Ингрид С. Виберг приводит в своей книге выдержки из нашумевших в свое время статей Сегерштедта. Они и сейчас звучат злободневно и воспринимаются как страстный и убежденный призыв к борьбе за мир и демократию.

* * *

В дни празднования десятой годовщины со дня освобождения Норвегии от нацистской оккупации в Университетском парке города Осло был открыт в торжественной обстановке памятник Торгни Сегерштедту, как одному из лучших друзей норвежских патриотов, поднявшихся на борьбу против фашистских захватчиков.

„ПЯТЬ ЛЕТ"

Поставленный в Дании кинофильм «Пять лет» посвящен тяжелым годам немецко-фашистской оккупации страны (1940 — 1945 годы), борьбе сил Сопротивления и освобождению страны весной 1945 года.

В фильме использованы кадры из немецкой кинохроники военных лет, а также материалы киносъемок, произведенных датскими патриотами с опасностью для жизни. Несмотря на жестокие преследования со стороны немецко-фашистских оккупантов, датским патриотам удалось полностью сохранить все заснятые ими кадры.

Фильм был выпущен к десятой годовщине со дня освобождения Дании от немецкой оккупации. Он создавался при активном участии бывших подпольных групп и тайно работавших кинооператоров.

Большую помощь в создании кинофильма «Пять лет» оказал киноархив Национального музея, а также общество «Данск культурфильм». Главный консультант фильма — профессор Йёрген Хеструп. Музыка написана композитором Свендом Эриком Тарпом. Большую часть дикторского текста читает известный датский актер Могенс Виит.

«Несмотря на ряд недостатков, — пишет автор рецензии в газете «Ланд ог фольк»,— фильм «Пять лет» имеет огромное значение, так как он напоминает о великой борьбе датского народа против ненавистного фашизма».

ЕГИПЕТ

ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ ОТВЕРГАЮТ ТУРЕЦКО-ИРАКСКИЙ ПАКТ

Египетские писатели и деятели культуры, представители самых различных направлений и политических взглядов, выступили в печати с совместным заявлением, в котором осуждают турецко-иракский пакт и политику империализма.

В заявлении, в частности, говорится:

«Египетские литераторы и деятели культуры считают, что расцвет культуры связан с сохранением всеми странами своей независимости и с мирной созидательной жизнью, основанной на уважении национального суверенитета и расширении свободного культурного обмена между всеми народами. Вот почему египетские писатели и деятели культуры решительно отвергают пакт Нури — Мендереса [то есть турецко-иракский пакт.— *Ред.*], который втягивает Ирак и арабские страны в военные авантюры империализма, так же как единодушно отвергают все военные блоки, которые прямым или косвенным образом привязывают арабские страны к колеснице империализма».

Под заявлением стоят подписи почти всех современных писателей Египта, в том числе одного из столпов буржуазной литературы Таха Хусейна, прогрессивного писателя Абдаррахман аш-Шаркави (автора романа «Земля»), либерально-настроенного писателя С. Муса и многих других представителей литературы, людей самых различных политических взглядов, объединенных общим стремлением сохранить мир и независимость своей страны.

ИЗДАНИЕ КНИГИ В. ПУДОВКИНА

В Египте, как сообщает журнал «Роза аль-Юсеф», переведена на арабский язык книга советского кинорежиссера Пудовкина*. По утверждению журнала, она явится одним из основных учебных пособий в египетском институте кинематографии, открывающемся в этом году.

ИНДИЯ

СБОРНИК СТИХОВ РАУТ РОЯ

Сочи Раут Рой — индийский поэт, один из выдающихся представителей литературы народа ория (штат Орисса).

Сборник его стихов под названием «Юный лодочник и другие поэмы» вышел в переводе на английский язык в Калькутте. Первую его поэму, стяжавшую ему известность,— «Юный лодочник» — перевел на английский язык еще в 1942 году индийский драматург и поэт Харидранат Чаттопадхайя.

Поэма эта была сочувственно встречена критикой и прогрессивной общественностью за страстность тона, за искренность, которою она проникнута. В центре поэмы мальчик-подросток Баджи Раут — одна из жертв колонизаторов, организовавших в Ориссе кровавую расправу над крестьянами-патриотами.

Поэт призывает своих собратьев по перу спуститься с высот «чистого искусства» и погрузиться в самую гущу реальной жизни.

Тематика стихов Сочи Раут Роя проникнута идеями борьбы за свободу и независимость индийского народа.

В своей «Оде Человеку» поэт напоминает: хотя человек рожден для того, чтобы быть свободным, он во многих странах все еще в цепях. Поэт призывает к тому, чтобы люди поднялись на борьбу за свои права.

Перевод сборника поэм Сочи Раут Роя на английский язык знакомит с этим талантливым представителем современной литературы Индии.

ВЫСТАВКА НАЦИОНАЛЬНОГО ИСКУССТВА

Важным событием в развитии национального искусства — по сообщению еженедельника «Блитц» — явилась открывшаяся в Дели выставка произведений художников и скульпторов Индии. На выставке, организованной по инициативе Национальной академии искусств, были представлены работы, отобранные специальной комиссией в составе таких искусствоведов и критиков, как Мулк Радж Ананд, Бишну Дей, Р. В. Лейден, Г. Венкатчалам и Радж Кришнадас.

Многочисленные экспонаты дают возможность посетителям ознакомиться с творчеством индийских художников, отображающих различные периоды истории страны. Значительное место на выставке занимают картины и скульптурные изображения, показывающие Индию сегодняшнего дня и воплощающие чаяния индийского народа, его горячее стремление к миру.

К категории таких произведений, как утверждает еженедельник «Блитц», относится, например, картина художника Рам Кумара «Ужас войны», проникнутая глубокой ненавистью к тем, кто намерен ввергнуть человечество в пучину новой мировой войны.

Значение выставки не исчерпывается художественными и социальными достоинствами представленных на ее стендах произведений искусства. Не менее важно и то, что она открывает возможности для роста творческого мастерства талантливого индийского народа. Как подчеркивает печать Индии, права на участие в выставке национального искусства удостоены и те художники и скульпторы, кто пока еще мало известен в стране, но уже показал свое незаурядное мастерство.

ИНДОНЕЗИЯ

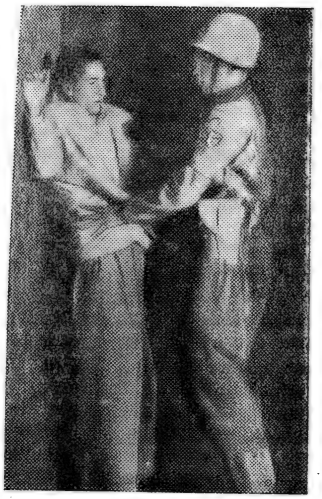
ФЕСТИВАЛЬ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ КИНОФИЛЬМОВ

В Индонезии состоялся первый в истории отечественной кинематографии фестиваль национальных кинофильмов. Он проводился одновременно в шести крупных городах страны: Джакарте, Сурабае (остров Ява), Медане, Палембанге (остров Суматра), Макассаре (остров Целебес) и Банджармасине (остров Борнео).

Выходящий в Джакарте еженедельник «Сиасат» пишет, что организаторы фестиваля преследовали три основные цели: содействовать дальнейшему развитию киноиндустрии страны, улучшить качество выпускаемых фильмов как в техническом, так и в художественном отношении, установить путем демонстрации фильмов дружеские культурные связи между Индонезией и другими странами.

Во время фестиваля демонстрировалось двенадцать

* Название книги в журнале не приводится. Видимо, речь идет о книге «Актер в кино».



Кадр из фильма „Поздно ночью". Слева – актер А. Н. Алькафф в главной роли.
(Журнал „Сиасат")

фильмов, выпущенных за последние пять лет.

В их числе—фильм «Поздно ночью», созданный двумя киностудиями — «Перфини» и «Персари». Автор сценария—Асрул Сани, режиссер — Усмар Исмаил. В главных ролях — известные представители индонезийского киноискусства — Алькафф, Далиа и Нетти Эравати. В фильме показаны трудности, с которыми пришлось столкнуться демобилизованному воину, вернувшемуся в родной город после длительного пребывания в армии.

Фильм «Пантера» (выпуск киностудии «Перфини») представляет собой экранизацию старинной легенды, которая впервые была записана на языке минангкабау. Пантера — это прозвище благородного воина Лукмана, в совершенстве владевшего сложным искусством фехтования — «пенчак». О приключениях Лукмана, роль которого исполняет актер Бамбанг Эрманто, и рассказывается в фильме «Пантера».

Киноактриса Нетти Эравати, снимавшаяся в фильме „Поздно ночью".
(Газета „Берита Индонезия")

Заэнах, одна из наиболее известных киноактрис Индонезии, в палембангской национальной одежде
(Журнал „Сиасат")

Социальной проблематике посвящены такие фильмы, как «Джакарта в ночные часы», «Оковы общества», «Тармина» и другие.

Газета «Берита Индонезия» сообщает, что жюри, возглавляемое Ситуром Ситуморангом, присудило премии двум фильмам: «Поздно ночью» и «Тармина». Лучшим актером признан А. Н. Алькафф, лучшей актрисой — Далиа. Алькаффу 30 лет, он начал сниматься в 1951 году. Далиа — актриса с большим стажем, она снимается уже 15 лет.

Лучшим режиссером жюри признало Лили Суджио, поставившего фильм «Тармина», а лучшим сценаристом — Суманто, автора сценария фильма «Пантера».

Создание отечественной кинематографии в Индонезии — важный фактор в борьбе за расцвет подлинно национальной культуры в стране.

ИТАЛИЯ

ЗАТРУДНЕНИЯ И ЖАЛОБЫ КИНОРЕЖИССЕРОВ

На страницах журнала «Вие нуове» № 20 (за май 1955 г.) крупнейшие кинорежиссеры Италии поделились своими творческими планами, на осуществление которых в настоящее время, по их собственному признанию, почти никто из них не надеется.

Луиджи Дзампа хотел бы создать фильм, посвященный нашумевшему в стране делу об убийстве Вильмы Монтези, совершенном представителями итальянской «золотой молодежи», и разложению, царящему в «высшем свете». «Однако, — пишет Дзампа, — сегодня в Италии нечего и думать о том, что постановка подобной картины будет разрешена».

Интересные творческие замыслы у режиссера Витторио де Сика. Он мечтает сделать фильм по рассказу А. П. Чехова «Степь». Но нынешняя политика итальянских правящих кругов, по мнению де Сика, исключает возможность осуществления этого замысла, поскольку фильм должен был бы целиком сниматься в России, в местах, вдохновивших Чехова на создание рассказа.

«Мне очень хотелось бы,— пишет Лукино Висконти,— поставить фильм по роману Пратолини «Метелло». И здесь сразу же возникают опасения: как к этому отнесутся предприниматели?»

Таковы лишь некоторые из творческих замыслов кинорежиссеров Италии. Богатство и разнообразие этих

замыслов со всей очевидностью свидетельствуют о том, что в затруднениях, испытываемых итальянским киноискусством, повинны не деятели кинематографии, а пагубная политика правящих кругов. Именно это достаточно красноречиво подчеркнул режиссер Роберто Росселини, заявивший, что «сегодня в Италии сложилась такая ситуация, при которой лучше и не помышлять о творческих планах наподобие тех, какие были у нас в первые послевоенные годы».

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ОПРОС

Журнал «Календарио дель пополо» недавно обратился к своим читателям с вопросом: «Какое литературное произведение из числа прочитанных за последнее время особенно понравилось вам и почему?»

Ответы, присланные в редакцию, свидетельствуют о том, что наибольшей популярностью пользуются произведения В. Гюго (особенно роман «Отверженные») и В. Пратолини.

Последний роман Пратолини «Метелло» стал любимым произведением множества итальянцев. «Живущие по соседству со мной каменщики, батраки и их жены своими поступками, образом мыслей, вкусами и привычками очень напоминают мне героев романа Пратолини, — пишет рабочий — строитель из Модены.— В этом, по-моему, главное достоинство романа и мастерство писателя».

Рядом с именами итальянских авторов читатели назвали Сервантеса, Стендаля, Золя, Фаста, Лондона, Ибаньеса и др.

Многие из опрошенных среди любимых книг называют произведения А. Чехова. Ф. Достоевского, Н. Островского.

О большом впечатлении от романа А. Бека «Волоколамское шоссе» пишет рабочий металлургического завода. Прочитав роман, он, по его собственным словам, понял, какими путями пришел советский народ к победе в минувшей войне и чем была обеспечена эта победа.

„ОТКРЫТИЕ" ОДНОГО ГОРОДА

Новая книга «Об одном городе» является первой в начавшей выходить в свет серии «Моя Италия». Авторы книги—известный итальянский киносценарист Дзаваттини и американский фотограф Стрэнд; последний уехал из США сначала во Францию, а затем в Италию.

Книга «Об одном городе» посвящена Луццаре. Луццара — небольшой город, каких много в долине реки По. Богатая земля и нищее население, находящееся под постоянной угрозой плохого урожая и коварно-неумолимых разливов реки По.

Но главное в этой необычной книге — это вовсе не По со своими далями и берегами, не свежескошенные луга, не городские улицы и площади, запечатленные на снимках, а жители Луццары с их бедностью и горем, с их вечными поисками работы.

Из текста книги, написанного Дзаваттини, читатель узнает о Народном доме в Луццаре и об обычаях города, о тяжелом труде батраков и о том, как они проводят свой досуг.

Что касается снимков Стрэнда, то это не просто блестящие иллюстративные фотографии; так же как и текст, они полны глубокого сочувствия к людям. Даже в пейзажных снимках реки По явственно ощущается присутствие человека.

«Эта книга, которую с удовольствием читаешь и смотришь, является вкладом первостепенного значения в дело правдивого ознакомления с нашей страной»,—пишет «Унита».

КИТАЙ

ЛИТЕРАТУРА ШАНХАЯ

По сообщению журнала «Вэньи юэбао» («Ежемесячник литературы и искусства»), шанхайские отделения Союза китайских писателей и Всекитайского объединения работников литературы и искусства совместно с городской библиотекой организовали выставку «Литература Шанхая». На ней представлено свыше тысячи произведений, отражающих литературную жизнь Шанхая после освобождения.

Первый раздел выставки знакомит с творчеством шанхайских рабочих, с их книгами, напечатанными в различных китайских и иностранных журналах. Этот раздел выставки особенно ярко показывает заботу партии и народного правительства о культурном росте рабочего класса.

Второй раздел выставки отведен литературно-художественным журналам. Здесь представлен орган шанхайского отделения Союза китайских писателей — журнал «Вэньи юэбао» и другие журналы, выходившие в Шанхае после освобождения, — «Рассказы», «Литература масс», «Вестник театра», «Народное кино», «Народный театр» и другие.

На стендах третьего раздела выставки — романы, рассказы, стихи, очерки, пьесы, сценарии и другие художественные произведения шанхайских писателей, а также фотоснимки театральных постановок.

Специальный раздел выставки — четвертый —посвящен переводной литературе: в нем представлены переводы советской литературы и литературы стран народной демократии, а также и прогрессивных писателей капиталистических стран, выполненные шанхайскими переводчиками.

На отдельных стендах отображено активное участие литераторов Шанхая в общественно-политической жизни страны.

В пятом разделе выставки — произведения для детей и детские литературные журналы — «Маленький друг», «Детская литература», «Эпоха детей».

Центральное место на выставке отведено произведениям Горького и Лу Синя. Отдельный стенд занимает творчество писателя революционера Цюй Цю-бо.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ЧИТАТЕЛЕЙ

Газета «Гуанминжибао» под рубрикой «Говорит читатель» поместила следующее предложение читателя Дай Хун-чи:

«Лу Синь не только писатель с мировым именем, но и великий революционер, его жизнь и героическая борьба имеют и всегда будут иметь огромное воспитательное значение для нашего народа и особенно — для молодежи. Поэтому я предлагаю побыстрее снять кинофильм о жизни Лу Синя; хочется надеяться, что в недалеком будущем мы сможем увидеть такой фильм».

Читатель Вэнь Ман там же пишет:

«Хорошая песня нас воодушевляет. Для дальнейшего улучшения качества песен и привлечения новых сил к этому жанру руководящим литературой и искусством органам следовало бы подумать о соответствующем периодическом издании, где печатались бы лучшие песни, статьи о песенном творчестве и т. д.»

ИЗДАНИЕ НОВОГО ЖУРНАЛА

С апреля начал выходить журнал «Изучение философии», который будет посвящен изучению и освещению проблем исторического и диалектического материализма, популяризации классических философских работ китайских и зарубежных философов, ознакомлению читателей с новыми трудами по философии, изданными в Китае и за рубежом.

МУЗЕЙ ПОЭТА ДУ ФУ

В городе Чэнду состоялось официальное открытие музея классика китайской литературы поэта Ду Фу.

Вышивка, относящаяся к Сунской эпохе. Изображает древнекитайского философа Лаоцзы на буйволе. В числе многих других художественных ценностей, принадлежащих китайскому народу, находится сейчас на Тайване.

В музее представлены сочинения Ду Фу, издававшиеся в различное время переводы его стихов на русский, английский, немецкий и французский языки, автографы знаменитых каллиграфов сунской, юаньской, минской и цинской династий. Всего в музее собрано свыше трех с половиной тысяч экспонатов.

ЛИВАН

ВЫПУСК СЛОВАРЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Крупным событием в культурной жизни арабских стран в 1954 году был вы-

Делегация деятелей культуры Индии летом этого года посетила Китай. На помещаемых нами зарисовках художника Е Цянь-юя изображены индийские танцы в стиле катакхали и катхак (справа).

пуск словаря арабского литературного языка «Муджима», составленного ливанским ученым шейхом Аляили.

В этом году в Бейруте предпринято издание 70-томного классического арабского словаря «Лисан аль-араб» («Язык арабов»), составленного средневековым грамматиком Ибн-Мукаррамом (род. в 1311 году). В приложении к словарю будет дана современная арабская научная терминология, одобренная Академией арабского языка в Каире. Первые тома словаря уже вышли из печати.

ПИСАТЕЛЬ АББУД ИЗБРАН АКАДЕМИКОМ

Известный прогрессивный ливанский писатель и литературовед Марун Аббуд, по сообщению журнала «Ат-Тарик», избран членом арабской Академии наук в Дамаске (Сирия).

Марун Аббуд — еще сравнительно молодой писатель — широко известен трудами по арабской филологии и литературными произведениями.

Есть у М. Аббуда повесть, в которой он описывает феодальное прошлое Ливана, жестокое угнетение крестьян при эмире Башире, которого ливанские буржуазные историки провозглашают национальным героем.

Рассказы Аббуда посвящены невзгодам и радостям простых людей, в них изображена также жестокость эксплуататоров.

В своей большой литературоведческой работе «Новые и старые» («Джудуд уа кудама») М. Аббуд исследует творчество классических и современных арабских писателей и поэтов.

НОРВЕГИЯ

ЮБИЛЕЙ ИНГЕР ХАГЕРУП

Норвежской писательнице Ингер Хагеруп исполнилось 50 лет.

Первый сборник стихотворений И. Хагеруп «Я заблудилась в лесах» вышел в 1939 году. В годы оккупации Норвегии гитлеровцами Хагеруп создала свое знаменитое стихотворение «Они сожгли дома...», в котором призывала народ вести беспощадную и непримиримую борьбу за свое освобождение. Стихотворение это стало весьма популярным, хотя и распространялось нелегально. После войны были опубликованы следующие сборники ее стихов: «Дальше» (1945), «Как клятвы...» (1946), «Седьмая ночь» (1947).

С 1946 года Ингер Хагеруп является литературным критиком газеты «Фрихетен». Ее новеллы и стихи часто публикуются на страницах прогрессивной прессы скандинавских стран. В последние годы Хагеруп удачно выступила в новом для нее жанре — в качестве автора интересных текстов для радиопостановок.

Массовому норвежскому читателю хорошо запомнились также многочисленные публицистические выступления Хагеруп против поджигателей войны.

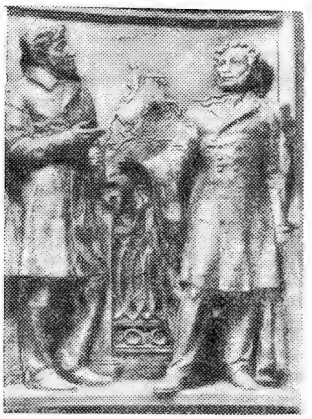
ПОЛЬША

ПОДГОТОВКА К ЮБИЛЕЮ МИЦКЕВИЧА

Польские издательства и журналы принимают деятельное участие в подготовке отмечаемого в ноябре столетия со дня смерти Адама Мицкевича. На книжном рынке появляются новые издания произведений поэта, в журналах публикуются посвященные ему статьи и материалы.

„НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ„

В текущем году заканчивается печатание «Национального собрания сочинений» Мицкевича в шестнадцати томах.



„Мицкевич и Пушкин" — барельеф на фасаде дома, в котором Мицкевич жил в Москве в 1827 г.

Краткий обзор истории этого издания, публиковавшегося на протяжении семи лет (с 1948 по 1955 год), содержится в статье Б. Закжевского, помещенной в краковском журнале «Жице литерацке» и рецензирующей отдельные тома (письма Мицкевича и его «Лекции по славянским литературам»). Рецензент останавливается на трудностях научной подготовки текста и высоко оценивает новый польский перевод с французского «Лекций» Мицкевича, выполненный для данного издания Леоном Плошевским.

Далее в отзыве дается оценка публикации писем Мицкевича и попутно сообщаются сведения о предшествующих изданиях переписки поэта.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ПЕРЕВОД НА РУССКИЙ ЯЗЫК

В журнале «Жице литерацке» привлекает внимание заметка о неизвестном до сих пор переводе на русский язык четвертой части поэмы Мицкевича «Дзяды». Под заглавием «Страшный гость» перевод этот был опубликован издателем Стромбским в Варшаве в 1844 году.

„МИЦКЕВИЧ В РОССИИ"

Обзор научно-исследовательской деятельности Польско-Советского института сообщает, что в институте начата работа над монографией «Мицкевич в России». В основу будущего труда польских ученых положены новые материалы о Мицкевиче и письма поэта, хранящиеся в архивах Советского Союза. Институт предполагает также посвятить отдельные работы следующим темам: «Конрад Валленрод» в русских переводах» и «Пан Тадеуш» в русских переводах».

СТИХИ СОВРЕМЕННЫХ ПОЭТОВ

«Год Мицкевича» находит свое отражение и в творчестве современных польских поэтов. Поэт Леопольд Стафф написал стихотворение «Мицкевич».

Поэт и историк литературы Мечислав Яструн, автор выдержавшей ряд изданий и удостоенной Государственной премии биографии Мицкевича, посвятил ему свое новое стихотворение «1855—1955». В нем представлены поэтические образы людей из народа — воина, рабочего, ученого, любящей женщины, — для которых творческое наследие великого национального поэта продолжает оставаться всегда живым и вдохновляющим.

ПАТРИОТ И НАРОДНЫЙ ТРИБУН

Известный польский литературовед Стефан Жулкевский поместил в журнале «Полонистика» статью «Мицкевич — патриот и народный трибун». Статья характеризует Мицкевича как поэта-революционера и говорит о его глубоких связях с освободительным движением в Польше и во всей Европе.

Поэзия Мицкевича, «его энтузиазм и любовь к человечеству учат нас, — пишет Жулкевский, — что современное воплощение идей гуманизма, патриотизма и революционности — это строительство основ социализма в свободной Польше».

ВЫСТАВКА - НАПОМИНАНИЕ

В залах вроцлавской ратуши организована выставка, посвященная сокровищам польской национальной культуры, вывезенным в Канаду в 1940 году и, вопреки воле польского народа, задержанным там.

На выставке имеются фотокопии вывезенных в Канаду известных свентокшиских проповедей — памятника польской литературы XIII века, Флорианского псалтыря XIV века, а также материалов, связанных с жизнью и творчеством Фредерика Шопена, в частности автографов его нотных записей.

Среди многочисленных экспонатов большой интерес посетителей вызывают несколько подлинных аррасов (гобеленов) из коллекции польского короля Сигизмунда Августа, которые удалось сохранить в период гитлеровской оккупации. Остальные гобелены также находятся в Канаде.

Интересно отметить, что вавельские аррасы, бесценные произведения искусства эпохи Возрождения, в свое время были вывезены из Польши в царскую Россию; однако советское правительство уже в первые годы существования новой власти вернуло законному владельцу — польскому народу — принадлежащие ему культурные сокровища.

Вроцлавское научное общество посвятило специальную сессию вопросу о возвращении в Польшу памятников национальной культуры, незаконно удерживаемых канадскими властями; выступивший на сессии профессор Станислав Кульчинский сказал:

— Мы не можем согласиться и не соглашаемся с тем, чтобы сокровища искусства эпохи Возрождения, коллекции ягеллонских аррасов, документы, свидетельствующие о ведущей культурной роли Польши в Центральной Европе, были лишены заботы народа и оставались в чужих руках. Мы не позволим, чтобы наши песни, рожденные гением Шопена, находились в руках торгашей, для которых пожелтевшая бумага с записями, сделанными великим музыкантом, является всего лишь товаром.

Народ сам стоит на страже своего культурного наследия. И мы не хотим другой охраны для наших национальных памятников. Вывезенные из родной страны, они должны быть возвращены назад, на родину».

США

АМЕРИКАНСКИЙ РЕЖИССЕР О СИСТЕМЕ СТАНИСЛАВСКОГО

Журнал «Сатердэй ревью» опубликовал рецензию известного американского режиссера, считающего себя последователем Станиславского, Ли Страстберга на вышедшую недавно в США на английском языке книгу советского режиссера Н. Горчакова «Режиссерские уроки Станиславского».

Автор рецензии пишет: «Творчество Константина Станиславского оказывает совершенно особое и необычайно важное влияние на современный театр. Его режиссерская деятельность в Московском Художественном театре открыла новую эру театрального искусства. И зрители, и критики признают МХАТ первым театром мира. Менее известна зрителям педагогическая и теоретическая деятельность Станиславского, его работа в театральных студиях, где была заложена основа другой, более важной стороны его творчества, имеющей непреходящее значение; речь идет о создании блестящей системы воспитания актеров — прославленной «системы Станиславского».

После смерти Станиславского в 1938 году его идеи

продолжали широко распространяться и по сей день служат источником вдохновения для работников театра всего мира и показывают им путь вперед. В Германии существует Институт Станиславского, в Японии актеры современного театра изучают систему Станиславского, теория Станиславского имеет сильное влияние на творчество молодых американских режиссеров и актеров, и есть надежда, что это выльется в создание современного американского театрального стиля...»

Высоко оценивая книгу Н. Горчакова «Режиссерские уроки Станиславского», Ли Страсберг пишет о ней: «Это простое стенографическое, но удивительно живое описание и изложение того, что говорил и делал Станиславский, какие проблемы он пытался разрешить, сколько выдумки и воображения было в задачах, которые он давал актерам, чтобы помочь им найти образ. Книга как бы проводит читателя за кулисы и показывает им то, чего не видит зритель — репетиции, куда посетители обычно не допускаются. Она помогает понять, что имел в виду Станиславский, когда говорил, что его метод невозможно и не нужно просто копировать... Книгу Н. Горчакова должен прочесть каждый работник театра».

„ТРИНАДЦАТЫЙ ПРИСЯЖНЫЙ" СТИВА НЕЛСОНА

Одной из жертв похода реакции против прогрессивных сил США явился видный деятель компартии Стив Нелсон, обвиненный в «подстрекательстве к мятежу». Его книга «Тринадцатый присяжный» вышла не так давно в Нью-Йорке. Книга имеет подзаголовок «Подоплека моего процесса». Сам процесс происходил в Питтсбурге, где особенно сильно влияние таких представителей крупного капитала, как Меллон, и другие заправилы корпораций. Книга Нелсона является, по словам «Дейли уоркер», «дневником бойца, славного сына американского рабочего класса».

Почему же Стив Нелсон назвал свою книгу «Тринадцатый присяжный», несмотря на то, что в американском суде обычно полагается двенадцать присяжных заседателей? Кто же «тринадцатый присяжный»? Ответ на этот вопрос содержится в обращении Стива Нелсона на суде к присутствующим присяжным: «Вас двенадцать человек,— сказал он,— но среди вас есть тринадцатый, хотя он физически и не сидит рядом с вами. Тринадцатый присяжный — это предрассудки, ханжество и изуверство. Тринадцатый присяжный — это узость взглядов, невежество, страх перед тем, что скажут люди. Это ваш босс, на которого вы работаете, вы его боитесь, так как он держит вас в страхе тем, что может лишить работы».

Стив Нелсон призвал присяжных быть самостоятельными и принципиальными в своем решении, не прислушиваться к угрозам, не подчиняться нажиму со стороны «тринадцатого присяжного».

Уже после того как Нелсон был приговорен по клеветническому обвинению к двадцати годам тюремного заключения, он включил в свою книгу характерный эпизод. Один из присяжных во время завтрака в закусочной неподалеку от здания суда имел неосторожность слух выразить мнение, что Нелсон ни в чем не виновен и что его следует оправдать. У выхода присяжного окружили четыре человека и зверски избили его до потери сознания. Участвовать в заседаниях суда он уже не смог...

По единодушным отзывам прогрессивной печати, книга Стива Нелсона — могучий обличительный документ. Страницы, посвященные описанию тюрьмы Блоунокс, называемой американцами «преддверием ада», производят сильное впечатление.

В целом новая книга Стива Нелсона — это политически убедительный и художественно сильный призыв к американскому народу разоружить, обезвредить «тринадцатого присяжного». «Тринадцатый присяжный»,— пишет «Дейли уоркер»,— должен быть изгнан американским народом, если он намерен сделать правильный выбор и пойти не по пути фашизма, а по пути подлинной демократии».

ИСТОРИЯ ОДНОГО НАШУМЕВШЕГО РОМАНА

«В джунглях грифельных досок» — так называется нашумевший роман американского писателя Ивена Хантера о негритянской и иммигрантской молодежи, обучающейся в городских ремесленных школах США. «Грифельные доски, но без джунглей»— озаглавил свою статью по поводу этой книги молодежный журнал «Челлендж», выходящий в Нью-Йорке.

В романе Хантера, пишет «Челлендж», ремесленная школа изображается своего рода «мусорным ящиком», ученики ее — отпетыми головорезами, а учитель — жертвой, которой поручено «держать плотно закрытой крышку мусорного ящика», подвергаясь при этом постоянной опасности.

Буржуазная печать широко разрекламировала эту книгу, написанную на материале семнадцатидневного (!) опыта преподавания автора в одной из подобных школ. Хантера объявили «крестоносцем» -социологом, его сравнивают с Гюго, Диккенсом и Драйзером. Журнал «Лэдис хоум джорнэл» поместил этот роман в сокращенном виде на своих страницах, снабдив его броскими иллюстрациями; голливудская фирма «Метро-Голдуин-Майер» купила у автора право экранизации романа.

Корреспондент «Челлендж» побывал в рядовой ремесленной школе Бронкса (рабочий район Нью-Йорка). Он увидел там серьезную, увлеченную своим де-

лом, здоровую молодежь, которая озабочена своим будущим, недовольна тем, что детям рабочих трудно получить образование — даже ремесленные школы переполнены. Книга Хантера обсуждалась на уроке литературы и вызвала недоумение и возмущение учащихся.

Газета «Дейли пиплз уорлд» отмечает, что одноименный фильм, сделанный по этому роману, содержит правдивые моменты, что довольно редко встречается в продукции Голливуда: в нем показано тяжелое положение учителей, бедность и скученность, царящие в американских школах.

Но вся картина в целом создает впечатление, что сценарист и постановщик уклонились от честного, глубокого раскрытия проблем образования и воспитания американской молодежи, от показа социальных причин и истинных виновников роста детской преступности в США.

Основная ставка в фильме сделана на мнимо разоблачительную сенсационность, которая пронизывает и далекую от правды книгу Хантера.

ФРАНЦИЯ

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА С ЧАПЛИНОМ

В июне нынешнего года в Париже с большим успехом проходили выступления артистов китайского классического театра, так называемой пекинской оперы. Французская печать, независимо от партийной принадлежности, восторженно приветствовала спектакли, показанные в помещении театра «Сара Бернар» и Дворца Шайо. Вот некоторые отрывки из рецензий парижских газет:

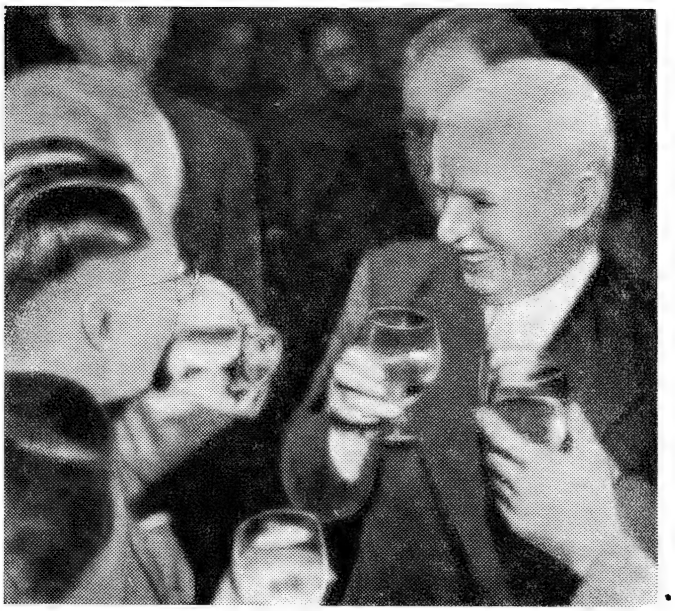
«Это был, конечно, очень любопытный спектакль: вызывавший удивление, поражавший своей необычностью и (почему бы не сказать?) пленивший зрителей очарованием... В нем было все — музыка, опера, драма, комедия и цирк. Какой высокий класс исполнения, какое поразительное отсутствие всякой вульгарности!» («Фигаро»).

«Успех пекинской оперы был огромен. Выступления китайских артистов явились, вероятно, самым большим — пластическим и живописным—открытием, сделанным на Парижском фестивале» («Монд»).

Критик газеты «Франс суар» подчеркивал, что редко «видел в театре овации, подобные тем, которыми зрители театра «Сара Бернар» стоя, полные восторга, наградили китайских артистов после этого незабываемого представления...»

По утверждению критика газеты «Паризьен либере», единственное пожелание, какое он хотел бы выразить, заключается в том, чтобы китайские артисты остались в Париже на год.

Высоко оценивали выступления пекинской оперы газеты «Юманите», «Либерасьон», а также «Комба», «Орор» и специальные еженедельные газеты.



Чарли Чаплин с группой китайских артистов.

(Газета „Юманите")

Китайские артисты уехали из Парижа, сохранив самые теплые воспоминания о своем пребывании там.

Среди многих встреч в столице Франции была одна, которая произвела на них особенное впечатление. Им довелось принимать у себя за кулисами Чаплина, прибывшего в Париж и просившего предоставить ему возможность увидеть спектакли китайских артистов.

В первом же антракте, как сообщила газета «Юманите», Чаплин прошел за кулисы и выразил свое восхищение артистам и музыкантам, приехавшим из далекого Пекина.

После окончания спектакля его участники снова встретились с замечательным киноартистом. Дружеская беседа затянулась далеко за полночь. Речь шла главным образом об искусстве, в частности об искусстве пантомимы. Чаплин вновь подтвердил свой глубокий интерес к театру великого китайского народа и свое намерение приехать в Китай и познакомиться с его искусством ближе и лучше.

НОВАЯ КНИГА ФРАНСУА ДЕ ЖОФФРА

Газета «Леттр франсез» поместила рецензию на книгу Франсуа де Жоффра. Автор этой книги — участник второй мировой войны, летчик, сражавшийся в 1942 году на советско-германском фронте в составе эскадрильи «Нормандия — Неман»; он награжден советскими и французскими боевыми орденами. После войны де Жоффр написал свою первую книгу «Нормандия — Неман» о героической истории эскадрильи. За ней последовало еще несколько книг.

В своей новой книге «От училища до эскадрильи» Франсуа де Жоффр переносит читателя в дни своей юности. Он рассказывает о том, как зародилось в нем призвание стать летчиком, о своих первых полетах на аэродроме в Орли, о жизни в училище, о поступлении в военно-воздушные силы, о военных действиях в 1939—1940 годах (когда он служил в истребительной авиации), о первых днях оккупации Франции, о своем отъезде на фронт в Советскую Россию...

«Книги Жоффра,— говорится в статье «Леттр франсез»,— богаты красками, изобилуют подробностями, исполненными жизни... Все в них — сюжет и стиль — предельно просто... Дело совести для него (автора) — напоминать о тех, кто сражался за свободу, кто погиб, чтобы возвратить мир нашему небу и нашей земле...»

ДЕСЯТИЛЕТИЕ ФЕДЕРАЦИИ КИНОКЛУБОВ

В Реймсе состоялся юбилейный конгресс Французской федерации киноклубов, на котором было отмечено десятилетие этой организации, занимающей сегодня важное место в культурной жизни Франции.

Газета «Юманите» в одной из своих статей напоминает, что киноклубы впервые возникли в 20-х годах. Известный кинодеятель Луи Деллюк выступил тогда с предложением объединить зрителей и киноработников на почве пропаганды лучших произведений мирового киноискусства. Но деятельность этих первых клубов была малозаметной. Лишь один из них — «Друзья Спартака»,— созданный в 1927 году и объединивший несколько тысяч парижан, любящих киноискусство, явился подлинным родоначальником нынешних киноклубов. На организованных этим клубом просмотрах парижане познакомились, в частности, с лучшими достижениями советской кинематографии того времени — «Броненосцем Потемкиным» Эйзенштейна и «Матерью» Пудовкина. Естественно, что такая деятельность «Друзей Спартака» не могла прийтись по вкусу тогдашнему фашиствующему префекту парижской полиции Кьяппу: этот клуб вынужден был прекратить свое существование.

В дальнейшем была предпринята попытка координировать деятельность различных киноклубов Парижа и провинции. Некоторые из них вели очень плодотворную работу. На базе одного парижского клуба в 1936 году создается нынешняя «Синематека Франции» — одна из самых крупных фильмотек в мире.

Но подлинное организационное оформление федерации происходит лишь в 1945 году. Сегодня в нее входит около 200 клубов. Федерация располагает рядом прав, которые она завоевала в упорной борьбе. Так федерация имеет право показывать своим членам любые фильмы, независимо от того, какое мнение о них высказала официальная цензура. Важным завоеванием федерации было запрещение контролировать ее доходы, поскольку цели, которые она преследует, не имеют ничего общего с коммерческими. Полицейские власти и финансовые органы неоднократно пытались нарушить эти права. Но федерация успешно отбила все атаки.

Председатель объединения директоров кинотеатров Ксардель отмечал на конгрессе в Реймсе, что федерация способствовала распространению во Франции вкуса к хорошим фильмам.

Число членов федерации все время растет. В нее вступают молодежные и студенческие клубы, а также рабочие клубы предприятий Франции. Объединяя в своих рядах всех искренних друзей хорошего фильма, федерация помогает широкому зрителю знакомиться с лучшими произведениями отечественной и мировой кинематографии.

„НА ПОЛУЖАЛОВАНИИ У РЕСПУБЛИКИ БЕЗ МУЗ"

Фраза, поставленная в качестве заголовка, приведена в книге Жанны Лоран, бывшей руководительницы отделения зрелищ и музыки французского министерства просвещения.

Автор книги, озаглавленной «Четвертая республика и изящные искусства», характеризует с помощью приведенной фразы нынешнее положение искусства и науки в послевоенной Франции.

Жанна Лоран отмечает, что на нужды просвещения и искусства в государственном бюджете предусмотрены средства, составляющие 0,1% общей суммы расходов. Доля генеральной дирекции по делам изящных искусств в бюджете, по словам автора, не составляет и франка на тысячу франков других расходов.

Подробно останавливается Жанна Лоран и на том, как такое положение отражается на французском изобразительном искусстве — живописи, скульптуре. Материальное положение художников и скульпторов во Франции,— пишет она,— крайне тяжелое. Дороговизна красок, полотна и т. п. серьезно затрудняет их творческую работу. В то же время заказы — государственные и частные — непрерывно сокращаются.

Во Франции после 1944 года не был восстановлен ни один разрушенный во время войны театр. Нет в стране и ни одного орке-

стра, музыканты которого получали бы твердый оклад от государства.

Основная масса французских театров находится в частных руках и стремится удовлетворять вкусы буржуазии. Национальных драматических театров, призванных играть важную роль в художественном воспитании народа, очень мало. В их числе — Национальный народный театр (ННТ) и региональные (областные) драматические центры. Но, пишет Жанна Лоран, вместо того, чтобы закрепить эти, ставшие возможными лишь после войны достижения, отвечающие интересам нации, «государство, видимо, отказывается что-либо делать». Созданные новые театральные труппы не имеют помещений и оборудования. В распоряжение ННТ выделен огромный зал Дворца Шайо, который скорее приспособлен для демонстрации кинофильмов.

«Нынешнее положение объясняется влиянием тех, кто не видит в искусстве предмета первой необходимости,— пишет Жанна Лоран в своей статье, опубликованной в газете «Ар» и могущей служить дополнением к ее книге.— Эти люди охотно повторяют слова Анатоля де Монзи, сказанные Жану Зей: «Почему вы занимаетесь театром? Министр просвещения не должен заниматься театром... Что такое театр на самом деле?»

Оценивая богатую фактами и верными наблюдениями работу Жанны Лоран в целом, газета «Юманите» отмечает, что эта сильная в своей критической части и более слабая в выводах книга представляет, тем не менее, «интерес для всех тех, кто стремится защитить культуру от капитализма — разрушителя всего, что дорого человеку».

ВЫСТАВКА ПИКАССО В ЛУВРЕ

В Париже, в Музее декоративных искусств Лувра открылась выставка картин Пабло Пикассо. Здесь — по сообщению «Леттр франсез» — было собрано 135 полотен из музеев Европы и Америки, из больших частных собраний. Сам Пикассо дал на выставку 42 свои картины.

Представленные на выставке в Лувре произведения дают возможность посетителям проследить за эволюцией творчества художника от его истоков и до наших дней.

* * *

За последние десять лет, с 1945 года, о Пикассо и его творчестве создан ряд короткометражных фильмов. По данным, опубликованным в журнале «Вог», пять из них появились во Франции, два — в США, два — в Бельгии, один — в Дании.

В Италии недавно завершены съемки еще одного документального фильма, который снимал известный итальянский кинематографист Лучано Эммер.

По сообщению газеты «Либерасьон», французский режиссер Клузо намерен также сделать документальный фильм о Пикассо.

ПЬЕСЫ ЧЕХОВА В ТЕАТРАХ ПАРИЖА

Драматургия Чехова всегда была популярна во Франции. Известные актеры из семьи Питоевых систематически ставили в различных театрах пьесы А. П. Чехова и сами играли в них. Время от времени пьесы великого русского драматурга включались в репертуар и другими театрами. Весной нынешнего года в трех крупнейших парижских театрах шли три пьесы Чехова одновременно.

Пабло Пикассо. Пьерро, 1918 г.

В театре «Мариньи», где постоянно играет труппа, возглавляемая известными актерами Мадлен Рено и Жан-Луи Барро, был показан «Вишневый сад». Спектакль, высоко оцененный критикой, выдержал 120 представлений за один сезон. Когда в апреле был объявлен 120-й спектакль «Вишневого сада», газета «Монд» писала: «Парижская публика с полным основанием увлекается пьесами Чехова».

Большим успехом пользуется постановка «Чайки» в театре «Ателье». «Юманите», оценивая работу режиссера Андре Барсак и игру таких актеров, как Катрин Селлерс (Нина), Валентина Тессье (Аркадина), Поль Бернар (Тригорин), пишет, что зрители уходят из зала «потрясенные и взволнованные».

Нынешней зимой парижское радио передало в записи «Чайку» с участием Людмилы Питоевой и ее ансамбля артистов. Кроме того, «Чайку» играли в минувшем сезоне артисты субсидируемого государством Драматического центра Востока.

Впервые показанная во Франции в 1929 году, пьеса «Три сестры» была вновь поставлена в этом году парижским театром «Эвр». И этот спектакль пользовался большим успехом у парижского зрителя.

Пикассо (справа) и Элюар на митинге в Польше в 1948 г.

(Газета „Леттр франсез")

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

КНИГА САТИРИЧЕСКИХ РАССКАЗОВ

«Чорт не дремлет» — так озаглавил свою новую книгу рассказов словацкий писатель Петер Карваш, известный в своей стране как прозаик и как драматург. В нее входят наряду с юмористическими зарисовками также и сатирические памфлеты. Газета «Руде право», высоко оценивая книгу Карваша, пишет: «Объектом сатиры Карваша являются не только бывшие оптовые торговцы, жирные домовладельцы, то есть буржуазия, кулачество или другие представители внутренней реакции. Если не считать рассказов, изобличающих преступные действия западных капиталистов, то герои Карваша — это главным образом люди, участвующие в социалистическом строительстве в нашей стране, но, конечно, не лишенные недостатков. Им присущи кое-какие мещанские черты, в их сознании сохранились пережитки буржуазного прошлого, они проявляют себя как бюрократы, иной раз недостойно относятся к общественной собственности, подчас становятся жертвами классового врага. Вот почему такого рода люди с полным основанием являются объектом сатиры».

Разоблачая пороки и недостатки, свойственные героям его рассказов, Карваш делает это отнюдь не злопыхательски. Его рассказы проникнуты оптимизмом, «вытекающим из самой темы и все усиливающимся по мере разрешения конфликта; поэтому при чтении его рассказов испытываешь чувство удовлетворения: общество, которое умеет видеть и критиковать свои недостатки, постепенно сумеет их устранить».

Не отказываясь от присущего сатире заострения некоторых положений, от гиперболизации отдельных черт своих персонажей, Карваш — по мнению «Руде право» — остается на почве реализма и не скатывается до искажающей действительность карикатуры. Язык его рассказов прост и образен. В силу этих качеств сатира Карваша «выполняет задачу, общую для всех видов литературы — задачу социалистического воспитания людей».

ФИЛЬМ, ПОСВЯЩЕННЫЙ ГЕРОИЧЕСКОЙ ЭПОХЕ

Фильм «Ян Гус», поставленный по сценарию Милоша Кратохвила и Отокара Вавры (постановщик О. Вавра), не просто биографический фильм. Это первая часть задуманной большой трилогии, посвященной одной из наиболее величественных страниц героической национально-освободительной борьбы чешского народа — гуситским войнам.

Сюжетной канвой для фильма послужили три последних года жизни Яна Гуса, начиная с его выступления с протестом против

С выставки работ итальянского художника Габриеля Мукки, организованной в Праге. Слева: „Оборона Праги". Масло. 1952 г. Справа: портрет итальянской поэтессы Сибиллы Алерамо. Масло. 1954 г.

(Журнал „Свет в образех")

торговли индульгенциями и кончая его мученической гибелью на костре в Констанце.

Зденек Штепанек, по сообщению газеты «Литерарни новины», с высоким актерским мастерством воплотил мужественную, величавую и обаятельную в своей человечности и простоте фигуру Гуса, показал его тесную связь с народом.

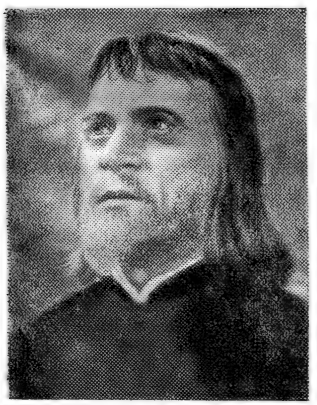
Яркие массовые сцены отображают жизнь чешской бедноты, выступавшей в качестве движущей силы гуситских войн, показывают ее борьбу против могущественнейшего феодала того времени — церкви.

Архитекторы и художники фильма Шквор, Трнка, Сыхра и Сынек воссоздали целые кварталы средневековой Праги, а также интерьеры и костюмы, отразившие колорит эпохи.

В целом этот исторический фильм, по отзывам печати, звучит современно, как и гуситский лозунг «Правда победит!»

Народный артист Чехословацкой республики Зденек Штепанек в роли Яна Гуса.

(Журнал „Свет в образех")



ЮГОСЛАВИЯ

В ТЕАТРАХ СТРАНЫ

Многообразна театральная жизнь Югославии. На сценах Белграда, Загреба, Люблян, Скопле, Сараево, Нового Сада и других городов страны идут пьесы крупнейших югославских классиков и современных драматургов, а также произведения, вошедшие в сокровищницу мировой литературы.

Комедия далматинца Марина Држича «Дундо Марое» была создана и поставлена в Дубровнике еще в 1551 году и с тех пор продолжает оставаться в репертуаре театров страны. В постановке драматического театра Югославии (Белград) бессмертный «Дундо Марое» идет наряду с произведениями классиков сербской литературы прошлого века: «Патриотами» Иована Стериа Поповича, «Перой Сегединцем» Лазы Костича, пьесами классика словенской литературы Цанкара, а также современного хорватского драматурга Крлежи и других.

Драматический театр Югославии создан всего семь лет назад, в 1948 году; однако он уже занимает выдающееся место в театральной жизни страны. В его обширном репертуаре «Король Лир» и «Ромео и Джульетта» Шекспира сменяются «Федрой» Расина, «Антигоной» Софокла, «Овечьим источником» Лопе де Вега и еще многими произведениями мировой драматургии.

На сцене этого театра зрители Белграда увидели и пьесы русских классиков и современных советских авторов. «Таланты и поклонники» Островского,

Бранислав Нушич, „Госпожа министерша".
Исполнительница главной роли Нада Урбан (Сараево).

М. Живанович в роли Егора Булычева
в одноименной пьесе А. М. Горького (Белград).

«Месяц в деревне» Тургенева, «Дядя Ваня» Чехова, «Егор Булычев» Горького, «Любовь Яровая» Тренева — таков далеко не полный перечень пьес, входящих в его репертуар.

Журналы и газеты Югославии регулярно сообщают также и о новых постановках белградских театров; к их числу относится пьеса современного хорватского драматурга Иожи Хорвата «Распродажа совести». Эта пьеса поставлена на сцене Народного театра Белграда и, как пишет журнал «Книжевност», изображает распад старой югославской армии и государства в 1941 году.

В Загребском драматическом театре была поставлена инсценировка повести «Белые ночи» Ф. Достоевского, сделанная Бориславом Мркшичек и Крешал Сидором. Оценивая эту постановку, газета «Книжевне новине» писала: «Загребский театр приложил много вдохновенных усилий для того, чтобы превратить поэтическую ткань Достоевского в драму».

Македонский журнал «Современост» сообщил о премьере оперы «Чио-Чио-Сан» в театре города Скопле.

ЯПОНИЯ

НОВЫЕ СПЕКТАКЛИ ПРОГРЕССИВНЫХ ТЕАТРОВ

В борьбе за национальную демократическую культуру, развернувшейся сейчас в Японии, большое место принадлежит такому популярному и любимому народом виду искусства, как театр. В Японии много талантливых театральных коллективов, активно участвующих в общенародном движении за мир, свободу и национальную независимость.

Среди новых постановок 1955 года нужно отметить интересную пьесу «Красный вязаный жилет» писателя Эйдзиро Хисасака, показанную одним из наиболее известных прогрессивных театров Японии «Хайюдза».

«Красный вязаный жилет» — сатирическая комедия, высмеивающая тех японцев, которые раболепствуют перед «импортной» чужеземной «культурой». В числе действующих лиц корреспондент газеты, презирающий все японское, маклер-спекулянт, в прошлом военный преступник, разорившаяся вдова американократа, пустая, ничтожная женщина; ее любовник — мелкий жулик, — морально опустошенные, разложившиеся люди. Комедия «Красный вязаный жилет» приобретает острое злободневное звучание в условиях современной Японии.

Еще более актуальным является спектакль друго-

«Сэйхай-гэкидан» артистической мо-: пьеса «Ветреной посвященная так мому «делу Мацу- провокационному , организованному нными силами про-бочих, активистов за железнодорож-Возмущение неспра-м судебным при-вылилось в мас-кампанию протеста, ой приняли участие рокие слои япон-рода. Коллектив Сэйхай-гэкидан» от-ся на это событие вкой пьесы «Ветре-ью». Этот спектакль ладом в дело обще-й борьбы за осво-ю узников Мацу-

ет отметить также осуществленную этого года поста-рамы А. М. Горько-аги». Драматургия давно известна . Пьесы Горького и «Мещане» были в Японии еще мировой войны же завоевали общее ие. Теперь японские получают возмож-ознакомиться еще им драматическим дением великого пи-— пьесой «Враги». тельным событием зни прогрессивных ьных кругов и всей тической обществен-Японии явился юби-ого из самых извест-енических коллекти-аны — театра «Дзэн-, отметившего свое тилетие. Продол-развивая традиции ского национально-ого театра кабу-ы «Дзэнсиндза» правдиво воспло-кратическую на-ь лучших пьес го репертуара. ляя постановки яных драм, сто-не сходящих со атра кабуки, кол-Дзэнсиндза» пере-ет их по-новому, раскрывая за-торов. демократическим проникнута в поста-новке театра «Дзэнсиндза» классическая пьеса «Сакура Согоро», названная по имени вожака крестьян, поднявших восстание против своих феодальных угнетателей. В основу пьесы положены подлинные события XVII столетия. Сакура Согоро — реальная историческая фигура. Образ этого защитника угнетенных, казненного феодальными властями, сохранился в сердце и памяти народа; о нем сложены сказания и песни; в сценических образах театра кабуки народный герой обрел новую жизнь. Обращение к этой пьесе не случайно для коллектива «Дзэнсиндза»; в современной Японии пьеса «Сакура Согоро» глубоко созвучна настроениям народных масс и встречает живой отклик у зрителей.

Особый интерес вызывают поставленные театром «Дзэнсиндза» пьесы китайских и корейских драматургов. С огромным успехом прошла пьеса «Цюй Юань» Го Мо-жо.

Впервые в истории классического японского театра была показана корейская драма «Повесть о Чун Хян», написанная по мотивам классической корейской повести XVIII века, широко популярной в Корее. Отмечая значение первой постановки корейской пьесы на сцене японского театра, газета «Акахата» писала о том, что этот спектакль явится «крупным вкладом в дело установления дружественных отношений между Японией и Кореей, в дело укрепления культурных связей между народами Азии».

Многогранная творческая деятельность талантливого коллектива театра «Дзэнсиндза», проникнутая стремлением к миру и дружбе между народами, пользуется заслуженным признанием у японских зрителей.

ИНТЕРЕС К СОВЕТСКОЙ МУЗЫКЕ

Русская классическая и советская музыка приобретает все большую известность в Японии. Японская общественность уже в последнее время ознакомилась в исполнении Токийского симфонического оркестра — одного из лучших в стране — с произведениями Мусоргского, Прокофьева, Шостаковича. Газета «Акахата», оценивая это событие в культурной жизни Японии, подчеркивает, что советская музыка пробуждает у всех, кто ее слушает, чувство высокого гуманизма и любви к миру, «чем, собственно, и объясняется бурно растущий интерес к этой музыке среди японского народа».

„СЕДАЯ ДЕВУШКА" В ЯПОНСКОМ БАЛЕТЕ

Пользующаяся большой популярностью в Японии балетная труппа во главе с известной балериной Кико Мацуяма поставила балет «Седая девушка». Руководитель постановки — видный прогрессивный режиссер Иоси Хидзикама. Либретто балета создано по мотивам китайской народной оперы того же названия. Балет был тепло принят зрителями.

Прогрессивная японская печать отмечает, что сам факт постановки такого балета в сегодняшней Японии уже представляет собой знаменательное явление, свидетельствующее о том, что борьба народов Азии за мир и национальную независимость встречает горячую поддержку со стороны широких кругов японской общественности.

ТЕАТР КАБУКИ ЕДЕТ В КИТАЙ

Китайское общество культурной связи с заграницей официально пригласило японский классический театр на гастроли в Китай.

Предложение это принято. Как подчеркивает печать обеих стран — Китая и Японии,— поездка прославленного японского театра явится плодотворным событием в области обмена культурными ценностями.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Чжао Шу-ли — крупный современный китайский писатель, известный советскому читателю по переведенным на русский язык произведениям «Перемены в Лицзячжуане», «Песенки Ли Ю-цая», «Женитьба Маленького Эр-хэя» и др. Роман «В деревне Саньливань» был впервые опубликован в первых четырех номерах журнала «Женьминьвэньсюэ» за 1955 год. В настоящее время этот роман вышел отдельным изданием в Пекине.

Кришан Чандар (р. 1912 г.) — один из крупнейших современных прогрессивных писателей Индии. Автор рассказов, повестей и романов. Многие из его повестей неоднократно издава. ском языке.

Эрнест Хемингуэй (р. 1898 ный американский писатель. языке вышли романы Хеминг и «Прощай оружие», повесть иметь», пьеса «Пятая колонн ко сборников рассказов. По и море», впервые опублико была удостоена Нобелевской

Вероника Порумбаку — со мынская поэтесса, автор нес ников лирических стихотвор Государственной премии РН

Главный редактор **А. Б. Чаковский.**

Редакционная коллегия:

И. И. Анисимов, М. Я. Аплетин, М. О. Ауэзов, Н. Н. Вильмонт, С. А. Герасимов, С. А. Дангулов (зам. главного редактора), **Т. Л. Мотылева, Л. В. Никулин, С. В. Образцов, С. П. Щипачев.**

Адрес редакции: Москва, ул. Воровского, д. 52, журнал «Иностранная литература». Телефоны Д-5-17-83, Д-5-17-10, Д-5-19-81

Художеств. редактор *М. М. Милославский.* Технический редактор *А. М. Королев.*

Сдано в производство 14/VII 1955 г. Подписано к печати 20/VII 1955 г. А-03869. Учетно-изд. листов 27,6. Бумага $70 \times 108^1/_{16} = 9$ бум. л., 24,9 печ. л., в т/ч 1 вкл. Зак. 333. Изд. . Цена 10 руб.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. 13-я типография, Москва, Гарднеровский пер., 1а.

Цена 10 руб.